Новый Журнал

№309

Нью-Йорк

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 1

THE NEW REVIEW
НОВЫЙ ЖУРНАЛ

Основатели М. Алданов и М. Цетлин – 1942
С 1946 по 1959 редактор М. Карпович
С 1959 по 1966 редакция: Р. Гуль, Ю. Денике, Н. Тимашев
С 1966 по 1975 редактор Роман Гуль
С 1975 по 1976 редакция: Р. Гуль (главный редактор)
Г. Андреев, Л. Ржевский
1976 – 1981 редактор Роман Гуль
1981 – 1983 редакция: Р. Гуль (главный редактор),
Е. Магеровский
1984 – 1986 редакция: Р. Гуль (главный редактор),
Ю. Кашкаров, Е. Магеровский
1986 – 1990 Редакционная коллегия
1990 – 1994 редактор Юрий Кашкаров
1994 – 2005 редактор Вадим Крейд

Восемьдесят лет издания

Кн. 309 НЬЮ-ЙОРК 2022

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 2

Главный редактор – Марина Адамович

Редакционная коллегия:

Марина Гарбер, Ренэ Герра, Елена Дубровина, Мария Рубинс, Александра Смит

Ответственный секретарь – Наталья Бернадская
Редакция: Владимир Гандельсман, Наталья Гастева, Рашель Миневич

The New Review, Inc.:

T.Chebotareva; G.Glinka; M.Jordan; P.Khlebnikov; V.Kreyd; G.Mesniaeff; A.Neratoff; I.Sikorsky; P.Tcherepnine; L.Vulfina, Y.Vulfin, M.Adamovitch.

Обложка художника М. Добужинского

THE NEW REVIEW
№ 309, декабрь 2022
© 2022 by THE NEW REVIEW

Рукописи не возвращаются

Перепечатка материалов «Нового Журнала» без письменного разрешения редакции запрещается. Размещение материалов «Нового Журнала» онлайн без письменного разрешения редакции запрещается.

Редакция не несет ответственность за содержание публикуемых материалов. Авторы несут ответственность за достоверность приводимых ими фактов и цитат.

THE NEW REVIEW (ISSN 0029–5337) is published quarterly by The New Review, Inc., 1216 Broadway, 2nd floor, New York, N.Y. 10001. Periodical postage paid at New York, N.Y. Publication No. 596680. POSTMASTER: send address changes to The New Review, 1216 Broadway, 2nd floor, New York, N.Y. 10001

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 3

СОДЕРЖАНИЕ

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ИМ. МАРКА АЛДАНОВА

Итоги конкурса 5
Алла Дубровская – Аэродром. Повесть 7

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Владимир Батшев – Серым по белому. Роман. Часть 1 53
Влада Баронец – Стихи 170
Елена Севрюгина – Реквием по человеку. Стихи 175
Андрей Иванов – Готланд. Рассказ 181
Василий Львов – Так я зовусь: Часть 1 189
Григорий Марк – Стихи 228
Вадим Гройсман – Стихи 234
Елена Дубровина – О чем молчали звезды. Стихи 238
Андрей Грицман – Граница сна. Короткая проза 241
Анастасия Скорикова – Стихи 248
Инна Девятьярова – Стихи 252
Гарри Лайт – Стихи 257
Елена Тверская – Просветы в небе. Стихи 262
Ирина Машинская – Несколько слов о стихотворении Элизабет Бишоп «Петухи» 265
Элизабет Бишоп – Петухи. Стихотворение (*Переложение на русский Ирины Машинской*) 270

ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

В. Хазан, М. Васильева – Переписка Владимира Варшавского и Владимира Сосинского 275
Переписка В. Варшавского и В. Сосинского (*Публ. – В. Хазан, М. Васильева*) 280
Г. Пономарева, Н. Синдецкая – Юрий Иваск и Николай Гронский 308
Юрий Иваск – Певец пика Мадонны (1936) Памяти Николая Гронского (1935) (*Публ. – Г. Пономарева, Н. Синдецкая)* 316
Полина Брейтер – «Я всегда был счастливым...» К 100-летию Б. Чичибабина 324
Борис Чичибабин – Письма к П. Брейтер 1976–1991 годов 330

ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА. ЛИТЕРАТУРА

Людмила Улицкая – Интервью «Новому Журналу» 350
СловоНово: Русскоязычные медиа – иммиграция 2022-го 355
Лесли Чемберлен – Удивительная история советского Спинозы 377

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 4

К 80-ЛЕТИЮ «НОВОГО ЖУРНАЛА»

Ренэ Герра – Памятные встречи 385

БИБЛИОГРАФИЯ

Виктор Леонидов – *Ю. В. Мандельштам*. Эссе. Литературная критика. Письма. 1932–1941; ***Юлия Баландина*** – *Наталья Червинская*. Маргиналы и маргиналии; ***Геннадий Кацов*** – *А. Кан.* Главные песни XX века. От Дикселенда до хип-хопа 396

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Памяти Р. В. Полчанинова (1919–2022) 407

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 5

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ
имени Марка Алданова

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ИМ. МАРКА АЛДАНОВА посвящена памяти Марка Алданова (1886–1957), выдающегося писателя русской эмиграции, одного из основателей «Нового Журнала». Премия утверждена во имя сохранения и развития традиций русской литературы в контексте мировой культуры и призвана поддержать писателей русскоязычной диаспоры, живущих в рассеянии по всему миру. Премия присуждается прозаикам, создающим свои произведения на русском языке и живущим вне Российской Федерации.

В 2022 году в конкурсе на соискание звания лауреата принимали участие прозаики Русского Зарубежья из Беларусии, Грузии, Израиля, Казахстана, Канады, США, Швейцарии, Швеции, Эстонии. Особенно активно участвовали писатели США.

ШОРТ-ЛИСТ ПРЕМИИ (в алфавитном порядке):

Полина Брейтер (США) – «Дороги»
Алла Дубровская (США) – «Аэродром»
Леонид Левинзон (Израиль) – «Один месяц март»
Валериан Маркаров (Грузия) – «Мулета и мантилья»
Бенцион Парзен (Швейцария) – «Сыновья царя Менаше»

Решением членов жюри Премии призовые места распределились следующим образом:

1-е место:
«Аэродром» – Алла Дубровская (США)
2-е место:
«Один месяц март» – Леонид Левинзон (Израиль)
3-е место:
«Мулета и мантилья» – Валериан Маркаров (Грузия)

Всем лауреатам будут высланы дипломы и подарена бесплатная подписка на «Новый Журнал» на 2023 год. Тексты лауреатов будут опубликованы в «Новом Журнале» и на сайте журнала.

Корпорация, редакционная коллегия и редакция «Нового Журнала» поздравляют лауреатов Литературной премии им. Марка Алданова и желают им новых творческих успехов!

Членами жюри в 2022 году были: Марк Уральский, литературовед, историк, журналист, публицист (Германия); Алла Ройланс, Specialized Research Services / Russian and Slavic Studies, NYU (США); Антонина Буа, известный американский переводчик русской художественной прозы (США) и главный редактор «Нового Журнала» Марина Адамович (США).

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 6

ПРИЕМ РУКОПИСЕЙ

на конкурс «Литературная премия им. Марка Алданова. 2023»
с 1 марта до 30 июня (включительно) 2023 года.

Принимаются рукописи только от авторов, живущих вне пределов Российской Федерации.

Рукописи, присланные на конкурс, не должны быть опубликованы (в том числе – он-лайн, литературные сайты).

Принимаются только тексты на русском языке.

Жанр – короткая повесть.

Рукописи принимаются в электронном виде (формат Microsoft Word).

Электронный адрес: newreview@msn.com

Оргкомитет просит участников указывать свой обратный почтовый адрес. Итоги конкурса будут объявлены в сентябре 2023 на сайте НЖ. Лауреаты награждаются дипломами корпорации «Новый Журнал» и получают бесплатную годовую подписку на «Новый Журнал».

С историей проекта можно ознакомиться на сайте НЖ: www.newreviewinc.com (ПРОЕКТЫ. ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ им. МАРКА АЛДАНОВА).

Оргкомитет Премии им. Марка Алданова

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 7

Алла Дубровская

Аэродром

В семейном общежитии летчиков аэродрома «Травяны» встречали новый 1957 год. Стол накрыли в Красном уголке, откуда полгода назад незаметно вынесли бюст вождя. В образовавшийся просвет перед самым праздником поставили елку. Гуляли шумно и весело. Натащили на стол кто во что горазд. Старый год проводили, хлебнув из граненых стопок «Массандры»*. Год был високосным, значит, несчастливым, но кто помнит про старое, разливая Советское шампанское в эмалированные кружки? Под бой курантов с далекой башни Кремля выпили игристый напиток, наполнивший радостью молодые сердца, перецеловались под гимн Советского союза, хотя к такому действию он вроде и не располагал. Потом пошла картошечка с солеными грибками – благо летом грибов на аэродроме хоть косой коси. Никто не отказался и от холодца.

Накануне Нового года авиамеханики Ковалев с Борисовым привезли из соседнего села «Травянского» забитого поросенка. Студень поставили вариться с утра на электрической плитке, к обеду мясной дух разнесся по всему общежитию. Унюхав добычу, в кухню завалилась комендантша общежития, баба злющая не только по должности, но и по призванию.

– Это что тут у вас? – завопила она с порога. – Перерасхода электричества не допущу!

Напугать никого не напугала, но связываться с ней было некогда. Анечка Борисова, жена авиамеханика, захлопала глазами на круглом веснушчатом лице:

– Ой, Клавдия Иванна! С Наступающим! А мы тут поросеночком разжились! – и, понятное дело, две ножки, припасенные на Старый Новый год, в газетку завернула и комендантше под мышку сунула. Та сразу сбавила обороты:

– А чё вы, девки, плиту не топите?

– Дак она дымит, печника дозваться не можем. Вытяжка не тянет. Как бы нам тут всем не угореть к празднику-то!

---

* «Массандра», «Шило» – есть и другие варианты названия спирта ректификата, используемого в качестве противообледенителя в самолетах Ту-4 и Ту-16.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 8

Голос у Анечки подобострастный, а сама она голову от комендантши отвернула и девкам подмигивает, скоро, мол, ты, Клавдия, уйдешь отсюда?

Та еще потопталась на кухне для порядка, как бы не заметила цистерну с керосином в неположенном месте, заглянула в Красный уголок и полюбовалась елочкой. Придираться не стала, да особенно и не к чему было. Так с газетным свертком под мышкой и удалилась. А студень к вечеру разлили по мискам и втиснули на часок между оконных рам. Прихватило сразу по причине стоявших морозов. Теперь он на столе, подернутый тонким слоем жирка с половинками крутых яиц, выглядывающих из прозрачных просветов.

Еще и часу ночи не было, как старлей Генка Овсянников развернул аккордеон и затянул приятным баритоном «Есть город, который я вижу во сне». Из летного состава аэродрома в Одессе никто не бывал, но песню любили, подхватили припев и слегка загрустили от воображаемой красоты. Песни Утесова вся страна знала наизусть, они неслись из черной радиотарелки, подвешенной в каждом доме, помогая «строить и жить», но сильно грустить сейчас никому не хотелось. Хотелось танцевать. Тем более, что на краю стола красовался раскрытый патефон – король всех вечеринок и сабантуев, а на табуретке разместилась картонная коробка с грампластинками Апрельского завода в конвертах. Капитан Артемьев закрутил до отказа ручку патефона:

– Ну, други, что поставить? – и зачем спрашивать, когда игла уже скользит по дорожке крутящейся с легким шипением пластинки.

«Я вам песенку спою про пять минут! – пообещала молоденькая Люся Гурченко. – Пять минут! Пять минут! Бьют часы на Спасской башне!»

Подскочили все, даже жена замполита Зыкова на седьмом месяце беременности. Муж осторожно повел ее в слегка замедленном темпе, избегая столкновений с кружащимися парами. Потом перешли на фокстрот и любимое всеми танго. В комнате накурили. Стало душно. Зыкову пришлось увести усталую жену, а когда он вернулся, танцевала только одна пара: неугомонная Нонка Ковалева с капитаном Артемьевым. Зыков отыскал глазами старлея Ковалева, ему, как замполиту, приходилось следить за соблюдением порядка в семьях летчиков. Разгоряченный Ковалев оживленно говорил что-то соседу по коридору летчику Петренко. «Корзинщиков, знаешь, что пишет? – донеслось до замполита. – Настоящий летчик-испытатель должен свободно летать на всем, что только может летать, и с некоторым трудом на том, что не летает!» Подвыпившая Анечка Борисова игриво зыркнула в сторону замполита: «Так у нас Петренко готов летать на

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 9

всем, что только может догнать!» Петренко, сидевший к ней спиной, намека то ли не понял, то ли не расслышал. Его недавно перевели в «Травяны» из «Можайского» за аморалку, жена с ним не поехала, а подала на развод. В семейном общежитии ему выделили койку в комнате на пару с другим холостым летчиком, и Зыков слегка опасался, что Петренко рано или поздно оправдает характеристику, данную в рапорте. «Как бы он тут у нас снова ‘ходоком’ не стал», – затревожился замполит. «Анечка, – подсел он к Борисовой, – ты за ним поглядывай там. Ну мало ли что, сама понимаешь.» Та с готовностью тряхнула русой челкой: «Не волнуйся, Сан Саныч! Проследим и всё как надо оформим». Да как же не волноваться, когда даже Нонка Ковалева вызывала у него беспокойство. Уж больно хороша она в приглушенном свете Красного уголка, где выключили верхнюю лампочку и зажгли разноцветные гирлянды на елке. Артемьев так и вьется вокруг нее, а в медленных танцах явно прижимается. Вот Нонка что-то сказала ему на ухо, и тот, сломя голову, кинулся ставить новую пластинку. Чем там дело кончилось, Сан Саныч доглядеть не дали, подсевшие офицеры налили ему родной «Массандры» и, крякнув, он опрокинул стопарик за всё хорошее в наступившем 1957 году.

Голос Гелены Великановой, пробиваясь через облако папиросного дыма, зазвенел под желтым от протечек потолком:

Ах, Мари всегда мила,
Всех она с ума свела.
Кинет свой веселый взгляд –
Звезды с ресниц ее летят.

Нонна Ковалева была женщиной крупной, с высокой грудью и крепкими мускулистыми ногами, но сейчас ей хотелось быть маленькой Мари, которая не умеет стряпать и стирать, зато умеет петь и танцевать, хотя, в отличие от веселой француженки, Нонка всё это умела. К восхищенным взглядам мужчин она привыкла, и эти взгляды были необходимы ей, как свежий воздух. Да и как было не восхищаться такой красотой: остренький носик, ладно сидящий на тонком с высокими скулами лице, каштановые волосы, волной спадающие до плеч, мягкий овал лица. Родинка на подбородке и большой чувственный рот придавали ей сходство с какой-нибудь голливудской звездой, о чем она, впрочем, даже не подозревала, но зато нарисованные полукругом брови на месте своих густых и выщипанных были предметом ее неустанного внимания и забот. Мода на такие полукруги в Москве давно прошла, но что знает провинция о столичной жизни? Ровным счетом ничего, да и откуда ей знать? А Нонка была

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 10

родом из провинции уральской, из города Оренбурга, переименованного в город Чкалов, где она встретила бортмеханика Сергея Ковалева, прибывшего на курсы повышения квалификации в местное авиационное училище. В училище это, в поисках женихов, ломились на танцы все местные девушки. Бегала туда и Нонка. Отбоя от ухажеров у нее не было, но она выбрала Ковалева, не такого уж и красавца с виду, а почему, никто не знал, кроме нее самой. Серега родом был из Ленинграда, где в коммуналке на Кирочной жила его мама, которую он время от времени навещал, а Нонка Колениченко лет с шестнадцати мечтала выбраться из скучного захолустья. Ну не в Москву, так в Ленинград. К тому же отчим, потерявший на войне ногу, стал поглядывать на подрастающую падчерицу тем самым, знакомым ей взглядом, а однажды даже попытался прихватить ее в тесной проходной комнате. Рука у Нонки была крепкая, с мозолистой ладонью, натренированной в дворовом волейболе. От затрещины отчим не удержался на ногах: одна все-таки была деревянная. Поднимать его Нонка не стала, а выскочила из дома, хлопнув дверью. Злобу он, конечно, затаил, но срывался по любому поводу. Пропадая у подружек, Нонка старалась быть дома как можно реже. Училась она неплохо, закончила десятилетку с хорошими оценками и надумала ехать поступать в Свердловск, если не в институт, то в техникум, а если никуда не получится, устроиться на работу, да хоть в привокзальный буфет. И поехала бы, но ее мама заболела раком и, промаявшись два года от невыносимых болей, умерла. Так Нонка осталась с отчимом. Жили они на его пособие по инвалидности. Кое-что перепадало от соседок, которым она перешивала старые платья, научившись строчить на маминой подольской машинке. Бессонными ночами из окна комнатенки ей был виден проносящийся в темноте сверкающий огнями курьерский поезд. Она слышала его протяжный, выворачивающий душу гудок, зовущий уехать прочь, подальше отсюда, чтобы никогда не возвращаться назад. Подвернувшийся Сережа Ковалев был парнем добрым и веселым. В Нонку он влюбился с первого взгляда и, представив, как все летчики в полку будут ему завидовать, сделал ей предложение. Они расписались в Чкаловском районном загсе и в тот же день уехали по месту его назначения.

В семейном общежитии летного состава аэродрома «Травяны», а попросту в бараке на шестьдесят человек, супруги получили комнату, из которой выселили двух холостых офицеров младшего звания. Ковалев внес туда чемоданы и подольскую швейную машинку в деревянном кофре. Нонка сдвинула железные кровати, взбила подушки и накрыла их первое семейное ложе казенным жестким одеялом. А уже вечером к ним в комнату набилось столько людей, что пришлось

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 11

открыть дверь в длинный коридор. Было шумно и весело. Пили, закусывали чем бог послал, – а послал он картошку с томатным частиком и кое-что еще. От командного состава Ковалевым подарили патефон. Так шумно и весело началась их совместная жизнь.

Гости разошлись за полночь, Нонка рассчитывала отоспаться на следующий день, но ее рано разбудили голоса и шаги за дверью. Заспанная, в застегнутом не на все пуговицы халатике, она вышла в длинный коридор, по которому деловито сновали люди: военные в линялых майках и галифе со спущенными подтяжками, их жены во фланелевых халатах или спортивных трико. Спросонья Нонка сунулась было в умывальную комнату, но увидев там мужчину, испуганно отпрянула. «Вам дальше по коридору, Нонночка!» – повернул к ней лицо в белой пене приготовившийся бриться капитан Артемьев. Красота жены старлея Ковалева снова резанула его по сердцу. Весь прошлый вечер он не отводил от нее восхищенных глаз: такие красавицы еще не залетали в его гарнизонную жизнь. Ковалев, может, жену и ревновал, но понимал, что шансов у капитана нет, а всё потому, что тот был местным из Перми и не знал, что Нонка привезла в чемодане старый «Огонек» с фотографией фонтана «Самсон» в Петергофе, который Ковалев обещал ей показать, когда переведется в Ленинград. Он и сам давно хотел служить поближе к родному дому, но судьба военного человека мало зависит от его желаний. К тому же в армии начались перемены и пока было непонятно, чего ожидать от лысого толстяка. Ну а что Артемьев? Да пусть покрутится возле Нонки, понабивает мозоли в новеньких сапогах со скрипом.

Артемьев и крутился. В новогоднюю ночь, распространяя запах одеколона «Кармен», он не отходил от нее ни на шаг. Без передыха они перетанцевали все пластинки из коробки. Время от времени кто-то присоединялся к танцующим, но часа в четыре утра Генка Овсянников снова взял аккордеон в руки и тут выяснилось, что всем хотелось петь. Спели «Синий платочек», «Темную ночь», «Молдаванку» и много чего еще, а когда Генка остановился на минутку, чтобы опрокинуть стопочку и с хрустом закусить соленым огурчиком, кто-то вдруг затянул тихим бабьим голосом:

Ох, не растет трава зимою,
Поливай – не поливай,
Ох, не придет любовь обратно,
Вспоминай – не вспоминай!

«Ну все! – наморщила носик Нонка. – Выступает Уральский народный хор». Сказала она это тихонько, но муж заметил ее недо-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 12

вольный носик и поманил рукой к себе. Мол, хватит крутиться, посиди с законным супругом. Нонка с готовностью подсела и приобняла его за плечо: «Спать-то пойдем, Сережа?» Они бы, может, и пошли, но тут дверь отворилась и на пороге появилась Анечка Борисова с блюдом пельменей, только что снятых с пылу с жару керосинки.

– А ну, братва, налетай!

Братва налетела. Выпили еще, стали шутить про полное пузо, которое сейчас лопнет. Нонка что-то зашептала на ухо мужу. Скажем сразу, даже красавицам приходится справлять нужду, а с этим в общежитии, не к столу будь сказано, с наступлением морозов случилась проблема: где-то на подходе к дому рвануло подземный водопровод. К счастью, на улице осталась колонка, а во дворе сохранилась дощатая постройка с истершимися буквами «М» и «Ж» на заборе, прикрывающем от нескромных глаз двери с противоположных сторон, за которыми можно было заглянуть в вонючую пустоту сквозь обледеневшие дырки. Чтобы добежать туда по тридцатиградусному морозу, Нонке пришлось основательно утеплиться. Сергей принес ей валенки, оренбургский платок и шубку. Он и сам накинул тулуп на плечи и вышел на крыльцо дожидаться жену да еще несколько присоединившихся к ней соседок.

Новогодняя ночь выдалась звездной и будто прозрачной от стоявших морозов. В соседнем «Травянском» гуляли. Оттуда доносился смех, играла гармошка, из раскочегаренных печек тянуло дымом. Ковалев достал из портсигара папиросу, по привычке постучал ее пустым концом по серебряной крышке, чиркнул спичкой и с удовольствием закурил. Не успел он затянуться второй раз, как за его спиной скрипнула дверь. На крыльцо вышел уже изрядно набравшийся капитан Артемьев. И тут Серега, в общем-то парень дружелюбный, выкинув плечо вперед, костяшками пальцев, сжатых в кулак, вдарил капитану прямо в подбородок. Не ожидавший такого приема от младшего по званию, капитан рухнул. Неизвестно, чем бы дело кончилось, если бы из-за двери не выскочил, почуявший неладное, Сан Саныч.

– А ну! Отставить! – гаркнул он на старлея.

– Да капитан поскользнулся, – спаясничал Ковалев.

– Я тебе, б-дь, поскользнусь! Под арест захотел? – Зыков помог подняться капитану. Тот заметно размяк то ли от удара, то ли от выпитого спирта и вовремя дал себя увести, потому что по снегу уже скрипели валенки возвращающихся из дощатого сарая товарок.

– Ты чего это тулуп скинул? Жарко стало? – проявила заботу о муже Нонна.

– Пошли спать, – пропустил ее замечание Ковалев.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 13

* * *

За год до окончания войны возле поселка «Травянское» пригнанный с Каменск- Уральского бульдозер расчистил небольшое поле, простоявшее пустым до весны. Потом грузовики в несколько ходок привезли кирпичи и бригаду строителей: замотанных в платки баб и прораба в ватнике и ушанке. На краю поля вырос домик и еще кое-какие постройки. Когда сошел снег и подсохла весенняя грязь, на поле приземлился самолет, прозванный в народе «кукурузником», впрочем, это был не легендарный У-2, а «Поликарпов»* с закрытой пилотской кабиной. Деревенские вокруг поля не шастали, но его пришлось обнести колючей проволокой после того, как летом туда забрело стадо коров и посадка «кукурузника» закончилась гибелью пассажира, неизвестно за какой надобностью прилетевшего в «Травяны». Пилот выжил, но «Поликарпова» разнесло в куски. Расследовать это происшествие приезжала комиссия из Свердловска. Пастуха, оставившего стадо без присмотра, посадили, а поле после войны превратили в настоящий аэродром: его расширили и выровняли, уплотнили грунт и проложили взлетно-посадочную полосу. Зона, близлежащая к аэродрому, стала закрытой, зато ожил поселок: в нем появились военные с голубыми околышами на фуражках, а в небе то и дело кружили самолеты, идущие на посадку или берущие разворот на выполнение неведомых селянам заданий. Впрочем, поселковые мальчишки, задрав голову, без труда распознавали «Аннушек»**, а в одно прекрасное утро над соседним с аэродромом поле раскрылось несколько парашютов. Шпионов и врагов народа по тем временам хватало, об учебных прыжках селяне не распространялись. Прыгают – и ладно! Так шли годы. Аэродром рос, говорят, заботами «Маршала Победы», командовавшим в то время Уральским военным округом. Рядом с «Травянами» выстроился военный городок, а в небе появились Ту-четвертые. В округе привыкли и к шумному соседству, и к свадьбам местных красавиц с заезжими летчиками. Часто до поселка доносился отдаленный гул каких-то взрывов. Привыкли и к этому. Обстановка в мире такая: требует постоянной готовности к отпору врагам. Скрывай не скрывай, народ разузнал и про полигон, и про то, что на аэродроме тренируют штурманов из Челябинского училища и что, обучившись, разлетаются эти штурманы во все стороны безграничной нашей родины. А ведь после смерти вождя народов «Травяны» снова могли обратиться в поле, заросшее полынью. У аэродромов тоже есть своя продолжительность жизни, и зависит она от передряг в закоулках власти, а уж об этом в поселке знать никак не могли.

---

* Самолет По-2Л

** Самолет Ан-2

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 14

Первое утро нового 1957 года в общежитии было тихим. Изредка хлопала входная дверь за спешащим во двор «по нужде», да в кухне из приглушенной радиотарелки неслись патриотические песни вперемешку с последними известиями. Люди отсыпались после праздничной ночи, и только замполиту Зыкову ни поспать, ни опохмелиться не пришлось: в восемь утра кто-то стукнул в его дверь.

– Кто? – коротко спросил он, подняв голову с подушки.

– Товарищ капитан, я за вами.

– Саш, ну хоть огурчик возьми, хлеба отрежь. Совсем не поевши поедешь, – забеспокоилась его супруга.

– Ты спи, Тоня. Не волнуйся, я, может, вернусь через часок.

Пока посланный за замполитом сержант гнал газик по накатанной дороге навстречу вставшему над горизонтом зимнему солнцу, Зыков сидел прижмурившись на переднем сиденье и гадал, за каким таким делом его подняли в выходной ни свет ни заря. Долго думать не пришлось, уже через двадцать минуть перед газиком раскрылись ворота КПП с красными звездами на створках. Дежурный по части с помятой физиономией доложил, что на вокзале в Каменск-Уральском патрульной службой был задержан рядовой Садыков, приписанный к воинской части «Травян».

– Садыков, Садыков… не припомню такого. Это кто ж такой?

– Да чурка. Ушел в самоход перед Новым годом.

– А где ротный-то? – удивился Зыков.

– Капитан Архипов в госпитале.

Теперь понятно. Ротный заболел, и замять самовол не удалось, а реагировать по нынешним временам полагалось быстро, не затягивая с разбирательством и мерами. Значит, от Зыкова ожидали рапорта.

– Ну ты это… полегче с чуркой.

– Виноват, товарищ капитан. Допрашивать задержанного будете?

– Приведите, – кивнул Зыков.

В комнате было жарко натоплено, Сан Саныч снял шинель и сел за голый письменный стол. В животе у него забурчало. Сейчас бы опрокинуть сто грамм, закусить и придавить подушку часок-другой. Не получится.

Рядовой Садыков являл собой жалкое зрелище: неказистый, маленький, в длинной, как юбка, гимнастерке и в галифе, висящих мешком. Зайдя в комнату, он вытянулся по уставу, но с виноватым и пришибленным видом.

«Господи, это где ж таких несчастных делают?» – жалостливо промелькнуло у Зыкова, пока он разглядывал задержанного Садыкова. Прихватили его на вокзале: то ли в самоход подался, то ли

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 15

драпануть решил, да ума, видать, не шибко много, а денег и того меньше. Четыре рубля. И как такой Садык добёг до Каменск-Уральского? Собственно, это и должен был выяснить замполит.

– Рядовой Садыков, вы понимаете, на каком основании вас задержал патруль? – начал дознание Зыков.

Садыков заморгал, но на вопрос не ответил. Так и стоял, вытянувшись шеей из подворотничка. Почему-то Зыков знал, что подворотничок этот грязный, а подштанников у рядового могло и не быть совсем.

– Присягу принимал?

– Так точно, товарищ капитан. Прынимал.

– Что такое воинская служба, знаешь?

– Почетная обязанность гражданына СССР, – отбарабанил Садыков. Видать, слова присяги в него вбили надолго, если не навсегда.

– На политзанятия ходил?

– Ходыл, товарищ капитан.

– Что за самовольную отлучку из распоряжения части бывает, знаешь?

Садыков молчал.

– Почему ушел? Случилось что или как?

Садыков молчал.

– Ты сам-то откуда? – может, с ними надо по-хорошему, с народами этими?..

– Из Алма-Аты, товарищ капитан.

– Давно призвался?

– В сэнтябре.

– Тебе родина доверила аэродромное обеспечение полетов, а ты что? Решил драпануть с воинской службы? В тюрьму захотел?

Садыков сглотнул, кадык передернулся на его торчащей шее.

– Чего молчишь? Я тебя под трибунал отдам! В штрафбат пойдешь, понял?

Тут замполит перегнул. Садыкова словили уже на второй день «ходки» и никаких доказательств его дезертирства не было. Могла быть обычная «самоволка». Мало ли что там у них во взводе случилось. Лишь бы не дедовщина. Тогда разборки пойдут. Почему да как. Следов побоев на Садыкове, кажись, нет. Или есть? Пятна на шее то ли от грязи, то ли еще от чего. Незлобивый по натуре Сан Саныч по долгу службы должен был строго реагировать на любое происшествие в его подразделении. По неуставному соглашению дело надо было замять, разобраться на месте, чтоб оно не пошло дальше в полк и не испортило показателей политруку и ротному командиру. Может, сто грамм, принятых с утра, и прибавили бы Зыкову сил для более

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 16

энергичного расследования, но насухую «воодушевления» явно не хватало.

– Ну, а до города как добрался?

– Попутка подвезла.

«Скорее всего, не врет», – подумал Зыков.

Ему всё больше становилось жалко рядового.

– А куда дальше собирался?

Тут Садыков захлопал глазами, не пуская слезы наружу.

– У тебя ж всего четыре рубля при себе было. До Алма-Аты не хватит доехать. Это что ж, всё твое денежное содержание?

– Никак нэт, товарищ капитан. Содэржание было двадцать рублей.

– Во как! Куда ж пятнашка подевалась?

– Сержант забрал. Говорит, тебе и пятерки хватит. А я свинину есть нэ могу. Еще какой другой еда хотел купить, потом вернуться. Автобус не нашел, попуток не нашел. – Он помолчал, переступил с ноги на ногу и добавил:

– На вокзал спать пошел.

– Так ты что, верующий? Свинину есть не можешь?

– Почему верующий? Мусульманин я. Нам свинина – «чучка», есть нельзя.

Ну да. Точно. Подсобным служащим выдали перед Новым годом сухим пайком консервы свиной тушенки. Свои банки Садыков, скорее всего, загнал. У замполита аж засосало под ложечкой, так ему захотелось намять картошечки с тушенкой. В его голове уже составился рапорт, что-то типа «самовольный уход из части в целях покупки продуктов в силу отказа от употребления свинины из религиозных соображений». С рекомендацией пяти суток ареста на гауптвахте за нарушение воинского устава. А что делать с тем, что деньги у рядового отобрал сержант? «Нехай в роте разберутся», – заторопился замполит.

Он еще немного помурыжил Садыкова, но как-то вяло и без вдохновения: предстояла отчетная писанина, а этого Зыков делать не любил. Он уже написал слово «Рапорт», когда в дверях вырос дежурный по части:

– Товарищ капитан, к телефону!

«Никак Особый отдел проснулся!» – крутанулась единственная мысль у Зыкова. И точно! Особист Кошкаров был человеком напористым, что не удивительно при занимаемой им должности, но напористость эта была с некоторой примесью осторожности, позволившей ему пережить ушедший год, наполненный сложными политическими катаклизмами. Никто из состава летного полка не знал, да и не хотел

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 17

знать, чего стоило майору Кошкарову удержаться на месте, когда многих его сослуживцев снесло вихрем, закрутившимся в Москве под названием «разоблачение культа личности Сталина». Волнений добавили события в Венгрии, после которых особистам пришлось снова усиливать бдительность на доверенных партией участках. В голове Кошкарова усиление бдительности трудно совмещалось с разоблачительным пафосом секретного доклада Хрущева на Двадцатом съезде. Впервые в жизни перед ним стояла дилемма: «закрутить или ослабить?» Вот и Зыков казался ему ненадежным. Что он там долдонит «самоход да самоход»?

– А если вот такой дезертир Садыков, да еще и мусульманин, подберется к хранилищу с горючим? Ты подумал, что он может натворить? – злобно перебил капитана Кошкаров.

– Да куда ему? – не согласился Сан Саныч. – Чурка она и есть чурка. Виноват. Представитель национального меньшинства. Казах. Он с лопатой и метлой работал. Посидит на губе, поймет, что в самовол ходить нельзя. Ну а если не поймет, пойдет под трибунал. У них там в роте факты неуставных отношений на лицо. Надо бы расследовать, товарищ майор.

– Сигнал был?

– Официально не поступал, но Садыкова обобрали. Я ему верю.

– И что мне твоя вера? К делу ее пришить? Неуставные отношения в Советской армии на руку американскому империализму. Всё понял?

Так точно. Капитан всё понял и как надо написал. Вот, может, рядовой Садыков скрыл, с какой целью ушел из части. Может, он не жрать хотел, а хотел взорвать хранилище с горючим на территории части… Замполит передал дело в военную комендатуру. Там после праздников разберутся. Если при этом он и задумался о судьбе рядового, то ненадолго.

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор», – орало радио на кухне общаги под шипение десятка сковородок. Запах подгоревшего сала мешался с запахом ваксы и одеколона «Шипр». Хлопали двери, скрипели половицы под начищенными сапогами. На второй день нового года морозы немного спали и аэродром ожил, хотя полетов не предвиделось. Многоголосая гурьба забилась в автобус, пришедший за летчиками. Немного подождали Артемьева, у которого не завелся мотоцикл, и покатили в сторону КПП. Промерзший автобус дребезжал расписанными белым узором стеклами окон. От теплого дыхания людей они начали оттаивать. Никто не обратил внимания на занимающуюся зарю, бледнеющие звезды на чистом январском небе, подрагивающие вдали посел-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 18

ковые огоньки. Разговоры то и дело прерывались смехом и не потому, что отпущенная кем-то шуточка была такой уж остроумной, а просто настроение у всех было радостное. Приподнятое. Хотелось жить. Точнее, никто не думал о том, что может умереть. Кто-то успел закурить, кто-то просил шофера проехать мимо ларька: вдруг Ираида уже открыла свой «васисдас». Хорошо бы прикупить пару бутылок пива. Кто-то поспорил на пять щелбанов, что пива у Ираиды нет, даже если она и открыла ларек. «Чем же ей тогда торговать?» – удивился третий. Дело разрешилось само собой: Ираида «не открылась», тропинку к ларьку занесло еще прошлогодним снегом. Легкое разочарование не застоялось, а перешло в обсуждение всевозможных вопросов, главным из которых был: погонит ли начальство с утра на политинформацию или даст заняться делом. Люди были свои. Некоторые вольности проходили без одергиваний с напоминаниями о том, что и как положено советскому офицеру. И снова всё разрешилось само собой, когда дневальный на КПП направил прибывших в Ленинскую комнату, где уже толпился народ. Там все шумно перездоровались и, озираясь, в каком-то праздничном возбуждении поплюхались на свободные места, приготовившись выслушать очередную сводку об агрессивных планах мирового империализма. Но политинформация так и не началась. Вместо лектора в комнату стремительно вошло начальство аэродрома. Все притихли, почувствовав значительность момента.

– Товарищи офицеры, – командирский голос полковника Малышева разнесся в наступившей тишине. Сегодня в «Травяны» прибывает генерал-майор авиации Захарченко. Цель визита – инспекция общего состояния аэродрома. Не скрою, это важный для нас день. Будут учтены все просчеты, если таковые обнаружатся. Полетов на сегодня не запланировано, но самолеты, летный состав и обслуга должны проявить готовность к любой ситуации под полную, подчеркиваю, полную ответственность командиров подразделений. Вопросы?

И тут же рубанул:

– Нет вопросов. Все по своим местам.

Новость была, прямо скажем, не духоподъёмной. И не только потому, что любая инспекция чревата неприятностями, а еще и потому, что даже сюда, в уральскую глухомань, доходили слухи о желании Хрущева позакрывать большую часть военных аэродромов за ненадобностью. Люди расходились молча.

– Копец «Травянам», – сплюнул в сугроб Ковалев и зашагал по скрипучему на морозе снегу в сторону стоянки самолетов. Рядом перебирал ногами Зыков. Он с завистью глядел вслед летчикам, обу-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 19

тым в унты. Замполит был «нелетающим», такой обувки ему не полагалось. Жена уговорила Сан Саныча надеть чертовы валенки. Теперь неудобно будет, если попадется на глаза генералу. Зыкова распирало поделиться с кем-нибудь грустными мыслями. А с кем? Доверять свои опасения нельзя никому. У механиков есть специальность, они могут работать на гражданке, туда же пойдут и летчики, а куда податься работнику идеологического фронта? Разве только лектором в Дом культуры, читать политинформации об организации ПВО в условиях применения массового атомного оружия. И жена на сносях. Дождались, наконец, первенца, а тут, не дай бог, демобилизация. Враз выпрут из общежития. Сан Саныч так задумался, что чуть не попал под снегоочиститель. Шофер коротко просигналил два раза и обдал Зыкова снежной волной.

– Да что ж ты делаешь? – возмутился замполит.

Выяснять отношения было некогда. Кое-как отряхнувшись, он засеменил к Вышке*. Спроси его, зачем? Сам не знал. Делать ему там по должности было нечего, но тянуло туда, в самый центр аэродрома. Серьезные люди в Вышке едва кивнули Зыкову. Он тихонько присел в сторонке. Судя по всему, «Травяны» продолжали жить положенной им жизнью. Это успокаивало растревоженное сердце Сан Саныча. Инженерная служба по радиосвязи докладывала о наледях на ВПП**, о состоянии грунта, коэффициенте сцепления. Техника, рабочая сила… «Солдатиков с лопатами нагнали, вот тебе и техника с рабочей силой», – хмыкнул про себя Зыков.

– Радушный, я – Радушный. Дайте прогноз на сегодня, – запрашивал сводку погоды диспетчер. Метеоролог обещал «миллион на миллион»*** при 25-28 градусов мороза с усилением ветра во второй половине дня.

– Направление ветра, дайте направление ветра…

Ждали доклада о готовности к полетам. Зыков взглянул на часы: «ЭМПешки**** уже подогнали к самолетам. Часа два на разогрев уйдет. Потом заправка. Надо бы пойти взглянуть». С оттаявших валенок Зыкова натекла небольшая лужица, когда он собрался, наконец, уходить.

А утро меж тем выдалось прекрасное: ни одного облачка на небе, озаренном холодным зимним солнцем. Аккуратно прикрыв дверь,

---

* Вышка или СКП – стартовый командный пункт

** ВПП – взлетно-посадочная полоса

*** Видимость более 10 км

**** Автомашины или специальные печки МП используются в авиации для подогрева моторов самолета и кабины летчика.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 20

чтоб холод не пробрался к диспетчерам, он аж замер на пригорке, залюбовавшись видом открывшегося аэродрома. «Картина маслом! Айвазовский!» – выразил свой восторг замполит. Не то, чтобы это был единственный художник, которого он знал. В его комнате в общаге висела репродукция «Трех богатырей», но даже такое ограниченное восприятие прекрасного подсказало ему, что Васнецов тут не подходил. Всё двигалось и сверкало. Кое-где с самолетов уже поснимали ватные чехлы и подсоединили к рукавам обогревателей. Зыков разглядел механиков, махавших метлами на крыльях Ту-четвертых, очищая их от снега. На рулежных дорожках копошились солдатики с лопатами. Кто-то очищал огни посадочной полосы, кто-то выкатывал тележки из распахнутых ворот ангара, крутились радары, поблескивали на солнце растяжки антенн, прогревались моторы грузовиков и пожарных машин в гаражах аварийных служб. Зыков почувствовал неловкость за свое бездействие и «бабский страх», одолевший его с утра. Проворно сбежав с пригорка, он тормознул заправщик и уже через полчаса открывал дверь дежурки.

Возле шкафчиков раздевалки было натоптано, значит, летчики переоделись и ждут команды. В дежурной комнате успели накурить. Здесь скучали: кто-то резался в домино, кто-то лениво листал «Крокодил».

– Ка-кие люди в гости к нам! – не по уставу приветствовал Зыкова развалившийся на койке поверх одеяла капитан Артемьев. Под его левой скулой расцвел здоровый синяк. «Он хоть помнит от кого получил по морде?» – подумал Сан Саныч. На этом его интерес к Артемьеву закончился. Нужно было поднимать настроение летного состава.

– Ну что? Взвейтесь, соколы, орлами? – с нахлынувшим энтузиазмом вопросил он скучающую команду.

– Да взвеемся мы, капитан, взвеемся. Как только, так сразу. Ты лучше скажи, генерал когда приедет?

Этот же вопрос интересовал полковника Малышева. Литерный состав пришел в Каменск-Уральский по расписанию, значит, больше часа тому назад. Газик с шофером послали на вокзал загодя. По всем расчетам генерал уже должен был приехать в «Травяны». «Черт, надо было самому поехать встречать», – нервничал Малышев. Но по телефону генерал дал понять, что встречать его надо на КПП, а не у вагона литерного. «Что-то он там темнит, – продолжал рассуждать Малышев, – прикроет аэродром, как пить дать.»

Как раз это не входило в намерения генерал-майора Захарченко. Разговор с министром обороны был предельно ясным: Жуков поручал генералу осмотреть военные аэродромы Уральского военного

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 21

округа и доложить об их состоянии. Засидевшийся на штабной работе в Москве, Захарченко обрадовался такому заданию. Он был боевым летчиком, настоящим асом, МиГ-15 обкатывал не на учебном аэродроме, а в Корейскую войну, где командовал истребительным корпусом. На том же МиГе-15 учил летать китайских товарищей в придачу к товарищам корейским и получил генерал-майора уже в сорок с небольшим лет за все свои боевые заслуги. Вернувшийся из опалы после смерти Сталина, Жуков собирал в столицу верных людей. Иван Захарченко был именно таким человеком. В политических интригах он не разбирался, но и до него дошли слухи о перебранках Хрущева с «Маршалом Победы». Для неискушенного Захарченко вопрос стоял просто: самолеты или ракеты. Почему надо выбирать, он не очень понимал. Казалось бы, важно развивать и то и другое, но Никита, которого в армии не любили, ратовал за баллистические ракеты, а Жуков хотел сохранить аэродромы, разместив на них стратегические бомбардировщики. В армии внимательно следили за тем, чья возьмет. Захарченко решил стоять до последнего за спасение авиации, а значит, был на стороне министра обороны. Судьбу «Травян» он еще не решил. Аэродром был небольшим, с грунтовой ВПП, использовался, в основном, для учебных полетов на устаревших Ту-четвертых. «Может, его и стоит закрыть, – раздумывал генерал. – В любом случае, надо посмотреть.» Настроение у него было отличное. Военный борт ему не предоставили, отправив из Москвы до Каменск-Уральского литерным поездом. Отдохнув за сутки в натопленном мягком купе, он с утра пораньше попил с удовольствием чайку из серебряного подстаканника, перекинулся парой слов с адъютантом, пошелестел свежими газетами. «Наверху», судя по всему, спокойно. Все пока на своих местах. Не то чтобы он волновался за себя, время все-таки было другое, но и неожиданностей больше не хотелось. Их в жизни генерал-майора было предостаточно. Вот и вызов в Москву в штаб главнокомандующего ВВС был для него полной неожиданностью. Только они с женой решили навсегда обосноваться в Приморском крае, как случился этот крутой поворот в его карьере. Жена счастлива, а ему в штабе скучно. Как говорится, небо зовет. Захарченко сдвинул накрахмаленную занавеску в сторону. За подмерзшим окном мелькал зимний пейзаж: серые горы под снежным покровом, могучие ели вдоль железной дороги. Поезд вдруг выскочил на плоскогорье, горизонт закрыли заводские трубы с поднимающимися кверху столбами белого дыма.

– Товарищ генерал-майор, подъезжаем, – в купе зашел свежевыбритый адъютант, – через сорок минут Каменск-Уральский.

– За бортом температуру не знаешь?

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 22

– Минус двадцать пять, в лучшем случае.

– Ну что, лейтенант, уши береги.

Захарченко взял с собой теплую летную куртку с комбинезоном и унты, а вот адъютант – мальчишка, решил повыпендриваться в сапогах и шинели.

– Копыта не обморозишь?

– Постараюсь, Иван Васильевич. У меня портянки теплые.

Старшина, подогнавший «Газик» к литерному вагону, удивился моложавости генерала. Он ожидал увидеть солидного мужчину в каракулевой папахе, а навстречу ему шагнул невысокий, ладно сбитый крепыш с дружелюбным открытым лицом. Старшина вытянулся и с какой-то особой лихостью приветствовал генерал-майора.

– Поехали! – козырнул в ответ Захарченко.

То, что произошло дальше в пересказе того самого старшины, можно отнести к преданиям семейного общежития летчиков. А всё из-за Нонки, надумавшей устроить стирку с утра пораньше. Напялив телогрейку и обмотавшись оренбургским платком, с двумя ведрами на коромысле, она вышла на улицу накачать воды из обледеневшей колонки в тот самый момент, когда мимо проезжал «Газик» с генерал-майором. И всё бы, может, обернулось по-другому, если бы старшина, стараясь не ударить в грязь лицом перед высоким начальством, не заливал бы Захарченко байки о прекрасной жизни летчиков: вот общежитие, мол, со всеми удобствами отгрохали, ничего, что на барак смахивает, зато есть водопровод с удобствами.

– А ну стой! – скомандовал Захарченко.

«Газик» затормозил возле Нонки, собирающейся водрузить коромысло на плечо. «Никак потерялись», – решила она.

– Если вам до аэродрома, то так прямо и езжайте, не сворачивайте.

Кокетства ей было не занимать даже в телогрейке и валенках, так что генерал разглядел зорким взором еще не отлетавшего свое сокола ее красоту, а, может, всё дело было в коромысле с ведрами. Кто его знает. Известно только, что жена старшего лейтенанта Сергея Ковалева Нонна рассказала генерал-майору и про неработающий в общежитии водопровод, и рукой в шерстяной рукавице махнула в сторону дощатого домика с заледеневшими дырками в полу. Выскочивший из «Газика» адъютант вмиг занес в общагу ведра с покрывшейся легким ледком водой, пока Нонка продолжала кокетничать с Захарченко. Еще старшина-водитель рассказывал о явлении перепуганной комендантши, заискивающе лепечущей что-то о морозе и лопнувших трубах водопровода. Рассказывал, конечно, по-своему, как умел. И больше всего мужикам в гараже понравились слова генерал-майора, когда «Газик» уже катил в сторону «Травян»:

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 23

– Баллистические ракеты испытываем, а срать всё до ветру ходим.

Вечером того же дня Анечка Борисова влетела в комнату Ковалевых:

– Нонк, чего лежишь? Иди забирай своего.

– А? – подхватилась задремавшая Нонка. – А где он?

– Да тут в коридоре лежит. Не дотянул маленько до аэродрома.

В чем была, в бигуди и рейтузах, хорошо еще халат накинула, Нонка выскочила в коридор. Серега распластался неподалеку, упав головой на коврик под дверью семейства Овсянниковых.

– Генк? А Генк? – заколотила кулачком в дверь Нонка. – Ты там живой? И с чего моего так развезло?

Генка был и сам изрядно выпивший, он уж и аккордеон наладил, как душа просила, но тут вмешалась разрушающая женская сила: сначала жена зашипела, какой тебе еще город у моря, завтра рабочий день у людей, а потом Ковалева испуганная в бигуди застучала в дверь. Серегу они вдвоем подняли и куда надо дотащили, а уж как Нонка его раздевала да укладывала Овсянникову смотреть было скучно. Он пошел на кухню, зачерпнул ковшиком воды из ведра и с блаженным удовольствием напился. Потому как авиационный спирт уж больно сушит нутро.

У Зыковых горела настольная лампа, похожая на гриб. Сдвинутая шляпка-абажур освещала стол, за которым сидел в майке и в подштанниках Сан Саныч; его беременная жена, умаявшаяся за день, спала в затемненной стороне комнаты. В голове замполита то и дело крутились картинки прошедшего дня: генерал-майор в окружении офицеров, длинный, как верста, полковник Малышев, старающийся попасть в ногу с коренастым начальством, строй летчиков, все орлы как на подбор. Ту-четвертые, птички тонн под пятьдесят, легко, без сучка без задоринки, поднялись в безоблачное небо. Отлетали чисто. Можно сказать, красиво. Показали максимальную высоту, прошли параллельными курсами «крыло к крылу», а вот заправку в воздухе показать не пришлось: самолета-заправщика в «Травянах» не имелось. Сам Зыков прятался в комнате разбора полетов. Странная это была инспекция: штабной генерал-майор, а прибыл с одним адъютантом, без свиты. Должно быть, с секретным заданием от самого министра обороны. Кое-что Зыков смекал, хоть и обулся в валенки по настоянию жены. Вот, к примеру, их любимый Ту-4 не мог тянуть без дозаправки дальше шести тысяч километров. Как при этом бомбить Америку, если дело дойдет до такой необходимости? А что дело дойти до такого может, в этом никто из его ребят не сомневался. Правда, был новый Ту-16, способный доставить груз, хоть в Европу,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 24

хоть в Америку, а о том, что там дальше с этим грузом будет Сан Саныч никогда не думал, даже, когда вспоминал плакат в учебной комнате с разросшейся атомной белой поганкой на фоне красного зарева. Думал же он о том, что на Ту-16 в отечестве уже два года как летают, а им почему-то эти красавцы не достались. Устав от напряженных мыслей, Зыков выключил лампу-гриб и нырнул к жене под одеяло. Прижавшись к ее животу, он почувствовал, как там шевельнулся ребенок. «Да тише ты, Колька! Извел уже мать», – ласково поворчал будущий родитель. «А это и не Колька, а Настена», – улыбнулась сквозь сон Зыкова. «Не-е-е... – не согласился Сан Саныч. – Это парень. Летчиком будет.» Спорить с ним на этот раз никто не стал.

Малышев понимал, что не Захарченке решать судьбу «Травян», но слово замолвить он бы мог наверняка, иначе, зачем его послали с этой странной инспекцией, не похожей на все прежние комиссии, наезжающие сюда с проверками после войны. И вообще, он был своим мужиком. Летчиком. Полковник приметил в Захарченко особую приподнятость духа при виде летающих машин, почувствовал, как тому не терпится самому сесть за штурвал. Поэтому не удивился просьбе генерал-майора выделить ему самолет с курсом на «Кольцово»*.

– Засиделся в штабе, понимаешь? Хочу тряхнуть стариной.

Малышев понимающе улыбнулся.

– На Ту-4 летали?

– Приходилось. А вот, скажи, полковник, Ту-16 сможете освоить в сжатые сроки?

– Сможем, товарищ генерал-майор, – сердце Малышева радостно ёкнуло. – Люди в полку надежные, переподготовку пройдем в кратчайшие сроки.

– Ну лады! Доложу министру ваш боевой настрой и готовность к овладению новой техникой.

Пока диспетчерская переговаривалась с «Кольцовым», Захарченке готовили самолет. Серега Ковалев еще раз осмотрел машину, вытер руки ветошью и спустился из кабины по приставной лесенке. Хотелось закурить, но начальство толпилось неподалеку. Вытащив папиросу, он заложил ее за ухо, спрятав под шапкой. И тут, быстро перебирая кривоватыми ногами, к нему подкатил Петренко, тот самый, переведенный из «Можайского» за аморалку, но летающий лучше всех в «Травянах». Полковник доверял ему и надеялся снять взыскание, как только представится случай. Кто знает, может,

* Военный аэродром под Свердловском

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 25

слетать вторым пилотом с генерал-майором как раз и был таким случаем. Петренко успел перекинуться с Серегой парой слов о запасе горючего и обещанных «кучках»* во второй половине дня, когда к самолету подошло все начальство.

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор авиации! – вытянулся по уставу Ковалев.

Захарченко козырнул в ответ:

– Вы готовили машину к полету?

– Так точно!

– Представьтесь!

– Бортмеханик старший лейтенант Сергей Ковалев!

И тут произошло то, что удивило-таки полковника Малышева, да и не только его: что-то изменилось в лице Захарченко. Оно вдруг смягчилось.

– А, так это вы, бортмеханик Ковалев! Выношу благодарность за отличную службу!

Когда самолет с генералом уже оторвался от ВПП и взял курс на «Кольцово», Серегу, распираемого от счастья, окружили мужики. Генка Овсянников дал ему, наконец, прикурить папиросу:

– Бортмеханик Ковалев, придется вам «проставиться» по случаю вынесения благодарности высшим командованием. Я тока не понял, откуда высшее командование прознало про такого у нас бортмеханика.

Серега и сам не понял. А когда он проснулся, на тумбочке возле кровати уже стоял жбанчик с огуречным рассолом. Трубы горели.

– Ты че надрался-то так? – голос жены отозвался болью в его голове.

– Нонночка, дак я весь день туда-сюда, как белка в колесе. На холоде. Пока мотор расчехлил, отогрел, запустил, зачехлил – продуло на ветру. Потом еще ребятам помог. Продрог, знаешь как. Потом еще это… генерал-майор мне благодарность вынес. Я ему – «Служу Советскому союзу», бумажки на взлет подготовил, расписался. Выруливание проконтролировал. Всё путем, а ребята говорят, давай «проставляйся» теперь. Ну я спирта немного слил, котлетами столовскими заели. Холодными. К Ираиде в «васисдас» сгоняли, частик в томате взяли, полбанки… две. Перебрал маленько.

Местные забыли, откуда повелось это название, но оно стойко прилепилось к сельскому ларьку, который иначе теперь никто не называл. Ассортимент там был небогатый: пшено и поваренная соль в упаковках, сахарный песок в развес, иногда завозили сероватую муку и рыбные консервы. Покупали там главным образом хлеб, папи-

* Кучевые облака

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 26

росы и спиртные напитки. Деревенские спасались подсобным хозяйством. Летчики затоваривались в военторге, где с продуктами было получше. В семейном общежитии у всех были свои местные «бабули», у которых можно было прикупить свеженьких огурчиков или молочка. Словом, с голоду никто не помирал. Ларьком заведовала Ираида. Женщина серьезная и ответственная.

Одним весенним утром, когда уже сошел главный снег и дороги покрылись непролазной грязью, кто-то отбил пудовый навесной замок и обокрал «васисдас». Забрали банки с консервами и спиртное, оставив на полу следы от сапог и рассыпанное пшено.

– Такого не бывало даже в войну, – расстроенная Ираида встретила на крыльце участкового уполномоченного. – Я полы еще не мыла. Погляди на следы-то. Чует мое сердце, с аэродрома это, не местные. Тут давеча ихние заходили, дак я таких раньше не видала. Голодные, как волчата. Денег на две буханки наскребли и тут же есть стали. Сами грязные, черные по уши.

Участковый сразу догадался куда идти. И точно: дежурный на КПП по описанию признал прибывших в летную часть стройбатовцев.

– Дак если это ваши орлы, что ж они своим видом людей пугают? Голодные да грязные по селу гуляют?

– Да какие это орлы! – махнул рукой дежурный. – «Урюки»!

И на случай, если его не поняли, пояснил: таджики.

Участковый дежурного понял, но по-своему: на дверях сельсовета и «васисдаса» появилась бумага с предупреждением: девкам не ходить по селу в одиночку.

Жалобы на голодных и грязных стройбатовцев дошли до Малышева. Полковник расстроился. Почему, думал он, всегда найдется ложка дегтя в бочке меда? На его столе всё еще лежала папочка с приказом Генерального штаба ВС СССР о расширении аэродрома «Травяны» силами строительных частей Уральского военного округа. Вот радость-то была. Спасибо Захарченке, не подвел генерал-майор, да и маршал постарался, не забыл своих. Дело быстро закрутилось: пришли два Ту-16 из «Арамили»*, с ними летчики-инструкторы. Полк обещали пополнить выпускниками летных училищ, аэродром расширить, обновить ВПП, хорошо бы новую – из бетона, а там бы хорошо и все две эскадрильи пересадить на Ту-шестнадцатые. И вот, на тебе. Малышев попытался вспомнить происшествия в его части за последние годы. Офицер застрелился из табельного. Ну там личное было, кажется, жена ушла. Несколько самоволок. Последняя

* Арамиль – военный аэродром под Свердловском

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 27

под Новый год. Солдатик этот в тюрьме повесился. Где-то у него есть справка о деле, составленная Кошкаровым. Самое неприятное было то, что стройбатовцы Малышеву не подчинялись. У них было свое начальство. Навести там порядок он не мог. И все-таки поехал посмотреть. И посмотрел. Нельзя сказать, что полковнику не привелось видеть в жизни ничего из того, что он увидел. С жильем по всей стране было плохо. Его летчики снимали вскладчину комнаты в «Травянском», сам он только недавно получил казенную квартиру в Каменск-Уральском. Ну а здесь что: палатки, правда, с буржуйками. Летом землянок нароют, нары в два яруса поставят. Через год, может быстрее, казарму построят.

– Почему люди голодные? – Малышев схватил первого попавшегося ему офицера.

– Приписаны к гарнизонной столовой, но денег на дополнительную сотню ртов еще не выделили. Всем военнослужащим стройбата выдано денежное пособие. С голоду не помрем, товарищ полковник.

– В баню людей водили?

– Никак нет! – заморгал тот.

– Понятно. Вопрос буду решать с вашим начальством.

И ведь решил. К палаткам подогнали полевую кухню. Нашлись, стало быть, деньги. И в гарнизонной бане свободный день тоже нашелся. Девки в селе оказались не из пугливых, правда, не в одиночку, а целыми стайками повадились они навещать стройбатовцев. Подкармливали тем, что росло в огородах, хихикали о чем-то своем, девчачьем. Выяснилось, что «урюки» – народ благодарный: где забор починили, где крышу отремонтировали, где погреб вырыли. А как дороги подсохли, пошли в «Травяны» грузовики со строительными материалами. И началась у аэродрома новая жизнь.

А вот Нонка скучала. Жизнь жены бортмеханика была ничуть не интересней ее прежней жизни в Оренбурге. Работы в «Травянском» не было, в воинской части должностей на всех не хватало, молодухи сидели по домам, изнывая от безделья. Правда, быт их не баловал, особых удобств не было, вернее, удобств не было совсем. Спасибо, починили весной водопровод. Жить стало легче, а стало быть, веселее. Серега старался для Нонки как мог. В начале пятьдесят седьмого ему посчастливилось погасить облигаций на тысячу рублей. Он даже не раздумывал, на что их потратить: в комнате Ковалевых появилась новенькая радиола «Дружба». Песенка о веселой Мари разлеталась по коридору общаги, заглушая рев новорожденного Коленьки Зыкова. К этой какофонии примешался стрекот швейной машинки. Первой заказчицей Нонки стала Ираида из «васисдаса». Она давно приглядела дамочку, захаживающую время от времени в ларек, но всё

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 28

не решалась заговорить с ней о нарядах. Весной модница сменила кроличью шубку на пальто в талию с воротником стоечкой, и Ираида не выдержала: «Пальтишко у вас знатное», – начала она, взвешивая в кульке конфеты «подушечки». Довольно быстро всё прояснилось:

– Из шинели или из старья перешивать не буду, – предупредила Нонка. – Пороть не люблю, да и машинку жалко, все иглы обломаю.

– Почему старье? – обиделась Ираида. – У меня отрез новый. Суконный.

– Так приходите с отрезом. Мерку снимем, фасон подберем. Дорого не возьму.

На том и порешили.

Появление Ираиды в общежитии вызвало оживление на коммунальной кухне. Первой не справилась с любопытством Анечка Борисова, как бы невзначай заглянувшая к Ковалевым. Увидев на столе отрез, отливающий синевой под электрической лампочкой, она замерла в непродолжительном онемении. Ее восторженный щебет смутил Ираиду.

– Ань, у кого из наших журнал мод есть, не знаешь? – Нонка задумчиво рассматривала отрез.

– Дак я поспрашиваю, – сорвалась та.

Снявшая телогрейку Ираида наполнила комнату запахом пота, пропитавшим застиранный свитер, обтягивающий ее пышные формы. По всему видать, ей приходилось взвешивать не только конфеты. И в самом деле, она управлялась и с топором, и с вилами, и с лопатой – впрочем, как и все жительницы «Травянского»; но женщина остается женщиной, даже если она выполняет мужскую работу. В лице Ираиды что-то дрогнуло, когда она увидела в руках Анечки журнал «Rigas Modes 1952».

– Это откуда ж такое?

– Не поверите, девки, комендантша дала посмотреть.

И посмотреть там было на что. Тоненькие, как рюмочки, дамочки в изящных туфельках на каблучках и шляпках всевозможных форм кокетливо поглядывали с уже слегка затертых журнальных страниц. На некоторых были длинные перчатки и нитки жемчуга вокруг шеек.

– Дак а где польта? Тут все наряды летние. В таких по нашей деревне ходить – только коров пугать.

Никто не спорил.

– Если это они носили пять лет назад, то что же носят сейчас? – Анечка то ли завидовала, то ли восхищалась, а может, и то и другое сразу.

У Нонны в голове происходила серьезная работа.

– В талию вам не пойдет, – приговорила она.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 29

– Это почему же? – поджала губы Ираида.

– Рост не тот, комплекция… не как у Гурченко, – зачем-то вставилась Анечка.

– Каждая женщина индивидуальна. Вы, Ираида, скорее, как Алла Ларионова, – спасла ситуацию портниха. – Я вам приталю сзади хлястиком на пуговицах.

– Только чтоб не болталось с боков… и с карманами.

На обсуждение фасона ушел остаток вечера. Говорились давно забытые слова из женского еще довоенного лексикона. Когда в комнату ввалился Серега, последний вариант в общем-то довольно незамысловатого фасона был одобрен. Дальше настало время выкроек из старых газет и примерок с подгонками. Через две недели Ираида прошлась по коридору общежития в новом синем пальто с хлястиком и двубортным воротником. «Хоть на женщину стала похожа», – фыркнула Нонка, пряча в кошелек оставленные на столе деньги. Но Ираида оказалась не просто женщиной, а женщиной благодарной.

– А я давно вас поджидаю, – сказала она Нонке, когда та появилась в «васисдасе». – Тут у меня кое-что для вас есть. В общежитие больше ходить не буду. Там Клавдия ваша шумит. Мне это ни к чему, да и вам тоже.

И правда, комендантша шумела. Промысел на дому в целях личного обогащения она допустить никак не могла. Но не могла и проследить за тем, что было в сумке у Ковалевой, когда та гордо протукала очищенными от грязи ботиками по коридору. А в сумке был кусок штапельной материи с ромашками по светло-серому фону. Откуда он оказался у Ираиды, Нонку не интересовало, торговля есть торговля, но на платье его не хватало, и она опять заскучала. Соседки прибегали к ней время от времени с просьбами что-нибудь пошить, но, боясь комендантши, Нонка бралась только за мелкие заказы.

Серега словно не замечал ее настроения. Да и где ему было заметить, жизнь кипела на аэродроме. Стали приходить Ту-шестнадцатые, их надо было размещать и осваивать. «Травяны» расширялись: строился новый ангар и бетонная ВПП.

– Засыпает за столом с котлетой в зубах, – жаловалась Нонка на кухне, но и у соседок происходило то же самое. Теперь по выходным мужики собирались не для того, чтобы выпить, а чтобы обговорить какие-то непонятные дела. Слова, долетавшие до жен, были загадочными и наполненными неизвестным им смыслом. Нонке нравилось, как звучат слова «лонжерон» и «глиссада», а когда она слышала «хвостовое оперение», в памяти ее вырисовывался индюк из детской книжки, и еще ей казалось, что она кое-что знает об «усталостной

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 30

прочности». Время от времени чья-нибудь особо любознательная жена начинала приставать с расспросами, но от нее отмахивались.

Наконец, на восьмое марта, начальство разрешило посещение аэродрома женам летного состава. Грязища стояла страшная, автобус с гостями не смог близко подъехать к стоянке Ту-шестнадцатых, но серебристые громадины со скошенными крыльями смотрелись внушительно даже издали.

– Видишь, с боков два мотора, будто прилеплены к фюзеляжу? А нос, видишь, застекленный? Знаешь, как ребята зовут Ту-16? – Нонка пожала плечами. – Графин! Там в стеклянном носу штурман сидит. Помнишь, как в сказке: «Высоко сижу – далеко гляжу!» – Серега счастливо хохотнул. – С виду птичка большая, размах крыльев за тридцать метров, а летать может дальше старых Ту-четвертых, да и быстрее! И вообще, надежная по всем параметрам. Двигатель-то турбореактивный! – как будто Нонка понимала, что это такое. – А красавица! Как ты у меня. С ней, конечно, работы много, но мне ж самому интересно.

Ковалев оживленно говорил что-то еще, но, странное дело, Нонна не смотрела ни на самолеты, ни на него. Она как бы ушла в себя и замкнулась в своих мыслях. Это были даже не мысли, это было чувство вины, притихшее за последнее время, но вернувшееся сейчас, когда она увидела возбужденное лицо мужа. Как хорошо, что он ничего не знает. А вдруг узнает? Кровь прихлынула к ее щекам. Сердце заколотилось так, что она услышала его торопливые толчки где-то под горлом. Ей вспомнились поджатые губы комендантши, ее усмешку, когда они столкнулись на чердачной лестнице. На Нонке была расстегнутая блузка, измятая юбка и нелепый таз в руках. Слава тебе, господи, она успела развесить постиранное белье, хотя – какая разница, комендантша обо всем догадалась и так, потому что за несколько минут до Нонки по той же лестнице спустился капитан Артемьев. Нонка и сейчас помнила скрип сапог за ее спиной, руки, обхватившие ее сзади. Она ведь могла вскрикнуть, сопротивляться, вырваться из этих рук, но почему-то замерла и не только позволила ему делать с ней то, что он давно хотел сделать, но и ответила таким же прорвавшимся, давно скрываемым желанием. А когда всё закончилась и надо было что-то ему сказать, на ум ничего другого не пришло, кроме дурацкой фразы: «Я и не знала, что ты дома». Наверное, ее растерзанный вид был жалок, иначе разве бы он ответил ей со снисходительной усмешкой: «Знаешь закон Ома? Отлетал – и дома». Нонке стало по-настоящему страшно. Теперь ее жизнь могла мгновенно разрушиться. Не то чтобы Артемьев был болтуном, но похвастаться ему хотелось, и где-то по пьянке он сболтнул-таки, что

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 31

отымел Ковалеву на чердаке, не снимая сапог. Мужики промолчали, не хотели расстраивать Сергея, мол, пусть разбираются сами, но комендантша при первой же возможности донесла свои наблюдения Зыкову. Тот заволновался: самолеты, на которых летал Артемьев, готовила бригада Ковалева. Кто его знает, что Сереге взбредет на ум… Да и в штопор мог уйти, а время для этого самое неподходящее. Недолго раздумывая, Зыков побежал к Малышеву. Там и порешили от греха подальше предложить Артемьеву поучиться на командира – мол, тебе ж, наверное, надоело «правым летчиком» летать на новой машине. Тот согласился и, к большому облегчению замполита, к концу весны перевелся в другую летную часть.

У полковника Малышева и без Зыкова дел было невпроворот. В его сейфе лежал пакет с приказом Министерства обороны о проведении летно-тактических учений личного состава аэродромов дальней авиации Уральского военного округа. К этим учениям он должен был подготовить свой полк. Уже к весне все экипажи отлетали на Ту-шестнадцатых положенные дневные и ночные часы. Оставалось освоить боевое применение и дозаправку в воздухе. За боевое применение, а проще – бомбометание, у Малышева душа не болела – для экипажей его полка это дело было рутинной работой бомберов, а вот крыльевая дозаправка не давала ему покоя. Из засекреченной информации, связанной с крушениями самолета Ту-16, он знал, что больше всего аварий приходилось на эту самую дозаправку «из крыла в крыло». Инструкции по применению были выучены и сданы экипажами, но «суха, мой друг, теория...» – крутился в голове Малышева обрывок фразы, слышанный когда-то по радио. Короче, в «Травянах» ждали обещанный самолет-танкер. Если бы кому-нибудь взбрело в голову спросить, чего полковнику хочется больше всего, он, не задумываясь, ответил бы: самому освоить дозаправку в воздухе и научить этому сложному делу как можно больше летчиков. А дело было и вправду сложное. Уже одно сближение в воздухе двух птичек весом по семьдесят тонн, да еще на скорости пятьсот километров в час, да еще в зоне турбулентности, было опасно. Вот полковник и ставил в плановую таблицу снова и снова полеты в строю с дистанцией три-шесть метров между крыльями двух самолетов и превышением три-пять метров. За долгие годы соседства в поселке привыкли к шуму аэродрома и проносящимся над головами самолетам, но происходящий у всех на виду танец «парами» в воздухе заинтересовал самых нелюбопытных. «Чевой-то разлетались так?» – спрашивали бабки своих постояльцев-летчиков. – Уж не к войне ли?» На вопрос этот ответа не следовало никогда, в лучшем случае – улыбка с заговорщицким подмигиванием – мол, военная тайна, бабуля, разглашать никак не можем.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 32

Настоящая работа началась, когда из Куйбышева пришел Ту-16 заправщик. В свою первую сцепку Малышев полетел с экипажем капитана Петренко, который сел правым летчиком. Петренко был опытным ассом, но в случае неудачи полковник хотел взять ответственность на себя. «Почему – неудача? Это неправильный настрой», – думал Малышев, пытаясь унять волнение. А волновался он потому, что в сцепке целиком зависел от другого члена экипажа – от кормового стрелка, прапорщика Еремина, сидящего в задней кабине самолета. Над его длинными усами подсмеивался весь полк – мол, они у тебя свисают из-под кислородной маски или ты их туда укладываешь? Еремину разрешили носить усы не по уставу за лучшие в полку показатели в стрельбе. Он-то и должен был стать «глазами» Малышева, которому из передней кабины «ни х-я не видно», что в переводе означало «отсутствие видимости и контроля над сцепкой стреловидного крыла». Выстроив экипаж перед полетом, полковник не стал говорить казенные слова. Сейчас не инструкция решала успех задания, а обыкновенный человеческий контакт.

– Ну что, отработаем дозаправку по всем правилам высшего пилотажа? – Малышев выжидательно посмотрел на Еремина.

– Так точно, товарищ полковник, отработаем как надо, – козырнул Еремин.

И отработали.

Получив разрешение на взлет, Малышев поднял корабль в воздух. С погодой повезло: ясное небо, умеренный ветер. Всегда бы так. Уже через десять минут полета штурман доложил: «Заправщик прямо по курсу». Малышев по инструкции встал в строй дозаправки сзади-справа от танкера. Две махины сравняли скорости.

– Приготовиться к работе!

– Вижу аж заклепки на фюзеляже заправщика. Маленько потряхивает, – это Петренко решил слегка разрядить обстановку. – Еремин, ты там усы жуешь или уснул?

Еремин не уснул. Он ждал, когда заправщик выпустит шланг. Секунды. Шланг пошел.

– Левее, еще левее. Не так резко. Назад! Стоп! Есть соединение! – на удивление спокойно командовал Еремин. – Шланг дотянулся. Наложить крыло на шланг. Отлично, товарищ полковник! Крыло на шланге. Выпустить захват. Шланг в захвате!

Работая вслепую пятнадцать минут, Малышев взмок под шлемофоном, пот струился по его лицу, разъедал глаза. После удачной сцепки он смог перевести дух. Дальше работала команда заправщика. Горючего отлили немного. На тренировочную заправку была очередь.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 33

– Что так запотели, товарищ полковник? – в голосе Петренко слышалась легкая насмешка.

– Запотеешь тут. Я на тебя посмотрю на ночной сцепке. Штурвал возьми.

Петренко с Ереминым отработали расцеп и отход.

После этой дозаправки Малышев всегда брал в экипаж Еремина, а Петренко на первой же ночной сцепке не повезло: оборвался шланг.

Официантка гарнизонной столовки убрала пустые тарелки (отличный был борщ сегодня, Катя), перекинулась с полковником еще парой слов и принесла ему компот с коржиком. У Малышева до встречи с комэской оставалось полчаса, достаточно, чтобы собраться с мыслями, да и передохнуть немного. Он любил такие передышки в суматохе последних недель. «Так… отдохнуть не получится, – досадно поморщился Малышев, увидев спешащего к его столику Кошкарова, – не иначе, как гадость какую-нибудь несет».

И точно. Кратко поздоровавшись, особист перешел к делу:

– У тебя, Малышев, в полку был обрыв шланга во время дозаправки в воздухе. Почему я не вижу докладной по этому происшествию?

– Какое ж это происшествие? Петренко выполнял ночью сложнейший маневр, допустил ошибку. На то у нас и тренировка, чтобы учиться на ошибках и не повторять их на плановых. Не вижу инцидента, – полковник с досадой выплюнул сливовую косточку, звякнувшую о блюдце. – Хорошо, что я успел пообедать до твоего прихода.

– У Петренко уже есть перевод за аморалку, а ты его покрываешь. Может, у него были намерения навредить, нанести, так сказать, урон, – не унимался Кошкаров.

– Иди ты… борщика поешь, а мне некогда тут с тобой... беседы разговаривать…

Кошкаров проводил глазами удаляющуюся спину Малышева. «Распустил полковник подчиненных, ох, распустил. А сам-то? ‘Беседы разговаривать’… Побеседовал бы я с тобой, лет так десять назад. Тебя ж над территорией врагов сколько раз сбивали? А ты пишешь ‘в плену не был’. Уж я б тобой занялся! Скажи спасибо время сейчас такое – неопределенное… Переждать надо.» Борщика Кошкаров таки поел, впрочем, выбора у него не было по причине скудности столовского меню.

«И что привязался? – в раздражении думал Малышев. – Петренко мог разбиться со всем экипажем, выполняя сцепку в темноте. У них там КОУ* заправщика не смог лампой осветить всю длину

* Командир огневых установок

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 34

шланга. Кто тут виноват? Работа такая. Опасная. Что эта крыса знает о полетах, о риске, и вообще, о жизни летчиков?» Бросившему курить Малышеву захотелось затянуться раз-другой папиросой. Еще хотелось поговорить с кем-нибудь из своих. Вспомнился Захарченко. «Травяны» своим существованием во многом были обязаны ему. Что там в Москве? Время и впрямь было неопределенное. Думая обо всем этом, полковник не знал, что ему предстоит еще одна встреча с генералом-майором. На этот раз неожиданная, да и не совсем встреча.

В то июньское утро Малышева подняли ни свет ни заря. Голос дежурного в трубке выдавал некоторое волнение:

– Только что звонили по ВЧ*. Распоряжение министра обороны принять прилетевший Ту-16 и без задержки отправить в Москву.

Встревоженный Малышев кинулся в «Травяны». На КПП его остановили незнакомые люди и потребовали предъявить пропуск. Неужели арест? Нет, что-то другое:

– Товарищ полковник, нужно ваше содействие.

– В чем дело?

– Пройдите с нами.

За КПП какие-то люди в штатском стояли возле правительственного «Зиса». Малышев не увидел никого из своих. Вдалеке маячило бледное лицо Кошкарова. Было в этом что-то зловещее. Человек в гражданском, тоном, не допускающим возражения, сказал, как рубанул Малышеву:

– Вы отвечаете за посадку и незамедлительную отправку самолета из Москвы.

На СКП притихли, когда там появился Малышев в сопровождении двух гэбистов. В воздухе полковнику случалось бывать во многих сложных ситуациях, там от его решений зависело многое, если не все, здесь же происходило что-то важное, но от него совершенно не зависящее. «Продолжаем работу!» – всё, что он сказал диспетчерам, да и ничего другого сказать не мог. Напряжение немного спало, когда знакомый голос генерала-майора Захарченко запросил посадку для своего борта. Захарченко узнал полковника, но поприветствовал его довольно сухо. Через сорок минут тот же Ту-шестнадцатый взмыл в воздух с пассажиром на борту.

Пассажира этого кое-кому удалось разглядеть. Им оказался полный человек в шляпе и мятых брюках с туго набитым портфелем в руках. Его подвезли в «Зисе» прямо к самолету и помогли забраться по лесенке в люк верхнего стрелка.

---

* ВЧ – правительственная и военная связь в СССР.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 35

– С виду начальник, а литерного ему не дали, – кумекали мужики в курилке общежития. Те, что постарше, говорили, что из Москвы ему уже не вернуться, хотя сейчас с этим стало полегче; молодых распирало любопытство. Почему отправка сопровождалась такой секретностью, не знал никто. Покурили, перетерли новости и разошлись по комнатам для обычного своего ночного дела. Одному Ковалеву не спалось. Дождавшись, когда Нонка тихонько засопела носом, он прильнул к новенькой «Дружбе», вылавливая враждебные голоса. И хотя глушили их со страшной силой, кое-что смог разобрать. Скорее всего, мужчина в шляпе был-таки большой партийной шишкой и в Москву летел на пленум ЦК. Еще голоса поведали о недоверии Коммунистической партии первому секретарю Хрущеву, а кто не доверял, Серега так и не понял. Кажется, Молотов с Маленковым. Потом донеслись другие фамилии, которые были у всех на слуху с детства: Ворошилов, Каганович. «Ну всё, конец Хрущу», – Серега выключил «голоса» и завалился спать.

На следующее утро Кошкаров еле дождался доставки почты. «Так-так-так, – зашелестел он газетами. Сначала центральными, потом областными. – Ничего! Хотя вот: ‘Заседание Президиума Совета Министров СССР с обсуждением о праздновании двухсотпятидесятилетия провозглашения Ленинграда столицей’. Как же! – не поверил Кошкаров. – Больше обсуждать им нечего!» Нет, там в Москве происходило что-то важное. «Уж не поперли ли Никиту или еще кого. А кого? – ломал он голову. – Что ж, дождемся новостей, авось недолго осталось.»

К середине июня уральская земля прогрелась, непролазная грязь просохла. Аэродром покрылся одуванчиками, в канавах за ангарами выросли лопухи. Зеленая травка вылезла и перед входом в общагу. В ясные дни молодые мамаши устраивались на расстеленных одеялах, подставляя своих младенцев под ласку солнечных лучей. В небе над ними стоял несмолкаемый самолетный гул. До летно-тактических учений оставался месяц. Сетка дневных и ночных полетов была загружена до предела. У Малышева не выходила из головы странная отправка человека в гражданском. Кое-что он понимал: самолет доверили не простому летчику, а генералу-майору Захарченко, преданность которого Жукову была известна. Человек в штатском был местным, пусть и областным, партийцем. В Москву полетел срочно и секретно. Что всё это означало?

За себя Малышев не волновался. После войны его отправили служить в захолустный Уральский военный округ, где наград и званий он не нахватал, зато подчиненные его любили. Была в нем черта, известная многим его сослуживцам: забота о людях. В случае отстав-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 36

ки Малышев с женой-учительницей спокойно мог прожить на пенсию полковника в закрепленной казенной квартире, но душа его болела за «Травяны», которые только-только из учебного аэродрома стали превращаться в аэродром дальней авиации. Ему, как и Кошкарову, ничего не оставалось, кроме ожидания перемен, но в отличие от особиста, он мог заниматься делом. Впрочем, «дела» были и у того.

...Кусочки сала так шипели на раскаленной сковородке, что Нонке были не слышны слова Левитана о пленуме ЦК КПСС, да она особенно и не прислушивалась, следя за растекающейся яичницей. Вчера яичница подгорела, Серега оставил скукожившийся кусок на тарелке, и Нонке была неприятна собственная нерадивость. Полеты начинались рано утром, и механикам приходилось засветло выезжать на аэродром. Вставшие спозаранку жены копошились на кухне, наполняя ее запахом дешевой еды вперемешку с вонью керогазов и детских пеленок. На этот раз яичница удалась, Нонка подхватила сковородку полотенцем и, старательно обходя крутившуюся под ногами мелюзгу, направилась в свою комнату. К ее удивлению, Серега в одних трусах и майке сидел у приемника, из которого сквозь потрескивание доносился незнакомый голос.

– Сереж, ну ты что? Так и будешь сидеть? Опоздаешь ведь...

Серега прижал палец к губам, мол, молчи и не мешай. Нонка надулась и ушла на кухню, а там за соседским столиком Тоня Зыкова, помешивая манную кашку в ковшике для Коленьки, мельком взглянула на Нонку.

– Чего такая невеселая с утра?

– Дак моего всё от приемника не оторвать. Опоздает на автобус, на попутках гнаться потом будет. Вот замполит наподдает ему опять.

– Не наподдает. Зыков сам с утра в газету сидит уткнувшись. Пленум у них в Москве, Левитан с утра говорил. Не слыхала?

И она как могла просветила Нонку и всех примкнувших к ним на кухне о последних событиях в столице родины. За утренней суматохой никто не обратил внимания на комендантшу, постоявшую в дверях и исчезнувшую в миг, как злой дух из сказки.

Вот и Кошкарову подали, наконец, сигнал. Для таких, как он, неопределенность была хуже всего, а тут, дело ясное, – пленум ЦК КПСС, осудивший антипартийную группу. Сцепились, значит, бульдоги под ковром. Взялась старая гвардия за разоблачителя культа личности. Слова-то какие! И кто его надоумил только? Ведь с виду дурак дураком. Ты себя разоблачай, умник! Просидевший всю войну в СМЕРШЕ далеко от линии фронта, Кошкаров всегда не только следовал за линией партии (а кто не следовал?), но и старался предуга-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 37

дать ее направление, идти, так сказать, с опережением графика. Сейчас он кожей затылка чувствовал опасность от надвигающихся перемен. Хотя что ему могут сделать? Людоедов больше нет. Ну, уволят в запас. Этих-то даже не арестовали. Он снова и снова перебирал известные всей стране имена: Молотов, Маленков, Каганович и примкнувший к ним Шепилов. Со стариками понятно, прошлое у них было тревожное: из соратников разом маханули в пособники, а Шепилов-то что? Он же из «молодых». Зачем «примыкал», на свою голову? Хрущев-то вывернулся, как и с Берия, перехитрил старых партийцев. Многоходовочка, видать, там сложная была. Снова Жукова перетянул на свою сторону. За Жуковым армия, сила. На пленуме речь Георгий Константинович сказал хорошую. Зачитаешься. Устроил разнос старикам, нажил себе врагов (не иначе как весь ЦК), не дал им сожрать Первого, а ведь по-другому дело могло обернуться, совсем по-другому. Что же маршал получил взамен? Как что? «Дурак я дурак, – думал Кошкаров. – Власть он получил. А как же Никита? Никита же Первым остался. Ну, долго эти кабаны мирно не уживутся.» И Кошкаров вместо опережения графика затих в ожидании указаний от вышестоящего начальства.

Уж таким человеком был Ковалев, что не мог долго хранить что-либо в себе. Прав был тот, кто называл его болтуном. А болтун, как известно, находка для шпиона. Шпиона в курилке общаги не нашлось, но нашелся стукач, и жизнь Сереги скоро примет интересный поворот, о котором он еще сам не знает, рассказывая мужикам про то, кем был загадочный человек в штатском, улетевший на военном самолете в Москву.

– Кадр это хрущевский был. Хрущев своих-то уже успел натыкать по местам, а в центре старая гвардия окопалась, которая скинуть его хотела. Никита всех перехитрил.

Мужики слушали: и с чего это Ковалев такой умный стал?

– А самолеты тушки-шестнадцатые маршал дал, чтобы кадры эти хрущевские быстро доставить в Москву прямо на пленум, и там за Никиту проголосовать. Видали, операция какая была? А мы тут ничего не знали, – он победно оглядел задумавшийся контингент.

К его удивлению, бурного обсуждения изложенной информации не последовало. Вместо этого в курилке заговорили о рыбалке, грибах и прочих маленьких радостях жизни, не имеющих никакого отношения к Серегиной болтовне. А когда все разошлись, Генка Овсянников тихо сказал:

– Ну че ты треплешь? Голова у тебя есть или всё продуло?

Вопрос был, конечно, правильный.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 38

* * *

Дощатый длинный стол под брезентовым навесом был уставлен бутылками с коньяком и столичной водкой. Официантки в фартучках и пришпиленных к волосам наколках разносили закуску из свежих овощей и запивку: квас в жбанчиках, минеральную воду «Боржоми» в бутылках. Легкий ветерок нес запах гари с полигона вперемежку с запахом шашлычка, жарившегося на мангале. Комиссия штаба Уральского военного округа отмечала успешное окончание летно-тактических учений в засекреченном месте. Представительные мужчины в погонах с большими звездами и звездами помельче расстегнули воротники на форменных рубашках, расслабили ремни на животах. Настроение у всех было отличное.

Доволен был и Малышев. Его полк справился со всеми заданиями: с высокой точностью накрыл бетонными бомбами выстроенные на полигоне искусственные мишени, продемонстрировал навыки заправки в воздухе в дневное и ночное время, успешно взаимодействовал с эскадрой истребителей, правда, тут не обошлось без инцидента: один из Мигов подошел слишком близко к бомбардировщику и, попав в струю его двигателей, повалился в штопор, к счастью, летчик смог вывести машину в нормальный полет. Малышев, конечно, выпил одну-другую рюмку за родную авиацию да за здоровье маршала Жукова. Язык у него развязался, как и у его соседей за столом.

– А молодцы твои орлы, ничего не скажешь, – начал сидевший справа от него человек с большими звездами на погонах. – У тебя ж в «Травянах» грунтовая, да?

– Бетонку обещают ввести в эксплуатацию через год, – слегка напрягся Малышев.

– Я и говорю – молодцы. Грамотно здесь на бетонной ВПП отработали, – потянулся к закуске человек с большими звездами на погонах.

Малышев кивнул. Знали бы они, чего ему это стоило. Хотя все, с погонами поменьше, сидящие сейчас за этим столом, вполне бы поняли то, о чем он сейчас думал. От результатов этих учений зависела судьба Уральского округа. Так что готовились все.

Выпили еще.

– Ну, а новую модель шестнадцатого с подвесными ракетами освоишь? Сейчас заканчиваются испытания. Скоро пойдут в серию.

– Не сомневайтесь, товарищ генерал-полковник. Не подведу!

Ничего другого он и не мог ответить, потому что вся его жизнь, все мысли и желания были направлены только на одно: не подвести, оправдать доверие. Спросите его, чье? И он ответит без колебаний: родной партии. Но в родной партии после смерти вождя происходили

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 39

важные перемены, и тут надо было держать ухо востро. Вот как будто у Маршала с Первым наметилось взаимопонимание по очень интересующему Малышева вопросу. С чего он так решил? Да с того, что его сосед с большими звездами на погонах сказал довольно громко:

– Будем создавать и у вас на Урале истребительно-бомбардировочную авиацию, пора всем переходить на сверхзвуковые скорости с учетом применения тактического ядерного оружия.

Не выпить за такое было нельзя. Значит, выпили еще. Ну, а когда уже столько выпито, языки не то, чтобы развязываются, но говорить становится как бы проще. Хотя почему «как бы»?

– Так что, товарищ генерал, за кем будущее? За баллистическими ракетами или за стратегическими бомбардировщиками? – не сдержал то ли любопытства, то ли волнения, то ли просто решил воспользоваться моментом кто-то.

– Работа ведется в двух направлениях, – сказал, как отрезал, человек с большими звездами на погонах.

Стало понятно, что больше вопросов ни у кого не найдется. Вопросы сами собой куда-то затерялись.

Нонка в комбинашке и в бигуди строчила на машинке новый наряд. В комнате было жарко. Воздух плохо проходил через марлю, прибитую к раме, хотя единственное окно и было раскрыто настежь. Из приемника тихо журчала песня «Если бы парни всей Земли». В Москве вторую неделю шел всемирный фестиваль молодежи и студентов. Общежитие опустело, летчики отбыли на учения, их жены скучали. Вечерами они отправлялись то в клуб поглядеть последнюю кинохронику, то в Красный уголок, где новенький «Рекорд» показывал улыбающихся молодых людей непривычного для советского человека вида. Нонка жадно всматривалась в черно-белое изображение. Никаких особых красавиц рассмотреть ей не удалось, зато она сразу приметила то, во что были одеты девушки, прибывшие в Москву со всего света праздновать свою молодость и счастье. А одеты они были в юбки, плотно обхватывающие худенькие талии и расширяющиеся книзу. Нонка даже узнала название этих юбок-шестиклинок: солнце-клеш! Мысль ее лихорадочно заработала. Неслучайно в чемодане под кроватью с весны томился кусок штапельной материи, подаренный благодарной Ираидой. Работа закипела в истосковавшихся по прекрасному руках портнихи. Уже через час после посетившего ее озарения на полу распласталась выкройка из газеты в виде круга с дырой посередине равной обхвату Нонкиной талии. Дальше в комнате вдохновенно застучала швейная машинка, но уже к утру обнаружилась почти катастрофа: у Нонки не было под-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 40

ходящей блузки. Она с трудом дотянула до открытия «васисдаса». Всё та же Ираида не совсем бескорыстно, а за обещание бесплатного пошива летнего платья, прониклась идеей помощи ближнему.

– Есть черный сатин, – сказала она, дождавшись, когда из магазина уйдет бабка с вязанкой купленных сушек. И зачем-то добавила, должно быть, для большей убедительности. – Шикарная материя.

С пошивом блузки из черного сатина повторилась история, очень схожая с историей пошива юбки солнце-клеш, ибо труд портнихи однообразен: крои, строчи и примеряй.

И вот теперь, когда всё было кончено, в трюмо, купленное Серегой в комиссионном магазине, смотрелась красавица в черной, облегающей налитое тело блузке с глубоким вырезом, и в штапельной юбке солнце-клеш с ромашками, раскиданными по серому фону. Нитка искусственного белого жемчуга подошла сюда как нельзя кстати.

Анечка Борисова стойко вынесла вид этой красоты, хотя Нонка и уловила налет зависти в глазах подруги.

– Хочешь и тебе такую пошью? – очень своевременно спросила она.

Ответ был известен заранее. В военторге подходящей на летнюю юбку материи не нашлось. Ничего другого не оставалось, как ехать в Каменск-Уральский.

В первую же субботу Нонка в обновках и скромно смотревшаяся рядом с ней подружка отправились в город на автобусе. Народу набилось много, было душно, черная блузка промокла под мышками от пота. Несмотря на тесноту, кое-кто успел отреагировать на праздничную красоту Ковалевой.

– Расфуфырилась! – прошипела тетка, сидящая с корзиной на коленях у прохода. – Я всю жизнь в одном ситце проходила, троих детей вырастила, а куда эта вертихвостка едет? На гулянки?

– А куда еще-то? Конечно, на гулянки! – задиристо ответила Нонка.

Кто-то из мужиков придвинулся к ней поближе, и, потеревшись как бы невзначай об ее спину, уперся выделившейся частью тела в ее зад.

– А ну, схлынь! – Нонка оттолкнула его что было силы.

Заробев, мужик слегка отступил, на его место, гневно сверкнув глазами, втиснулась Анечка. До города доехали без приключений. На автобусной станции приезжие разбрелись кто-куда. В универмаге давали китайские термосы. Очередь стояла в несколько рядов. Пробившись через толпу, подруги добрались до секции «Ткани». Здесь пахло пылью и затхлостью.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 41

– У нас в военторге и то ассортимент богаче, – Анечка разочарованно пробежала глазами по рулонам зимних отрезов скучных цветов. Нонка решила не сдаваться.

– А повеселей у вас ничего не найдется?

Лысый продавец в нарукавниках и с карандашом за ухом заулыбался надвигающейся на него красавице.

– А что вас, гражданочка, конкретно интересует?

Получив подробное описание Нонкиных интересов, он задумчиво пожевал оттопыренными губами.

– Есть тут у меня кое-что. Остался кусок, очень даже веселенький, – и он вытащил из-под прилавка скромный рулончик крепдешиновой ткани в горошек, любовно расправив его руками, на которых не хватало пальцев.

– Товар дефицитный, сами понимаете, могу отмерить только два метра.

– Нам хватит, – кивнула Ковалева, словно смилостивившаяся королева.

Она проследила за движениями продавца, ловко наматывающего материю на деревянную метровую линейку. Справился он и с ножницами, отрезав с легким лязгом отмеренный кусок. Счастливая Анечка побежала платить в кассу, а продавец так же умело завернул отрезик в скромный пакет и туго перевязал шпагатом. Ему хотелось задержать подольше покупательницу, скрасившую его унылый рабочий день, Нонка же принялась делать то, что у нее получалось лучше всего: кокетничать. И, как всегда, даже этот лысый и невзрачный с виду человек попал под ее обаяние. Пока Анечка стояла в длинной очереди в кассу, выяснилось, что Николай Николаевич (так звали продавца), бывший сапер, давно свыкся со своей скучной работой: «А куда еще возьмут с такими клешнями? В универмаге народ хороший, относятся ко мне с уважением». Нонка рассказала о своем одноногом отчиме и уже принялась описывать гул самолетов над селом, когда, наконец, влетела ее подружка с чеком в руках. В отделе «Ткани», где кроме них так и не появилось ни одного покупателя, больше нечего было делать. И тут Николай Николаевич снова полез под прилавок и достал оттуда новехонький термос. Китайский. На один литр.

– Вашему мужу он больше пригодится, чем мне. Подарить не могу, но продам по цене, за которую купил.

Нонка рассыпалась в благодарностях. Маленькая дамская сумочка, которую она носила подмышкой, не была рассчитана на покупки, но практичная модница прятала в ней авоську. Может, коробка с термосом в авоське и не придавала особой элегантности юбке солнце-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 42

клеш, но кому какое до этого дело, когда всё так удачно складывалось в ту летнюю субботу.

Каменск-Уральский – крошечная точка на карте, о которой не все даже знают, но в любом случае этот городишко больше Аничкиной родной деревни, не обозначенной нигде. Огоньки больших городов она видела только из окна поезда, примчавшего ее из Саратовского края на Урал.

– И чего мы всё в «Травянском» сидим? – возбужденно тараторила она, повиснув на руке подруги. – Куда пойдем-то?

Спрашивать не надо, ноги сами понесут в центральный парк, разбитый в любом мало-мальски населенном пункте бескрайней родины. Вот и в Каменске, назовем так город для краткости, нашлось такое место с белыми деревянными скамейками, круглой клумбой, засаженной анютиными глазками, кустами акации, гипсовыми фигурами пограничника с собакой, всегда готовой пионерки и спортсменов в союзе с рабочими и крестьянками. По выходным дням здесь играет духовой оркестр, работает «Павильон кривых зеркал» и крутятся карусели. А качели? Эти подлетающие к небу остроносые лодочки! Нонкина юбка разлеталась вокруг ее ног, выставляя напоказ упругие икры и незагорелые белые ляжки. Потом еще «Колесо смеха» и очередь в кафе «Льдинка», а вот и счастье: три разноцветных шарика мороженого, обильно политого клубничным сиропом со стаканом газировки. К семи часам стало темнеть, на дорожках зажглись фонари. Подружки заспешили на автобусную станцию. На выходе из парка, по зловонию, приглушенному запахом хлорки, они нашли домик с двумя заветными буквами. Нонка пошла туда первой, оставив Анечку ждать снаружи с термосом в авоське и сумочкой. На входе она остановилась в нерешительности: обе дырки в смердящую тьму были загажены настолько, что нужно было еще найти место, куда поставить ногу. И эти несколько минут спасли ее, потому что вслед за ней в уборную ввалился мужик. Нонка сопротивлялась молча и отчаянно. Крик замер у нее в горле. Мужик успел повалить ее на дощатый пол и задрать юбку, когда на него с истошным воплем налетела Анечка, молотя его термосом в авоське по голове и спине. Нонке удалось вывернуться из-под мужика и вцепиться в его рубашку, с треском разорвавшуюся в ее руках, мужик вырвался и убежал. Анечка погналась было за ним, но того и след простыл. Смотреть на Нонку было страшно. Ее бледное, словно обсыпанное мукой лицо, странно выделялось в сумерках. Она жалко улыбнулась Анечке, пытаясь справиться с ознобом.

– Как же я так пойду? Да и куда идти в таком виде?

Вид и правда был неприглядный: разорванная измызганная одежда, ссадины на лице и руках.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 43

– Как куда? В милицию пойдем. Там на выходе из парка отделение есть. Заявим на урода этого. Я, знаешь, че подумала? Не тот ли это мужик из автобуса, который к тебе прижимался? Точно не скажу, не успела разглядеть. Дак, он че, целый день за нами блындал?

– А я и вовсе его не разглядела, только вонь перегарную запомнила, – одернув юбку, Нонка вышла из уборной на дрожащих ногах. – Не могу идти, – она села на скамейку и закрыла лицо руками.

– Ну и чего сидеть тут? Пошли давай.

И Анечка довела ее до отделения милиции, где гражданка Ковалева написала заявление с изложением всех подробностей нападения. В тот злополучный день нашлись и добрые люди. Уборщица в милиции, увидев Нонку, всплеснула руками и принесла ей свой синий служебный халат, в котором, должно быть, не один год мыла полы в отделении.

– Ниче! Халат старенький, да чистый! Переоденься, девонька!

Автобусы в «Травянское» уже не ходили, и старшина на милицейском газике отвез подружек домой. Комендантша, впустившая их в общагу, хотела было высказаться про поздние возвращения, но, увидев Нонку, только и сказала, что теплой воды в душевой ей в самый раз осталось, бойлер еще не остыл.

– Это надо ж, – фыркнула Анечка, – чтоб в крокодилах просыпалось что-то человеческое, – и добавила с лукавой улыбочкой, – а термос-то в авоське как пригодился!

Кошкаров с недовольным видом читал приказ Командующего штабом Уральского военного округа о награждении полка денежной премией в размере двадцати семи тысяч рублей за успешное выполнение планов боевой подготовки в ходе проведения летно-тактических учений личного состава аэродрома «Травяны». Казалось бы, чем плохо, твой полк успешно провел учения, заслуженно был награжден, радуйся. Но не таким человеком был Александр Николаевич, чтобы радоваться не своим успехам. Особисты не получили из обозначенной суммы ни копейки, зато полковнику Малышеву отдельным приказом дали тысячу рублей премиальных. Комэскам – по пятьсот. Завидно? Да. Только в этом Кошкаров никогда бы не признался, даже себе. Он нашел бы любые причины допущенной несправедливости. «Разве Особый отдел не вносит свой вклад в работу полка?» – спрашивал он себя. И отвечал: «Вносит! Причем, решающий! Потому что без высокого морального духа и партийного долга ни один летчик боевого задания не выполнит!» И с этой глубокой уверенностью он перебирал последние сигналы, а вернее – доносы о неблагонадежности, попавшие на его стол. Вот, к примеру, рапорт на капитана

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 44

Зыкова, из-за халатности которого на гауптвахте повесился рядовой Садыков. Не успели передать дело в комендатуру. Чей недосмотр? Кошкаров припомнил этот инцидент, случившийся в начале года, перечитал рапорт самого Зыкова, составленный довольно грамотно. «Разбираться с замполитом не перспективно, – подумал он, – да и что это даст? Нет, надо копать под Малышева.» Кто ищет, тот всегда найдет. Если лавочник Шлиман откопал Трою, то майор Кошкаров откопал донос на Сергея Ковалева, который был замечен в прослушивании враждебных голосов и агитационной работе в коллективе авиационной части. «Вот это то, что надо!» – обрадовался Кошкаров.

Ковалев вернулся с учений обгорелый, с траурной черной каймой под ногтями. К удивлению Сереги, жена не обратила внимания на его грязную спецовку, воняющую тавотом, и не погнала мыться в душ. Она выглядела непривычно тихой. «Не рада мне, что ли?» – удивился Ковалев. Он стянул сапоги и босиком в одних галифе, с перекинутым через плечо полотенцем, пошел в душевую. И уже там Борисов пересказал Сереге то, что ему успела нашептать Анечка.

– Так вот оно что, а я смотрю, она мрачная такая, на себя не похожая, – только и сказал Серега.

Дома он повел себя как ни в чем не бывало: выпил налитую по случаю возвращения стопку, навалился на борщ и, хлюпая ложкой, принялся рассказывать байки из летной жизни техсостава. Нонка потихоньку отошла, заулыбалась, а когда Серега вытащил из чемоданчика наградные настольные часы, всплеснула руками и так похорошела, что ему оставалась только залюбоваться вернувшейся красотой жены. А ночью, когда их тела, наконец, разлиплись и, пролившая море злых слез, Нонка уснула, он испытал к ней такую нежность, которую не испытывал до этого никогда.

При первой же возможности Ковалев отправился в Каменск-Уральский, нашел нужное отделение милиции и переговорил со следователем. Ничего определенного тот сказать не мог, подробного описания преступника в деле не было. Закрыв тоненькую папку с заявлением гражданки Ковалевой, следователь с сочувствием поглядел на Сергея:

– Кое-какие меры мы приняли: усилили наряды дружинников в парке, а если кого словим за таким занятием, непременно вашу жену вызовем на опознание.

На том и порешили. Сергей вышел из отделения с тяжелым сердцем. В Каменске ему было нечего делать. Он равнодушно оглядел полупустую улицу с неторопливыми прохожими, проползающий мимо грузовик, мужчину на велосипеде со скрипучими педалями.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 45

Захотелось домой, на аэродром, в шум и привычную суету. Небо вдруг нахмурилось, из набежавшей тучи хлынул ливень. Серега припустил в сторону автобусной станции, но быстро промок и влетел в раскрытую дверь железнодорожной кассы. И там, словно осененный каким-то внезапным озарением, отстояв небольшую очередь, купил два билета до Ленинграда с пересадкой в Москве. Озарение-озарением, но отпуск ему полагался в сентябре. Просить о внеочередном можно было только Сан Саныча. Зыков посопел, уставясь на нахала, коротко задумался и махнул рукой:

– Пиши заявление на внеочередной по семейным обстоятельствам.

С таким заявлением можно было идти только к полковнику.

Зыков пробился к вечно занятому Малышеву. Тот бегло взглянул на лист бумаги.

– Ну и что у него там за семейные обстоятельства?

– Жена у него, понимаете… – Зыков вкратце пересказал инцидент с Нонкой. – Сама не своя после этого, – тут он для убедительности немного преувеличил состояние потерпевшей.

– Подожди! Ковалева! С нею уже была какая-то история. Зимой, кажется.

– Что поделать, красивая женщина, – вздохнул замполит, – украшение нашего полка, да и сам Ковалев парень хоть куда, награжден настольными часами за лучшие показатели в стрельбе из табельного оружия.

Неизвестно, какой довод больше убедил Малышева, скорее всего, он просто был в хорошем настроении, но так или иначе, Ковалев получил внеочередной отпуск.

И вот Нонка уже снова в поезде. Кто знает, может, в том, который проносился ночью мимо Оренбурга и был виден из ее окна. Ну, хорошо, пусть другой, но всё равно, уносящий ее через полстраны к прекрасному городу с фонтанами и мостами. И пусть мчится она туда не навсегда, а всего на месяц, но не к чужим же людям, а к матери своего мужа, умеет же она нравиться людям, так неужели свекровь ее не полюбит, не примет и не позовет доживать с невесткой остаток своей жизни.

Если и не такие мысли кружили в голове Нонки, то очень похожие. В вагоне было душно, из открытых окон несло гарью и копотью. В соседнем купе надрывался младенец, Серега уходил куда-то поиграть «в подкидного» или «забить козла». На остановках он выбегал на станцию и приносил жене то свеженьких огурчиков, то ягод в кульках, то журналы с газетами. Скучающая Нонка наткнулась на «Туманность Андромеды» в «Технике молодежи» и зачиталась

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 46

отрывком романа, попавшего к ней без начала и конца. Сосед по купе угрюмо не поддавался на ее приветливость и молча просидел всю дорогу до Москвы. Он отказывался от предложенных угощений, ходил раз в день в вагон-ресторан, принес оттуда две бутылки «Боржома», поставил их на столик, да так и не открыл. Правда, перекуривал с Ковалевым и, похоже, даже что-то с ним обсуждал. Любопытство жены Серега быстро пресек, коротко сказав, что товарищ, скорее всего, засекреченный.

– И с чего ты взял? – не поверила та, – а вдруг он обыкновенный шпион?

– Не, – уверенно возразил Серега, – шпион бы работал на доверие. Завел бы разговоры, туда-сюда. У них задача какая? Побольше разузнать, втереться-сдружиться, а этот человек серьезный, говорит, что командировочный. В Москву – по делам.

По делам – так по делам. Нонка дернула плечиком. В Перми свободную верхнюю полку заняла молодая женщина, прощебетавшая с ней весь остаток пути.

Ковалев угадал: загадочный пассажир был-таки засекреченным. Все лето проработал он на Байконуре, вырвался на неделю к семье в Свердловск и ехал теперь в Москву на встречу с людьми еще более засекреченными, чем он сам. Занимай он должность более высокую, летал бы на самолете, но, оставаясь простым инженером, ездил в поезде. И никто из его близких, не говоря уже о случайных попутчиках, не знал, что же такого секретного делал он в пыльном и жарком Казахстане.

Двадцать седьмого августа 1957 года черная тарелка репродуктора на кухне семейного общежития летчиков аэродрома «Травяны» объявил об успешном испытании многоступенчатой баллистической ракеты. Это известие государственной важности на кухне замечено не было, поскольку всё внимание привлекла к себе Нонна Ковалева в новом поплиновом халатике, рассказывающая об отпуске в Ленинграде. Налетевшим соседкам она раздала наборы открыток с видами города, значки и прочие мелкие сувениры.

– А в Москве-то что ж, совсем ничего не видели? – спросила Тоня Зыкова, рассматривая открытку с взметнувшимся «Медным всадником».

– Дак у нас и было-то всего два часа. Пока с чемоданами через площадь перешли на Ленинградский вокзал, народищу в жизни столько не видала: автобусы, троллейбусы, такси с шашечками, аж голова закружилась. Милиционер посредине стоит и палочкой полосатой движение регулирует, – Нонка шаловливо замахала руками.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 47

Девки на кухне прыснули. – Дак я даже башню Спасскую с курантами не видела, не то что Кремль.

– Ну ниче, бог даст, еще к свекрови не раз съездишь, наглядишься там на всякие достопримечательности, – что-то нехорошее послышалось в голосе Тони, но она вовремя отвлеклась на убегающее из ковшика молоко.

Про Кировский балет и Исаакиевский собор на кухне в «Травянах» сильно не заслушаешься, жизнь в провинции, как и везде, наполнена своими заботами. Довольно скоро девки вернулись к сковородкам и кастрюлям, да и Нонке пора было собирать на работу Ковалева. Рассказала она, конечно, далеко не всё хотя бы потому, что была человеком довольно скрытным. Зачем говорить о том, как поразил ее вид ленинградской коммуналки с десятком звонков на входной двери, тусклой лампочкой в длинном коридоре, кислым запахом из коммунальной кухни и очередью в туалет. Свекровь встретила ее настороженно, дав понять, что жить вместе в одной комнате, пусть и большой, она не будет, а значит, о ленинградской прописке нечего и мечтать. До этого, впрочем, было еще далеко. Для начала Сереже надо было бы перевестись поближе к дому. Своего разочарования («дак у нас в общаге и то народу меньше!») Нонка не продемонстрировала, на свекровь обиделась, но виду не подала, зато с восторгом гуляла по улицам и мостам прекрасного города, добралась, наконец, до золотого Самсона в Петергофе и посмотрела «Спящую красавицу» в знаменитом Кировском театре. Она еще и в Эрмитаж нацелилась, и в Русский музей, но в самый разгар отпуска Ковалевых настигла телеграмма, пересланная верной Анечкой из «Травян» о смерти Нонкиного отчима. Пришлось всё бросить и, наскоро накупив подарков для друзей, кинуться в Оренбург. Последних отпускных денег хватило на похороны и поминки отчима.

Восполнять прорехи в семейном бюджете Нонке пришлось за швейной машинкой, стучавшей теперь целыми днями. Где-то в начале сентября у Ковалевой отчетливо проявились признаки беременности, которую подтвердила врач из женской консультации. Реакция Сереги была странной: не то, чтобы он не обрадовался, но как-то задумался, чаще стал ходить в курилку, а когда Нонка спала, доставал какие-то бумаги и что-то писал, прикрывая лист левой рукой, как ученик, не дающий списывать соседу по парте.

...А лето меж тем подкатило к концу, и началась невиданная в тех местах теплая осень, настоящее бабье лето. В одно из воскресений мужики затемно уехали рыбачить на озера. Их ждали только к ночи. Мамаши вытащили малышей в колясках на лужайку перед входом в общагу. Коленька Зыков уже начал ходить и был похож на краба в

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 48

шароварчиках на кривых ножках. Нонка в блаженстве сидела на приступочке, подставив лицо осеннему солнцу. «Скоро живот полезет на нос, – думала она. – Надо пошить платье свободного покроя». И уже прикидывала фасончик, скрывающий от посторонних глаз «интересное положение» ее полнеющего тела. В небе было тихо. С утра ни один самолет не поднялся в воздух. «Это им керосину не завезли», – пошутила Анечка Борисова, раскладывая пасьянс на крылечке. «На короля погадать, что ли?» – лениво думала она, хотя ей и без гадания было всё известно про своего короля: приедет на бровях, ночью будет солить мелкую рыбешку, потом развесит ее сушиться на кухне. К Октябрьским как раз поспеет. А в таз запустит чего покрупней. Уху варить будет сам, зато есть будет вся общага, может, даже во дворе, если не накроет дождем. Три поллитры водки Анечка уже закупила в «васисдасе». Тонька свою рыбу нажарит. Это у нее лучше всех выходит. Тоже на стол поставит. За укропом надо бы сходить в село, но без мужиков было так скучно, что не было никакой охоты даже пошевелиться. Соседки лениво перекидывались словами, малышей унесли на тихий час, кто-то надумал затеять стирку, Анечка пошла к Нонке слушать пластинки и листать журналы мод и без того уже засмотренные почти до дыр. Время кое-как дотянулось до заката. За окнами стемнело, и вдруг с крыльца кто-то крикнул:

– Гляньте, девки, что на небе-то?

– А что там? – все высыпали во двор. У жен летчиков всегда наготове тяжелые предчувствия, но тут было что-то никогда еще ими не виданное: небо переливалось изумрудно-розовым заревом.

– Красота-то какая!

– Северное сияние это, – авторитетно заявила комендантша.

– У нас на Урале? – усомнилась Нонка, припоминая учебник географии. – Оно ж только на севере бывает.

На кухне включили радио, но радио ничего интересного не сообщило. Короче, еле дождались мужиков, которые, хоть и были поддатые, но какие-то на этот раз нешумные и, скорее, недоуменные.

Полковник Малышев с балкона квартиры в Каменск-Уральском тоже видел загадочное свечение. Про северное сияние он даже и не подумал. Совсем другое пришло ему на ум. Но сведений о новых атомных испытаниях у него не было, хотя, если разобраться, кто он такой, чтобы знать о подобных засекреченных мероприятиях. Интуиция подсказывала ему, что происходит, или уже произошло, нечто из ряда вон выходящее, связанное с объектом «Челябинск-40», местом, не помеченным на карте, но запрещенным для всякого рода над ним полетов. Немного пораздумав, он набрал номер дежурного Свердловского обкома партии. Ничего вразумительного ему не

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 49

ответили, кроме того, что загадочное природное явление наблюдается.

– Знаю я ваши наблюдения! – Малышев в сердцах бросил трубку.

Никто ничего не узнал и в понедельник. Весь день шел дождь, и загадочное свечение погасло само собой. Вечером общага собралась у Борисовых поесть ухи и немного выпить – завтра все-таки предстоял рабочий день, а ждать до субботы, чтобы побаловаться уловом, терпежу ни у кого не было. Нонку тошнило от запаха рыбы, и она, посидев немного с мужем для приличия, тихо ушла к себе. Музыку у Борисовых не ставили, и ей были слышны какие-то монотонные разговоры, под которые она задремала. Среди ночи Нонка проснулась. Удивительное дело: Серега не спал! Он сидел за столом и что-то писал в тетрадку. Спрашивать, что он пишет, было почему-то лень. Нонка повернулась на другой бок и снова уснула.

Вскоре осень взяла свое: пошли дожди, размокли в непролазную грязь дороги и поползли слухи. Где-то недели через две после загадочного свечения участковый инспектор шепнул Ираиде, что геологи своими приборами увидели радиоактивную аномалию неподалеку от Каменск-Уральского. Ираида шепнула Сан Санычу. Тот, запыхавшись, не обтерев как следует грязь с сапог, влетел в свою комнату в общаге:

– Тонь, а ты помнишь, когда мы с мужиками на рыбалку ездили, ну еще небо тогда светилось как-то странно?

– Ну?

– А Колька с тобою тогда на улице был?

– Ну? Дак ты че всполошился-то так? Пол весь истоптал. Че случилось-то?

– А то! Давай неси сына в поликлинику. Пусть проверят мальца.

Больше от него Антонина ничего дознаться не смогла, но Коленьку в поликлинику свозила, где получила ответ, успокоивший обоих родителей: сынок ваш здоров! А и правда, у него уже зубы полезли один за другим, да и щеки были видны из-за спины. Разве может быть такое у больного ребенка? Нет, конечно. Не может. Так что и осенью в жизни «Травян» ничего не изменилось, мужики всё так же бухали по выходным, иногда зачем-то приговаривая, что водка выводит из организма радиоактивные вещества. Про загадочное свечение все словно забыли.

Не был обеспокоен возросшим уровнем радиации и Кошкаров. Приближалась сороковая годовщина Октябрьской социалистической революции, время повышений по службе и наград, на что он очень рассчитывал. Рапорты от информатора исправно приходили к нему на стол, при желании, а этого у Кошкарова было не занимать, можно было раскрыть любое дело в рядах советской авиации, конечно, в

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 50

зависимости от обстановки в верхах. Вот это и была основная тема, волнующая особиста. И тут грянул пленум! Да еще какой! Вернувшегося из поездки по Югославии и Албании Жукова сняли с поста министра обороны, да еще и вывели из состава Президиума ЦК КПСС. «Это кого? Маршала Победы! Который убрал Берия, Молотова и всю примкнувшую к ним компанию! Звания не отобрали, но, считай, отстранили по полной программе! Ай да Хрущев! Дурак, вот я дурак! – терзался Кошкаров. – Как же я не понял, что там что-то затевается? Газеты-то не случайно заглохли про визиты Жукова! Я-то думал, что все передовицы забиты сообщениями о спутнике*, а тут вона дела какие! А что ж это Серов** дружка не отбил?» Вопрос был поставлен риторический, кто ж не знал, что идущий на дно страшнее прокаженного. «И погляди-ка, – Кошкаров впивался глазами в список, осудивших непартийное поведение Жукова, – все маршалы проголосовали за исключение. Все до одного! Так мне давать ход делу или обождать еще?» И Кошкаров сокрушался дальше, что прошляпил момент, когда можно было налечь на ослабление партийной дисциплины в полку под командованием Малышева, а уж после пленума, кто его знает, куда ветер подует, если Хрущев надумает разогнать авиацию, под горячую руку попадет и Особый отдел, а Кошкаров в «Травянах» давно пригрелся.

Малышева вызвали в Свердловск на совещание партактива Уральского военного округа. В тишине забитого до отказа зала звучал режущий голос человека с большими звездами, с которым три месяца назад после летних учений полковник выпивал за маршала Жукова. Теперь этот же человек говорил о том, что Жуков оттеснял руководящую роль Коммунистической партии Вооруженными силами, самостоятельно принимал решения о назначении на руководящие посты, выступал против увеличения штата политработников в армии и что-то о потери маршалом чувства скромности и растущем «бонапартизме». В прениях выступили люди со звездами поменьше, но с такими же режущими голосами. Постановление пленума ЦК КПСС одобрили единогласно. Домой Малышев вернулся с тяжелым сердцем. Что будет с аэродромом? Строить бетонную полосу еще не закончили. Денег больше могут не дать, теперь всё пойдет на межконтинентальные ракеты. Кто будет поддерживать дальнюю авиацию? Хотел было найти Захарченко, да прочитал в «Красной звезде», что тот переведен в ДОСААФ***. А там судьбу авиации не решают.

---

* Первый искусственный спутник Земли был запущен в СССР 4 октября 1957 года.

** Иван Александрович Серов – председатель КГБ.

*** ДОСААФ – Всесоюзное добровольное общество содействия армии, авиации и флоту.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 51

* * *

В семейном общежитии летчиков аэродрома «Травяны», обвешанном красными транспарантами и флагами, праздновали сороковую годовщину Великой Октябрьской революции. С утра смешанная эскадрилья Ту-шестнадцатых пролетела над Каменск-Уральским. К полудню оттуда вернулся автобус с женами и детьми, поехавшими смотреть военный парад. Стол накрыли в Красном уголке, где на месте портрета маршала Жукова уже висел портрет маршала Малиновского. Гуляли, как всегда, шумно и весело. Снова натащили на стол кто во что горазд, снова пили «Массандру», но танцевали на этот раз мало. Мужики сбились в кучу в конце стола и громко о чем-то говорили. Главной плясунье нездоровилось. Беременность проходила тяжеловато для Нонки, и она скоро ушла, оставив мужа одного в компании подвыпивших друзей. Дома прилегла «на часок», а проснулась посреди ночи. Сереги в комнате не было, на столе горела лампа со сдвинутым набок колпаком. Тут же лежала раскрытая школьная тетрадка в линейку. Любопытство пересилило Нонку, и она прочитала аккуратно выведенные рукой Ковалева строчки: «Борисов говорил, что стратегический бомбардировщик с атомной бомбой на борту можно отправить к вражеской границе, но в последний момент отменить сброс, а вот ракету отменить уже нельзя. Овсянников говорил, что бросать бомбу рядом с границей своего государства опасно, ветер может занести радиоактивные вещества на свою же территорию, поэтому нужно развивать ракетостроение. Потом он сказал, что надо бы развивать и то и другое, но денег у государства на это нет. Петренко нецензурно высказался о товарище Хрущеве».

Нонке стало трудно дышать: «Так вот что он всё время писал». Она молча подняла глаза на вошедшего в комнату Ковалева, тот с неизвестной ей ранее злобой, вырвал из ее рук тетрадку.

– Это же твои друзья, Сережа! Как ты можешь?

– А фонтаны кому нужны? Мне, что ли? В театры кто хочет ходить? Ленинград кому подавай? Особист знаешь, что мне сказал? Или рапорты пиши, или пойдешь в запас. А ты понимаешь, что это значит? Куда мы поедем, если меня сократят? Матери моей мы сто лет не нужны, ты это и без меня поняла. В Оренбург сама не хочешь.

Он кричал. Первый раз в их жизни он кричал на Нонну. Она хотела было сказать, что такой ценой не нужны ей никакие фонтаны, но в этот самый момент что-то словно лопнуло внизу ее живота, теплая кровь потекла вниз по ногам. Генка Овсянников отвез Ковалеву на своем мотоцикле с коляской в госпиталь, где спасти ребенка не смогли.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 52

* * *

Хотя папка с доносами разрасталась и пухла, подходящей информации на дело против Малышева у Кашкарова так и не нашлось. А через три года сбылись худшие опасения полковника: весь его полк уволили в запас. Особый отдел сократили, отправив на пенсию и Кошкарова. Общежитие опустело, разлетелись соколы кто куда. Тогда казалось, что «Травяны» умерли навсегда, но аэродром снова ожил, когда там разместились вертолетчики. Потом ушли в запас и они. У каждого аэродрома, как и у людей, есть своя жизнь, которая когда-нибудь кончается. Летом через трещины заброшенной бетонной взлетной полосы прорастают одуванчики, сурепка и прочая сорная трава. Герои моей повести давно умерли, хотя, нет, Коленька Зыков, вернее, полковник в отставке Николай Александрович Зыков, – жив до сих пор.

Нью-Йорк

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Владимир Батшев

Серым по белому

*Книга первая романа-приквела**

ПРЕССА

«Неугомонные характеры»

В Сингапуре и Австралии малороссийские танцоры откалывают такого гопака, что широкозадые фермеры по три дня не вылезают из мюзик-холла и пьют горькую.

В Потсдамском дворце отчаянный бильярдист Саша Зубков вступает в законный брак с княгиней Шаумбург, принцессой Липпе и сестрой кайзера.

В Нью-Йорке Игорь Сикорский на американские деньги строит «Илью Муромца».

В Париже атаман Удовиченко просвещает французских судей на счет атамана Тютюника.

В Буэнос-Айресе Алехин публично вгоняет в пот Капабланку.

А в это самое время дикие арабские племена Бэни-Мэллал-Ибн Халла-Ахси похищают мирно прогуливающуюся по экватору мадам Прохорову.

Снилось ли нечто подобное Джеку Лондону или его издателю?

Думаю, что не снилось.

«Последние новости» (Париж), 9 ноября.

Выходит Троцкий налегке,
А вслед за ним, угрюм и страшен,
С метлой в надежном кулаке,
Высок, упрям, монументален
И матов, Господи спаси,
Грядет невыразимый Сталин,
Великий Дворник всей Руси.
А в этот миг, какая каша,
Какая выдумка и бред!..
Зубков-фон-Шаумбург-фон-Саша,

---

* «Серым по белому» – приквел к роману В. Батшева «1948», НЖ, № 302, 2021. Действие его начинается в 1920-х годах, когда герои еще молоды и полны сил и планов. Журнальный вариант.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 54

И эмигрант, и сердцеед,
И ветрогон, и ловкий шельма,
Являя храбрости пример,
Вступает в брак с сестрой Вильгельма,
Который стал ему бо-фрер!..
А там, глядишь, с послом французским.
Через пустыню, чрез пески,
Спасать каких-то барынь русских
Спешат зуавы и стрелки.
Затем, что, бывши полом слабым,
С мятежной русскою душой,
Попали барыни к арабам... –
«Как будто в бурях есть покой»!
Итак, куда ни ткнешься, всюду
Маячит русский силуэт.
К добру ли это, или к худу,
Решать, пожалуй, я не буду,
Да и решений общих нет.
Подобно многим, верю чуду,
И говорю: с Востока – свет!
Восток и свет в Зубкове Саше,
И в этой Прохоровой Маше,
Кого в Марокко дивный рок
Увлек и вправду на Восток.

Дон-Аминадо. Маленький фельетон.
«Последние новости» (Париж), 22 ноября

ДОКУМЕНТЫ

ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ ВНЕ ЗАКОНА ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ – ГРАЖДАН СОЮЗА ССР ЗА ГРАНИЦЕЙ, ПЕРЕБЕЖАВШИХ В ЛАГЕРЬ ВРАГОВ РАБОЧЕГО КЛАССА И КРЕСТЬЯНСТВА И ОТКАЗЫВАЮЩИХСЯ ВЕРНУТЬСЯ В СОЮЗ ССР

Постановление ЦИК СССР от 21 ноября 1929 г.
СЗ СССР 1929 г. № 76, ст. 732

1. Отказ гражданина СССР – должностного лица государственного учреждения или предприятия СССР, действующего за границей, на предложение органов государственной власти вернуться в пределы СССР рассматривать как перебежку в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и квалифицировать как измену.
2. Лица, отказавшиеся вернуться в Союз ССР, объявляются вне закона.
3. Объявление вне закона влечет за собой:

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 55

а) конфискацию всего имущества осужденного;

б) расстрел осужденного через 24 часа после удостоверения его личности.

4. Все подобные дела рассматриваются Верховным судом Союза ССР.

5. Имена объявленных вне закона подлежат сообщению всем исполкомам Советов и органам Государственного Политического Управления.

6. Настоящий закон имеет обратную силу.

«Известия ВЦИК и ЦИК СССР» (Москва), 22 ноября

ПРЕССА

«Кто подделывает доллары?»

«Сообщение о распространении фальшивых банкнот составляло сегодня предмет толков в банкирских кругах и на фондовой бирже. Пока ни фальшивомонетчики, ни их оборудование не обнаружены. Но следствием установлено, что некто Франц Фишер, проживающий по адресу Нойе Винтерфельдштрассе, 3, пытался сбыть поддельные банкноты в Берлине. Он вернулся из России в марте 1929 года».

«Берлинер тагеблатт», 23 января 1930 года

«Кремль финансирует Гитлера»

Сталин немыслим без Гитлера, как Гитлер немыслим без Сталина. Это – две дополняющие друг друга системы откровенной диктатуры, самой черной реакции, самого свирепого угнетения широких трудовых масс. Это две системы, объявившие борьбу не на жизнь, а на смерть всем демократическим традициям, великой эволюционной программе социального преобразования. Они не могут не быть явными и верными союзниками. Вопрос о «вывеске», о названии этих двух систем – «коммунистической» и «нац-социалистической» – не играет никакой роли. Обе системы преследуют одну и ту же цель: заменить демократическое правление народных масс правлением кучки фанатиков, жалких прожектеров, явных негодяев и тайных карьеристов.

Несмотря на «флирт Кремля с Гитлером, обе стороны, конечно, надеются надуть друг друга, но это – две преступные силы, которые толкают Европу в сторону новой войны, желая «утопить» начавшийся процесс ее политического и экономического оздоровления в потоках крови. Сталин и Гитлер делают ставку на новый мировой пожар, огонь которого, по их мнению, должен подточить фундамент послевоенной Европы и сделать ее легкой добычей гитлеровских и сталинских «диктатурщиков», причем сотрудничество их «не только словесное», но выражается «и в конкретной реальной программе совместной военной работы, программе подготовки новой войны».

«Борьба» (Париж), 30 сентября 1930

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 56

WIEN, АРТУР, 1928

– Всё, – вслух произнес Артур и оглянулся, будто его кто-то мог услышать.

Ночь наступила медленно, не успев захватить весь город, который светился огромной медузой в ночном море.

Артур достал из кармана пиджака зачетную книжку и положил ее на скамейку.

«Хватит сантиментов», – подумал он, отрывая спички от картонки. Спичка вспыхнула, осветив темные слова на серой бумаге, и сразу же пылающий факел оказался у него в руке.

Он помахал горящей картонкой и бросил вниз, вздохнул и посмотрел под ноги: внизу тихо текла река. Дунай равнодушно принял жертву, проглотил и понес свои воды дальше – к далекому морю.

«Инженером я уже не буду, – думал он, – но как сообщить родителям, что им написать? Нет, не буду пока ничего писать, потом, позже напишу. И Еве ничего не напишу.»

Под фонарем он вытащил из карманов деньги.

– Хватит, – подсчитал Артур и пошел в публичный дом, куда они ходили с однокурсниками.

Утром он сделал второй шаг к новой жизни – отправился в Венское представительство сионистской организации. Его внесли в списки ожидающих разрешения на иммиграцию – как сельского рабочего.

Руководитель представительства доктор Блауэр с недоумением поглядывал на Артура. У доктора сын учился в университете, и он ни за что бы не позволил ему пуститься в столь нелепую авантюру. Считать себя сионистом – это одно, но к чему мальчику из хорошей семьи отправляться в дикие места к москитам и арабам?

PARIS, 16 ARRONDISMANT

Жанна встает по-деревенски – рано.

Муж спит, она осторожно подтыкает одеяло, чтобы не проснулся от холода.

Она идет на кухню. Кухня маленькая, но хорошо, что она есть, – на старой квартире кухни не было, они готовили еду на плитке.

Нет, новая квартира (Жанна называет ее до сих пор новой, хотя живут они в ней уже четвертый год) очень хорошая: две комнаты, кухня, газ, газовая колонка для подогрева воды. В доме лифт – правда, он доходит только до пятого этажа, и на шестой приходится подниматься по лестнице. Зато на шестом этаже только одна квартира – в

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 57

ней живет Жанна с мужем. Никаких соседей, а значит – никаких конфликтов.

Она зажигает газ, ставит воду для утреннего кофе.

Ах, да. Надо вынести горшки.

Она возвращается, забирает два горшка из-под кровати – свой и мужа, и идет к выходу. Здесь ставит горшки на пол, открывает дверь в подъезд, снова берет горшки и выносит их.

Одно неудобство – уборная между этажами. Но нет худа без добра: уборная – последняя в подъезде: между пятым и шестым. И пользуются ею только они. В уборной муж и курит. Поэтому в квартире всегда свежий воздух. Конечно, не тот, что в деревне, но свежий. Жанна повесила на стенку картинки из журнала, поставила на подоконник пепельницу и сшила мешочек для бумаги. Она аккуратно режет старые номера газеты на ровные кусочки размером с мешочек. Бумага в мешочке не убывает – Жанна следит за этим. Конечно, можно купить в магазине специальную туалетную бумагу, но зачем тратить деньги?.. Муж выписывает русскую газету, и когда он прочитывает, то Жанна использует ее по назначению – для туалета и для окон. Когда она моет окна, то вытирает стекла газетой. Стекла блестят, и становится весело.

Жанна возвращается с пустыми горшками, моет их под краном и относит на старое место – под кровать. Там чисто – она вчера мыла пол. Ее приучили к чистоте родители. У них дома, в Бретани, всегда чисто.

Родителям Жанны нравится Мишель. У него ровный характер. Такой и должен быть у шофера. Такой и должен быть у мужа Жанны. Отец видит, как благотворно повлияло замужество на дочь. За четыре года она стала совсем другой. И дело не в том, что живет в городе. Изменился характер.

Да, Мишель зарабатывает немного. Но достаточно для семьи. А семья – главное в наше непростое время. Мишель никогда не просит взаймы, а это показатель, что он прочно стоит на ногах. Они не имеют долгов. Очень хорошо. Жить с долгами – как с вечным грузом за плечами.

У Жаны и Мишеля есть большой вместительный шкаф. Отец хотел дать Жанне в приданное добротный деревенский шкаф, но Жанна отказалась. Что за деревенщина, в адрес шкафа презрительно говорила она, потому что чувствовала себя парижанкой, – целый год жила и работала в Париже. Свой шкаф они купили в Париже в специальном магазине мебели. Жанна потому и чувствовала себя парижанкой, что все вещи у нее в квартире новые, купленные в Париже.

Жанна работала в большой страховой конторе – разносила бума-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 58

ги, сортировала конверты, убирала кабинеты. Сотрудники подтрунивали над ней, когда приносила почту:

– Жанна – наш новый секретарь!

И она улыбалась в ответ, она понимала свое место.

Но всерьез ее не принимали, не раз слышала за спиной: «Деревенская». Но ей всё равно.

Она снимала комнату в 15-м округе у дальних родственников, таких дальних, что они почти не общались с ними, а только передавали приветы. Возвращаться домой следовало до десяти вечера; однажды Жанна опаздывала – пошла после работы в кино, пришлось взять такси. Водителем оказался Мишель.

У него замерзли руки, и он долго не мог отсчитать ей сдачу. Жанна подзадоривала его и говорила: «Все шоферы так делают, я знаю, думаете, я ждать не буду и уйду, но я не такая, мне мои деньги трудом достаются».

Он ей сразу понравился. Он встретил ее после работы и повел в кино – не в ту дешевую киношку, а в шикарный кинотеатр на Больших бульварах. А потом они пошли на танцульки, и, хотя Мишель танцевал не очень хорошо, Жанне понравилось. Ей нравились его рассказы. Он рассказывал о войне, о своей родине, о страшных зверях и не менее страшных людях по имени *большевики.* Он не знал многих французских слов, которые известны любому хулигану, и Жанна была рада просвещать Мишеля. Слова казались Мишелю неприличными, но Жанна считала, что он должен и такие слова знать.

Они пришли в квартиру Мишеля, и Жанна осталась до утра. А после работы Мишель отвез ее за вещами.

Она звала его Миха, ему было приятно, потому что это от его настоящего имени – Михаил (Жанна называла иногда Михаэль).

Жанна любит, когда в доме чисто. Она умывается и думает, что ей повезло, – муж ей попался чистюля, что редкость, как она считает. Хотя Мишель – шофер, он после смены всегда моет руки, а когда приходит домой, принимает душ.

Ах, забыла! У них же теперь есть свой душ! И они с мужем, словно богатые люди, как аристократы, могут мыться, когда захотят. Два приятеля мужа принесли душевую кабинку, установили ее, подключили воду. И поставили биде. Конечно, консьержка сначала возражала, но мужнины приятели и ей принесли кабинку и сделали душ, и теперь они с ней лучшие подруги.

А что такое душ? Это каждый день – чистое тело. А что такое чистое тело? Это значит, что белье дольше носится. Его не надо часто стирать, потому что ты чистая, и муж чистый, и не надо раз в неделю

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 59

нести узел с бельем в китайскую прачечную. Китайцы хорошо стирают и очень аккуратны с бельем. Конечно, в третий округ ехать – не в лавку сбегать, но лишняя прогулка никогда не помешает. А иногда и муж на машине отвезет.

Душ – это от богатых, конечно. Они с Мишелем небогатые люди. А что такое богатство? Муж прав: возможность создавать себе любые удобства. Собственный душ из категории удобств. У богатых, конечно, есть собственные бассейны. Но для бассейна нужен собственный дом. И не такой, как у родителей в нормандской деревне, а такой, как в кино. И не дом, а вилла. Как у Греты Гарбо в фильме…

Жанна прерывает свои глупые мысли, заваривает кофе и размышляет, что как хорошо иметь умелые руки, которыми можно делать полезные вещи. У мужа – не умелые руки. Он может прибить гвоздь, но не с одного удара, как ее отец. Зато он на хорошем счету в гараже. Он – шофер, разбирается в моторе и почти уже выкупил машину, которую ему продал в кредит владелец гаража. У него были деньги, которые он копил, как раз хватило на первый взнос.

Владелец гаража, кстати, русский. Более того – бывший дипломат. Чуть ли не большевистским послом служил. Потом поругался с большевиками. Они хотели его убить, но он убежал от них. Так и убежал – перелез через стену посольства и убежал. А то бы убили. У большевиков есть ГПУ, муж рассказывал. Это – тайная полиция. Но дипломат убежал и теперь владеет гаражом, где у него шесть автомобилей. И никакого ГПУ.

Она смотрит на часы. Кофе выпит, надо идти.

Внизу она здоровается с консьержкой, та занята кормлением свой таксы. Уже прогуляла псину и теперь ублажает обрезками дешевой колбасы.

Как хорошо жить без долгов, думает Жанна. Год назад они задолжали и мяснику, и в овощной лавке, и надо было прятать глаза, потому что покупала в долг, и он рос каждую неделю, только у булочника не стыдилась и улыбалась ему каждый раз, когда покупала багет и круассаны, а по воскресеньям и меренги, и он ей тоже улыбался, и подмигивал, и она смеялась в ответ.

Да, прошлый год был трудным годом. Не зря он по китайскому гороскопу считался годом овцы.

А нынешний год – високосный. Должен быть удачным. У мужа работы много, они уже откладывают на отпуск, ему полагается, как члену синдиката, – две бесплатные недели, и они поедут к морю, а не в деревню к ее родителям.

Ее окликают – приятельница Жанны, служанка из дома напротив. Она бретонка. У ее родителей сыроварня, как и у отца Жанны.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 60

Только у нас сыр овечий, думает Жанна, а у них – из коровьего молока. Наш дороже и вкуснее. Но «комталь» тоже хороший, она любит этот сорт.

Приятельница рассказывает о своих господах – она второй год служит у русских на l'avenue du Colonel-Bonnet, 11 bis. Супруги уже в возрасте, они живут в квартире давно, купили еще до войны, вместе с ними живет секретарь. Они очень приличные и вежливые люди. Бывшие русские. Он зовет жену *Синаида*, громко кричит: «*Сина! Сина*!» – А секретарь иначе: «*Синаида Никална*»… Вообще, сдается, что у секретаря с хозяйкой шуры-муры… – она хихикает, показывает на пальцах.

– Да что ты, он же моложе лет на двадцать.

– Ну и что, что на двадцать, молодой всегда лучше старого. А по воскресеньям, когда я не работаю, у них гости. Каждое воскресенье гости.

– А кто же убирает за ними, в понедельник, – ты?

– Нет, секретарь убирает, посуду даже моет.

Они обходят старый каштан, который много лет стоит у не менее старого дома со ставнями, на которых давно облупилась краска.

Женщины переглядываются, но ничего не говорят, потому что им хочется сказать одну и ту же фразу: «Когда же хозяин покрасит ставни?»

PRAGUE. ЛИДА, 1928

Фон Тизенгаузен.

Лидия Оскаровна,

4 августа 1910 года, Рига.

Русская немка (именно так!)

Ломоносовская гимназия в Риге (золотая медаль), Пражская Высшая школа коммерции, юридический факультет (диплом с отличием), немецкий, русский, английский, латышский, чешский (со словарем),

Она была девушкой, которая:

не дичилась ребят,

разрешала однокурсникам списывать контрольные,

танцевала модные танцы,

брила подмышки,

носила косы,

играла в пинг-понг (очень хорошо), «дурака» (как все), домино (при случае), шашки (с подружкой), маджонг (никогда не выигрывала), скрэбел (для упражнений в английском языке),

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 61

плавала, бегала, прыгала в длину (в высоту не получалось),

в гимназии возглавляла женскую спортивную команду,

в Праге считалась у профессоров самой успевающей студенткой,

а у подруг самой современной («Целуйся со всеми, но в постель ложись с одним»),

ходила с однокурсниками в пивные,

курила (если угощали),

не пропускала ни одного нового кинофильма (особенно американского),

«Любовник леди Чаттерлей» и «Манхэттен» – любимые книги.

С родителями старалась общаться как можно реже (благо они жили в своем маленьком поместье в Латвии), потому что мы, молодые, – люди другого сорта, а родители не могут понять современную молодежь… Ну, на то они и родители, чтобы вечно поучать.

А ее не надо поучать.

Так что же ее родители?..

Автор со всей ответственностью заявляет, что родители Лиды очень приличные люди, из тех остзейских Тизенгаузенов, которые много лет служили российской короне не за страх, а за совесть, а после крушения монархии вместе с другими балтийскими немцами пытались сохранить свою немецкую идентичность и создать Курляндское герцогство. Тем более, в Прибалтике находились немецкие войска. Но латышские националисты во главе с Карлом Ульманисом думали иначе и провозгласили латвийскую республику.

Германский уполномоченный в Балтии Август Винниг именовал правительство Ульманиса «аферистами» и откровенно напоминал его членам, что они живут на германских хлебах, на германские деньги и прочность их государства гарантируется немецким оружием.

В Германии произошла революция, и Курляндское Герцогство не состоялось.

В Прибалтику рвалась советская власть. Вождь красных латышей Петр Стучка решил поднять боевой дух латышских стрелков за счет «национального вопроса»: он издал декрет об изгнании из страны местных немцев.

Идеология большевизма считала немцев угнетателями народа: под лозунгами «Смерть немцам!» красные латышские стрелки мстили «ненавистным баронам». Стучка провозгласил: «Уничтожать 100 немцев за каждого убитого большевика». Началась резня. 5000 человек стали жертвами «красного террора» в Латвии. Больше всех пострадало немецкое меньшинство и духовенство. Тизенгаузены бежали в Либаву, где находилось правительство Ульманиса. Лучше Ульманис, чем Стучка.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 62

Лида на всю жизнь запомнила запах горевших домов и вкус мокрого ржаного хлеба.

Когда красных выгнали из Латвии, новые латышские власти начали ущемлять местных немцев – так велела им доктрина собственной независимости.

Родители каждый день повторяли, что это скоро кончится, но ничего не кончалось, а местные власти запретили немцам иметь поместья больше 20 гектаров, занимать посты в государственном аппарате, заниматься адвокатурой и юриспруденцией, и Лиду отдали в русскую гимназию – осколок разбитого прошлого, потому что там будет безопаснее, и она скоро поняла, что русские ближе латышам, чем немцы, и уже называла себя русской, чтобы не выделяться из общей массы.

Начальница гимназии, в неизменном сером платье, застегнутом на бесчисленные пуговки, – по ним так славно было гадать втихомолку «любит-не любит», – обучала восьмой класс английскому языку, и ее больше всего интересовало, достаточно ли похожи на будущих дам ее воспитанницы.

Классная дама носила парик, и радости девочек не было конца, когда он съезжал на бок. Весь учительский состав был в меру требовательный и уютно старорежимный.

На переменках – прогулки по коридорам с книксеном перед классными дамами и преподавателями; высокие, просторные классы и двухсветный зал с огромными окнами и зеркальным паркетом. И вот на этом паркете, через три месяца, когда пройдут выпускные экзамены, тридцать две девочки закружатся в вальсе на единственном в их жизни «Белом балу». Там, по традиции, кроме них и преподавателей, будут только приглашенные по их выбору молодые люди.

Сердце девушки в тот момент было свободно, и мысль о выборе кавалера не очень ее волновала, но всё же она согласилась на предложение подруги пойти за советом к гадалке.

Какие перспективы? Окончить гимназию, поступить на службу, выйти замуж, или – о, предел несбыточных мечтаний! – уехать учиться за границу. Служба – скучная канцелярская работа – не сулила радужных перспектив, так же как и замужняя жизнь в Риге, – но поездка за границу!.. От одной мысли на сердце сладко скребло и взгляд мечтательно туманился.

Рига угнетала провинциальностью, хотя она любила ходить в кафе у собора пить кофе со сливками, а в выпускном классе они с девчонками покупали пирожные, а к ним ликер со взбитыми сливками.

В кафе постоянно толкались артисты и газетчики, и композитор Оскар Строк исполнял свои мелодии, а полупьяный поэт Перфильев

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 63

за обед или бутылку вина тут же писал ему очередные «Черные глаза».

Вместе с родителями она посетит Париж и Берлин, и немецкая столица понравится, а Париж разочарует своей грязью, шумом, разноплеменным гулом голосов.

Она поедет к дальним родственникам в Прагу и неожиданно почувствует этот город своим.

Страшно очутиться в чужой стране, впервые на свой страх и риск, без материнского крылышка. Но прыгнув с закрытыми глазами в холодную воду, не ищешь дороги назад – да и к чему? Сама этого хотела! Здесь шумно и крикливо, чужие люди говорят на непонятном языке. У отважной Лиды защемит сердце.

Красный мяч солнца рвется сквозь мглистый туман; вдоль расходящихся лучами улиц выстраиваются серые каменные дома. Снуют прохожие; всюду порядок и чистота, слегка только припудренная сажей от копоти бесчисленных труб, особенно обильно падающей в сырые дни. Непривычно длинный трамвай с редкими остановками помчится по незнакомым улицам.

– Королевские Виноградники, – услышит она и поймет, что надо выходить.

«Королевские Виноградники» – нечто среднее между старой и новой Прагой. Дома там солидные, не очень старые, но и не слишком модные; квартиры в них удобные и вместительные.

В одном из этих домов, на Коронной улице, против водокачки, проживала дальняя родственница Тизенгаузенов с дочерью Евгенией, студенткой университета. Теперь там должна поселиться и Лидия.

Вот и нужный дом. Она позвонит. Ей откроют, и она войдет в большую и светлую комнату.

Евгения с любопытством станет ее рассматривать, и Лида почувствует свою рижскую провинциальность, вскинет голову, но в горле что-то застрянет, и она судорожно сглотнет.

Паркет натерт до блеска; высоко вздувающаяся пуховиками кровать прикрыта белоснежным покрывалом. Поймав мечтательно устремленный взгляд усталой Лиды, родственница заметит: на кровать днем садиться нельзя, мама не велит.

А на каком языке с тетей, извини, с твоей мамой, говорить – можно на немецком?

Ну, конечно, в Праге все говорят по-немецки, я по-русски только с отцом говорю, да вот с тобой, а обычно по-чешски или по-немецки.

А у нас дома по-русски, а на улице или в гимназии, или в присутственных местах – по-латышски или по-немецки, хотя немецкий теперь не в ходу.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 64

Это твоя комната, смотри, какой вид из окна, а чемодан ставь сюда, а еще лучше на шкап. Тебе нужно привести себя в порядок с дороги, вот сюда... а почему у тебя косы?

Мама запрещает стричься

какие консервативные нравы

а у тебя какая прическа

«микадо»

мне бы такую

а как твоя называется

«ракушка», но обычно я ношу «французский водопад» или «греческий стиль»

а как это

я тебе покажу, ой, у нас в Риге такая же ванная

вот и хорошо, чувствуй себя как дома.

Она освежится, уложит получше косы и вместе с Евгенией отправится набираться сил. В кофейной ее удивит, что Евгения требует непременно «черствый» хлеб. Оказывается, что «черствым» в Чехии называют именно свежий хлеб. После бессонной ночи в вагоне ароматный кофе с еще горячими «черствыми» булочками – идеальное средство для восстановления сил.

– Теперь прежде всего, – авторитетно решает Евгения, – запись в университет. Хотя, скажу честно, я против университета, там же учат по старым российским учебникам, старые профессора из России, профессора – почти сплошь юристы.

Я тоже хочу на юридический

А для чего

Не пойму тебя, образование получить, хотя понимаю, понимаю, ты хочешь сказать, что они учат студентов не международному праву, а… Ну да, ты сразу поняла! А кому они нужны со знанием российских законов? Вернутся в Россию со знанием ее старых законов и уложений? А России десять лет как нет, а в Совдепии свои законы. Знаю, есть там профессора, которые читают курс советского права, но зачем? Для чего? Для кого?..

Евгения, ты гений! Конечно – чепуха, кто возьмет на работу бывшего эмигранта

Идем к нам, в «комерцалку», там тоже юридический факультет

Настоящий?..

Еще какой настоящий! Я-то на финансовом отделении, но знаю ребят с юридического. Тебе именно туда надо – там почти все профессора на немецком читают, есть и на чешском, ноты выучишь, ты способная, я вижу.

Евгения поведет Лиду в «Высшую Коммерческую Школу» –

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 65

красивое, светло-серое здание в нижней части города у подножия ведущей наверх лестницы.

Лида переступит порог с понятным волнением, но без большой уверенности в возможность поступления: в поезде успела прочитать газетную заметку о том, что румынское правительство обратилось к чешским властям с просьбой аттестаты русских гимназий на его территории действительными не признавать.

Всё разыграется как по нотам: Лиду запишут вольнослушательницей, но для включения в списки учащихся необходимо сдать проверочный экзамен при профессорской коллегии.

Грустная Лида сообщит новость поджидавшей ее Евгении.

– Чепуха, – решит та, – ты только что окончила, башка твоя хорошо варит, конечно сдашь!

– и тут же увлечет ее по комитетам, профессорам, и т. д., пока не добьются назначения через десять дней страшноватого, но дающего все нужные права экзамена.

На следующий день хорошо выспавшейся Лиде пражское туманное солнце покажется ослепительным.

Теперь она заживет новой самостоятельной жизнью, замелькают полные впечатлений веселые студенческие будни. Но это послезавтра, а завтра воскресенье, и Евгения поведет ее знакомится с городом.

Ах, как же Прага похожа на Ригу – дождями, туманами и даже серебристой Влтавой, которая, словно прокладывает своим течением грань между двумя мирами.

Один из них – старый город, с готическими церквами, дворцами барокко, улицей алхимиков, полутемными музеями и пороховой башней. На искусно-замысловатых часах старой ратуши каждый час кричит петух, а в двух окошечках проходят двенадцать Апостолов и Иисус Христос, благословляют собравшихся поглазеть людей. На Карловом Мосту бронзовая доска с барельефом указывает место, где был сброшен в воду Святой Ян Непомук, за отказ выдать судьям тайну исповеди прекрасной королевы. А на площади, против церкви Святой Марии Тынской, суровый Ян Гус поднял обличительную руку, кажется, сейчас произнесет одну из своих пронзительных речей.

Кривая улочка за этим памятником ведет к православному храму Святого Николая, где истово, по-монастырски, служит любимый всей паствой епископ. Храм полон молящихся и ярко озарен бесчисленными огнями люстры из горного хрусталя, дар Царя-Миротворца.

В низкой, сводчатой пивной «У Флеку» по сей день жива память о посещении ее Петром Великим, который, выпив множество кружек пива, был провозглашен «пивным королем».

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 66

Перейдя границу нового города, попадаешь в царство модных ресторанов, нарядных витрин и высоченных стеклянных коробок, именуемых по-чешски «мракодрапами» (облако-скребы), однообразие которых приятно нарушается красочным цветочным рынком, уютным старым кафе или живописной «винарней».

Войдя в круг жизни студенческой молодежи, деля с ней как учебные интересы, так и увлечения музыкой, кино и танцами, Лида сразу же полюбила старый университетский город. Там приятно гулять, находя что-то новое. Чего стоил монастырь на Лорето с его знаменитой бородатой красавицей, чья благочестивая молитва о лишении женской привлекательности была услышана, и чудо совершилось в ту же ночь; и изумительный храм Святого Витта, возвышающийся над Прагой, который строился несколько веков и отразил на себе физиономию каждого; огромный зал для турниров в королевском замке, на Градчанах – в середине его находилась арена, и рыцари въезжали туда в доспехах с копьями в руках, чтобы показать свою доблесть и сразиться за прекрасных дам.

Но говоря о достопримечательностях старой и новой Праги, нельзя не упомянуть ее многочисленных спусков и лестниц. Каждому, кто учился в Праге, или же коснулся отрезком своей юности студенческой жизни, хорошо памятны эти лестницы. Лида делила их на деловые и романтические. «Деловые» находились в районе центра и Политехникума; они были просто наклонным продолжением улиц, составляли часть ежедневной, будничной жизни и никакого интереса собой не представляли. Разве что, придя чересчур рано на лекцию, можно было, спускаясь, не спеша, считать для развлечения бесконечные ступени. Но эти случаи были редкими, можно сказать, исключительными, ибо кто же из пражских студентов и студенток вставал с запасом времени, жертвуя последними, особенно сладкими, минуточками сна? Поэтому, добравшись – пешком или трамваем, в зависимости от состояния финансов, – до спускавшейся к Школе лестницы, Лида проделывала этот спуск с головокрушительной скоростью. Особенно увлекательно, и даже рискованно, бывало это в дни гололедицы, которыми так богата пражская зима. Однажды, разбежавшись, Лида пролетела фактически три пролета лестницы, и неизвестно, сколько ребер и костей у нее бы осталось целыми, если бы подоспевшие студенты не остановили ее головокружительный спуск.

Что же касается лестниц «романтических», то они находились в старом городе, вдали от учреждений и университета, и никому в голову не пришло бы по ним бегать. Самая достопримечательная, конечно, старая замковая лестница, – она спускалась полого с горы.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 67

Пролеты ее разделялись большими площадками, по обеим сторонам которых были расположены овальные ниши. Для чего эти ниши строились, стояли ли в них во времена чешских королей статуи, – никто не знал, память об этом ушла во тьму веков. Но отсутствие статуй не огорчало и не беспокоило студентов, и по вечерам, при луне или без нее, ниши были отличным местом для отдыха. Из них открывался чудесный вид на Прагу; они служили верным убежищем от ветра и непогоды, и порой они давали возможность поведать друг другу, без ненужных свидетелей, самые важные и доверительные секреты.

На юридическом факультете, куда, удачно смахнув трехчасовой «коллок», поступила Лида, собралось много симпатичной молодежи, немецкой и чешской. Они дружили с русскими студентами университета (немного завидуя, что те получают стипендию от чехословацкого правительства), не пропускали ни одного интересного спектакля, пробираясь по дешевым студенческим билетам-«сниженкам» на концерты Жарова и Шаляпина и на спектакли Московского Художественного Театра (Пражская труппа); дружно хлопали Павловой, а от пения Умберто Урбано весь женский состав компании поголовно млел. Самое интересное, понятно, было вызывать красивого итальянца на бис, ибо тогда можно было, спустившись с галерки или выйдя из последних рядов партера, подойти вплотную к рампе.

Снежана, близорукая приятельница Лиды, носившая пенсне, со слезами в голосе молила ее посоветовать, как поступить: «Если я останусь в пенсне, он мне ни за что не улыбнется (удостоиться улыбки Урбано считалось величайшим счастьем), а если я сниму – он улыбнется, наверно, но я этого не увижу!» Все же пенсне было снято, и Лида должна была клятвенно заверить, что Урбано это заметил и улыбнулся кому следовало.

Нечего и говорить, что они присутствовали на всех концертах Вертинского – во фраке, постепенно «вертинизируясь» по мере того, как он от «Полукровки» и «Мшистых, седых кораблей» переходил к победной «Пани Ирена», триумфально заканчивая «Песенкой о моей жене».

И, целуя ей затылочек подстриженный,
Чтоб вину свою загладить и замять,
Моментально притворяешься обиженным,
Начиная потихоньку напевать.

Лида слушала, как воспевали «подстриженный затылочек», и ей до слез мешали ее глупые косы. Вернувшись как-то с концерта

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 68

Вертинского и под влиянием общего помешательства модной стрижкой «микадо», Лида решила остричься. Она долго не могла заснуть и, коротая невольный досуг, обдумывала новую «стриженную» прическу. Усталость взяла свое, и Лида крепко заснула.

...Она видит себя, закутанной в белый халат, в кресле у парикмахера. Парикмахер с лицом Вертинского приближается к ней крадущимися шагами, не спуская глаз с ею волос. Подкравшись к ней, он хватает ее длинные косы и отрезает их под корень двумя взмахами ножниц. Лида видит в зеркале отражение двух зеркал, и в каждом из них – свое испуганное лицо и безобразно обкромсанную голову. А «Вертинский», бросив небрежно косы на поднос, с торжеством ей их показывает.

Тут нервы Лиды не выдерживают, она начинает плакать и плачет так, что просыпается на мокрой от слез подушке.

Больше о стрижке «микадо» она не мечтала.

MÜNCHEN, ОЛОНЕЦКИЕ. ГЛАВА СЕМЕЙСТВА

Роман Николаевич женился поздно, ему исполнилось уже тридцать лет, когда он влюбился и сделал предложение Ларисе Т., одной из дочерей харьковского предводителя дворянства. Он мечтал, чтобы сыновья Олег и Юрий пораньше женились и зажили своими домами.

Карьера Романа Николаевича после окончания университета складывалась без прыжков и падений – ровно, плавно, – что неудивительно: он умел ладить с начальством. Поэтому работал у Витте, затем у Столыпина, ездил с государственными поручениями за границу, а к началу Великой войны занял освободившееся место директора департамента в Министерстве государственных имуществ.

Он был монархистом, но монархистом типа Гучкова и Шульгина, похоронивших монархию, приняв отречение Государя.

Февральскую революцию встретил настороженно, и уже 1 марта, следуя настойчивым тревогам жены, перевел все сбережения в «Лионский кредит». У Людмилы Владимировны имелись собственные деньги в немецком банке, но они оказались заморожены до конца войны. Через несколько лет он понял, насколько жена права: сбережения спасли их в эмиграции.

Его насторожила и испугала атмосфера Берлина, куда они попали в начале 1921 года, – очень напоминала революционный Петроград, и от греха подальше, по совету старого приятеля генерала Бискупского, Олонецкие уехали в Мюнхен, где с революцией давно покончили, и голову поднимали только местные баварские сепаратисты и новая партия – национальных социалистов с ее лидерами: сле-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 69

сарем железнодорожного депо Антоном Дрекслером и художником Адольфом Гитлером.

Василий Викторович Бискупский, бывший генерал, вояка со времен войны с японцами, всячески опекал Олонецких.

Его женой была известная певица Анастасия Вяльцева. Из-за женитьбы на ней генералу – тогда еще подполковнику – в свое время пришлось уйти из гвардии в пехотный полк. В сорок лет Анастасия Вяльцева заболела лейкемией. Было всё предпринято, чтобы ее спасти, приглашен был специалист-профессор Эрлих из Германии, который делал ей переливание крови. Первым донором была младшая дочь Кирхнера, владельца большой бумажной фабрики в Петербурге. Бискупский тоже дал свою кровь для переливания любимой женщине, но ничего не помогло. Доктор Лурье, который знал Анастасию с юности, часто садился у постели и утешал. «Лурьеша, – так она называла доктора, – не утешайте меня. Я знаю, что должна умереть.» Она заранее всё расписала и отдала распоряжение относительно того, что после смерти сделать. Должен прийти парикмахер и сделать ей определенную прическу. Она выбрала платье, в котором хотела лежать в гробу. В день похорон Вяльцевой все улицы и балконы домов были полны народа, ее любили. На похороны певицы пришло несколько тысяч человек.

Три месяца после ее смерти Бискупский по приглашению Олонецкого жил у него. Он страдал в то время плевритом и носил в квартире красный халат в белый горошек. Квартира состояла из двух отдельных частей, соединенных коридором. Чтобы перейти из одной части в другую, нужно перешагнуть через ступеньку. Бискупский жил во второй половине, и поскольку имелись две кухни, можно было для него отдельно готовить. Олег и Юра во все глаза следили за жизнью генерала. К нему приходили друзья, иногда мальчики не видели его целый день.

Бискупский ушел в отставку, занялся, как говорят американцы, «бизнесом», а конкретно, финансировал геологическую экспедицию, которая нашла на Сахалине нефть.

Василий Викторович стал обеспеченным человеком, а когда оказался в эмиграции, то продал японцам свои сахалинские нефтяные источники, а на вырученные деньги приобрел квартиру в Мюнхене на Барерштрассе, 75.

В баварской столице Олонецкие сняли пятикомнатную квартиру на Лютцовштрассе, где жили со старшим сыном Олегом, который вскоре поступил в университет. Младшего сына Юрия отправили в Париж, в пансион «для детей благородных родителей». Родители счи-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 70

тали, что таким образом два брата получат два европейских образования, воздействие двух разных культур пойдет на пользу обоим.

Лариса Владимировна легче и лучше приспособилась к новым условиям жизни, чем муж. Все беженские неурядицы и проблемы подействовали на нее меньше. Конечно, у них не было столько денег и возможностей, как в прежней жизни, но она смогла создать уют и в новом доме.

Как-то у них гостил брат Романа Николаевича, которого в доме звали дядя Wowa; к обеду был приглашен и Бискупский. За столом начался, как обычно у русских, политический спор.

– Еще твой одноклассник, Роман, говорил, что с Германией надо дружить.

– Какой одноклассник? – не понял Бискупский.

– Ульянов, который Ленин, – пояснил родственник. – Роман с ним в одном классе учился.

– Не может быть! – воскликнул генерал. – Действительно, Роман Николаевич?

Олонецкий усмехнулся.

– Не просто в одном классе, а на одной парте. Шесть лет просидели.

– Папан рассказывал, что Ленин хорошо играл в шахматы, – добавил Олег, которому, как и всем в семье, известен сей факт отцовской биографии.

Отец подтвердил.

– Очень хорошо играл. Мог играть с несколькими противниками и всегда выигрывал.

Бискупский покачал головой.

– И наверно, никому и в голову тогда не могло прийти, что из такого гимназиста вырастет диктатор России.

Отец снова усмехнулся.

– Как сказать. Он и тогда казался особенным...

– Особенным? – удивилась жена. – Чем же?

Роман Николаевич хорошо помнил гимназические годы. Он со всей ответственностью мог повторить, что центральной фигурой во всей среде одноклассников был, несомненно, Владимир Ульянов, с которым они учились бок-о-бок, сидя рядом на парте в продолжение всех шести лет, и в 1887 году окончили вместе курс. Они и шли всё время с Ульяновым в первой паре; он – первым, Олонецкий – вторым учеником, а при получении аттестатов зрелости Ульянов был награжден золотой, а Олонецкий – серебряной медалями.

Маленького роста, крепкий, с немного приподнятыми плечами и

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 71

большой, слегка сдавленной с боков головою, Владимир Ульянов имел неправильные черты лица: маленькие уши, заметно выдающиеся скулы, короткий, широкий, слегка приплюснутый нос и вдобавок – большой рот, с желтыми, редко расставленными зубами. Лицо совершенно безбровое, покрытое веснушками. Но всё скрашивалось высоким лбом.

Родители его жили в Симбирске. Отец Ульянова долгое время служил директором народных училищ. Олонецкий помнил старичка – худенького, с небольшой, седенькой и жиденькой бородкой, в вицмундире Министерства народного просвещения, с Владимиром на шее...

– ...Чем он отличался? Резко отличался от всех нас, его товарищей. Начать с того, что он ни в младших, ни в старших классах, никогда не принимал участия в общих забавах и шалостях, держался в стороне, беспрерывно занимался или ученьем, или какой-нибудь письменною работой. Помню, что во время перемен Ульянов ходил вдоль окон, уткнувшись в чтение. Единственно, что признавал из развлечений, – шахматы. Способности имел исключительные. Повторяю: я шесть лет прожил с ним в гимназии бок-о-бок, и не знаю случая, когда Ульянов не смог бы ответить на вопрос по любому предмету. Воистину, ходячая энциклопедия.

– И ты с ним дружил? – спросил Юрий.

Олонецкий покачал головой.

– Он ни с кем не дружил, со всеми был на «Вы», и я не помню, чтобы когда-нибудь он хоть немного позволил себе быть интимно-откровенным. Его душа воистину была «чужая» и, как таковая, для всех, знавших его, осталась, согласно известному изречению, лишь «потемками». Ульянов был ровного и, скорее, веселого нрава, но до чрезвычайности скрытен и в товарищеских отношениях холоден. Но честно скажу: в классе он пользовался большим уважением; нельзя сказать, чтобы его любили, скорее – ценили.

Олонецкий широко улыбнулся.

– Помню, только Ульянов появляется в классе – тотчас его окружают со всех сторон товарищи, прося то перевести, то решить задачку.

– И он? – подал голос Олег.

– Всем помогал. Но мне казалось, он недолюбливал таких господ, норовивших жить и учиться за счет чужого ума. В классе ощущалось его превосходство над всеми, хотя надо отдать справедливость, сам Ульянов никогда его не выказывал и не подчеркивал. Потому он и казался особенным – и предчувствия нас не обманули.

– А позже вы встречались с Лениным?

– Нет. В восемьдесят седьмом после гимназии он поехал посту-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 72

пать в университет в Казани, а я в Петербург. Но это всё дела давние, мало сегодня интересные…

В 1922 году Бискупский привлек Олонецкого в общество Aufbau – «Восстановление». Члены общества надеялись на тесное сотрудничество Германии и России после свержения большевиков. Германия была изгоем на бирже политических стран-победителей, потому Россия оставалась единственным магнитом.

Наследник престола Кирилл Владимирович оказывал финансовую поддержку организации. Уставной целью «Восстановления» декларировалась поддержка политики, направленной на хозяйственное восстановление государств, образовавшихся на территории бывшей Российской Империи (отсюда и название), что должно было, по замыслу общества, отвечать национальным интересам Германии.

К тому же, большевики не дремали и заключили договор с Германией. Два изгоя неожиданно для Запада превратились в торговых партнеров. В Берлине открылось советское посольство (полпредство, то есть политическое представительство) и торговое представительство с отделениями в разных городах – большевики следовали приказу Ленина «Учитесь торговать!»: им было что предложить стране, выползающей из инфляции, голода и нищеты. Ибо сама советская Россия внешне мало чем отличалась от той же Германии – нищетой, инфляцией, голодом. И то, что в Германии сделал Шахт, в России – Сокольников, чья подпись стала красоваться на новых, обеспеченных золотом, советских червонцах.

Олонецкий не разделял надежд Бискупского на левых, которыми он считал национальных социалистов. Они казались похожими на большевиков, правда, сугубо с баварским уклоном.

Один из членов «Ауфбау», некий Шойбер-Рихтер, уговорил както князя пойти на собрание нацистов в пивной Bürgerbräukeller, утверждая, что тот не понимает перспектив партии, которая уже организует свои ячейки не только в Баварии, но и по всей Германии.

В огромной пивной на полторы тысячи человек было шумно, накурено, играл оркестр, за длинными столами сидели люди в серых гимнастерках – как понял Олонецкий, рядовые национал-социалисты; потом оркестр смолк, и на маленькой эстраде появился человек с усиками в обычном костюме и баварской шляпе с пером. Он снял шляпу и сразу начал говорить.

Князь слушал внимательно, искоса оглядывая публику.

Недалеко сидел сероглазый шатен, который иногда прятал улыбку в пивную пену.

«Типичный русак», – подумал князь и тихо спросил спутника:

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 73

– Я плохо понял из-за его диалекта, о чем он сейчас?

Шойбер-Рихтер тихо перевел.

Шатен, сидящий через несколько столиков, служил в советской военной разведке и звался Алексеем Улановским. Он с усмешкой слушал выступление и косился на соседний столик – говорят по-русски? Белые, не иначе, их так и манят подобные сборища…

Он осмотрел выступающего.

Тьфу, какая-то шавка с усиками, наймит реакционной буржуазии и прусской военщины, не иначе. Вдарить кружкой по башке – сразу копыта откинет.

Он прикинул: взять пару своих ребят, они устроят потасовку, отвлекут внимание, а я его кружкой… И уйти в суматохе…

Мечты, мечты…

Впрочем, и об Улановском, и о советских шпионах в Германии автор расскажет дальше – роман только начинается, любезные читатели.

* * *

В ноябре 1923 года национальные социалисты договорились с коммунистами и попытались захватить власть в Баварии. Коммунисты обещали захватить власть и в других городах Германии. Но по своей привычке, коммунисты «кинули» союзников и власть попытались взять в одном только Гамбурге, где у них имелись основные боевые силы, обученные советскими инструкторами.

И нацистская, и коммунистическая авантюры провалились, нацистов расстреляли из пулеметов, когда они колонной двигались к мосту через Изар, а гамбургских повстанцев после трехдневных уличных боев ловили по всей Германии.

Роман Николаевич, как и Бискупский, не приняли участие в путче, и это спасло обоих. Шойбер-Рихтер оказался среди скошенных пулеметами полиции.

Бискупский пришел без уведомления, без звонка, и с ним – господин в сером плаще и в кепке, глубоко надвинутой на глаза.

Князь узнал в нем лидера нацистов Гитлера.

– Роман Николаевич, – с порога начал генерал, – его ищут, я хотел бы просить вас, на день-другой приютить господина Гитлера у себя…

– Конечно, Василий Викторович, – вступила в разговор Людмила Владимировна, – не правда ли, Роман?

Олонецкий кивнул, соглашаясь, но в голове мелькнуло, что они – бесподданные, с нансеновскими паспортами; если у них найдут мятежника, им не поздоровится. В лучшем случае – вышлют из Германии, могут – в лапы коммунистов, в Россию…

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 74

Лариса Владимировна снова вступила в разговор.

– Я думаю, вам надо сбрить усы и изменить прическу…Тогда вас не узнают…

Гитлер согласно кивнул головой.

Олонецкая проводила будущего фюрера в ванну. И показала на бритву и мыльный порошок супруга. Роман Николаевич обычно посещал русскую парикмахерскую у вокзала, где уже много лет его брил и стриг прекрасный мастер Адам Моисеевич. Но на всякий случай на полочке перед зеркалом стояла в стакане бритва, рядом помазок и мыльный порошок в коробочке.

Гитлер поблагодарил и тут же стал намыливать щеки.

Когда он вышел, совсем не похожий на себя прежнего, Олонецкий заметил.

– Я хочу предупредить вас, господа… Через два дома – полицейский участок.

– Ну, тем более, никто не будет искать инсургентов в доме рядом с полицейским участком! – отмахнулся Бискупский.

Молчащий Гитлер кивнул головой:

– Вы правы, не будем рисковать. Полицейский участок, несомненно, оповещен… Боюсь, там уже висит плакат с приметами… Нет, пойдемте в другое место.

– Только возьмите мой котелок…

Они вышли, а супруги переглянулись – где, интересно, Бискупский найдет пресловутое место?

Место нашлось – в квартире самого Бискупского, где неделю и скрывался Адольф Гитлер.

Будем справедливы, лидер нацистов не забыл Бискупского: через два года после прихода к власти назначил его начальником бюро русской эмиграции. Но до этого пройдут годы. Еще раньше Бискупский через свои связи поможет семейству Олонецких получить немецкое гражданство.

После гибели Шойбера-Рихтера организация «Aufbau» пришла в упадок, и представления о «жизненном пространстве на Востоке» и «славянской неполноценности», естественно, непопулярные у русских, заняли более заметное место в идеологии национал-социализма. Однако перед тем произошло одно знаменательное событие.

ПРЕССА

Из Женевы:

«Представители казначейства США предупреждают федеральный

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 75

полицейский департамент в Берне, что в Швейцарии обращаются фальшивые 100-долларовые банкноты. Эти банкноты очень умело подделаны.»
Из Берлина:

«До настоящего времени обнаружено поддельных 100-долларовых купюр на сумму около 40 тысяч. Эти (100-долларовые) купюры подделаны с таким умением, что иностранные банки не могут их обнаруживать. Вероятно, миллионы таких фальшивых долларов находятся в обращении в Америке и Европе. Полиция объявила награду за поимку Фишера.»

ШАЛЯПИН-ДЕДУШКА НА КРЕСТИНАХ ВНУЧКИ. МИЛЛИОННЫЙ ВЫИГРЫШ В МОНАКО

Для русского Бийянкура наступают скверные времена.

Все лето увольнения не прекращались. Рабочие с тайным страхом спрашивали:

– Что же будет зимой?

Сбережений, конечно, нет ни у кого. Последние франки были съедены во время вынужденных каникул: в августе никто не работал больше 15 дней. Касса Комитета помощи безработным пуста.

Общее положение отразилось на русских магазинах и ресторанах Бийянкура. Некоторые не выдержали кризиса и закрылись. Другие держатся с большим трудом…

Начался отход в деревню на полевые работы, на сбор винограда. Там тоже несладко: труд тяжелый, заработки не особенно велики и харчи из рук вон плохие: всё больше фасоль и картошка.

6 часов вечера. Метро у Венсенских ворот. Толпа устремляется к выходу. Наверху, у тротуара, два человека – по виду полицейские в штатском – пытливо вглядываются в лица прохожих.

Внезапно один слегка подталкивает другого и шепчет:

– Погляди... Странный тип...

Мимо них проходит низенький, смуглый, коренастый человек. На нем широкополая шляпа, галстук «лавальер». Глаза сумрачные, взгляд недобрый. На правой щеке – глубокий шрам, след ножа или сабельного удара.

Человек окидывает взглядом сыщиков и медленно проходит мимо. Сыщики долго смотрят ему вслед. Они не знают, что это пресловутый «батько Махно», работающий где-то в Венсене, на скромном амплуа маляра.

* * *

В прошлом 1929-м президент рейхстага Пауль Лёбе наглядно выразил зарождающуюся «концепцию тоталитаризма», обратившись к коммунистам и к национал-социалистам со следующими словами:

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 76

«Если бы была осуществлена государственная воля господ справа, то вам (коммунистам) предстояло бы стать к стенке. Если бы была осуществлена ваша государственная воля, то вы поставили бы к стенке господ справа. Мы предоставили и вам, и прочим всего лишь гражданские права.»

«Американские рекорды»

Известно, что автомобилизм достиг в Соединенных Штатах гигантского развития. Вот несколько цифр, иллюстрирующих его размеры до наступления кризиса.

Каждый год на рынок выбрасывается пять миллионов новых машин. Каждый год власти выдают один миллион разрешений на право езды. Капитал, вложенный в автомобильную промышленность, достигает астрономической цифры в два биллиона долларов. В промышленности этой занято четыре миллиона человек. В обращении постоянно находится двадцать пять миллионов автомобилей. Если бы их всех поставить гуськом один за другим, они окружили бы земной шаре по экватору два раза. И, наконец, количество километров, пробегаемых всеми американскими автомобилистами в течение года, равно четырем тысячам расстояний от земли до Марса.

Увы, количество задавленных пешеходов в Америке также рекордно: оно равно 30.000 человек в год.

Железная Маска.
«Иллюстрированная Россия» (Париж)

«Современные предатели Беседовские, Дмитриевские и прочие работают в масштабе, значительно более широком: они предают не единицы, не группы, они пытаются предать рабочий класс; они служат не полиции, а враждебному рабочим и крестьянам классу капиталистов. Разумеется, их намерения не могут дать каких-либо особенно ощутительных результатов, кроме того, что временно и ненадолго, может быть, оживят издыхающие надежды белой эмиграции. Беседовских я, конечно, не сравниваю с таким, интеллектуально тупым, малограмотным и всячески ограниченным субъектом, каким был Иуда Азеф, – они гораздо ничтожнее его и еще более мерзостны. Они, конечно, людишки значительно изощренного интеллекта, обладают хорошо развитым уменьем лгать и, когда нужно, неплохо умеют притворяться искренними друзьями народа»

М. Горький. О предателях.
«Известия» (Москва), 31 июля 1930, № 209

«Полиция раскрыла действующую здесь международную банду фальшивомонетчиков. Полагают, что ею запущено в обращение за последнюю неделю от 75 до 100 тысяч поддельных долларов в билетах федеральной резервной системы США 100-долларового достоинства. Проверка американ-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 77

ских банков показала, что в каждом из них находятся банкноты такого рода. В гаванском отделении ‘Нэшнл Сити банк’ их оказалось четырнадцать, и отказано в приеме еще на сумму более 16 тысяч. Все банки привлекли специальных экспертов-контролеров для тщательного изучения купюр крупного достоинства. Дорогое игорное предприятие – казино ‘Националь’ утверждает, что им получено немало фальшивых купюр».

«Ассошиэйтед Пресс», 26 января 1930

WIEN. АРТУР

Артур родился в Будапеште, городе, отдаленно похожем (как и Прага) на имперскую столицу – Вену. Когда он немного подрос, родители отдали его в детский сад.

Этот сад открыла Лаура Штрикер – первая женщина, получившая докторскую степень в будапештском университете. Она преподавала историю в университете, вышла замуж за владельца фабрики и родила ему детей. После этого открыла свой детский сад.

Играя в песочнице, Артур подружился с дочерью Штрикеров – Евой. Они доверяли друг другу свои детские секреты и продолжали дружить, становясь взрослее; их дружба пережила войну, революцию, венгерскую коммуну. Дальнейшие отношения на несколько лет прервали родители Артура, которые увезли мальчишку в Вену, а Ева осталась в Будапеште.

Юного Артура влекли точные науки – геометрия, алгебра и физика околдовывали его; он поступил в «Императорско-Королевский политехнический институт», который переименовали в Технический институт, а позже в Высшую техническую школу.

Как все молодые люди, юный Артур верил, что загадки мироздания сводятся к конкретной формуле вроде кода сейфового замка, секрета философского камня или эликсира жизни. Единственная достойная цель жизни – посвятить себя этой задаче, и каждый шаг на избранном пути был полон восторга и изумления.

Ева с детства интересовалась искусством. В 1923 году она поступила в Венгерскую Высшую Королевскую школу изобразительных искусств, где проучилась три семестра. Спустя год после начала обучения, ей удалось побывать на Международной выставке декоративного и промышленного искусства в Париже. Выставка потрясла ее, она решила посвятить себя дизайну.

Ева приезжала в Вену, встретилась с Артуром – и неожиданно для себя оказалась с ним в одной постели.

Она искала новые формы, бросила учебу в Академии, поступила ученицей в гончарную мастерскую. Через год работы Евы Штрикер

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 78

экспонировались на Международной выставке в Филадельфии и удостоились почетного диплома.

Артур же грыз гранит науки, которая увлекала его с каждым днем всё больше и всё дальше.

В те годы, в первой четверти 20-го века, наука еще не превратилась в свод формул и абстракций, недоступных профанам. Атомы еще обращались в трехмерном пространстве, их разрешалось изображать в виде наглядной модели: маленькие стеклянные шарики кружились вокруг ядра, точно планеты вокруг Солнца.

Пространство еще не искривилось.

Вселенная оставалась бесконечной.

Разум являлся рациональным механизмом.

Еще не открыли четвертое измерение и подсознание.

Прямые линии и разумные выводы еще не сплетались в сеть иллюзий и самообмана.

Героями юности были Дарвин и Спенсер, Кеплер, Ньютон, Мах, Эдисон, Герц и Маркони; а Библией – книга Геккеля «Мировые загадки». В ней перечислялось семь загадок Вселенной; шесть из них уже считались «положительно разрешенными» (в том числе и вопрос о природе материи и происхождении жизни), седьмая – свобода воли – объявлялась «догмой, основанной на иллюзии и на самом деле не существующей».

Как приятно в юности узнать, что на все загадки мироздания уже найден ответ!

Артур успешно учился и слыл авторитетом среди студентов, потому что помогал тем, кто в его помощи нуждался. Он приобщался к студенческой жизни: вступил в сионистское студенческое братство «Унитас». До тех пор ни он, ни его родители даже слова такого не знали – «сионизм», но в Высшей технической школе все студенты принадлежали к трем корпорациям: пан-германским, либеральным и сионистским. Корпоранты «Унитас» были такими же воинственными, увлекались дуэлями и попойками, как и настоящие германцы, и Артур с восторгом предался утехам студенческой жизни. Начала сионистской идеологии разъяснил ему коротко товарищ из «Унитас» Отто Хан, будущий тель-авивский врач. Но, главное, Артур больше не был одинок, а стал частью доброжелательной и симпатичной ему среды.

В сионистских кругах Артур впервые встретил восточно-европейских евреев. С некоторыми он подружился, с другими у него были общие интересы, но в целом, то, что называется «еврейством», его оттолкнуло. Слишком многое сохранилось в восточно-европейских евреях от наследия гетто – а в этом наследии Артур не видел ничего положительного и верил, что на исторической родине все непри-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 79

ятные ему, порожденные галутом, еврейские черты, непременно исчезнут.

Он с энтузиазмом старался приблизить возврат евреев в Сион. Мечта о «национальном очаге» привлекла его еще и потому, что всю молодость (и, оказалось, до пожилого возраста) он провел в скитаниях. Родители разорились и часто меняли жилье. У Артура появилась очередная мечта обосноваться где-то на своей земле, «пустить корни». Его тянуло строить новое общество, и он вспоминал слова из песни, которую пел в Будапеште революционный народ. Официальный сионизм его не устраивал.

Он разглагольствовал с приятелем:

– Посмотри, вся деятельность сионистов заключается в сборе денег. Один еврей уговаривает другого дать денег третьему, чтобы тот поехал в Палестину.

– А что в Палестине?

– В Палестине трудно с работой, иммиграция слабая… Ну какой может быть сионизм?

– Сионизм – от названия горы Сион в Иерусалиме. А какая там политика?

– Политика в том, чтобы возродить еврейский народ на его исторической родине – на земле Израиля.

На счастье, в Вену приехал В.Жаботинский, который создал в 1924 году движение сионистов-активистов, позже названное ревизионистским. Жаботинский обратил внимание на деятельность сионистских студенческих организаций. В самом большом концертном зале Вены Жаботинский произнес трехчасовую речь, восхитившую Артура полным отсутствием дешевых ораторских приемов.

Студенты поддержали Жаботинского и избрали его почетным буршем – честь, которой прежде удостоились лишь Герцль и Нордау.

Жаботинскому понравился энтузиазм Артура, и он взял его с собой секретарем в поездку по Чехословакии.

Позднее Артур с товарищами создали Австрийское отделение Лиги активистов – предшественницы Всемирной организации сионистов-ревизионистов. В местной сионистской газете «Винер Моргенцайтунг» появилась первая статья Артура, в которой он писал о необходимости создать еврейский легион в Палестине.

Артур активно занимался созданием новых групп в студенческой среде, которые продолжали действовать и после его отъезда из Вены и превратились в центр еврейской активности в городе.

Когда закончился четвертый семестр обучения, Артура избрали президентом «Унитас» и, одновременно, председателем союза всех 12-ти сионистских братств Австрии.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 80

Изредка он получал письма от Евы и знал, что она живет в Будапеште, создала свою гончарную мастерскую, одновременно работает внештатным сотрудником фабрики керамики. Созданное ею в те годы внесло особый вклад в развитие керамики Венгрии.

В 1928 Ева переехала в Германию и стала работать на майоликовой фабрике в Шварцвальде. Там она узнала о предварительном моделировании будущих изделий из бумаги. На Еву оказали влияние идеи Баухауса, но, несмотря на строгую четкость форм, ее работы всегда оставались остроумными и изысканными.

Увлекшись сионистской деятельностью, Артур всё меньше внимания уделял занятиям в университете. «Социальная инженерия» вытеснила интерес к технике, прикладные науки лишь отдаленно касались загадок вселенной. Сдавая наспех экзамены, он проводил свободное время в университетской библиотеке, с увлечением читая Фрейда, работы по психиатрии, экспериментальной психологии и психологии искусства.

Весенним утром Артур сидел на скамейке в Фольксгартене, одном из волшебных венских парков, рядом – стопка книг. Сверху – памфлет, изобличающий злодейства арабов в Палестине: дети, разрубленные пополам, словно во дни Ирода; еврейские поселенцы, ослепленные, кастрированные, замученные насмерть. Британская администрация не только не вмешивается, но и не позволяет евреям вооружиться для самозащиты.

Читая брошюру, он задыхался от бессильного гнева. Негодование всегда действовало на него подобно физическому недугу. Дочитав и слегка успокоившись, он погрузился в свои излюбленные мечтания: посвятить жизнь делу угнетенных, сражаться за них и писать книги, которые разбудят совесть мира. Тогда и возникла идея отправиться в Палестину возделывать землю и возводить дом.

В марте пришла пора уезжать. Родители всё еще оставались в Англии. Он написал им длинное письмо – кажется, ничего более красноречивого и более лживого он не сочинил за всю свою жизнь. Он уверял мать и отца, что едет в Палестину на год в качестве помощника инженера и приобретенный таким образом опыт облегчит ему потом поиски работы и поможет сделать карьеру в Австрии. Родители ответили ему не упреками и угрозами, а благословением. Мама только просила его держаться подальше от плохой компании «там, на Востоке», а во время морского путешествия кутать горло шарфом, чтобы не простудиться на сквозняке.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 81

Артур добрался до Хефтсебы апрельским вечером 1926 года. Вид ее напугал: несколькими днями ранее он высадился с корабля в Хайфе и всё еще находился под обаянием красочного, живописного восточного порта и арабских базаров; теперь же увидел затерянный посреди пустыни жалкий, трущобный поселок, который состоял из деревянных лачуг, окруженных нищенскими огородами. Хижины отнюдь не походили на знакомые ему по картинкам бревенчатые срубы американских пионеров; они напоминали развалюхи, где (как и в старых железнодорожных вагонах) ютились беднейшие жители Европы. Здесь только и было, что две бетонные постройки – хлев и квадратное белое здание, предназначенное для детей (дети жили отдельно от родителей).

Он попал к ужину. Мужчины и женщины собрались в деревянном бараке, служившем общественной столовой (вместо столов – нестроганые доски на козлах). Большинству было лет двадцать-тридцать, но выглядели они гораздо старше – усталые, изнуренные. Поставив локти на стол, сгорбившись над тарелками, они молча подносили ко рту ложку за ложкой. На разговоры у них не оставалось сил. Даже их загар не казался признаком здоровья, тем более, что на многих лицах проступала малярийная желтизна; у женщин кожа загрубела от жаркого климата и тяжкого труда. Никто не спросил его, зачем пришел, его едва заметили – так он подумал, но потом понял, что ни малейшее движение пришельца не ускользает от молчаливого, но пристального внимания общины.

Он сел; с другого конца стола к нему поплыла тарелка супа и кусок хлеба. Сотрапезники так и не поинтересовались, кто он и зачем явился. Один из принципов палестинской коммуны гласил: накорми пришельца, предоставь ему ночлег, не требуя ни платы, ни объяснений.

Ужин состоял из лукового супа, хлеба, козьего сыра и оливок. Назавтра то же самое – на обед, а утром – чай и овощной салат с луком. Мясо подавали раз в неделю, по субботам.

Понемногу ему удастся разговориться с соседом справа. Артур признался, что намерен присоединиться к общине.

– Навсегда? – спросит тот, не поднимая глаз от тарелки.

Артур ответит, что еще не знает, хотел бы поработать здесь год-другой, а потом поищет место в Тель-Авиве. Собеседник сказал, что из-за экономической депрессии желающих вступить в общину теперь больше, чем община может принять. Но пообещал переговорить с секретарем (так называлась должность руководителя общины), чтобы Артура оставили на несколько недель испытательного срока. Прежде чем сделаться членом общины, каждый кандидат проходил испытательный срок как послушник в монастыре. Коммуна оценивала его физическую пригодность и способность адаптироваться.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 82

Ему предоставили постель в пустой, удушливо жаркой комнатенке. Там спало еще двое мужчин, а другую половину лачуги занимала семейная пара. Через тонкую деревянную перегородку различалось каждое слово, каждый звук, словно все находились в одном помещении. Полное отсутствие укромности – даже душ и туалет были общественными – сказывалось на нервах поселенцев больше, чем физическая усталость и болезни. Во всех коммунах в первую очередь заботились о детях и скоте, а потом уже о «взрослом населении», поэтому первым делом строили коровник и детский сад, а взрослые жили в палатках и бараках, зачастую – годами. Лишения были вызваны скудостью жизни, но отчасти и коллективистской идеологией поселенцев.

Наутро его направили на работу. Крутой участок склона, голый, засушливый кусок пустыни, требовалось расчистить под будущий огород. Ему поручили подбирать камни, складывать в корзину и выносить за пределы участка, а очистив клочок земли, разрыхлить его мотыгой. После пары часов такого труда ладони покрылись волдырями, голова кружилась, хоть он и накрыл ее мокрым платком; руки и ноги, казалось, вывернули на дыбе. На второй и третий день легче не стало; лишь к концу недели Артур понемногу начал втягиваться в рабочий ритм и научился экономить энергию на каждом движении.

Но даже когда физическое напряжение немного ослабело, работа в поле оставалась для него пыткой. Он любил ручной труд, любил плотничать и циклевать полы, умел устанавливать розетки, но он всегда ненавидел махать киркой и лопатой. Такая работа не имеет конца, никогда не дает чувства удовлетворения от хорошо и правильно сделанного дела. Однако от молодого члена общины требовалась только работа в поле; строительство и квалифицированный труд оставались привилегией людей постарше, специалистов.

Испытательный срок длился четыре или пять недель. Артур изо всех сил скрывал отвращение к лопате – неуклюжей, ржавой лопате, совсем не похожей на блистательный символ свободы из снов. Однако в маленькой общине, где каждый живет у всех на виду, ничего невозможно утаить: мимолетное настроение, мгновенное недовольство, первые признаки взаимного расположения или неприязни сразу становятся общим достоянием. Это происходит не потому, что люди следят друг за другом, – просто в тесно сплоченном коллективе просыпается «шестое чувство»: возникает ощущение собственной прозрачности, как будто тебя просвечивают рентгеновскими лучами, а спрятаться негде. Рано или поздно это приводит к психологическому кризису. Примерно половина поселенцев, не выдержав напряжения, на второй или третий год покидает кибуц; оставшиеся приспо-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 83

сабливаются. Проходит еще несколько лет, и они уже не представляют себе иной жизни.

Возможно, через несколько месяцев он бы привык копать землю, но с самого начала Артур не смог скрыть своего разочарования; кроме того, сразу же высказал намерение остаться лишь на некоторое время – это считалось проявлением «мирского» легкомыслия; а на каждое место в кибуце претендовало три или четыре соискателя. Коллективные поселения придерживались крайне левых взглядов, Жаботинского считали милитаристом, его партию – фашистской.

Испытательный срок закончился, и Артуру мягко объявили, что общее собрание предпочло двух других кандидатов, по физическому и душевному складу более пригодных для жизни в общине. Он воспринял известие со смешанным чувством – огорчения и тайного облегчения. Все трудности были вполне реальными, но если б он впрямь чувствовал призвание к такой жизни, то преодолел бы их; с другой стороны, он испытывал мучительное разочарование из-за крушения своих планов, хотя было ясно, что он совершенно не годится для такого существования.

МОСКВА. 15 СЕНТЯБРЯ 1930

Секретарь вошел в кабинет, скрипнув дверью – давал знать о своем приходе – и положил на стол лист бумаги.

Хозяин стола недовольно поднял голову.

– Что-нибудь срочное?

– Результаты выборов в рейхстаг.

Движением ладони сидящий за столом отослал порученца и вчитался в лист. Чем дальше он учитывал, тем шире расползалась на рябом лице улыбка.

– Хорошие результаты показал товарищ Хитлер! 107 мест получил. А товарищи Нойман и Тельман только семьдесят семь… Это что же получается? Национальные социалисты стали второй по величине партией в немецком парламенте. О таком успехе можно только мечтать. Не зря деньги затрачены. Хитлера можно сравнить с… ледоколом! Именно – ледокол революции!

ДОКУМЕНТЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(Б) О РАБОТЕ ИНО ОГПУ

5 февраля 1930 г.

№ 116, п. 38 — Об ИНО (т.т. Каганович, Ягода, Мессинг). Утвердить предложения комиссии Политбюро с поправками.

1. РАЙОНЫ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ИНО ОГПУ

Исходя из необходимости концентрации всех разведывательных сил и

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 84

средств на определенных территориальных участках, основными районами разведывательной деятельности ИНО ОГПУ определить:

1. Англию
2. Францию
3. Германию (Центр)
4. Польшу
5. Румынию
6. Японию
7. Лимитрофы

2. ЗАДАЧИ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД ИНО ОГПУ

1. Освещение и проникновение в центры вредительской эмиграции, независимо от места их нахождения.

2. Выявление террористических организаций в местах концентрации.

3. Проникновение в интервенционистские планы и выяснение сроков выполнения планов, подготовляемых руководящими кругами Англии, Германии, Франции, Польши, Румынии и Японии.

4. Освещение и выявление планов финансово-экономической блокады в руководящих кругах упомянутых стран.

5. Добыча документов секретных военно-политических соглашений и договоров между указанными странами.

6. Борьба с иностранным шпионажем в наших организациях.

7. Организация уничтожения предателей, перебежчиков и главарей белогвардейских террористических организаций.

8. Добыча для нашей промышленности изобретений, технико-производственных чертежей и секретов, не могущих быть добытыми обычным путем и

9. Наблюдение за советскими учреждениями за границей и выявление скрытых предателей.

10. Признать принципиально необходимым перевод работы органов ИНО из сов. учреждений на нелегальное положение, осуществить постепенно в течение года.

Орграспреду ЦК, совместно с ОГПУ, разработать порядок включения работников ИНО в заграничные советские учреждения для обслуживания этих же учреждений с обеспечением конспиративности этого включения.

PARIS. MICHEL

Работаешь ночью – привыкай ко всему, не устает повторять себе Мишель, когда оказывается в одном из закоулков Монмартра. На часах почти полночь. Выезд преграждает такси, и как оно здесь оказалось, как же Мишель выберется из тупика?

Он вылезает из машины, раздраженный идет к чужой. Шофер, открыв дверцу, изо всех сил трясет за плечи своего пассажира.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 85

– Мосье! Мосье! – взывает он тоном, то просящим, то угрожающим. – Проснитесь же вы, наконец! Вот нагрузились, черт бы вас побрал! Мистер! Вставайте же, мистер! Не могу же я оставаться здесь с вами всю ночь? Ваш адрес, мосье?

Шофер – типичный французский «извозчик» с толстой, красной, обветренной физиономий и с черными усами.

– В чем дело, старина? – понимающе спрашивает Мишель. – Твой пассажир, кажется, здорово портит тебе нервы?

– Я его выброшу сейчас прямо на улицу! – в бешенстве кричит тот, обернувшись к коллеге. – Я вожу его с трех часов дня из ресторана в ресторан. Теперь он назюзюкался окончательно и не может даже сказать мне свой адрес.

– Положение твое не из приятных.

– Я думаю! Ведь я не ночной, а дневной. Обычно в это время я давным-давно уже в кровати. Бедняжка Мадо, наверное, думает, что я кого-нибудь раздавил, или меня раздавили!..

И в новом припадке негодовании хватает пассажира за борта его дорожного пальто и пытается вытащить на мостовую.

Мишель трогает его за плечо.

– Не делай этого! Нельзя выбрасывать на улицу пьяного и беззащитного человека, да к тому же иностранца!

– Нельзя?.. А что же мне делать?

– Я возьму его, – говорит Мишель, подумав. – Помоги мне его перенести в мою машину.

Лицо француза расплывается в улыбке, но тотчас же омрачается. Он свистит и тычет пальцем в счетчик.

– Ну ты ловкач! – говорит он с недоверием. – А кто же мне заплатить за этого пьяницу?

Блестящая идея мелькает у Мишеля в голове.

– Сколько на счетчике? – спрашивает он.

– Восемьдесят девять франков, старина! Это – деньги!

– Конечно! Это деньги и не малые. Так вот я твоего пассажира у тебя покупаю.

– Что?!..

– Я предлагаю тебе продать твоего пассажира. Я тебе заплачу по счетчику – восемьдесят франков.

Француз нерешительно смотрит на пассажира, затем на Мишеля. «Бедняга, он, слава Богу, не может сразу понять гениальную простоту моего плана», – думает Мишель.

– Гм... – задумывается француз. – Восемьдесят девять франков, но ведь это только по счетчику, а мои чаевые?

– Ты прав! – отвечает с готовностью Мишель. – Насчитай десять

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 86

процентов чаевых и получай для округления суммы все сто франков! Идет?

Он вынимает из кармана стофранковый билет. Тот берет деньги, весело хохочет и говорит:

– А ты, видно, неплохой малый! Ну давай переложим этот мешок в твою машину, а потом я тебе поставлю стаканчик!

Они водворяют пьяного американца в такси. Француз, угостив Мишеля в маленьком, ночном бистро стаканом вина, весьма довольный неожиданной развязкой, мчит к своей Мадо.

Мишель остается один с бездыханным телом гражданина Северо-Американских Соединенных Штатов. Он решает для начала немного «проветрить» американца. Он катает его часа два, но, к своему смущению, и через два часа бедняга не проявляет никаких признаков жизни. Что ж, придется действовать «законным путем» и Мишель подъезжает к постовому полицейскому.

Полицейский стоит на широком и совершенно безлюдном бульваре, около парка Монсо. Он безумно скучает в своем одиночестве и явно обрадован тем, что на его сером горизонте появляется приключение.

Мишель рассказывает полицейскому историю пассажира и просит по бумагам американца установить местожительство пьянчуги.

Полицейский роется у американца в карманах и находит карточку отеля.

– Ого! Шикарный отель... – с уважением смотрит на бесчувственное тело. – Вы знаете, – продолжает он, – их нельзя строго судить, если они и хватят лишний стаканчик... Ведь у них на родине – сухой закон, и Париж им кажется раем...

Он очень хочет поболтать с шофером и даже предлагает сигарету, но Мишель, к великому его сожалению, вежливо благодарит за оказанное содействие и уезжает.

Отель оказывался действительно первоклассным, и портье немедленно оплачивает по счетчику и дает весьма щедрые чаевые.

«Ночные» люди всегда сочувственно относятся друг к другу и охотно оказывают взаимные услуги.

– У него хватит! – хитро ухмыляется портье.

«В завтрашнем счете, – думает Мишель, – мои чаевые, без сомнения, возрастут вдвое.» Вероятно, портье угадывает мысль, потому что, закрывая массивную, наружную дверь, он бросает на прощанье:

– Oh, c’est une bonne poire !...

Мишель ставит машину в гараж, сдает выручку в кассу, шутит с русским уборщиком и смотрит на часы. Метро еще закрыто.

По обыкновению осматривает свою машину – на полу что-то

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 87

блестит. Он наклоняется – на коврике великолепный, старинный хронометр. На внутренней стороне второй крышки часов марка американского мастера. Сомнений нет – часы принадлежат вчерашнему пассажиру.

Он идет пить кофе с ромом в открытое всю ночь кафе Дюпона на площади Клиши. Кофе с ромом у Дюпона давно вошло в привычку. Раньше все посетители знали друг друга. Среди них много русских: шоферов, прислуги из ночных ресторанов и кабаре и русских же бродяг, клянчащих у соотечественников рюмку рома или стакан вина.

Под самое утро заходит продавец русских, только что вышедших, газет. Продает он их по случаю раннего часа с небольшой надбавкой.

Мишель раньше покупал обыкновенно обе газеты: считающееся правым «Возрождение» и милюковские «Последние новости».

Первую – из своих правых убеждений, вторую – из-за литературной части, всевозможных объявлений и юмористических стихов Дона Аминадо. Читал стоя, медленно попивая черный кофе.

Теперь он покупает только одну газету – на вторую он имеет абонемент, и каждое утро она ждет его в почтовом ящике.

Мишель заказывает второй стакан. Всё время подходят знакомые, хлопают по плечу, спрашивают про заработки.

– Ну как счетчик?

В августе счетчик всегда падает из-за массового разъезда парижан на каникулы. Английский турист обеднел и на такси не тратился. Американцы проезжали прямо на юг, на Ривьеру или в Альпы.

Потом подходит оборванец с небритым и испитым лицом – днем таких в кафе не пускали – и просил два франка,

– Михал Михалыч, ну только два.

– Гм, – шутит Мишель, – а сколько у вас в квартале стоит литр красного?

– Два с полтиной, ей Богу, а вот полтинник есть, – он показывает бронзовую монету.

– Ну врете. Самое большее – франк девяносто.

– Так это же не вино, а вода, Михал Михалыч! Десять градусов! Курам на смех.

Тогда шофер спрашивает про цену одиннадцатиградусного, и игра продолжается до тех пор, пока ему не делается скучно и он не дает двух франков на двенадцатиградусное, а платит за стакан тут же у стойки.

Появляется грузин в смокинге – танцор из русского ночного кабака, обосновавшегося около площади Клиши.

– Паршивые дела, – рассказывает грузин. – Никто не танцует, а

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 88

тут – пожалуйте каждый день крахмальную рубашку. Жарко. Три воротничка за ночь меняю. Вот и считайте сами, – грузин жалуется на скверные времена.

Мишель снова углубляется в газету. В «Последних Новостях» – переводной полицейский роман-фельетон. Очень искусно газета прерывала повествование на самом захватывающем месте.

– Читали? – подошедшей к нему русский шофер в черно-коричневом картузе Ситроеновской компании протягивает руку. – А? Кто этого ожидал?

– Вы про что? – спрашивает Мишель.

– Да про Кутепова, конечно, – дайте газетку.

Мишель протягивает ему «Последние Новости».

– Да нет! Не эту дрянь. Удивляюсь, как вы можете читать эту грязную простыню?

– Что ж поделать, левые газеты всегда грамотнее, есть что почитать, вот сейчас печатают переводной роман… А милюковских передовых я не читаю, – он показывает шоферу «Возрождение». – Да, распоясались большевики…

– Не говорите, в центре Европы! В центре Парижа похищают людей!

На часах шесть утра. Метро открыто. Пора и домой, к Жанне, в теплую постель.

Дома он показывает часы проснувшейся Жанне.

– Дорогие… – восторженно произносит она и вопросительно смотрит на мужа.

Тот кивает головой.

– Конечно, надо вернуть владельцу, отосплюсь и поеду к нему.

Жанна целует мужа и благодарно обнимает его: она всегда знала, что Мишель – честный человек, чужого не возьмет.

Мишель сначала даже не признает благообразного, чисто выбритого, благоухающего, румяного, господина с слегка седеющими висками. Тот спускается к нему в холл отеля.

Мишель молча протягивает часы.

Иностранец радостно хватает свое сокровище.

— Я нашел их в такси, мосье.

На ужасном французском языке тот горячо благодарит Мишеля. Потом, вглядевшись внимательно в его лицо, спрашивает с изумлением:

– Но это не вы меня возили вчера?

– Я взял вас поздно ночью, мосье.

– Но я вас не нанимал?

– Нет... Я вас купил у вашего первого шофера.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 89

– Купили?!!

На лице его отражается величайшее изумление.

– Да, купил...

И он рассказывает вчерашнее приключение.

Собеседник падает в кресло и хохочет до изнеможения, как только могут хохотать американцы.

– Меня! Внука генерала армии южан! – задыхаясь от хохота, взвизгивает он. – Купили! Купили, как негра! Как черную каналью!..

Потом он встает и говорит серьезно:

– Благодарю вас! Благодарю. Вы оказали мне громадную услугу. Этот хронометр для меня – самая дорогая вещь на свете. Эти часы принадлежали моему деду, и он не расставался с ними во все время нашей гражданской войны с северянами. Это – талисман нашей семьи. Отец благодаря ему стал миллионером. Дед ни разу не был ранен, а вы и представить себе не можете, что такое гражданская война!

Мишель невольно улыбается.

– Я очень хорошо себе представляю, что такое гражданская война, – отвечает скромно. – Я тоже участвовал в такой войне.

– Где? – спрашивает американец с живейшим интересом.

– В войне белых русских против коммунистов, мосье.

Тот хватает шофера за руки и трясет их, долго не выпуская.

– Так вы, значит, непрофессиональный шофер?

– Как видите.

– Мне очень хотелось бы с вами пообедать. Вы свободны сегодня?

Мишель принимает предложение.

Через час они сидят в одном из самых дорогих парижских ресторанов. К изумлению Мишеля, американец пьет умеренно и со вкусом.

– Вчера... я, наверное, был в совершенно неприличном виде? – робко интересуется он.

Мишель мычит в ответ нечто неопределенное.

– Да, да... я знаю. Но понимаете, когда мы, американцы, попадаем в Париж, нам трудно удержаться, особенно первые дни... И притом вчера у меня была особенно большая радость.

Он вытаскивает из бумажника какую-то длиннейшую американскую телеграмму.

– Мой адвокат мне телеграфировал, что скончался мой дядюшка. Видите наш талисман...

Мишель сразу вспомнил стихи Пушкина про дядю, который не в шутку занемог, и смотрит на собеседника с удивлением.

– Это, конечно, очень грустно, когда умирает дядя...

Тот поспешно исправляет сказанную им неловкость.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 90

– Нет, тут совсем особенное дело. Дядюшку совершенно околдовала и захватила в свои сети одна прескверная девчонка, голливудская звездочка. На нее и так ушел не один миллион долларов, а дядя грозился сделать завещание в ее пользу. А ведь он состоял одним из крупных акционеров нашего треста. И вы понимаете, что значило бы для меня такое завещание?.. А теперь адвокат мне пишет, что дядюшка умер без завещания, и я являюсь единственным законным наследником... Согласитесь, что ради такого случая я имел право напиться в вашем милом Париже?..

– Вы правы, – понимающе кивает Мишель, – пожалуй, на вашем месте я тоже напился бы!

Когда они прощаются, американец протягивает тысячефранковый билет.

– Это за хронометр... – говорит он.

Мишель отрицательно качает головой.

– Я был рад оказать вам эту услугу. Вы угостили меня прекрасным обедом, и мы – квиты.

Тот растерянно глядит на шофера.

– Послушайте, – предлагает американец, – вы удивительно славный и бескорыстный малый1 И знаете что? У меня блестящая идея. Я возьму вас с собой в Америку, и вы будете у меня заведывать гаражом.

Но Мишель отклоняет и это предложение.

– К сожалению, – улыбается он, – я не знаю английского языка. И, кроме того, я слишком связан с Парижем в своей личной жизни.

– Как жаль! – с искренним огорчением восклицает американец. – Мы бы с вами подружились!..

Он достает из бумажника свою визитную карточку.

– Тогда, мой друг, вот вам мой адрес. Если когда-нибудь вам что-нибудь понадобится – напишите. Пусть мой хронометр будет и для вас талисманом.

Они сердечно прощаются.

– Конечно, тысяча франков нам бы пригодились, – рассуждает Жанна, выслушав рассказ мужа. – Но, с другой стороны, не каждому человеку дарят свои визитные карточки американские миллионеры!

ПРЕССА

«Саша Зубков в новой роли»

Ничто не вечно на свете, а слава и богатство – как дым... Знаменитый шурин экс-кайзера Саша Зубков, сильно растрепавший финансы своей высокопоставленной супруги и, как говорят, навсегда расставшийся с нею, философски переносит закат своего молниеносного и фантастического расцвета

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 91

и... служит гарсоном в кафе. На нашем снимке он за исполнением своих новых обязанностей. «Sic transit glorla mundi».

* * *

Недавно скончавшийся президент С. Штатов не отличался особой разговорчивостью. Споров он не выносил, реплики подавал односложные, статьи писал очень короткие, причем получал не построчно, а по 5 долларов за каждое слово.

Во время парадного обеда в Белом Доме одна из приглашенных дам с восхитительной улыбкой обратилась к «великому молчальнику»:

– Мистер Кулидж, я держала пари на один доллар, что заставлю вас разговориться.

– Проиграли, – кратко ответил Кулидж.

И затем в продолжение всего обеда он не произнес больше ни слова.

Как известно, Кулидж был против пересмотра вопроса о военных долгах. Один европейский политик долго и красноречиво убеждал его в неправильности этой точки зрения. Тот слушал, долго размышляя и, наконец, спросил:

– Но ведь вы взяли деньги в долг, не так ли?

После такого аргумента собеседнику президента оставалось только ретироваться.

* * *

Известный русский сановник, занимавший до революции крупный пост в Петрограде, живет теперь в Париже, в скромной меблированной квартире. От былого барства остались только изысканные манеры.

Каждое утро сановник выходит на прогулку. В дверях он неизменно сталкивается с консьержем и вежливо снимает шляпу. Консьерж в ответ что-то бурчит себе под нос.

Приятель сановника, неоднократно наблюдавший эту сцену, как-то не выдержал и спросил:

– Послушайте... С какой стати вы кланяетесь этому хаму? Пусть он первый снимет свою каскетку.

Последовал невозмутимый ответ:

– Так, по крайней мере, никто не скажет, что консьерж вежливей бывшего министра Российской Империи.

* * *

В путевых заметках одного путешественника читаем:

«По последним статистическим данным, в Марракеше – 200.000 жителей. Из них европейцев – 8.000, а туземцев – 195.000».

По-видимому, излишек в 3.000 европейцев или туземцев объясняется зачетом мертвых душ.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 92

Один философ сказал:

– Из всех видов лжи самая ужасная ложь – это статистика.

* * *

На процессе Гильбо журналисты ждали сенсационных разоблачений «кремлевских тайн». Их постигло жестокое разочарование. Гильбо усиленно старался уменьшить роль, которую он играл в России, в первые годы после октябрьского переворота.

– Человек я был подневольный... Служил при Наркомпросе. Занимался переводами... Благодаря старым женевским связям с Лениным и Троцким, отношение ко мне было хорошим.

— Почему же вы уехали из Сов. России?

– Потянуло на родину... В душе я остался французом. Но старые мои «друзья» Радек и Зиновьев препятствовали моему выезду за границу. Если бы не Троцкий, тогда еще имевший силу, меня не выпустили бы до сих пор..

Удивительное дело: Гильбо, Садуль, Марти – все они, будучи осуждены во Франции, нашли приют в «пролетарском отечестве». Но при малейшей возможности бросить советский рай они поспешно вернулись в буржуазную, «разлагающуюся» Францию.

* * *

Н. Волковысский жалуется в «Сегодня» на полное затишье в русском театральном Берлине.

Не так еще далеки времена, когда «Синяя Птица» весело щебетала в Берлине, когда русские спектакли составляли бытовое явление. Скончался талантливый Н. П. Маликов, перекочевал в Ковно Мих. Чехов.

Гр. Хмара выступает у Рейнгардта. В. Соколов успел превратиться во французского актера. Гзовская и Гайдаров погасли в СССР.

А. А. Мурский показывался недавно на немецкой сцене, удивив всех успехами на чужом ему языке. М. А. Разумный исчез с берлинского горизонта, давно поглощен немецкой сценой и Г. С. Жданов.

Где-то в немецкой провинции тихо работают два-три режиссера и актера.

Но русский театр даже в его скромном зарубежном оформлении спит в Германии глубоким сном.

То же самое можно сказать и о русском театре в Париже. Его вообще не существует. А актеры бедствуют, снимаются статистами, выступают на случайных благотворительных вечерах и мечтают о лучшем будущем...

Железная Маска

«Иллюстрированная Россия» (Париж)

* * *

Совершенно необходимо всех этих лиц широковещательно объявить в

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 93

нашем Союзе вне закона, всюду печатать их фотографии, чтобы наш и международный пролетариат запомнил черты этих отвратительных лиц, и мы знаем наверно, что час придет – и придет скоро, – когда все они, один за другим, понесут вполне заслуженное им возмездие. Наступит такое время – и оно близко, – когда прямодушный совет... добровольно повеситься – будет всем им мерещиться как недосягаемое благо и беспримерное счастье. С такими гадами нигде, никто и никогда церемониться не будет. Вскоре наступит время, когда земля каждой страны будет слишком горяча для них, и они будут метаться, как крысы в зажженной мышеловке, облитой керосином. Никогда, никогда не забудет их, этих изменников, шпионов и провокаторов, наше революционное поколение всех стран и всех народов. Их подлые дела будут жестоко отмщены. Этого требует самая малейшая справедливость, в которой мы им никак не можем отказать и не откажем. И это мщение придет – оно близко!

В.Бонч-Бруевич. «Звезда» (Ленинград,1930, № 11)

PRAGUE. ЛИДИЯ ФОН ТИЗЕНГАУЗЕН

Скоро она стала популярной личностью среди студентов.

Во-первых, при знакомстве обязательно подчеркивала свое «фон». Разумеется, ей сразу дали прозвище – «Немка».

Во-вторых, как-то на лекциях студент-чех стал читать реферат о Латвии. Студент был юн и социалистически настроен; материал, выбранный для реферата, попался тенденциозный; нетрудно угадать, что за сочинение преподнес он аудитории! Присутствовавшие на лекции русские студенты с трудом сдерживали свое негодование и бросали на докладчика испепеляющие взгляды, но, понятно, молчали: дисциплина есть дисциплина.

Наконец, студент умолк, обвел торжественным взглядом аудиторию, подошел к кафедре и вручил профессору свой труд. Не успел профессор Дворский заговорить, как раздался голос Лиды.

– Профессор, разрешите ответить.

Дворский удивленно повернулся к ней, но разрешил.

– Простите мой плохой чешский, мне легче говорить по-немецки или по-русски… Молодой человек, я вижу, вы внимательно и с усердием отнеслись к своей задаче, и если вы не смогли достать более объективных материалов, не ваша в том вина. Но, запомните, прошу вас, что «гнет», которому, по вашим словам, подвергалась Латвия, не был таким уж страшным. При старом режиме, то есть при царе, все народы, живущие в Латвии, пользовались одинаковыми правами. И русский народ не является народом варваров и дикарей, вы и в Чехии легко можете найти неоспоримые признаки его высокой культуры, и

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 94

прежде чем кого-либо осуждать, надо разобраться во всех обстоятельствах. Я прожила в Латвии 18 лет и могу с уверенностью сказать, что если и были какие-то ограничения, то только в последние годы, и только по отношению к немцам.

Русская молодежь не удержалась от аплодисментов, а Дворский с улыбкой кивал головой.

И в-третьих, пинг-понг! Чемпион Высшей школы коммерции в учебный 1928-29 годы! Как она любила играть, сжимая ракетку правой рукой, потом перехватывая ее в левую – она играла обеими руками, чем подчас пугала партнеров, и на каждой перемене бежала во двор, где стояли столы, давала фору и выигрывала. Разумеется, анекдот той поры:

– Мама, у меня нет свободного времени – я всё время отдаюсь пинг-понгу.

– Это ничего, что он китаец, был бы человек хороший.

От анекдота до целлулоидного шарика – всего один шаг. Чемпионка среди пражских студентов 1928 года. На следующий год уже не до пинг-понга – экзамены, диплом, юридическая практика в конторе Вацулика.

А велосипед? Да, велосипед мог поспорить за первенство с пинг-понгом. Как она гоняла на нем по Праге! Его дал на время однокурсник Марек, сын того самого Вацулика, и она пользовалась каждой минутой. Это был мужской велосипед, женского не было, только у Снежаны имелась такая роскошь, но зачем «при нашей бедности такие нежности?», обойдемся и мужским велосипедом, Марека посадить за багажник и мчать вдоль трамвайных путей, ровно держа дистанцию за черным лакированным шевроле.

И прославилась тем, что съехала по университетской лестнице – сверху вниз, держа ноги на тормозах, думая о том, что выигрыш стоит риска.

О, да! Выигрыш – шоколадный пупс в витрине всем известного кафе.

Шоколад и сладок, и питателен одновременно, но молодежь, сознавая всю его силу, базируется для его оценки по преимуществу на вкусовых ощущениях.

В Праге шоколад изумительно разнообразен: в виде пирожных – бомбы со сбитыми сливками, в виде конфет – лакомство, скорее, редкое, доступное лишь в случае неожиданного подарка, и плитки – наиболее часто студентами поглощаемый. Но есть еще одна разновидность, а именно – всевозможные куклы, фигурки и зверюшки. Витрины кондитерских Мышака и Юлиша соблазняли прохожих прелестно выполненными изображениями таковых. Особенно хороши шоколад-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 95

ные куклы – «пупсики», которые выставлялись там во всех размерах, от громадных до совсем крошечных.

Накануне Лидия и Марек стояли у витрины Мышака: улыбаясь всеми упоительными ямочками, взирал на них из-за стекла шоколадный мальчик сантиметров сорока ростом.

Девушка просто застонала от восторга.

– Ах, нет у меня с собой денег, – сказал спутник, – а то сейчас бы купил тебе. Ну, если съедешь на велосипеде по лестнице к университету, то... – и он сказал трудно выговариваемое чешское слово, – подарю, ей Богу!

Разумеется, она на другой день в присутствии своей кампании съехала по лестнице к дверям, и шоколадный пупс был по-братски разделен на всех.

Так и уходили силы на велосипед и на пинг-понг.

Неожиданно она хлопает себя по лбу.

– Евгения, это же сублимация! Я сублимирую.

Студенты увлекались тогда Фрейдом.

Родственница согласно кивает головой.

– Только сейчас поняла?

– Да-да, только сейчас. Перевожу один вид энергии в другой. Надо мне что-то такое…

Евгения насмешливо смотрит на нее.

– Есть с кем?

Лидия отмахивается.

– Была бы лошадка, а конь всегда найдется…

Да. Марек откровенен, несколько раз облапил на танцах, она его била по рукам, а он хохотал.

Весна не лето, зимой сезон пражской студенческой жизни разделялся, как по календарю, на серию вечеринок, встреч, балов и вечеров. Галлиполийские вечеринки были, пожалуй, самыми уютными и семейными, так же, как и вечера в «Земгоре»; Татьянины балы – память о старой Москве – считались самыми традиционными; архитектурные славились богатством своих эффектов, но нигде, пожалуй, так беззаботно не веселилась и не отплясывала молодежь, как на балах, устраиваемых казаками.

Евгения еще когда Лида приехала, показывая местные достопримечательности, заметила:

– У студента в Праге не всегда есть деньги на еду, но у него, безусловно имеется смокинг...

Приготовления и сборы к балу начинались уже заранее, что,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 96

понятно, не исключало возможности и развлечений внезапного порядка.

Как-то Лида распустила косы и приготовилась по всем правилам искусства к священнодействию головомойки, как вдруг – звонок: явился Марек с товарищем и приказал бросить заниматься глупостями и собираться на литературно-танцевальный вечер. Редко какое-либо приказание исполнялось с такой охотой, как это. Несмотря на протесты хозяйки, готовившей уже шампунь, Лида мигом переоделась и отправилась слушать завывания одной из знаменитых пражских красавиц, как тогда казалось – зрелого возраста, а было ей около тридцати лет!

Дабы героиня не декламировала в пространство, исполнявший обязанности конферансье студент стоял перед ней на сцене и, скрыв за пенсне свои чувства, с молчаливым достоинством принимал обращенные к нему стоны и охи. Всё очень весело; восторг публики, хотя и не совсем по ожидавшемуся направлению, был непритворный, и последовавшие затем танцы продолжались действительно «до утра», как и было обещано в программе.

Это была вечеринка характера интимного, типа Галлиполлийских, устраиваемых одной всеми любимой дамой.

Когда наступала осень, а с нею время балов, студенты вереницей тянулись в ломбард выкупать (хорошо там сохраненный от моли) смокинг. Студентки извлекали прошлогодне наряды и пытались придать им элегантный и новый вид. Мода на короткие платья очень упрощала дело и при некоторой находчивости можно было с пустяшными затратами из старого платья создать что-то вполне современное. Вопрос чулок был весьма насущный, не говоря уже о туфлях; их приобретенье неизменно требовало известного воздержания, что всегда благотворно отражается на талии, утверждала Лидия.

Как правило, на бал шли компанией, но растянутой в редкую цепочку, дабы при попадании в лужи страдал виновный, а не сосед и уж, упаси Бог, не соседка. Балы устраивались в нарядных, просторных помещениях с двухсветными залами для танцев и хорошим буфетом; на широкой, устланной ковром лестнице уже доносились звуки музыки из зала и ощущалась неповторимо-радостная бальная атмосфера. Бросая искоса взгляд в большое стенное зеркало, чтобы убедиться, что поездка не отразилась неблагоприятно на заботливо приведенной в бальный вид внешности, все входили в залитый огнями множества люстр зал.

Зал всегда украшен эмблемами организаций, устраивавшей вечер; царило оживление, гремела музыка, и всюду мелькали знакомые лица. Надо было поскорее разыскать свой столик или присоеди-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 97

ниться к ожидающей компании и тогда, бросив где-то якорь, можно было всем существом радостно отдаться делу, для которого все сюда собрались.

То была эпоха чрезвычайно коротких юбок и заниженной талии – совсем как носят сейчас, причесок «бубикопф» и «микадо»; эпоха «блью», вальс-бостона, «блэк-боттома» и «чарльстона».

Чарльстон царил безудержно и полноправно. Хорошие танцоры очень ценились, и надо было практиковаться, развивая гибкость носка. Так как квартирные хозяйки с их мещанскими душами не понимали этой острой надобности и, ратуя за свои никому не нужные паркеты, запрещали упражняться дома, то многие студенты тренировались на чертежной доске, достигая сногсшибательных результатов: и прямо, и боком, и обеими ногами, и на одной ноге.

Среди учащихся в Праге было немало помнивших балы в России, так что вальс с фигурами процветал, и в программе, наряду с «блью» и чарльстоном, фигурировали мазурка, венгерка и краковяк.

Были веселые распорядители, богатая лотерея, отличный буфет и немало водки. И вот на одном из особенно веселых казачьих балов, когда большая часть публики разошлась и устроители очищали зал, собирая забытые веера, перчатки в присутствии заведующих помещением и чинов полиции, у маленького столика, за колонной, был обнаружен крепко спящий, забытый, видно, своими друзьями посетитель.

Попытки устроителей разбудить его не увенчались успехом: уткнувшись головой в руки, он что-то невнятно мычал. Подошедший на помощь полицейский авторитетно потряс спящего за плечо и сказал ему громко и внушительно: вставай ж, проснись, пьяный казак! Но когда спящий, наконец, пробудился и заговорил, бедный городовой обратился в жену Лота, ибо «опили коваче» (пьяный казак) оказался важным чешским сановником, женатым на русской, которая, видно, не найдя его за колонной, уехала домой.

Татьянины балы, приходившиеся в самый разгар сезона, всегда отличались интересной программой, большей частью организованной артистом Дуван-Торцовым. Кого только не встретишь на пражских балах! Вот в дверях показывается фигура старца с бакенбардами. Это В. И. Немирович-Данченко, который в 80 лет побывал в Болгарии и объехал верхом те позиции, где он работал военным корреспондентом в... Турецкую войну! Многие писатели и артисты не брезговали студенческими вечерами, да и немудрено: там всегда царила атмосфера неподдельного, заразительного веселья, ибо поколенье молодежи, к которому принадлежала Лида, успело вырасти в здоровой обстановке.

Это было своего рода «доброе старое студенческое время»; Лида

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 98

придерживалась немножко старомодных традиций. Были у нее, конечно, и свои любимые танцоры, – ей не нравился чешский обычай «отбивать» даму во время танца – это хотя и льстило, но докучало, если приходилось оставлять «его».

Наплясавшись и навеселившись, возвращались домой шумной компанией, и не было вкуснее угощенья после протанцованной напролет ночи, как уничтожать у паровозика на улице горячие сосиски с хреном, или же, зайдя в один из всегда открытых ресторанчиков, есть дымящийся суп из потрошков, называвшийся по-чешски таким легко выговариваемым словом – «дрштковa полевчичка». А потом – по домам и – если под праздник, – то спать до обеда, а нет – так сменить бальное платье на повседневное и идти зевать на раннюю лекцию.

PARIS. ЮРИЙ ОЛОНЕЦКИЙ

Странная память: помнит детство кусками, как киноленту, с началом и окончанием, только отдельные сцены:

мутная вода канала совсем не похожа на запыленную крышку рояля,

крышка рояля никогда не бывает в пыли,

дача в Териоках, яркое солнце в окне,

смотреть в окно невозможно,

грязная вода Невы, в которую надо обязательно плюнуть,

тетка Дарья привозит в подарок оловянных солдатиков в форме Семеновского полка – это день рождения, и у тети Даши братья Олонецкие – любимые племянники («у меня есть питерские Олонецкие, смоленские Олонецкие, харьковские Олонецкие», – говорит тетя Даша)

снаряд разрывается в поле – с неба падают комья земли,

много, очень много людей на палубе парохода; мать обнимает его... холодная вода за бортом одинокий конь плывет за пароходом офицер стреляет в коня у офицера дрожит рука офицер плачет слезы текут по щеке он стреляет конь плывет за пароходом другой офицер отнимает револьвер и вытягивает руку холодный дождь духота трюма голодные спазмы в животе холодное море,

длинная лестница крутая лестница как долго по ней подниматься на второй этаж гостиницы скользкие перила и заноза на перилах вонзается в ладонь ногтями ухватить ее ухватить схватить и вытащить,

сладкая халва с орехами,

помнил, а сегодня забыл ее название,

русская школа в Константинополе – и каждый день вместе с молитвой: не забывай, что всю твою родню убили большевики,

он не забывает,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 99

он помнит,

он знает,

он не забудет,

только мама, папа, сестра и братья спаслись, а всех остальных, кто не успел сбежать в Финляндию и Балтию, звери в кожаных куртках и матросских бушлатах убили,

мама подсчитывает потери: 18 близких и 40 дальних родственников убиты,

в Константинополе в отеле – голые девушки, старший брат со знанием дела объясняет: в этой половине публичный дом,

поезд – двери открываются наружу, как необычно и забавно – вперед – большой город – называется Париж,

пансионат для детей благородных фамилий,

русская гимназия имени леди Лидии Детердинг, русской жены американского нефтяного короля (два года в гимназии не остались в клочках памяти),

насмешки мальчишек над произношением, ответные кулаки, удивление противника, снова удары, снова разбитые кулаки, и новое сражение – спряжение глаголов – будь они прокляты,

серые глаза ровесницы,

Латинский квартал, Сорбонна, слава красавца и сердцееда,

четыре года в университете – забыть и не вспоминать,

бывшие аристократы держат модные дома и служат в банке,

дядя Петя князь Енгалычев варит в Белграде тянучки – *Юрка, иди ко мне в подмастерья, верная профессия, тянучки все любят,*

а дядя Wowa князь Олонецкий-Раздольский, проводник «Восточного экспресса» – двери открываются наружу – *Георгий, с твоим знанием языков лучше места не сыскать; наши пассажиры – кинозвезды, герцогини, сэр Базиль Захаров,*

а он улыбается, потому что тепло.

Да, наверно, нет ничего приятнее после холодов, после остатков мороза,

когда не хочется выходить на улицу,

а прятаться в тепле квартиры,

за горячим калорифером, за зашторенными окнами

и радоваться –

как же холодно в других местах, а не у тебя, в каком-нибудь Юмбубрильске, когда доволен только одним – теплом.

И на все можно наплевать.

А потом

вдруг

выйти на улицу, а там холодов нет.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 100

И того, редкого в Париже, снега, который выпал на пару дней мерзким напоминанием о бывшей исторической родине, а оказывается, уже три дня стоит плюсовая температура, и не просто плюсовая, а +7 градусов, пусть +6,

но ведь не минус, не – 10, как два дня назад.

И нет страшных ветров, которые ты испытал в Вене, когда навещал дальнего родственника, графа Эрнста фон Паульсхена,

представляете, в шикарной имперской столице – и жуткий ветер? И на Рождество?

А сегодня нет промозглого холода Парижа, которым пронизан февральский город.

И ты идешь почти по весенним окрестностям своего дома – почти весенняя улица, почти весенний лес, и ты специально сворачиваешь с дорожки, чтобы пройти по этому коричнево-серому – нет, разумеется, не по ковру! Зачем литературные штампы! – идешь по грязному помоечному тепиху, ковровое покрытие которого заняло весь Венсенский лес, ноги пружинят, хочется подпрыгнуть. А деревья помечены цифрами – то ли это номер дерева, то ли шифр его болезни, и дерево пойдет на сруб – у нас последнее время рубят даже старые ели, одну срубили, что много лет росла между домами.

И возвращаешься домой, полный неясными миазмами весны и подозрительными фантазмами будущих свершений.

На всё можно наплевать.

Конечно, пока пальто и шляпу отправлять в шкаф рановато, им еще место на вешалке, но взгляд уже ищет пакет с весенним плащом.

Он не брезговал никакой работой, да и кто из эмигрантов брезгует? Брезгливые давно на кладбище ушли. Вон даже князь Феликс Юсупов – знаменитый Юсупов! – держит Дом моды; генерал Эрдели – шофер такси; Кудимов, бывший банкир, – на рынке барахлом торгует. Про родственников говорить нечего – мамина сестра вышивает на шелке узоры, кузина Вяземская – секретаршей в конторе.

И ничего.

Без комплексов.

Часто вспоминал афоризм знакомого нищего (бывший приват-доцент университета): «Страшно в первый раз протянуть руку, потом – привыкаешь».

А потом – бац!

Всё – коту под хвост.

Какому коту? Который в сапогах.

И он, Юрий Олонецкий, князь и потомок, и прочая, и прочая – кто? Да, кто он сегодня?

Бродяга.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 101

Бездомный.

Клошар.

Отброс общества.

Родители никогда не узнают о тех месяцах его клошарной жизни.

Только через несколько лет он расскажет о ней старшему брату. Да и что рассказывать?.. Есть старая поговорка: если пьешь – не похмеляйся, если играешь – не отыгрывайся.

Юрий получил от родителей деньги на два месяца жизни и всё спустил. Месяц он морочил голову хозяину отеля, потом его выставили на улицу, забрав в залог вещи. Юрий клялся, что всё заплатит, но хозяин оказался опытным человеком и на уговоры не поддался.

Попытки найти работу закончились плачевно – оказалось, что он ничего не умеет делать, а в Европе бушует кризис, работы нет и для профессионалов. Сорбонна тоже оказалась за бортом корабля его жизни. Так он оказался под мостом. Не самое плохое место, как позже понял, – можно спрятаться от дождя. Тогда он зарекся прикасаться к картам.

В кармане у Юрия лежали два франка.

Этих франков хватало на чашку кофе, он решил придержать и обойтись без кофе. Если захочется пить, очень захочется, то можно обойтись водой из-под крана в общественном туалете. Или фонтанчиком в Люксембургском саду. Там можно хорошо поспать на мягкой траве на склоне возле пруда с зеркальными карпами.

Но вот где полицейских достаточно – так это там! Так они тебе и дадут поспать!..

За десятилетие парижской жизни он неожиданно для себя осознал, что не знает город так, как должен его знать бездомный бродяга.

Но даже для самой дешевой гостиницы не было денег. Действительно, несколько ночлежек, в которые он ткнулся, оказались переполненными. Что ему оставалось делать? Он знал только одно – никогда не просить помощи у родителей. Не зря он им сказал, что теперь он уже взрослый и самостоятельный, и они перестали приезжать в Париж – то отец, то мать – проверять, как он живет под серым французским небом. «Контролировать твою жизнь» – издевательски комментировал наезды родителей старший брат. Но брату хорошо – играет себе в футбол…

Может, у Олега попросить? Нет, ни в коем случае. Во-первых, он расскажет отцу. Во-вторых, нельзя просить ни у кого из родни! Позор. Ни у кого. Он сам виноват и сам должен выбраться из нынешнего дурацкого положения. Конечно, дурацкого… Как же иначе назвать? Не признаваться в том, что я… проиграл в карты. И дело не

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 102

в том, что проиграл, а в том, что, не умея играть, полез за стол показать свой гонор, свой… свою… тьфу, дурак, и получил по заслугам.

Серое, серое здесь небо. А один художник изобразил его фиолетовым... тоже придумал – фиолетовое небо! Хотя, если вечером при свете фонарей на узкой улице, то, кажется, действительно фиолетовое…

Вот аккуратно поставленные рядышком, как на параде, оловянные солдатики, пустые бутылки из-под пива. Знакомое дело – собирать бутылки; кто-то сказал, что их можно сдать и получить небольшие деньги. Для кого небольшие, а ему они необходимы. И он с раннего утра уходил на набережную Сены, где бездомные и бродяги лежали под мостами, прячась от дождя, и собирал повсюду пустые бутылки из-под дешевого вина и шел дальше по набережной, а потом переходил на другую сторону, – к тому времени, когда счастливчики отправлялись на работу, он иной раз набирал полный мешок.

Не дай Бог меня кто-нибудь увидит за сбором пустой посуды – князь Олонецкий, представитель старого рода, дворянин и сын почтенных родителей, собирает пустые бутылки! Хотя князь Юсупов держит салон моды... Ой, не надо, не надо, не сравнивай! Дом моды держать – не пустые бутылки у клошаров выпрашивать.

Представляю, увидит меня какой-нибудь большевистский писака, гнилозубый Эренбург, – с каким наслаждением он распишет бывшего князя, а ныне безработного на парижских улицах… Нет, никогда, никогда этого не будет! Случайность. Поражение. Очередное поражение. А без поражений нет побед. Из поражений выносишь главное – опыт. Его не купишь ни за какие деньги. Из чужих рассказов не получишь опыт. Пока сам не влезешь в шкуру клошара, пока сам не станешь клошаром. А бутылки – как солдатики… Тетка Дарья привезла на Рождество 1916 года в подарок два десятка солдатиков в форме Гвардии Семеновского полка… Куда они подевались, эти солдатики? Не иначе – превратились в пустые бутылки… Помню, помню.

...Он шел вдоль реки. Жара перешла в духоту. У реки духота опускалась в воду и растворялась в ней. У реки духоты не было. Только жара. Юрий присел на балюстраду. Камень не дал прохлады, он тоже нагрелся. Под балюстрадой спал человек. Под головой – коричневый берет. Руки засунуты между ног. Типичный бродяга, клошар. Олонецкий хотел подойти к нему, но не решился. Зачем? Каждый спит там, где желает. Одни в роскошных номерах «Лютеции», другие – на набережной. Юрий долго смотрел на спящего, потом догадался, что бродяга мертв.

Пойти в ночлежку? На нее хватит, а что есть завтра? Выбирай – или ночлежка, или еда. Конечно, еда.

Все скверы вечером запирают, ночью полиция обязательно про-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 103

веряет, не устроился ли кто на удобной скамейке. Можно найти место под какой-нибудь аркой, в закоулках, но дождь и полиция – вечные враги бездомных – не дадут. Значит, остается ночевать под мостом…

Реально ли это? Не является ли просто образным, так сказать, фигуральным выражением? И как это можно «ночевать под мостом»? Ведь там катит свои холодные мутные воды Сена. И там, наверное, такие сквозняки, на которых не очень заснешь.

Ненастный августовский вечер гнал по набережным Сены, спускался вниз, заглядывал под мосты. Зачем-то поднял пару окурков, хотя не курил. Но может понадобятся... Он убедился, что выражение «ночевать под мостом»» совершенно реально.

Когда у вас нет квартиры, когда у вас нет денег на самый дешевый номер самой дешевой гостиницы, когда у вас нет сантимов даже на ночлежку или на плавучий «Азиль» – вам, естественно, остается одно – искать убежище от дождя под одним из мостов Сены. Ведь всякий мост, это, как-никак, – крыша.

Правда, есть мосты совершенно негодные для ночлега. Это, во-первых, те, все быки которых погружены в воду, и под пролетами нет ни пяди сухой земли. Во-вторых, мосты в центре, нарядные и ярко-освященные, – они особенно бдительно охраняются полицией.

Но зато есть и мосты, у которых крайние быки стоят на нижнем берегу, и под первыми пролетами имеются надежные и сухие убежища. Такие мосты удалены от центра, они слабо освещены, под ними темно и много каменных ниш – бесплатных квартир для невзыскательного человека. В ненастную ночь там можно укрыться от самого косого дождя. Здесь встречаются и случайные квартиранты, мечтающие о койке в приюте Армии Спасения, и привычные обитатели, матерые бродяги, энтузиасты Сены, годами живущие под ее мостами. Они философы, и их не прельщает Париж.

Олонецкий болтал с одним из них. Он сел рядом и угостил бродягу окурком. Того звали Шарль. На плечи бродяги было накинуто рваное ватное одеяло, а Юрий закутался в кусок брезента, найденный на стройке гостиницы.

– Надо быть сумасшедшим, парень, чтобы давать обогащаться этим акулам, парижским домовладельцам и хозяевам отелей! Надо не иметь никакого понятия об экономии и о равновесии бюджета, чтобы отдавать свои последние су Армии Спасения – вместо того, чтобы пропустить лишний стаканчик или выпить черного кофе с ромом!

Он с готовностью показал свое обиталище.

При свете спички Юрий смотрел на его каменную, ловко замаскированную нору, забитую тряпьем и старыми, давно отслужившими матрацами и подушками. Воняло из норы знатно.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 104

– Я люблю мягко спать и люблю тепло… – говорил Шарль с гордостью. – А ведь от вас самих зависит комфортабельно обставить ваше жилище и не валяться под мостами на голых камнях и на сквозняке, как делают это разные новички и случайные ночлежники!

– Но как же полиция? – не верил Олонецкий, – ведь всякий гражданин, не имеющий постоянного места жительства, в глазах закона является бродягой?

Собеседник искренно возмутился.

– Это я-то не имею постоянного места жительства? Это мне нравится! Я десять лет уже живу здесь, на Сене. И если бы они там, в парижских комиссариатах, были справедливы и понимали бы суть вещей – они давно выдали бы мне сертификат де домисиль, вполне заслуженный мною!

– Но все-таки, старина, разве полиция никогда не заглядывает в ваши… квартиры?

Шарль презрительно ухмыльнулся.

– Совать сюда нос не вполне безопасно для посторонних. С хорошим человеком, как ты, парень, мы не откажемся поболтать и выкурить сигарету. Но полиция знает, что здесь темно и что получить по черепу камнем совсем не так уж приятно… и притом, приятель, не забывай, что здесь Сена, а не Париж!

Он помолчал, сплюнул в реку и предложил.

– Хочешь здесь спать, ложись рядом с моей норой. Здесь даже не дует. У тебя хорошее покрывало. Где нашел? Это непромокаемый брезент. Я дам тебе старую подушку. Она рваная, но подложить под голову сойдет.

Юрий подумал, что в этой воне едва бы уснул. Уж лучше на свежем воздухе, завернувшись в брезент…

Вчера видел Сергея Степановича, он просит подаяние. Помню его по Константинополю. Приват-доцент Санкт-Петербургского университета.

Я не хочу привыкать, я выкарабкаюсь.

Олонецкий и во сне карабкался.

JERUSALEM. АРТУР

Он не хотел возвращаться в Европу, поселился в Иерусалиме, зарабатывал на жизнь писанием статей для европейских газет. Целый год он прожил в голоде и нищете, пока не появилась возможность получить постоянную работу – уезжал корреспондент газетного концерна «Ульштайн», и место оставалось вакантным. Корреспондент рекомендовал Артура.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 105

Артур прожил здесь два года, и Иерусалим ему нравился, но он видел, что –

население города весьма пестро, все враждебны друг другу и вздорны,

хуже всего священство: что мусульманское, что христианское, что иудейское,

муллы в среднем дважды в год призывали к кровавой бойне.

Во время Рамадана миролюбивый араб утром в пятницу обменивался шутками со своими жильцами-евреями, потом шел в мечеть, слушал проповедь имама, мчался домой, хватал кухонный нож и вырезал всю еврейскую семью, не исключая младенцев.

Православные, католические, сирийские, коптские, армянские священники и представители прочих конфессий вели тяжбы из-за привилегии греческих священников устанавливать лестницу на полу армянской часовни, чтобы вычистить верхнюю часть часовни в храме Рождества Христова в Вифлееме; они спорили, должны ли греки натянуть занавес, прикрепленный к гвоздику номер два у подножия столба, стоящего к юго-востоку от левого ряда ступеней, ведущих к яслям, или позволить занавесу ниспадать естественными складками (оба примера – совершенно подлинные, как и предписание: «Римляне должны вешать свой занавес на тот же столб естественными складками, оставляя зазор в шестнадцать сантиметров между ним и занавесом православных»).

Еврейское священство воевало с мусульманами за право прохода к Стене Плача, но не могло прийти к согласию и между собой относительно верного способа совершать жертвоприношение; по их наущению ортодоксальные юнцы, защищая святость субботы, колотили безбожников, осмелившихся закурить на улице, и швыряли камнями в проезжавшие автомобили.

Политическая атмосфера также была пропитана ядом. Клан Хуссейни истреблял представителей клана Нашашиби, но на время очередного погрома они объединялись для избиения евреев; еврейские партии ненавидели друг друга, англичан и арабов – именно в такой последовательности, английские сахибы (здесь они именовались «хаваджас») держались, как это свойственно английским сахибам.

В Иерусалиме не существовало ночных клубов, кафе, вечеринок с коктейлями – вообще никакой ночной жизни. Люди держались замкнуто, каждый – в своей общине, клане или партии. Жестокий, фарисейский город, исполненный ненависти, недоверия и поддельных святынь.

Артур жил на улице Пророков, 29, в пяти минутах ходьбы от Крестного пути, и на таком же расстоянии от мечети Омара, где за

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 106

шиллинг посетителям показывали след, оставленный на скале стопой архангела Джебраила. Никогда он не обретал в столь тесном соседстве со святостью и так далеко от нее. Вся изуверская история города, от Давида до Ирода, от Пилата до крестоносцев – свидетельство разрушительного влияния религии, неспособности человека договориться с божеством. Иерусалимская тоска – поражение и отчаяние, надменное молчание пустыни, пересохшие водостоки, потрескавшаяся скала.

И социальное его положение было непростым.

Артур представлял известный газетный концерн, и это придавало ему определенный вес. Он писал огромное количество статей для ульштайновских газет, его доходы быстро росли. Через год работодатели повысили гарантированную зарплату с двухсот до семисот марок, а вместе с гонорарами он получал около тысячи – большая сумма по ближневосточным меркам середины 20-х годов. Хотя приходилось содержать родителей, денег хватало на весьма комфортное существование.

Однако, он подвергался бойкоту со стороны сионистской бюрократии и местного еврейского истеблишмента. В качестве сиониста Артур не мог общаться с арабами, а статус иностранца не позволял вступать в британские клубы или вращаться в кругу британской колониальной администрации.

Тем не менее от одиночества он не страдал. У него появилось несколько друзей в Иерусалиме; они вместе катались верхом по Иудейской пустыне, ездили по ночам на осликах; выходные Артур проводил в веселом Тель-Авиве.

Еще имелась собака Джесси, первая из множества его будущих овчарок, колли, боксеров и сенбернаров. Он часто ездил в Галилею и соседние страны.

Он вел репортажи из Палестины, Египта, Трансиордании, Ирака, Сирии и Ливана, а также заочно описывал события в Саудовском королевстве. Он писал еженедельно по три большие статьи для нескольких газет и журналов, принадлежавших Ульштайнам: половину составляли политические статьи, остальное – путевые очерки и эссе о «королях и капусте»,

о еврейском театре

о борделях Бейрута

о византийских мозаиках

о бедуинском костюме

о царице Савской и

о добыче поташа на Мертвом море.

В 1928 году Жаботинский наведается в Иерусалим и возьмет под свой контроль старейшую газету на иврите «Доар хаймом»

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 107

(«Ежедневная почта»). Артур станет членом редколлегии и автором еженедельных колонок международных новостей. Но его интересы перекочуют в другой раздел газеты: еврейская пресса невыносимо провинциальна и напыщенна, а он мечтает придать изданию человеческий, европейский, светский дух, сократить уксусно-кислую полемику, а вместо нее давать факты и новости, – бороться с иерусалимской тоской. Среди новшеств – сделать страничку выходного дня, целиком посвященную развлечениям: загадкам, анекдотам, конкурсам, акростихам, шахматам.

Жабо согласится и поручит Артуру выпуск приложения.

Фривольное нововведение будет пользоваться успехом в Святом Граде, несмотря на оплошность: в первом выпуске напечатают двадцать вопросов, позаимствованных из ульштайновского журнала «Уху» («Филин»). В следующем номере он посулит опубликовать ответы, но ухитрится куда-то задевать журнал, из которого следовало эти ответы переписать, и никакими силами не сможет раздобыть другой экземпляр. С большинством вопросов типа «Какова длина Великой Китайской стены?» или «Кто изобрел липучку от мух?» поможет сладить энциклопедия, но в двух-трех случаях придется высасывать сведения из пальца. Один из этих вопросов станет преследовать его много лет в кошмарных снах: «Какие грызуны живут дольше всех?», и Артур своей волей назначит долгожителем белку.

Никто не оспорит сей научный факт.

Успех развлекательной странички подогреет амбиции, и Артур решится ввести в еврейскую среду кроссворд. Сделать это будет непросто: еврейский алфавит состоит исключительно из согласных; гласные появились только в VI или VII в в. н. э. и не использовались ни на письме, ни в печати – только в букварях, да и то под согласными, а не в одном ряду с ними. Значит, еврейские кроссворды можно построить только из согласных, что чрезвычайно осложнит как их сочинение, так и разгадку. Он свяжется с молодым евреем-лингвистом, увлечет его проблемой, и вместе они создадут первые шесть образчиков жанра. Возникнет следующая проблема: как их назвать? Слово «кроссворд» – «крестословица» – вызвало бы всеобщее возмущение, ортодоксы не дали бы житья. Перед этой опасностью спасует даже Жабо. Но изобретатели назовут всё *hidud hamo'akh'* – «акробатика для ума».

Однако Артур станет уставать от Палестины. Сионизм в 1929 году застыл на мертвой точке, иммиграция почти прекратилась, а чудовище нацизма, которому предстояло превратить этот тоненький ручеек в неостановимый поток, еще таилось в темной утробе будущего.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 108

Артур приехал в Палестину юным энтузиастом, поддавшимся романтическим побуждениям, но вместо утопии обнаружил реальность: сложную и привлекательную, и отталкивающую. Отталкивание стало сильнее, и причиной тому стал язык – устаревшее, окаменевшее наречие, давно переставшее развиваться, заброшенное самими евреями задолго до нашей эры. Во времена Христа они говорили по-арамейски – теперь насильственно возрождавшемся.

Архаическая структура и древний словарь совершенно не годились для выражения современной мысли, для передачи оттенков чувств и смыслов человека XX века. Используя иврит в качестве официального языка, маленькая еврейская община Палестины отрезала себя от западной цивилизации. Он понимал: переход на иврит означает духовное самоубийство. Он довел свой сионизм до того, что принял палестинское гражданство и оформил палестинский паспорт. В то время мало кто из сионистов отваживался на подобный шаг, даже доктор Вейцман сдал британский паспорт только после своего избрания президентом Израиля.

Артур смог отказаться от европейского гражданства, но не от европейской культуры. Он был романтическим идиотом, влюбленным в иррациональное, но тут оберегал инстинкт. Он знал, что в среде, говорящей на еврейском языке, всегда останется чужаком и при этом постепенно утратит связь с европейской культурой. Он уехал из Европы в возрасте двадцати лет, теперь ему двадцать три, и он досыта наелся Востоком – и арабской романтикой, и еврейской мистикой. Разум и дух жаждали Европы, томились по Европе, стремились домой.

Очередной отпуск приходился на июнь. Он решил после отпуска не возвращаться в Иерусалим. Артур не просил работодателей о переводе заблаговременно, страшась отказа: теперь он считался специалистом по Ближнему Востоку, и им, конечно, было бы удобнее там его и оставить. Он решил поставить их перед фактом, рискнуть – пан или пропал: либо они предоставят другую работу, либо начать всё с нуля.

В Берлине он оставил багаж в камере хранения и направился к своему шефу, главе новостного агентства Ульштайнов Магнусу. От исхода переговоров зависело, в какой гостинице поселиться – в дорогой или дешевой.

Артур заявил Магнусу, что готов уйти из концерна, лишь бы не возвращаться в Иерусалим. Тот вроде бы и не удивился, просто кивнул, словно чего-то подобного и ожидал, суховато усмехнулся и предложил:

– Если вы пресытились святостью, не подойдет ли вам Париж?

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 109

ПРЕССА

Приехала из России двенадцатилетняя девочка. В первый же день ее отвезли в «Самаритэн» и одели во все новое, с головы до ног. Девочка восторгалась:

– Эх, показалась бы я в таком виде у нас, в пионерском отряде!..

За столом, когда подали громадный ростбиф, изумилась:

– Где мясо выдавали? Конина? Наверно, по 6 рублей за фунт платили!

О швейцарском сыре она имела представление только понаслышке; стоимость лимона к чаю была определена в 3 рубля.

– Должно быть, всё в Торгсине покупаете?

Ей объяснили, что Торгсина в Париж нет. Всё можно найти на рынке да в магазинах.

Выслушала, недоверчиво покачала головой и потом сказала хозяйке дома:

– Знаете, я спать пойду. Завтра часа в 4 можете меня разбудить. Если нужно пойти стать куда-нибудь в очередь, – я с удовольствием. Не стесняйтесь, у меня привычка...

* * *

Есть такой советский писатель – Сергей Малашкин. Не Бог весть какой талант. Но его упорно печатают во всех «толстых» сов. журналах. Сергей Малашкин – ударник, писатель нового, коммунистического быта. У него жених и невеста сидят при луне и мечтают, как они будут коротать зимние вечера за чтением Ленина.

У него в историческую ночь взятия Зимнего Дворца пролетарская девушка Наташа отдается какому-то красноармейцу, случайно забежавшему в дом во время стрельбы. Но время уходить, бой на улице не прекращается. Наташа вырывается из объятий разомлевшего красноармейца, дает ему в руки винтовку и выталкивает за дверь:

«Скажи, как тебя звать?» – прощаясь, спросил он.

– Что тебе... – улыбнулась она и, обвив его шею, крепко поцеловала.

– Я не уйду.

– Иди, – сказала она. – Ты и так прозевал первую цепь и будешь драться после первой. Иди. Дело рабочих дороже...

Он вышел. И она видела, как он быстро влился в ряды рабочих и с криком ‘урра’ бросился вперед...»

Красиво, правдоподобно. И, главное, идеологически вполне выдержано.

* * *

Представитель шведского «Веко Журналь» побывал на германском курорте Либенштейн. В парке его представили «дочери Николая II». Лже-Анастасия, Анна Чайковская, протянула журналисту руку.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 110

По первому впечатлению, у нее вид важной дамы. Но взгляд несколько смущенный, даже испуганный. Она совершенно не смотрит на того, с кем разговаривает. Но самое тяжелое – это ее рот. Она ни на одну минуту не отнимает носового платка от рта. У нее нет зубов. Вся нижняя челюсть сплющена и деформирована.

– Помните ли вы что-нибудь о своем спасении в Екатеринбурге? – спросил журналист.

– Милый, я была так молода, что никак не могла запомнить этого!.. Знаю только, что они били меня прикладами по лицу. А в Бухаресте, на людной улице, они застрелили моего мужа и спасителя. Почему потом меня заперли в сумасшедший дом? Там меня заставили подписать какую-то бумагу... Оказалось, что документ содержит в себе отказ от всех прав как члена династии Романовых.

Адвокат Чайковской, собирающийся в конце сентября возобновить процесс в Берлине, пригласил журналиста на ужин.

Лже-Анастасия вышла к столу в прекрасном вечернем туалете. Метрдотель предупредительно поставил перед ней большую корзину с астрами. Под защитой цветов Чайковская может спокойно жевать своим беззубым ртом, не прибегая к услугам платка. Почему она не вставит искусственной челюсти? Врачи должны на процессе убедиться в том, что челюсть была разбита прикладами красноармейцев...

Ужин прошел оживленно. Чайковская говорила о хороших блюдах, о воздушных рейдах, о разводах. Принимала от окружающих почтительные поклоны, подавала грациозно руку для поцелуев и послала воздушный поцелуй старой кассирше.

Адвокат уверял, что Чайковская знает несколько языков и свободно изъясняется по-русски. Но когда при расставании журналист по-русски пожелал ей доброй ночи, она немного растерялась и сказала:

– Да. Есть.

Железная маска
«Иллюстрированная Россия» (Париж)

BERLIN. ВАРЛОФФ

Теперь, наверно, пора перейти к следующему персонажу нашего романа. Не будем называть его хорошим или плохим. Зовут его Варлофф, точнее, так его назвал Эрнест Хемингуэй в своем романе, потому я и воспользовался этим именем для своего героя. Основного, не главного, но важного персонажа в том действии, которое развертывается в начале 1930-х годов.

Но не все читали роман Хемингуэя, да и мои романы «Свидетелей не оставляют» и «1948», где он присутствует и даже играет определен-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 111

ную роль. Эти произведения – о будущем Варлоффа. Я же расскажу о его прошлом и настоящем.

Варлофф – чекист. Не вздрагивайте, любезный читатель. Если вы подумали, что он из той когорты, что пудовым или, точнее, дубовым кулаком выбивает арестованным зубы, выбивая вместе с ними показания, то ошиблись. Он и не тот, кого называют абрикосовым словом «комендант», а на самом деле – расстрельщик в подвале. Нет, это не про него.

Варлофф – эстет, белоручка, мы бы сказали.

Варлофф – сотрудник иностранного отдела ОГПУ. Его туда взяли за… интеллигентность. За то, что он окончил гимназию. Или реальное училище. Одним словом, образование какое-то имелось. Да-да, за нее, которая определялась знанием двух иностранных языков.

В детстве его звали Лейбой, он считался хорошим мальчиком из хорошей еврейской семьи в городе Бобруйске. Правда, свое первое имя он давно забыл за чередой новых имен, паспортов, кличек, псевдонимов, фамилий, удостоверений.

Как и многие другие еврейские мальчики из хороших и нехороших еврейских семей, а может, и не многие еврейские мальчики, он увлекся идеями социального переустройства общества. Сегодня мы с вами, любезные читатели, знаем, что ни к чему хорошему подобные идеи не приводят. Но в начале XX века идеи оказались поразительно популярными. Вроде идеи защиты климата – в начале нынешнего.

И подобно тому, как сегодня некоторые ведут борьбу против потепления климата, так и более ста лет назад многие вели борьбу против капитализма. Они наивно считали, что капитализм – плохо, а социализм – хорошо.

К ним принадлежал и Варлофф. Волею судеб он оказался в рядах ЧК, которая рассматривала себя не только карательным органом, но и орудием распространения идей социализма в других странах.

Создали иностранный отдел, затем многочисленные резидентуры в европейских странах – то есть местные отделения ЧК, которая стала называться ОГПУ. В одних странах малочисленные резидентуры, в других – многочисленные. Большинство работников подобных организаций действовали нелегально, то есть не под своими именами; другие – полулегально, то есть прикрывались дипломатическими должностями в посольствах и торговых представительствах, которые назывались в духе времени – полпредства и торгпредства. Они числились в советском дипломатическом и торговом аппарате секретарями, советниками, консультантами – благо, согласно закону Паркинсона («*Рост приводит к усложненности, а усложненность – это конец пути*»), аппарат расширялся, разрастался, и Варлофф стал

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 112

числиться советником в торговом представительстве в Париже. Почему в Париже? Да очень просто – Варлофф знал французский. Наряду с немецким он изучал его в гимназии, потому и оказался во французской столице, а не в Англии.

Работа его была сугубо шпионская. Его подчиненные согласно утвержденным в Москве планам должны похищать военные и политические секреты, подкупать государственных служащих, провоцировать столкновения властей с «прогрессивными элементами», убирать неугодных. Словом, делать то, что сегодня носит название тайные «операции».

И Варлофф стал достойным сего Ордена рыцарем плаща и кинжала.

Как-то Варлофф сидел со своим близким приятелем, сослуживцем (приятеля застрелили бандиты абсолютно случайно, буквально через неделю после беседы).

Неизвестно почему разговор зашел о расстреле последнего царя.

– Конечно, глупость, – утверждал Варлофф. – Зачем его убивать? Не пойму. Ну, судили бы. Посадили бы в Петропавловскую крепость, как революционеров, пусть почувствует себя в шкуре заключенного…

Приятель разливал коньяк.

– Настоящий! Шустовский. Довоенный.

– Не может быть! Откуда?

– Много будешь знать – расколешься на первом допросе, – пошутил приятель. – Я с тобой согласен. Надо было его продать.

– Во! – обрадовался Варлофф. – Хороший коньяк. – похвалил он. – Царь – живые деньги. За несколько миллионов.

– Или обменять. На паровозы или за сотню станков… Сейчас бы эти деньги очень пригодились… Индустриализация!

– Не говори. И всю его семью менять…Одну девчонку на станки, другую – на какие-нибудь полезные ископаемые..

– А царицу – тоже продать за миллионы. Немцам! Она же немка…

– Наливай. Хороший коньяк. Поторопились наши уральские товарищи…

– Да момент такой был… Инициатива масс. Поехали!

– Какой момент? Что ты сочиняешь… Знаю я такую *инициативу*. Без санкции из Москвы они бы его пальцем не тронули.

Пожал плечами.

– Может и так.

– Да… А ведь миллионов сто можно было получить за царскую семейку, а?

– Да уж не меньше.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 113

* * *

Перейдя из экономического управления на работу в разведку, побывав в нескольких европейских странах, набирая опыт и присматриваясь к работе коллег, Варлофф пришел к выводу, что он был прав: в мире капитала деньги играли если не всё, то очень много. Денег резидентуре отпускали много, поэтому Варлофф, будучи заместителем резидента, не скупился и подкупал полицейских, чиновников, получая планы и документы.

Посетив Монте-Карло, он увлекся идеей организовать в Париже игорный дом, завлекать туда богатых людей, обыгрывать их, а потом в качестве расплаты требовать работы на Москву. В любой форме. Один может расплатиться документами, другой важными сведениями, третий – полицейскими сводками.

Но как обыгрывать? С помощью своих людей. А где их найти, этих «своих»? Среди уголовного мира. Вот тут уже встает вопрос: уголовного мира России или Франции? Найти шулеров в России пару пустяков; арестовать, пригрозить – еще пара. Но шулер должен хорошо владеть французским, иметь соответствующие манеры и не сбежать, ступив на французскую землю.

Последнее больше всего беспокоило московское начальство. Идея сама по себе богатая. Но – уголовникам нельзя верить, – ни нашим, ни французским. Они очень быстро предадут, если попадут в полицию. И, как известно, уголовники стараются держаться подальше от политики. А где гарантия, что какой-нибудь французский шулер не догадается, что за игорным домом стоит советское полпредство?

Варлофф согласился с аргументами, но предложил: если не игорный дом, то надо купить банк. Любой банк в любой стране. Тот, который испытывает финансовые трудности. Купить на имя сочувствующего местным коммунистам.

Москва согласилась, и Варлоффу поручили подыскать банк для продажи. Французские товарищи помогли. Москва располагала широкой сетью осведомителей среди местных коммунистов. Каждый коммунист считал своим долгом помочь товарищам из Москвы

Подходящий банк нашли в Берлине, и Варлоффа перевели в тамошнее торгпредство на ту же маскировочную должность. Но в Берлине пришлось не только шпионить, но и работать по этой самой специальности торгового советника. Тем более, что Советская Россия торговала с Германией стратегическими материалами, запрещенными Версальским договором. Для контроля за поставками авиационного оборудования приехал, как сказали бы сегодня, военпред, то есть представитель военного ведомства. Его звали Павел Аллилуев, и никто, кроме Варлоффа, не знал, что он – шурин Сталина.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 114

Но дело не в нем, а в банке. Банк назывался «Сасс и Мартини». Приобрели его через подставное лицо – канадскую группу, которая затем сразу же продала почтенный банкирский дом некоему г-ну Симону, выступавшему в роли посредника для Пауля Рота. Рот был ранее членом берлинского муниципального совета от коммунистов, а впоследствии обнаружилось, что он был на жалованье у советского посольства.

Дела с банком вел один из помощником Варлоффа по имени Франц Фишер. В конце 1929 года он положил на банковский счет 19000 фальшивых долларов.

После того, как 23 декабря министерство финансов США распространило по всему миру предупреждение об опасности в связи с появлением фальшивых 100-долларовых купюр, берлинская полиция совершила налет на помещение банка «Сасс и Мартини». В его сейфах было обнаружено немало американских долларов.

ОЛЕГ ОЛОНЕЦКИЙ

Если бы он знал, что с ним будет!

Но даже если бы знал, едва ли смог изменить ход событий.

Что же будет?

В Константинополе, в грохоте незнакомого города, да что города – чужой и чуждой жизни, где пахнет кофе, сладкой халвою, забивающими нос пряностями, он заглядится на турка, курящего кальян, и потеряет родителей. Но пятнадцать лет – не пять и даже не десять, – станет оглядываться, перебежит улицу, заглянет в магазин, в другой, увидит вдали солдат и по кепи определит – французы! – неожиданно для себя вспомнит проклятые французские глаголы и подбежит к ним за помощью. Солдаты посмеются над произношением, но поймут, о чем он спрашивает и покажут дорогу.

И удар не с носка, а внутренней стороной бутсы, совершенно неожиданно для него самого и – гол! Первый забитый мяч.

Родители возражали против спортивной карьеры Олега.

Он виделся с родителями ежедневно, потому что жил с ними вместе в той большой пятикомнатной квартире, которую они снимали уже седьмой год. Одна комната, по привычке ее называли – «Юркина», закрыта, и мебель в ней в чехлах, но ее раз в неделю убирали – вытирали пыль и протирали пол. Мать скептически относилась к подобным упражнениям прислуги – дескать, какая здесь может быть грязь на полу, если комната закрыта и в ней никого не бывает?

Приходящая немецкая прислуга считала это хорошим тоном, она вообще гордилась своими хозяевами. Во-первых – князьями, во-вто-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 115

рых – регулярно платящими жалованье (несмотря на безработицу в стране, кризис и забастовки), в третьих, хотя и иностранцы, но говорят по-немецки вполне прилично, а старший князек вообще словно бурш, будто родился в Баварии. Она служила у них седьмой год и сочувствовала молодому футболисту.

Разве он сможет забыть тот день, когда впервые вышел на поле в составе профессиональной команды, пусть и запасным игроком!? Конечно, не забудет! Два года назад, в том же Мюнхене.

Весь матч он просидел среди запасных, и тренер поглядывал на него сбоку, словно говоря: «Не знаю, как ты себя поведешь в серьезном матче, на тренировках вроде бы хорош, а дойдет дело до поля – не знаю...» – его лишь последние десять минут выпустили на поле. Он знал, что должен показать себя, – так показать, чтобы тренер понял, и ребята в команде поняли: он – свой; он такой же, как все, он так же хорошо бьет по мячу и как все уходит, когда требуется, в оборону, – и он хорошо играл в первый раз, но гол не забил – ему не давали паса, но он хорошо играл на левом крае, его потом хвалили, и Зоннеман сказал, что с Олонецким он удачно разыграл передачу; ничего, всё впереди – и голы будут, и слава будет, пусть он не центр нападения, а только левый хавбек, он и не стремится в нападающие.

В следующей игре неожиданно для всех забил гол: ему удалось то, что удается немногим, – он хорошо видел поле и сильнейшим ударом с центра – когда не только вратарь, но и игроки не ожидают, – послал мяч в сторону противника. Его зауважали товарищи по команде, которые не рисковали бить по воротам с такой дистанции и предпочитали выходить с чужим вратарем вблизи ворот противника.

Словно на рыцарском турнире: один на один. А я выбираю момент, когда никто не ожидает. Ни один вратарь не ожидает удара с центра поля. Когда игрок чужой команды бьет по мячу вблизи ворот, то вратарь в большинстве случаев по его глазам видит, куда тот пошлет мяч. Вратарь редко ошибается. А с центра поля ему не видно, и в глаза ему не заглянуть. Но у того, кто бьет с центра, должен быть очень сильный удар. Не «пушечный», как пишут репортеры, а очень сильный. И таким ударом обладал новый игрок «Баварии» левый хавбек Олег Олонецкий.

PARIS. МИШЕЛЬ

Мишель стоит в длинной очереди такси на улице около церкви Монруж. Наконец его окликает скромно, но прилично одетая, молодая девушка с тщательно закутанным ребенком на руках. Лицо бледное, губы сжаты, черные глаза смотрят решительно и сурово.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 116

– На авеню Монтэнь! – приказывает она.

Мишель везет ее по указанному адресу и останавливается у большого аристократического дома.

Во всех этажах ярко блестят зеркальные стекла больших окон. В просторном вестибюле виднеется комфортабельный лифт и широкая лестница, покрытая темно-красным, бархатным ковром.

Пассажирка не двигается. Мишель выходит из машины и открывает дверцу.

– Мы приехали, мадам...

С секунду она молча смотрит на него, крепко прижимая ребенка к груди, потом, сделав над собою усилие, говорит:

– Мне, кажется, дурно, мосье... Будьте добры, поднимите ребенка наверх и скажите, что няне стало нехорошо в такси...

И она протягивает ребенка. Признаться, Мишель отродясь не брал на руки таких маленьких детей... Он боится выронить его из рук и должно быть слишком крепко прижимает к себе – ребенок внутри одеял хнычет.

– Ничего, ничего... – поспешно успокаивает пассажирка. – Несите его скорее. Это второй этаж направо. Спросите там господина Санпэ.

Мишель повинуется.

Он входит в подъезд и, не решаясь освободить руку, чтобы подняться на лифт, несет необычайную ношу по лестнице. На втором этаже направо нужная дверь. На звонок открывает нарядная, пожилая горничная в белой наколке. Она изумленно смотрит на Мишеля.

Мишель протягивает ей ребенка. Растерявшись, та машинально принимает его на руки.

– Это для господина Санпэ... – объясняет он смущенно. – Вашей няне сделалось дурно, и она ждет в такси...

Горничная вылетает в гостиную, оставив Мишеля одного. До него доносятся изумленные и гневные восклицания, и вскоре в переднюю выбегает сам господин Санпэ, мужчина высокий и дородный, с черной, холеной бородой. Лицо его растеряно и гневно, на руках он держит злополучного ребенка. За ним выбегает полная, с перекошенной от изумления и негодования физиономией, дама и знакомая уже горничная.

Мишель не на шутку пугается.

– Простите ради Бога, если я его немного придавил... Это с непривычки... Я знал, что эта ноша – «фражить», но ваша няня...

Дама набрасывается на него.

– Какая няня? Где? Что вы несете? Что за глупые шутки?!

– Там внизу, в такси... Ей сделалось дурно... Она вас ждет! – бормочет Мишель, отступая к лестнице...

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 117

– Она нас ждет! – истерически восклицает дама и вдруг резко поворачивается к бородатому господину:

– Это она тебя ждет! Тебя, тебя, негодяй!

Ага! Теперь Мишель понимает, что тут произошло... Он бежит вниз, прыгая через три ступени по темно-красному ковру, а за ним, как возмездие, катится, отдуваясь, полная дама.

Такси стоит на месте, но пассажирки в нем уже нет. На сиденье десять франков и конверт, на котором крупным почерком выведено: «Господину Роже – Пьеру Санпэ от Марты Питье».

Разъяренная дама вырывает у него из рук и деньги, и письмо, но тотчас же бросает обратно десятифранковку.

– Это вам! – кричит она, задыхаясь от волнения и быстрого бега. – А это... а это нам...

В минуту для нее трагическую, едва оправившись от неожиданности и первого приступа гнева, она уже пытается «сохранить лицо» перед посторонним человеком – шофером.

Шофер вежливо улыбается и подтверждает любезно:

– А это вам...

– Эта... эта госпожа заплатила вам, что полагалось? – спрашивает она, наконец, стараясь не глядеть на шофера и нервно комкая в руке письмо Марты Питье.

Мишель показывает десять франков.

– Больше, чем следует, мадам.

– Прекрасно... Вы нам больше не нужны. Вы свободны.

И, едва кивнув головой, скрывается в подъезде.

Он садится за руль и невольно смотрит на окна их квартиры во втором этаже. За дорогими занавесками взволнованно мечутся три полные тени, то сближаясь, то удаляясь друг от друга...

Он облегченно вздыхает – его участие в маленьком, жизненном трагикомическом скетче закончено. Он сыграл свою выходную, эпизодическую роль и мог незаметно скрыться за кулисы. Пьеса дальше пойдет без него. Швея или дактило, продавщица или горничная, Марта Питье на метро вернется в свою маленькую комнатку около церкви Монруж...

– Я дал себе слово впредь никогда больше не брать на руки новорожденных детей, – заканчивает Мишель свой рассказ.

Жанна одобрительно целует его в щеку....

Среди бесконечно разнообразных миров Парижа, куда столичный «извозчик» невольно врывается по условиям своей работы, один мир особенно притягивает Мишеля.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 118

На улице Друо стоит дворец этого мира, выходя своими фасадами еще на две улицы: Шоша и Россини.

От двух часов дня и до семи вечера там всегда можно подцепить пассажиров с поклажей и больше обыкновенного заработать на чай. Не раз он увозил диваны и кресла, кровати и курительные столики, картины и вазы, и связки старых, толстых книг в порыжелых кожаных переплетах. Увозил их новых владельцев, на лицах которых отражалось тупое самодовольство и удовлетворение от приобретенного, увозил ловких маклаков, умеющих из грошей выколачивать сотни и тысячи франков.

В свободные от работы дни он иногда доставлял себе своеобразное удовольствие – посещать залы Друо. Он наблюдал, как громадные фургоны, такси и грузовики-камионы привозят огромное количество мебели, стильной и рыночной, домашней утвари, ценнейших предметов искусства, целые библиотеки. Всё это выгружается в кажущемся хаосе (а на самом деле со строжайшей регистрацией), оторванное от своих старых владельцев, вымороченное, отобранное по суду, оставленное после смерти хозяев...

Как трудолюбивые муравьи, особые артельщики, в колпаках с кисточками, ежедневно сортируют это имущество, разносят по залам, метят мелом и расписывают по громадным инвентарным книгам. После обеда открываются для покупателей двери вместительных, двухцветных залов. За высокими кафедрами появляются оценщики и аукционисты. Начинается торг с молотка, едва ли не самый увлекательный торг в мире, родной брат азартной игры...

Бесстрастно стучат молоточки, и вещи находят новых хозяев. Кровати знаменитых кокоток стоят рядом с кожаными креслами разорившихся банкиров, рядом с мольбертами и незаконченными картинами неудачливых художников, рядом с коллекцией оружия последнего отпрыска угасающей аристократической фамилии. Наряду с корзиной грязного белья, кухонным столом, в придачу к которому даются две помятые кастрюли и старая пыльная перина, идут с молотка треуголка Наполеона, автографы Вольтера, письма Виктора Гюго и локон императрицы Евгении... Вокруг осиротелых вещей уже собираются жадные толпы, и корявые пальцы маклаков щупают добротность ковров и штофных портьер, прочность пружин.

За стенами аукционного зала, остаются все человеческие драмы, горечь разорения, слезы о навеки утраченном и дорогом. Эта биржа вещей – друзей человека, мебель и кровати, на которых, казалось, еще сохранилось тепло и запах их прежних хозяев, вынесенные на стылый воздух, на сквозняк подворотней галереи, всякий раз напоминают о великом смешение, величайшем хаосе вещей на необъятных

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 119

просторах России, что начался в семнадцатом году и не окончился поныне.

Сегодня Мишель везет с улицы Друо в район Гобеленов молоденькую, жизнерадостную простенько одетую женщину, купившую за гроши великолепную детскую колясочку, три разнокалиберных стула и лубочную картину в раме «Сбор винограда». Он помог ей поднять всё это имущество на шестой этаж, в маленькую, бедную, но чистенькую квартиру. Женщина сияла от удовольствия, предложила шоферу стакан красного вина и, горя нетерпением, начала вешать на стену картину.

– Так хорошо, мосье? Или ее лучше повесить над кроватью?

– Нет, оставьте так, мадам. Так очень хорошо...

– Как удачно, мосье, что мне попалась именно эта картина. «Сбор винограда»... Это будет напоминать Анри его родную Шампань...

С Гобеленов Мишель возвращается к аукционному залу. Какой-то молодой человек грузит с незнакомым шофером такси старинный письменный стол, книжный шкафчик и уютное кожаное кресло. Когда такси трогается, Мишеля окликает клиент.

Это стареющий человек в широкополой черной шляпе, с седыми космами волос на затылке, с бритым, румяным лицом и добрыми глазами.

– Прошу вас, – просит он, – поезжайте за этим такси... Мне хочется знать, куда привезут мебель.

Мебель привозят к Орлеанским воротам и выгружают у одного из громадных новых домов, что, как гигантские грибы, выросли на месте прежних парижских «фортификаций».

Гигантский дом поглощает и письменный стол, и книжный шкаф, и уютное кресло. Они затерялись отныне в лабиринтах его бесчисленных дешевых квартир из двух и трех комнат с ванной и кухней.

Стареющий человек останавливает Мишеля на другой стороне широкого бульвара и внимательно следит за шофером и новым владельцем, пока последняя вещь не скрывается в подъезде дома. Потом расплачивается и предлагает:

– Не хотите ли выпить со мною чашку кофе со старым ромом?

Мишель благодарит, и они идут в кафе.

Стареющей господин занимает столик и снимает шляпу. Без шляпы, под густыми белыми волосами лицо его еще привлекательнее и благородней. Мишель знает таких людей; он не сомневается, что собеседник – человек «довоенный», корнями своими ушедший в девятнадцатый век; человек, которому холодно, неуютно и странно жить в «послевоенные годы». Он жадно выпивает ром, точно стара-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 120

ясь согреть свое холодеющее сердце, и дружелюбно смотрит на шофера.

– Простите... – извиняется он, – что я оторвал вас от работы, но мне так страшно было остаться одному. Я проводил моих друзей, с которыми была связана вся моя жизнь...

– Они уехали? – спрашивает Мишель с сочувствием.

– Да... они уехали... Навсегда... Они теперь в том громадном доме-модерн, и я их, конечно, уже никогда больше не увижу...

– Вы говорите...

– Я говорю про стол, библиотечку и кресло, которые мы только что с вами проводили...

В глазах его столько грусти и тоски, что Мишелю искренно захотелось его утешить.

– Но, шер мосье, – успокаивает он, – ведь это же, в конце концов, – только вещи...

Он встрепенулся.

– Вещи?.. Да, конечно, вещи... Но вся жизнь моя прошла среди этих вещей... Мой отец сидел на этом кресле, и я взбирался к нему на колени. За этим столом я готовил свои уроки, а много позже написал свои лучине сонеты и новеллы... О, мосье, они теперь не в моде, но до войны их читал не только Париж, но и вся Франция... Вся Франция, мосье... В этом чудесном книжном шкафчике хранились мои любимейшие книги, дававшие мне вдохновение и величайшее наслаждение в минуты отдыха... Нет на свете уютнее, теплее и удобнее этого кресла, мосье. Когда поздно ночью я приходил домой и, усталый, опускался в него, мне казалось, что мать заключает меня в свои нежные объятия...

– Вы разорились, мосье? Вас описали?

– Нет... – вздыхает собеседник. – Ни то, ни другое... Но произошло одно жизненное недоразумение, мосье. Я всю жизнь был одинок. У меня не было жены, не было детей. Но двадцать лет со мною прожила одна женщина. Она была моей прислугой и подругой. Хорошая, простая женщина, которая ровно ничего не понимала в моих сонетах и новеллах. Но она была мне необходима так же, как это кресло и этот стол... В расчете на то, что я умру раньше, я перевел на ее имя всё, что имел. Но она умерла первая... Я ей наследовать не могу... И вот они ушли от меня, мои друзья, все вслед за нею... Теперь вы поняли меня, мосье?..

– Теперь я понял вас... – отвечает Мишель. – Хотя сам я очень доволен, что у меня нет столько имущества...

Старик не понял и вопросительно всмотрелся в Мишеля.

– Власть вещей над человеком громадна... – пояснил Мишель. –

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 121

И вы правы, что вещи могут быть друзьями... Но представьте себе, что истинное душевное спокойствие и ощущение безграничной свободы я получил лишь тогда, когда у меня остался только один чемодан...

Он глядит на собеседника с сожалением.

– Да-да... Это характерно для вашего поколения... Вы не сживаетесь с вещами, вы готовы продать за бесценок старинную мебель ради того, чтобы купить последние «модели-модерн». Разве вы можете привыкнуть к вашему автомобилю и полюбить его, когда через год он уже кажется вам старомодным и смешным... Вы не отдаете вещам вашим частицу своей души и потому все вещи вокруг вас так бездушны и холодны...

– Шер мосье, – подчеркнуто спокойным тоном пояснил шофер. – Вы старше меня лет на пятнадцать, но я отнюдь не принадлежу к тому поколению, о котором вы только что говорили. Я принадлежу к поколению, которое приняло на себя главный удар роковых двадцатых годов и потому теперь так философски-равнодушно относится к креслам, книгам, вазам и всему, что не помещается в чемодане. Вы были откровенны со мною, мосье, и я буду откровенен с вами, тем более, что мы больше никогда с вами не встретимся... Так вот: моего отца убили за то, что он не хотел снять со своих плеч одну дорогую для него вещь – генеральские погоны. Мою мать зарубили в усадьбе за то, что она не пожелала отдать представителям революционной власти золотую ризу с иконы, которой некогда ее родители благословили ее на брак. Наконец, мою невесту замучили в тюрьме за то, что она, на глазах арестовывающих ее, сожгла в камине связку моих писем, в которых им чудилась политика, а на самом деле ничего не было, кроме нежных признаний... Я не говорю уже о тех диванах, столах и креслах, шкапах и картинах – друзьях моего детства, отрочества и юности, и о той кровати, на которой я родился... Всё это у меня было, всего этого больше нет... И теперь уже я неуязвим, шер мосье!..

Сказав это, Мишель встал и вежливо поклонился.

Собеседник смотрел на Мишеля с выражением неподдельного ужаса:

– Где всё это было? – спросил он.

– Это было в России, мосье.

В машине Мишель оглянулся на кафе. Пожилой человек сидел, опустив голову на грудь и закрыв лицо руками. Плечи его вздрагивали.

PRAGUE, ЛИДИЯ ФОН ТИЗЕНГАУЗЕН

Вся наша компания, которая вчера гуляла до полуночи, не проспавшаяся, а кое-кто и с похмелья, пошла сдавать экономическую географию.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 122

Принимал профессор Дворский, специалист по карпатороссам, и мы про это знали, и очень надеялись, что попадется билет по Карпатам. Но увы.

Мило и тактично Дворский задавал ожидаемые вопросы. Один из наших прошел благополучно, другая тоже. Дошла очередь до меня. И тут Дворский, выслушав, как я бойко справляюсь с предложенными темами, чуть улыбаясь, говорит:

– Очень хорошо, барышня, я вижу, что вы серьезно подготовились. Может быть, скажете мне, что экспортируют из Австралии?

Не могу объяснить, что на меня нашло. То ли нервное переутомление, то ли общая усталость или некое одурение. Напряженно пытаясь что-нибудь припомнить, вдруг представила себе австралийскую пустыню вроде Сахары, виденной недавно в кино. Что же там было в этой пустыне? Ах, да, конечно, верблюды! Караваны верблюдов! Подняв глаза на профессора, твердо и без колебаний заявляю:

– Австралия экспортирует верблюдов, – и чувствую, что краснею от стыда за свою глупость.

Профессор, забыв про экзамен, залился смехом. Протягивая подписанную зачетную книжку, он сказал, что не помнит такого приятного экзамена, и пожелал дальнейших успехов.

Вспотевшая, ничего не понимающая, выскакиваю из аудитории, а в коридоре мне кричит подружка Снежана:

– Приехали! Они уже приехали!

Да как же я могла забыть? По студенческому обмену к нам приехали замечательные ребята из Германии! Такие же студенты, как и мы. Сегодня они к нам на неделю, а в следующий семестр – мы к ним. Они из Мюнхена. Высокие, красивые, сильные. Мы сразу же все перезнакомились. И сразу же спор – у кого лучше пиво? Мы утверждаем, что чешское, а они – немецкое.

Мы их потащили к «Веселому Прокопу» и устроили соревнование: кто больше выпьет – они или мы. И уже на пятой кружке их заводила, его зовут Бальдур, которого мы сразу стали звать Бальд, согласился:

– Да, пиво ваше неплохое… почти как наше.

– То-то тебя разобрало! Давай еще по одной! И еще!

Все-таки хорошо, что мы живем в Чехии. Здесь все знают немецкий. Наверно потому, что всего десять лет назад Чехия была частью Австро-Венгрии, и государственным языком был немецкий.

А потом мы всей гурьбой пошли в Профессорской дом, где в подвале студенческий клуб, и устроили танцы. Вот уж я натанцевалась.

Наши студенты в традиционных черных пиджаках и полосатых штанах невероятной ширины, как требует мода; студентки – в наряд-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 123

ных платьицах, доходивших иногда до колен, и, за небольшими исключениями, с волосами, подстриженными стилем «бубиконф».

А мюнхенцы – тоже нарядные, в своих фуражках с кантом и лакированными козырьками, со значками в петлицах.

Танцевали всё, что только играли хриплые пластинки: и фокстрот, и вечно юный вальс, и, конечно, – увлекательный, захватывающий чарльстон.

А наши ребята кричат:

– Немка, давай еще!

Со мной танцевали все немецкие ребята, а один особенно часто, его товарищи называли фюрст, то есть князь.

И вдруг он что-то сказал, и я как укололась обо что-то, и встала – такое далекое донеслось, что к горлу подхватило.

– Was…Was sagen Sie?.. Что вы сказали?

Он не понял.

– Я не ошиблась? Вы по-русски сказали.

Он заморгал и уставился на меня в упор

– И вы говорите по-русски! Как вас зовут?

– Лидия… Лида… А вас?

– Олег…

– Вы русский?

– Русский. А вы?

– Русская.

– Откуда вы?

– Из Риги.

– А я из Петербурга.

Тут подскочили другие ребята, схватили меня за руки и потащили в круг. Вокруг пели нашу студенческую песенку:

Будешь очень весело смеяться,
Будешь ты мужчин сводить с ума...

И припев:

Шуршали кружева, отчего? Почему?
Звучали голоса, отчего? Почему?

А я следила за немцем Олегом, который растерянно отошел к своим камрадам, оглядываясь, – но меня уже утащили танцевать.

На следующий танец я решилась, подбежала к нему, и мы до конца танцевали только вдвоем, и я всем отказывала, и мы говорили, говорили, не переставая. Я столько лет не говорила так много и долго по-русски!

– Вы знаете Петербург?

– Конечно, знаю, мы часто приезжали... У нас там родственники...

– А мы жили на Аптекарском. А в Риге я не был.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 124

– Чудесный город! Похож на Прагу. Я и учиться сюда уехала, потому что Прага похожа на Ригу.

– Долго еще учиться?

– Еще год. А вам?

– Всего полгода, и – прощай альма-матер.

– А ваши родители?

– Они в Мюнхене живут. Они любят Германию.

– Мои родители тоже любят Германию. А вы?

– Я люблю Америку.

– Не может быть!

– Почему?

– Потому что я тоже люблю Америку. Никогда не была, но всё американское нравится. И машины, и мода, и фильмы, и актеры, и джаз американский…

– Джаз – шикарный! К нам приезжали американские негры – как они играли! Один на саксофоне выдал целый концерт…

– Так хочется одним глазком посмотреть, как там живут! А еще лучше уехать!

– ...Нет, я не танцую. Нет, я занята. Олег, из-за вас я всем отказываю, видите, на какие жертвы я иду ради разговора с вами!

– А я? Я тоже ни с кем не танцую, только с вами! Нет, нет, Бальдур, с этой девушкой я танцую! Да-да, только я, извини, камрад.

– Бальдур – ваш начальник?

– Кто? Бальд? Ха-ха! Он мой однокурсник. Он начальник, да не надо мной.

– А над кем?

– В своей партии. В университете есть ячейка их партии, он ее вождь. Ха-ха – вождь! Он свой парень.

– Какая партия?

– Немецкая рабочая партия.

– Как рабочая? Коммунисты?

– Ха-ха-ха! Коммунисты для них враги! Они национальные рабочие, социалисты… Кажется, так называется… Да Бог с ними, Лида, со всеми партиями, давайте танцевать. Что там заиграли? Чарлстон?

– Чарлстон.

– Начали?

– Раз-два-три! Пошли!

Граммофонная пластинка,
Прошлогодняя новинка,
Стонет, кашляет, орет,
Созывая весь народ.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 125

На другой день – футбольный матч. Наши – против мюнхенцев.

– Ах, ты, Немка, за своих болеешь!

– Неправда! Я болею за наших!

– Не знаю, кто у тебя «наши». А когда нам мюнхенцы гол забили, ты аплодировала, я видел.

Ничья! Пять-пять. После матча мы пошли гулять по Праге.

– А почему они тебя Немкой зовут?

– Это прозвище такое. У нас у всех прозвища. Вот, Клаус – он Серый кот. Анна – Коза-дереза.

– Нет, а почему Немка?

– Наверно, потому что мои родители немцы.

– Так ты действительно немка?

– Мы из Риги.

– Остейзские, значит.

– Да.

– Прости, пожалуйста, а как твоя фамилия?

– Моя? – удивилась она вопросу. – Я разве не сказала? Тизенгаузен.

Тут пришел черед удивляться Олегу.

– Как Тизенгаузен?

– Так. Фон Тизенгаузен.

– А вятский губернатор не твой родственник?

– Мой. И сенатор Тизенгаузен родственник.

Олег даже отодвинулся от нее.

– Так вот почему ты так хорошо по-русски говоришь!

Лида пожала плечами и перешла на родной.

– Конечно. А ты?

– И я.

– А твоя как фамилия? Я только знаю, что ты – фюрст.

– Это прозвище. Но, вообще-то, я – князь Олег Олонецкий.

Лида встала и сделала книксен.

– Графиня Лидия фон Тизенгаузен.

Тут они оба расхохотались, и Олег в порыве даже обнял девушку.

– Твои родители живы?

– Конечно. Они живут в нашем имении в Латвии. А еще одно имение у моих родителей в Литве. Между прочим – мое приданое, – лукаво подмигнула она.

– Ага, богатая невеста!

– В наше время, разумеется, всякое приданое – чепуха, главный расчет на собственные силы. Но, знаешь, имение – это оборотный капитал. Я хочу после университета открыть собственную юридическую практику. Вот тогда имение мне пригодится.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 126

Олег удивленно смотрел на нее. Никогда не видел таких девушек, у которых жизнь расписана наперед.

Она стала танцевать, и Марек крепко прижимался к ней, так крепко, что она испугалась, а когда сумела оторваться от него, то наткнулась на удивленный взгляд ассистентки профессора Долберга.

Сначала она решила, что ее окликает кто-то из однокурсников.

– Вы, я вижу, веселитесь.

– Да, фрау Мольтке, я ужасно люблю веселиться, не так часто удается так повеселиться, мы же сдавали экзамены, фрау Мольтке, можем мы повеселиться после экзаменов.

– Да, разумеется. А как ваша работа, фон Тизенгаузен?

Лида смутилась, потом призналась, что забросила работу. У ассистентки Долберга вытянулось лицо.

– Мы очень рассчитываем на вас, фон Тизенгаузен. Вы же одна из лучших наших студенток.

– Да, – краснея и чувствуя, что краснеет, и оттого еще больше смущаясь, сказала Лида, – я завтра же, завтра утром, вернусь к работе.

Ассистентка отошла, а Лиде стало стыдно; она стала себя успокаивать, что нет ничего страшного, ничего плохого, и ничего плохого она не сделала, просто забросила свою работу, она к ней вернется, очень интересная тема дипломной работы, и Дольберг похвалил.

«*Мы возлагаем на вас большие надежды*», помнила она слова ассистентки, это «мы» означало и Долберга, и других, наверно, профессоров, и слова крутились в голове и означали, что ее могут оставить на кафедре, и она станет преподавателем. Хотя ей и хотелось на практическую работу – она уже наводила справки и в суде, и в прокуратуре, и в нескольких адвокатских конторах. «Мы будем вам рады, сказали ей в пражской прокуратуре, хотя бы потому, что очень редко образованные барышни идут на такую скучную службу, как наша.»

Но ее пригласил на танец незнакомый господин в смокинге, и она улыбалась ему, и отвечала на глупые вопросы, и ни о какой работе, ни о какой ассистентке не думала, и позабыла, казалось, навсегда.

В свете фар проезжавших автомобилей она возвращалась домой, наполненная студенческим балом, и Мареком, и танцами, и когда поднялась по лестнице и вставила ключ в замок – ничего не вспомнила. Но когда замок щелкнул, то и в голове прозвучал щелчок, и она услышала слова:

«*Мы возлагаем на вас большие надежды».*

Да, сказала она себе, завтра утром я сяду за работу. Обязательно сяду.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 127

PARIS, АРТУР

Новая моя работа так же резко отличается от прежней, как окружавший меня нынче пейзаж: в Иерусалиме я был сам себе голова, в Париже подчиняюсь боссу и отсиживаю на работе строго определенные часы. С другой стороны, Ближний Восток считается задворками, а Париж – центром политической жизни Европы.

Концерн Ульштайнов в Париже давно представляет Лео Шталь. Он старше меня примерно двадцатью годами… Широкоплечий, тяжеловесный баварец иудейского вероисповедания, ветеран Первой мировой войны, наградившей его хромотой и железным крестом… Скрупулезно честный, до педантичности обязательный работник, однако, к несчастью, не столько журналист, сколько бюрократ. Атмосфера в нашей редакции заметно отдает интернатом или казармой.

Шталь отнюдь не тиран или придира, из каждой поездки в Берлин он возвращается с очередной прибавкой к жалованию для своих подчиненных, однако журналистику он полностью сводил к канцелярской службе. Он запирает нас на весь день в конторе. Что бы ни творилось во Франции, Шталь не считает нужным вести репортаж с места события, – нам следует пролистывать французские газеты и бюллетени пресс-агентств, делать выжимки и перелагать их сообщения. За год службы в Париже мне лишь один раз – и то после трех месяцев работы – довелось присутствовать на заседании парламента, хотя я ежедневно описываю и комментирую происходившие там прения.

По утрам, в 3.45, я выпиваю в одном из ночных бистро между Биржей и Центральным рынком кружку кофе с ромом и закусываю круассаном. Я исполняю этот обряд, что бы мне ни пришлось съесть или выпить во время ночного дежурства, поскольку завтрак символизирует начало нормального рабочего дня. Ради столь раннего часа я позволяю себе глоток рома – в сочетании с обжигающим кофе-эспрессо он оживляет и приводит в порядок нервы.

В бистро толпятся разносчики газет, грузчики с рынка, мусорщики. Они завтракают стаканом перно с маленькой чесночной сосиской. Я не могу оторваться от этого зрелища: полусонный человек дрожащей рукой подносит ко рту стакан зеленовато-желтой жидкости, и после первого же глотка дрожь исчезает, человек как будто заряжается силой, энергией на весь трудный день. Это кажется колдовством. По-настоящему, кофе и круассанами, эти люди завтракают час или два спустя…

В начале пятого разносчик из «Ашетт» приносит шестнадцать главных утренних газет, хранящих запах типографской краски. За пятьдесят минут я пролистываю их, перевариваю, размечаю, делаю

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 128

вырезки. У меня остается примерно столько же времени, чтобы подготовиться к девятиминутному разговору с Берлином в 5.45, когда я должен передать репортаж не менее, чем в тысячу слов. Это настоящий акробатический трюк – ведь в эту тысячу слов я втискиваю полный обзор деятельности различных французских партий, причем как во внутренней политике, так и на международной арене.

В 6.45 я диктую по телефону еще семьсот слов – преимущественно новости (уже без комментариев), мелочевку, смесь.

В 7.30 – третий и последний утренний звонок в Берлин, на сей раз конфиденциальный, не в концерн Ульштайнов, а в агентство новостей Социал-демократической партии Германии, ибо втайне все парижские корреспонденты либерально капиталистического треста Ульштайнов являются также корреспондентами агентства новостей социал-демократической партии. Втайне, разумеется, только от внешнего мира и от читателей, а так и Ульштайны, и социалисты в курсе этого занятного соглашения: с 6.45 до 7.30 из буржуазного корреспондента я превращаюсь в социалистического и передаю в «Социалистишер прессединст» сокращенную и должным образом окрашенную версию своего репортажа.

Для заграничного корреспондента нет ничего необычного, а тем более постыдного, в работе на несколько газет более или менее различной политической ориентации – лишь бы они не были откровенно враждебны друг другу, ведь немногие органы печати могут содержать во всех столицах мира штатных журналистов на полном окладе. Но в данном случае покровительственно-небрежно, точно к бедному родственнику, мы относимся к Социал-демократической партии Германии, сильнейшей из немецких партий. Я упоминаю об этом, чтобы подчеркнуть нелепость ситуации: такая мощная партия – и не может содержать в Париже собственного корреспондента. Однако типично для социалистов всего мира, и тут одна из причин их упадка и гибели.

За последние тридцать лет немецкие, австрийские, французские и британские социал-демократы не раз приходили к власти либо как абсолютное парламентское большинство, либо в коалиции с союзниками, но никому из них не удалось создать полноценную ежедневную газету с массовым тиражом – и британская «Дейли геральд», и французская «Популэр», и немецкая «Форвертс» остаются занудно-провинциальными партийными листками и не могут конкурировать с газетами политических оппонентов даже в ту пору, когда эти оппоненты терпят поражение и превращаются в меньшинство.

Полагаю, вся беда в недостатке воображения, а главное – в недостатке человеческого отношения к людям. Социал-бюрократы видят

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 129

в «народе» лишь объект своей пропаганды, а не живых людей, с собственными вкусами, интересами, предрассудками, которые нужно понимать и разделять, если хочешь преобразить мир.

Хотя большинство социалистических лидеров «вышли из народа», они больше не принадлежат к народу, они стремятся контролировать людей, манипулировать ими, не отождествляя с ними себя. Интонация их больше всего годится для памфлета или лекции, а такой язык современное человечество не воспринимает.

«Дейли геральд», «Популэр» и «Форвертс» так и не освободились из плена этой мертвящей традиции. Социалисты могут изменить закон-другой, реформировать какие-то учреждения, но не атмосферу, не мировоззрение людей, которыми они правят, и в результате социал-демократия оказывается исторически обречена. Я еще не сопоставляю преимущества социалистического и коммунистического движения, однако, обслуживая в качестве корреспондента социалистическую партию, я ощущаю исходившую от нее апатию, близкую к застою и предвещавшую ей печальную судьбу.

Наши сообщения – в целом честные и добросовестные, в соответствии с великой либеральной традицией, которую Ульштайны отстаивали на протяжении почти столетия. Я ни разу не вставил в статью или в новости злонамеренную ложь. Разумеется, практически каждое сообщение из парижского корпункта имеет подобающий политический и мировоззренческий оттенок, однако оттенок сугубо достойный, «прогрессивный». В этом отношении мы со Шталем живем душа в душу.

Как ни странно, о политике мы не говорим, впрочем, этого и не требуется, поскольку мы оба инстинктивно придерживаемся одних и тех же взглядов. Несмотря на двадцатилетнюю разницу в возрасте, мы принадлежим к одной эпохе, к одной и той же среде: оба – уроженцы Центральной Европы, вскормленные немецкой культурой; мы поддерживаем Веймарскую республику, однако, благодаря наследственной примеси иудейского космополитизма, совершенно чужды германскому шовинизму.

Мы пылко выступаем против войны,

против милитаризма,

против реакции,

за «Локарно» и «Рапалло», то есть за франко-германское и российско-германское сотрудничество,

за Пакт Келлога, ставивший войну вне закона,

за Лигу Наций, карающую любого агрессора,

за «объединенную Европу» Бриана.

Мы прохладно относимся к Британии, провинившейся перед

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 130

нами тем, что она остается колониальной империей (как, впрочем, и Франция, но кто воспринимал ее всерьез?), и тем, что она своей «макиавеллиевской политикой ‘разделяй и властвуй’» препятствует объединению Европы. Мы верим в национальное самоопределение, освобождение колониальных народов и социальный прогресс.

Прогресс воплощается в «левых силах» – либералах, социалистах и коммунистах, различавшихся лишь степенью, а не характером своей прогрессивности.

Ульштайны официально поддерживают демократическую партию Германии, однако ее благонамеренный либерализм кажется устаревшим. По своей политической программе ближе всего нам социалисты, но эти филистимляне вызывают у нас сочувствие, смешанное с презрением.

Коммунисты Германии и Франции много шумят и суетятся, и всё же их бескомпромиссный радикализм производит впечатление, да и за спиной у них стоит Россия, «Великий Социальный Эксперимент», который мы считаем своим долгом изучать непредвзято и даже с симпатией.

Словом, мы, безусловно, сражаемся на стороне добра.

Отстаивая свои взгляды, мы вступаем в благородные, рыцарские битвы. Мы боремся за всеобщее разоружение и за общеевропейскую полицию под эгидой Лиги Наций; против вздорных притязаний союзников на репарации, которыми союзники придавили юную Веймарскую республику и тем лишь играли на руку националистам и реваншистам.

Мы обличаем идиотизм победителей: у них еще оставался шанс построить новую Европу, а они вновь предаются пустой вражде, самоубийственным раздорам, которым пора уже было отойти в прошлое. О да, мы люди в высшей степени просвещенные и разумные, вот только мы не заметили, как закончился Век Разума и Просвещения.

У нас есть только одно оправдание: мы не подозревали, что живем в эпицентре магнитной бури, что компасы наших слов, так надежно служившие в прошлом, теперь указывают ложный путь…

* * *

Черная пятница 29 октября 1929 разражается вскоре после моего переезда в Париж. Мы не обращаем внимания на это событие. Понадобилось несколько месяцев, чтобы его отголоски достигли другого берега Атлантики, но как только на Европу обрушивается первая ударная волна, последствия не заставили себя ждать.

Основы потрясены, гибель Европы недалека, но в наших репор-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 131

тажах из Парижа крах Нью-Йоркской биржи едва ли вообще упоминается. В нашей конторе на улице Паскьер мы принимаем его за очередной финансовый кризис и не видим, что начался кризис нашей цивилизации.

В промежутках между напряженной работой в редакции и ночными сменами я пишу каждый месяц очерк-другой для «Фоссише цайтунг» –

о сюрреалистическом кино (только что вышел на экраны фильм Бунюэля «Андалусский пес» с Пьером Батшевым в главной роли, ставший классикой),

о фантастических скандалах вокруг «Газетт дю Франс»,

и столь же фантастическом исчезновении белого генерала Кутепова (*будучи добрым прогрессистом, Артур, разумеется, не верит, что генерала похитило ГПУ*),

о знаменитом театре марионеток Пикколи,

о весне в Париже,

о гидропонике,

об электроэнцефалограммах,

и первых шагах французского звукового кино,

о новой книге Метерлинка,

и о теории света, принесшей герцогу де Бройлю Нобелевскую премию 1929 года по физике «*за открытие волновой природы электрона*».

Кстати, статья существенно меняет судьбу Артура. Он явился к де Бройлю через час после того, как в редакцию пришла телеграмма-молния из Стокгольма. Сам он еще не получил подтверждения, что стал лауреатом. Герцог ликует, как мальчишка, и не пытается скрыть свой восторг. Он дважды переспрашивает Артура:

«Вы уверены, это не ошибка?»

До Артура ему успели позвонить еще два журналиста, задававшие идиотские вопросы насчет пятен на солнце и лучей смерти, так что де Бройлю очень обрадовался, убедившись, что Артур в свое время изучал физику и сохранил глубокий интерес к этой науке. Они говорят три или четыре часа.

Де Бройлю около тридцати семи лет, в этом человеке гений удивительно сочетается с личным обаянием. После встречи Артур ночь напролет исступленно пишет свою статью – популярное изложение той революции в науке и философии, которую несла с собой теория волновой механики Бройлю-Шрёдингера.

Через несколько дней статья выходит в «Фоссише цайтунг»; ее прочел доктор Франц Ульштайн, старший партнер концерна. Он решает, что Артуру следует работать именно в научно-популярной

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 132

журналистике. Профессор Йоэль, научный редактор «Фоссише цайтунг», уходит на пенсию, и по настоянию Франца Артура делают его преемником.

Проработав год в Париже, в сентябре 1930 он получает новую должность в Берлине.

PARIS, ЮРИЙ ОЛОНЕЦКИЙ

Хорошая газета! Хорошая газета – та газета, которая долго сохраняет тепло твоего тела. Ты ее под рубашку намотаешь на тело – и спокойно ложись спать. Пусть она торчит из урны, смятая и свернутая в трубку. Это что? «Суар». Толстая-то какая! Страниц двадцать или тридцать, не меньше.

Отлично, эту страницу в левый башмак, эту – в правый башмак. Ноги не замерзнут.

Эти пять страниц, двойных! Вокруг тела. Шик-блеск, как говорит Зуев.

Кстати, где сейчас Зуев? Год назад видел его на собрании молодежи – мы потом пошли в кабачок, у меня десятка залежалась в кармане… Да, «Суар» – это вам не какой-нибудь желтый листок в четыре страницы, здесь страниц двадцать. И осталось почитать. Ага, скачки в Венсене... Не бывал я на скачках... Попробовать, что ли, вдруг... Ничего вдруг не будет, дурак! Ты уже сыграл в карты «на вдруг» – вот и результат. Да, не пойду на скачки, да и как пойти в таком виде, туда ходят аристократы. А я разве не аристократ? Нет, ты – люмпен, падший ангел…Хи-хи, ангел! Дьявол меня толкнул в тот игорный притон… А тут ангел в башку лезет…

О! Суд над красным писакой Эренбургом! Интересно. Оклеветал миллионера. Ого! Это как же? Красный оклеветал буржуя. Это не клевета, это у красных обычное дело – врать, врать и врать. Кто судится? Ого, миллионер Батя. Из Чехословакии. Что-то я слышал про него. Или читал. Так... так... обувной фабрикант. А, вот откуда эта фамилия известна… Обувь! Во Франции, разумеется. Его обувь не продается, кто ее сюда на рынок пустит, своих хватает… хорошие адвокаты у миллионера. Хорошие... Фотографии... Это кто? Эренбург написано. Какая противная физия. А это адвокаты. Какие морды отъевшиеся... Суд будет в декабре. И что в финале? Конечно, писака проиграет, штраф наложат. Ничего, большевики выплатят, они богатые, музейные ценности продают направо-налево... С деньгами обувными… Обувные, обувные… Что-то мелькнуло…

Туфли женские в коробках! И ботинки продают в коробках!

Картон.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 133

Коробки из-под обуви. Картон – не проводник тепла, он его сохраняет. Откуда знаю? Из учебника. На лекции не спал, а слушал лекцию и запомнил про картон. Значит, надо идти к «Самаритэну» или «Лафайету», у них во дворах должны быть пустые картонные коробки. Толстый картон. То, что надо. А как я их потащу. Идиот! Ты их просто разломаешь, перевяжешь бечевкой и отнесешь туда, где будешь спать. Положишь десяток картонок, сверху кусок брезента, что украл на стройке… не украл, а нашел, я не вор… ладно, ладно, нашел никому не нужный кусок брезента, завернешься в него, наверху прекрасная каменная крыша – пролет моста – и спи сколько тебе отпущено Богом.

А чего тебе не хватает? Денег? Чепуха. Под мостом они не имеют цены. Зато в ходу другая валюта. Он о ней догадался в первую ночевку под сводами усть-бавирского моста, понял, что забот не избежать. Даже если ты не приживешься под этим мостом, а станешь менять места ночевки.

«Валютой» под мостом называют вино и табак. Неважно, какой табак и какое вино. Но они – валюта бездомных.

Искать в уличных урнах? Юрий усмехается – городские бродяги в поисках окурков часто опрокидывают урны, а не то, что позволят рыться чужим. Чужих бьют, часто не только кулаками, но и камнями, палками, могут спьяну пырнуть ножом.

Все знают всех!

Бродяга с центрального рынка знает бродягу из сквера Сен-Жак, он разрешит ему собирать остатки овощей после закрытия чрева Парижа, а тот, в свою очередь, будет не против, если столь щедрый коллега придет поспать у башни среди кустов на мягкой травке. Разумеется, пока пришедший полицейский не прогонит обоих. Но полицейский может не прийти ночью, а может появиться только под утро.

Вино достать можно только воровством. Чем это грозит? Тюрьмой. А вот табак… валяется под ногами. Только успевай нагибаться, дурачок.

Когда идешь по улице, тупо выискивая окурки под ногами, едва ли много обнаружишь. Но если встать на автобусной остановке, позади толпящихся, то прекрасно видно кто и что курит, – тот хорошие сигареты, этот самокрутку, тот, в кепке, – трубку (трубку выбивать не будет, точно), а кто-то и сигару. Не *гавану*, конечно, но неплохую сигарку, которая ценится за крепость табака.

Когда подошел автобус, окурки полетели на тротуар, и Юрий нагнулся за сигарой, но его руку тут же отбросил серый ботинок, и чья-то рука с грязными ногтями подняла окурок. Он выпрямился, возмущенный и сердитый, понял, не он один умный – человек пять парней собирали окурки.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 134

– Видал? – подмигнул один из них и пропал в толпе. Но Юрий заметил нетронутый окурок и успел его поднять.

Парни отошли к стене магазина, ухмыляясь, о чем-то болтая между собой, раскуривали поднятые огрызки.

Ждут следующего автобуса, догадался Юрий, они не дадут мне собрать… Они здесь всегда, это их место «работы». Но есть и другие остановки, и другие маршруты автобусов, не может быть, чтобы на всех остановках стояли такие любители бесплатного курения.

Он отправился к станции метро «Реомюр», в метро курить запрещено, и курильщики должны бросать недокуренные сигареты перед входом… Но здесь уже прошлась метла дворника, и сам он заметал грязь и обрывки билетов.

Но напротив станции есть остановка автобуса! И никаких оборванцев, любителей окурков там нет; по крайней мере, Юрий не увидел. И кто-то курит, а кто-то сидит у стены, и дымок вьется над ним… Юрий перебежал улицу и втиснулся в очередь ожидавших автобуса. О, здесь его ждал улов – он поднял два окурка сигары, несколько окурков сигарет и пару самокруток.

Ему было абсолютно наплевать на прохожих, у которых под ногами он почти ползал. Каждому свое – мелькала мысль, ему сигарета, мне – окурок. Я делаю полезное дело? Очищаю парижский асфальт от мусора.

Он отправился дальше и уже в Марэ разжился тремя хорошими окурками сигарет «Голуаз», посочувствовал себе, что не курит, потом увидел сквер – даже не сквер, а садик между домами, где стояли три скамейки, на одной из которых сидела девушка с книгой, а на другой – нянька с ребенком в коляске. Нянька тупо созерцала прохожих и недовольно проводила взглядом Юрия, который уселся на скамейку напротив.

Ему нравилось Марэ. Здесь имелось множество мест, где можно днем спокойно подремать, а ночью забраться под какую-нибудь арку и выспаться. Здесь почему-то нет крыс. Но дождь, вечный враг бездомного, прогоняет. Однажды увидел приоткрытые ворота музея Карнавале, он несколько раз заглядывал в них – какие прекрасные для сна каменные лавки под уютной тенью навеса! Юрий просунул руку и отодвинул засов. Разве я помешаю спать музейным экспонатам, если устроюсь здесь, под их круглосуточным наблюдением? Я же не иду в дом, я остаюсь под окнами, внизу, на камне. Полицейский выгонит? Или сторож? Пусть выгоняет. Но сейчас очень хочется спать.

И он проспал всю ночь спокойно и проснулся от шума проезжего автомобиля, и сразу же сел, удивленный ранним утром в незнакомом месте.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 135

Теперь он сидел недалеко от музея и раскладывал на скамейке свой улов. Я хороший рыболов, думал он, мой улов удачен. Он расправил свой нечистый носовой платок и распотрошил добычу. Табак из сигарет и самокруток он собрал в платок и завязал его, а прочие окурки оставил в кармане пиджака. Он вспомнил о кисете, маленьком мешочке для табака, который имелся у каждого курящего российского солдата в Великую войну. Хорошо бы иметь такой кисет, удобно для хранения табака. Он почувствовал себя богачом. За табак любой бродяга поделится с ним вином или укажет безопасное место под мостом.

Неожиданно появилась резь в мочевом пузыре. Туалета поблизости не видать.

Пусть лучше лопнет совесть, чем мочевой пузырь, утверждал в таких случаях младший Олонецкий. И был прав, потому что мочевой пузырь мог наделать множество неприятностей, если не сказать – бед. Он оказался в центре Парижа, а вокруг не было общественного туалета, да и до ближайшего кафе надо было пересечь площадь, полную автомобилей и автобусов. Но он все-таки перебежал площадь, чуть не попав под автобус, забежал в кафе и уже бросился было вниз, где по расчетам мог находиться туалет, как его перехватил официант и мощной рукой выбросил за дверь.

– Сначала закажи, а потом уже ссы сколько влезет! – крикнул он.

Юрий увидел щель между домами, преодолел жгучий стыд и припал к стене. Вокруг ног стало мокро, но, слава Богу, не попал на брюки, обрадовался он, облегчившись и застегивая ширинку.

Начался мелкий дождь. Мелкий, противный, который приносит только раздражение, особенно тем прохожим, которые вышли из дома без зонта. Из кустов выскочил дрозд и, сверкнув желтым клювом, взлетел.

Дрозды, как мыши, из-под ног вылетают, ну и дела, вот она Франция.

Хорошо Олегу – живет в чистенькой, уютной стране, играет себе в футбол, получает за это денежки, чем не жизнь? Это не наш грязный, серый, кто-то даже сказал – фиолетовый – Париж. Придумают же – фиолетовый! Наверно, художник какой-то сказал, он его таким увидел, очень редко голубое небо, а там – другое дело, другой коленкор, как говорят портные; фонтаны, цветочки на клумбах, вот что значит Мюнхен.

Юрия окликнули, он резко обернулся, он не любил подобных окриков.

На него смотрел пожилой мужчина в кепке и фартуке поверх рабочей спецовки.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 136

– Эй ты, иди сюда! – позвал мужик.

Олонецкий сунул руку в карман, где лежал складной нож. Носить с собой нож научили соседи по жилью под мостом. Один из них так и говорил, что с ножом жить безопаснее.

– Чего надо? – поинтересовался он.

– Ты клошар?

– Какое твое дело, клошар – не клошар.

– Ты бутылки собираешь? – продолжал неизвестный.

– Ну, собираю. А тебе какое дело?

– Самое прямое. Собирай бутылки для меня.

– Бутылки? – не понял Юрий.

– Бутылки.

– Ишь ты! – он вынул руку из кармана. – Говоришь, бутылки. А какие бутылки?

– Любые бутылки – и те, которые у тебя принимают, и которые не берут.

– А зачем тебе? Или секрет?

– А тебе какое дело зачем? Но раз такой любопытный, слушай – я маслом торгую. Лавка у меня в переулке возле Севастопольского проспекта. Понял?

– Не понял…

– Вот дурак! Масло в бутылки надо разливать. Покупатели любят, когда масло расфасовано. Понял? Одному – литр надо, другому – всего четвертушку. Бутылок не хватает.

– Какой адрес?

Продавец масла назвал.

Юрий покачал головой.

– Ладно. А сколько платить будешь?

У масленщика заранее готов ответ, видно, заранее обдумал.

– За любую бутылку пять сантимов. Маленькая или большая – пять сантимов.

Юрий согласно кивнул головой.

– Завтра принесу.

Те, кто думает, что пустые бутылки валяются повсюду – глубоко заблуждается. Тот, кто считает, что их можно найти у стойбища любых клошаров, – никогда там не бывал.

Клошары обычно бьют бутылки после того, как они пустеют. Или бросают в реку, находя сомнительное удовольствие от звука падения посудины в грязную воду Сены. Или швыряют ими в пробегающих мимо крыс. Да и приобретя бутылку любого вина, клошар просто отбивает горлышко и наливает в свою посуду содержимое. В лучшем случае – протыкает пробку пальцем или попавшейся под

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 137

руку деревяшкой, чтобы припасть истомившейся глоткой к спасительной влаге.

Олонецкий никогда не видел клошара со штопором. У него имелся собственный перочинный нож со штопором, шилом и маленькими ножницами – зависть соседей по подмостовой жизни. Он несколько раз открывал им бутылки. К нему относились тепло – он не курил, но в карманах всегда имел окурок-другой, который служил валютой при местном товарообмене. Обычно за окурок сигареты давали кусок хлеба. А за хвост гаванской сигары он получал вдобавок к хлебу сыр и глоток вина.

– Вэн, пэн, фромаж – и день проходит наш! – напевал Юрий, благодарно кивая собрату по бедственному положению.

PRAGUE. ВЕСНА 1930. ЛИДИЯ ФОН ТИЗЕНГАУЗЕН

Теперь кушай полной ложкой, кушай, ешь, жри, наедайся до отвала, ты же хотела сильных ощущений, ты мечтала о страстях, вот и получай, дура, соблазнил и тебя, дуру, красавец Марек, а ты современная девушка – тебе наплевать и на добрачные половые связи, вот и получила, вот и играй в свои игры, не подумай, что я буду что-то требовать от тебя, не подумай, что я хочу, чтобы ты на мне женился.

Спасибо, спасибо, я всегда знал, что ты не такая, как другие, что вы не как все девчонки, что вы настоящий товарищ и друг.

Ага, значит, теперь это называется товарищеские отношения.

А тебе хотелось разрыдаться, тем более, такая задержка, ты сдержишь себя, а потом не выдержишь и крикнешь: у тебя есть врач?!

И Марек поймет, о каком враче ты спрашиваешь, и заверит, что есть такой врач, не в Праге а Пшерове, в Моравии, никто и знать не будет, он делает аборты, откуда ты знаешь, знаю, потому что нескольких наших девушек туда возил.

Ага, ты ему поставляешь товар, а он оплачивает!

Ну, зачем так грубо! Девушки попадают в… в… как сказать… ну, в определенное положение, и им надо помочь…

Хватит, оборвешь ты и сквозь зубы: сколько это стоит? Я привыкла платить за свои ошибки, сама оплачивать свои страсти и грехи.

Марек скажет, что поедет с ней в Пшеров.

Это далеко?

Нет, на поезде.

Значит, далеко.

Нет, недалеко.

Мелькнет в голове: конечно, маршрут ему знаком, но не всё ли равно, он перестал существовать, его нет,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 138

в субботу на вокзале много народа, лето, душно, а в купе окно заперто, ты встанешь в коридоре открыть узкое окно – смотреть на чешские, а потом моравские луга, и почти все пассажиры будут смотреть на луга, подставляя потные лица ветру, и через час с небольшим ты выйдешь из вагона,

и Марек сложит газету, и уверенно поведет через вокзальную площадь, и ты убедишься, что он хорошо знает дорогу, но теперь всё равно, наплевать, ты спросишь: ты хорошо знаешь врача, знаю, знаю, глядя на номер ближайшего дома, произнесет Марек, он русский, здесь, нет, рядом, дом желтого цвета, и Марек уведет тебя по незнакомой улице, заглядывая на номера домов, и ты станешь заглядывать на номера домов, и он, словно забудет, куда ведет, закружит по улицам, потом окажется, что надо на соседнюю улицу пройти переулком, на двери нет никакой врачебной таблички, Марек позвонит, и пальцы задрожат.

Это Марек, скажет он, и дверь откроет женщина из тех, которых называют «пышками», и двусмысленно подмигнет Марику, потом тебе, пальцы еще сильнее задрожат, ты возьмешь себя в руки, пышка крикнет в глубину квартиры, хлопнет окно и выйдет человек со всклокоченными волосами, поздоровается, извинится, уйдет, вернется, причесываясь гребешком.

Он ничего не скажет, но ты прочитаешь в глазах, что он хотел сказать, улыбаясь Мареку кривой ухмылкой: всё понятно, раз Марек привез девушку, значит, у девушки проблемы, всё понятно, пройдемте, кабинет там –

он покажет на белую дверь.

За дверью окажется медицинский кабинет с гинекологическим креслом, шкафами, в стекле которых блестели никелированные инструменты, конечно, не шикарный врачебный кабинет, как в столице, но кабинет. Марека врач выставит за дверь, а ей махнет на кресло, дескать, снимай юбку и что под ней.

Он достанет из шкафа шприц, и ты ляжешь в кресло, почувствуешь укол, вскрикнешь, но врач похлопает ладонью по бедру, успокаивая, и зазвенит инструментом. Ты закроешь глаза, чтобы ничего не видеть, но будешь слышать, как врач станет копаться в твоем теле, почувствуешь мгновенную боль, застонешь, но боль уползет в другую часть тела, ты облегченно задышишь. Ты услышишь, как дверь вскрикнет, сквозь прикрытые веки мелькнет давешняя «пышечка», она заберет таз, стоящий на полу, поставит другой и выйдет.

Ты сядешь, тебя вырвет в таз, и туман в голове не даст думать.

Доктор протянет комок ваты.

– Вставайте, всё кончилось. Черт возьми! – вырвется у него.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 139

– Не поминайте, пожалуйста, черта, – попросишь ты.

– А, вы понимаете по-русски?

– Немного, – соврешь ты. Врач отвернется, станет смотреть в окно.

Ты возьмешь вату, тупо посмотришь на нее – зачем? Потом вспомнишь.

– Вам принесли теплой воды. Вот кувшин, мойтесь, – не оборачиваясь произнесет врач.

Ты сядешь и застонешь, не боль, а ее остаток зашевелится где-то внизу живота.

Вода действительно теплая.

– Ничего, ничего, – произнесет врач, всё так же не оборачиваясь, – будете помнить доктора Горгулова.

Ты будешь бояться, надевая юбку, что правая сторона окажется слева. Ты наденешь юбку, но она окажется надетой не той стороной, и ты закусишь губу, и снова снимешь ее, чтобы поменять местами – правая сторона есть правая, а левая сторона есть левая сторона, и застегнешь юбку и пригладишь ее.

И скажешь врачу в спину по-русски:

– Спасибо.

Доктор повернется к ней и тоже по-русски ответит.

– Всё в порядке. У девушек, которых привозит ко мне Марек, всегда есть проблемы. Но после визита ко мне все проблемы у девушек исчезают. Вы расплатились с Мареком?

– Да, – равнодушно кивнешь ты.

Ты сделаешь пару шагов к двери. Слабость уйдет. Все-таки я сильная, с уважением к себе подумаешь и потянешь на себя дверь. Марек войдет в кабинет, а ты будешь стоять, ожидая его, не слыша, о чем говорят, но Марек поможет, и вы снова окажетесь на той же улице, и ты снова посмотришь на номер дома, не понимая, зачем задираешь голову, и сразу забудешь и номер дома, и сам желтый дом, и не поймешь, что всё произошло так быстро, а когда на здании вокзала увидишь часы, то с удивишься – прошло полтора часа. Всего полтора? Целых полтора!

Потом в вагоне вспомнишь врача – Горгулов, какая странная фамилия, вроде Горгоны или гула.

ПРЕССА

Он был эмигрантом, о дети!
Она же принцессой была.
Но был он в соку и в расцвете,
Она же давно отцвела.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 140

Ей княжеский титул оставил
Во склеп удалившийся муж.
А он был обычным Зубковым,
И был еще Сашей к тому ж <…>

Тише. Ни звука. Ни слова.
Снова над Западом ночь.
Бедного Сашу Зубкова
Взяли и выслали прочь.

Кончик бильярдного кия
Очень печально торчит.
Жертва зеленого змия,
Саша угрюмо молчит.

Дон-Аминадо

«Александр Зубков снова объявился»

Потеряв службу в люксембургском ресторане, где он служил метрдотелем, Зубков решил предпринять европейское турне с лекцией «Как я женился на принцессе Виктории Гогенцоллерн».

– Лекция будет иметь успех, – рассказывал он своему импресарио. – Я оглашу сохранившиеся у меня письма принцессы и, заодно, переписку с Вильгельмом, который был против нашего брака... Вильгельм предлагал мне за эти письма большие деньги. Но я отказался: честь – прежде всего!

Лекции не состоятся: ни Франция, ни Германия не дали ему въездной визы.

О, Зубков! О, старух покоритель!
О, маяк в эмигрантской судьбе!
Покажи мне такую обитель,
Где поставили б визу тебе.

Лери́

* * *

Недавно в один из русских ресторанов Парижа явился господин лет пятидесяти с претензией на элегантность. Внимательно ознакомился с меню и заказал основательный завтрак:

– Для начала – рюмку водки и сборную закуску. Затем – омлет с шампиньонами... Ну, дайте еще ножку жаренного цыпленка и компот! Бутылку бургундского 24-го года! Отлично!

Господину подали закуску. Выпил одну рюмку водки, другую. Жадно набросился на закуски, основательно отведав от каждого блюда. Потом на столе появился омлет с шампиньонами.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 141

Гастроном крякнул от удовольствия и, как говорят французы, «энергично атаковал».

Уже большая часть омлета была съедена, когда господин вдруг с отвращением оттолкнул от себя тарелку, и швырнул на стол салфетку и поднял дикий крик:

– Метрдотель! Позовите сейчас же хозяина! Это черт знает что такое!

Хозяин уже бежал на шум.

– В чем дело? Что случилось!

– Помилуйте, это не ресторан, а харчевня! Чем тут кормят! Вы посмотрите только, чем тут кормят!

Хозяин заглянул в тарелку и едва не потерял сознание: в омлете вместе с шампиньонами повар запек двух тараканов...

– Кухня у нас содержится в образцовой чистоте... Тараканов нет. Не понимаю, откуда они могли взяться... Бога ради – простите. Сейчас вам принесут другой омлет!

– Нет уж, благодарю покорно! Больше я к еде не притронусь. Я жалобу на вас подам в полицию! Это издевательство какое-то...

И господин, возмущенный до глубины души, схватил пальто, шляпу и со скандалом покинул ресторан. Само собой разумеется, хозяин не осмелился представить ему счет за выпитую водку, за съеденные закуски и злополучный омлет.

Через 5 минут, убирая со стола, метрдотель заметил на диване коробочку, которую забыл сердитый клиент. Открыл ее и ахнул: в коробочке лежал десяток дохлых тараканов!

Владелец их попросту разрешил проблему бесплатного питания!

* * *

В прошлый четверг, в первом часу ночи, молодая писательница Нина Берберова появилась на Монпарнасе в великолепном платье. Рукава с буффами, голубой шелк с цветочками, кринолины...

За ней шли любопытные с разинутыми ртами. Кто-то высказал предположение:

– Может быть, будут крутить фильм?

Нина Берберова вошла в кафе. Любопытные сейчас же ее окружили. И тут только выяснилось, что пришла она с репетиции «Женитьбы», в костюме Агафьи Тихоновны.

– Я решила сыграть роль «человека-сэндвича» и привлечь на писательский бал как можно больше народу!

Вот почему на следующий день на балу Союза писателей и журналистов было несколько завсегдатаев «Ротонды» и «Куполя».

Железная Маска.
«Иллюстрированная Россия»

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 142

«О советском рае»

Берлин, 9 марта.

Германский инженер Роберт Миш, вернувшийся из Советской России, выпустил брошюру, в которой рассказывает о своей советской службе.

Мишу было обещано 300 р. в месяц, причем говорили, что он может прожить на четверть этой суммы. Он вскоре убедился, что эта сумма совершенно недостаточна при существующих в СССР ценах. В Донецком бассейне Миш нашел 300 коммунистов из Самарской области, которые прибыли полными надежд, но вскоре стали стремиться бежать домой от невыносимых условий жизни. Вместо 7 часов углекопы фактически работают в Донецком бассейне от 10 до 12 часов; с оплатой жалованья постоянно происходит задержка. Сам Миш потерял 17 фунтов веса за первые три недели службы. Первое время ему доставлялись еще пакеты с продовольствием из Германии, но затем пакеты стали приходить наполовину пустыми и, кроме того, за них взимали огромную пошлину.

Миш предостерегает немцев от советских посулов.

Погода в Париже

Предположения метеорологического бюро на 10 марта: ясно, затем переменная облачность, возможен снег. Температура без изменения.

«Возрождение» (Paris), 10 марта 1931

«Протест миллионов»

ИНОСТРАННЫЕ РАБОЧИЕ И СПЕЦИАЛИСТЫ ПРИСОЕДИНЯЮТСЯ К НЕГОДУЮЩЕМУ ПРОТЕСТУ СОВЕТСКИХ ТРУДЯЩИХСЯ. РАЗГОВОРЫ О «ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ» В СССР – БЕССОВЕСТНАЯ ЛОЖЬ. ЗАЯВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ИНЖЕНЕРА АЛЛАЙСА. ЕЩЕ ОДНО ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЛЖИВОСТИ И КЛЕВЕТЫ «О ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ» В СССР.

Киев. Главный инженер завода «БОЛЬШЕВИК» – бельгиец ЛЕОН ДЕЖУЮ – заявил:

Меня как иностранца захватывают гигантские темпы социалистического строительства СССР. Глубокая реконструкция советской промышленности и сельского хозяйства, огромные достижения в гигантском строительстве невольно бросаются в глаза... О каком «принудительном труде» шумят «защитники угнетенных»? ВОКРУГ МЕНЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА НЕ ЧУВСТВУЕТСЯ, Я ЕГО НЕ ВИДЕЛ НИ СРЕДИ ИНЖЕНЕРОВ, НИ СРЕДИ РАБОЧИХ.

Березники. На Березниковском строительстве состоялись митинги протеста против наглой выходки американской буржуазии. Рабочие механической мастерской дополнительно подписались на 4,560 руб. на заем пятилетки.

Ленинград. Собрание иностранных специалистов и рабочих единогласно

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 143

приняло резолюцию, в которой говорится: «Наш долг – громко заявить всему миру: буржуазные деятели установили рекорд наглой лжи, распространяя нелепую клевету о «принудительном труде» в Советском Союзе. Это ложь. ТРУД В СССР СВОБОДЕН. Травля направлена к одной цели – к удушению Советского Союза».

Уфа. Волна негодования против клеветы о «принудительном труде» вылилась в мощный подъем трудового энтузиазма среди лесорубов. Лесорубы КАРГАЛИНСКОГО участка организовали субботник и вывезли за один день 336 КУБОМЕТРОВ ЛЕСА. Лесорубы ЗИГАЗИНСКОГО леспромхоза создали 58 УДАРНЫХ БРИГАД для ликвидации прорыва. Бедняки и середняки РОСТОВСКОГО сельсовета, БЛАГОВЕЩЕНСКОГО района, объявили себя ударниками и отрядили в лес 400 ПОДВОД.

20 февраля (РОСТА). Из отдельных глухих уголков продолжают поступать отклики трудящихся на подлую клевету Фиша и его компании о «принудительном труде в Советском Союзе».

«Правда» (Москва), 23 февраля

«Процесс меньшевиков-интервенционистов»

Завтра начнется перед Особым присутствием Верховного суда процесс «Союзного бюро» Ц.К. меньшевиков, возглавляемого Громаном, Сухановым, Шером и рядом их помощников. После процесса «Промпартии», прямых приказчиков старых хозяев русской жизни, прямых организаторов шпионажа, на скамье подсудимых находятся меньшевики.

В чем обвиняет их заключение прокуратуры и что они признали на предварительном следствии? Обвинение меньшевиков, как и обвинение «Промпартии», полностью опирается на показания самих обвиняемых, которые в ходе следствия должны были раскрыть полную картину своей контрреволюционной деятельности. Они представляли собою организацию части буржуазной интеллигенции, занимавшей довольно видные места в ряде хозяйственных органов советской власти, как в Госплане, ВСНХ, Госбанке, Наркомторге.

«Известия» (Москва), 27 февраля

«Смертной казни нет»

Москва, 9 марта (ТАСС).

Верховный трибунал вынес сегодня по делу меньшевиков следующий приговор: Громан, Шер, Гинзбург, Якубович, Суханов, Петунин и Финн-Енотаевский приговорены к тюремному заключению на 10 лет. Семь других обвиняемых приговорены к заключению от 5 до 8 лет.

Кельн, 9 марта.

Пять обвиняемых, для которых Крыленко требовал смертной казни, «горячо боролись за свою жизнь» и усиленно каялись в своих ошибках, при-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 144

знавая, что крушение веры в распад коммунистической партии привело их на путь активного вредительства и расчетов на интервенцию. Суханов, «человек с ораторским дарованием и изумительной крепостью нервов», тем не менее, закончил свою речь словами «я ошибался, и мои ошибки были более, нежели преступлением». Как Суханов, так и Якубович, признавая все утверждения обвинительного акта, протестовали только против квалификации их деятельности как «измену рабочему классу». Попытка Крыленки посадить на скамью подсудимых в лице обвиняемых западную социал-демократию потерпели, по словам Юста, полную неудачу «вследствие типично русской окраски процесса этих героев Достоевского».

«Кёльнише Цейтунг»

«Самоубийство»

Вчера покончил с собой проживающий в Париже, на улице Кадэ 20, русский беженец, ювелир Василевский. Самоубийство вызвано расстройством дел. Василевский был накануне банкротства. После покойного остались жена и двое детей.

«Возрождение» (Париж), 10 марта

* * *

Совет Труда и Обороны постановил 18 апреля 1931 года, что за 20 месяцев будет построен канал между Белым и Балтийским морями протяженностью 140 миль. Вся ответственность за строительство возложена на ОГПУ.

«Правда» (Москва)

BERLIN. 1931. АРТУР

Он писал для газетно-журнального концерна Ульштайн:
об электронах,
хромосомах,
кораблях-авианосцах,
неандертальцах,
радио в автомобилях,
циклотронах,
Плутоне,
стереофонической записи,
гигиенических тампонах,
реактивных двигателях,
скотче,
вакцине против тифа,
супермаркетах,
спиральных галактиках,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 145

стиральных машинах,
муравьях,
фреоне,
дефибриляторе,
дирижаблях

*и сам летал на д*ирижабле *LZ 127 Graf Zeppelin* в конце июля 1931 года над советской частью Арктики. Артур представлял газету во время полета.

Неожиданно для себя он влюбился в эти огромные летающие механизмы, совсем не похожие на сигары, как их прозвали журналисты, – больше похожие на китов, которые спокойно плыли в воздушном океане.

Ему хотелось погладить дирижабль, как гладят кошку.

«Дирижабль *LZ 127 Graf Zeppelin* уже испытали в дальних полетах. Он совершил кругосветное путешествие, пролетев над двумя океанами, не сделав посадки на всем пути от Берлина до Токио. Он летал на Восток, летал в Москву, но за полярный круг он летел впервые.

В 1931 году в Арктику должен направиться известный полярный исследователь Хуберт Уилкинс на подводной лодке *U-Boot* ‘Наутилус’.

Встреча с LZ 127 ‘Граф Цеппелин’ планировалась в районе Северного полюса.

Утром 24 июля 1931 в торжественной обстановке дирижабль ‘Граф Цеппелин’ стартовал из Фридрихсхафена, через шесть часов уже был в Берлине, где сделал 8-часовую остановку для приема почты, полетел через Штеттин, Хельсинки и Нарву в Ленинград.

В 8 часов вечера 25 июля дирижабль пролетел над улицами Ленинграда и снизился для посадки.

26 июля воздушный корабль, швартовавшийся на Комендантском аэродроме, в 11 часов утра отделился от причальной мачты, взял курс на Петрозаводск по маршруту Ленинград – Ладожское озеро – Онежское озеро – устье Онеги – Архангельск.

Через 37 часов он уже парил над архипелагом Франца-Иосифа.

Дирижабль с научными целями пролетел над значительной частью советской Арктики: Земля Франца-Иосифа – Северная Земля – Мыс Челюскин – Диксон, Новая Земля – Архангельск, произведя при этом подробную аэрофотосъемку. Во время арктического полета на его борту находились советские, германские, шведские и американские ученые: д-р Гуго Эккерер, командир дирижабля, известный советский ученый проф. Р. Л. Самойлович – руководитель экспеди-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 146

ции, аэролог профессор П. А. Молчанов, впервые с успехом испытавший в Арктике свое замечательное изобретение – радиозонд.

Профессор Самойлович рассказывал журналистам:

– По островам Арктики рассеяны наши зимовки, форпосты социализма на Севере. Каждый день зимовки сообщают по радио всему миру об арктической погоде.

Идя над этими зимовками, дирижабль разбросал по воздуху с десяток радиозондов Молчанова.

К шару-пилоту величиною почти с детский воздушный шар крепятся метеорологические автоматические приборы и крошечный передатчик. Передатчик автоматически передает в эфир сигналы, которые записывают приборы. Вся ‘радиостанция’ весит не больше килограмма, но она слышна на 25 километров. Выпустив в Арктике шары-пилоты, дирижабль аккуратно принимал их сигналы. Погода сама сообщала о себе.

Во время перелета дирижабль совершил посадку на воду в бухте Тихой острова Гукера. Только 15 минут потребовалось, чтобы обменяться почтой с ледоколом ‘Малыгин’. Дирижабль свободно опустился на полярную воду и свободно поднялся.

Это была своего рода рекламная акция, на дирижабле находились 50.000 почтовых отправлений, присланных практически со всего света, с массой примерно 300 кг. Корабль-партнер, советский ледокол ‘Малыгин’, на котором во время этого плаванья находился итальянский воздухоплаватель Умберто Нобиле, передал на дирижабль 120 кг почты.

Почтовые отправления, посланные, в основном, филателистами разных стран мира (общим количеством 46444), погашенные в Арктике, стали одним из источников финансирования экспедиции .

После дирижабль проследовал в сторону Арктического мыса северной оконечности Северной Земли, экспедиция углубилась в Таймырский полуостров и, пролетев над озером Таймыр, направилась к устью Енисея. Сбросив над Диксоном привезенные из Ленинграда провиант и прессу, ‘Граф Цеппелин’ направился к мысу Желания, северной оконечности Новой Земли.

Встреча с Хубертом Вилкинсом из-за неполадок на его подводной лодке так и не состоялась.

Пролетев над всей Новой Землёй от севера до юга, дирижабль направился в сторону Ленинграда. Он пролетел над Арктикой по замкнутой петле 13 200 километров, 91 час потребовался для того, чтобы пройти по пути, который четверть века назад занял бы два года.

Впервые время в Арктике исчисляется часами и минутами. Корзина со свежей земляникой, которую дирижабль взял для остаю-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 147

щегося на вторую зимовку на Северной Земле геолога Урванцова, была знаком великой победы времени над ледяной пустыней.

Встречая и провожая дирижабль, когда он казался в лучах вечернего солнца только что отлитой из серебра остывающей громадой, видя его плывущим над улицами и площадями, мы были свидетелями этой исторической победы науки над ‘неумолимой’ природой».

Артур поставил точку в репортаже и пошел к радисту – передать в газету.

Профессор Самойлович будет расстрелян в 1939 году, профессор Молчанов застрелен конвоиром при следовании этапа заключенных из Ленинграда осенью 1941 года.

Но это в будущем, и наш герой об этом пока не знает.

Артур работал редактором научного отдела в газете «Vossische Zeitung», выпускавшейся издательством «Ульштайн», научным консультантом издательства, а также подрабатывал в разных газетах – независимых, либеральных, социал-демократических (главное, чтобы они не конфликтовали друг с другом).

Политические события тем временем нарастали, и катастрофа становилась всё неотвратимее.

Больше всего Артура беспокоил мировой экономический кризис, стремительный рост безработицы и нарастающая угроза нацизма. Безработными в Германии была треть трудоспособного населения; страна находилась в состоянии скрытой гражданской войны, и тому, кто не желал оказаться в положении жертвы, смятенной надвигающейся бурей, было необходимо сделать свой политический выбор.

Коммунизм, за которым стоял могучий Советский Союз, казался Артуру *Великим Экспериментом* и единственной силой, которая могла бы оказать сопротивление нацизму. Красная звезда должна победить свастику.

Правда, кое-что в советской системе вызывало у него сомнения, что-то заслуживало критики, но не было явных причин с порога отвергать всю систему – так поступали лишь консерваторы и реакционеры, – те самые, кто придерживался благосклонного нейтралитета по отношению к итальянскому и немецкому фашизму. Среди прогрессивной интеллигенции раздавались одинокие голоса Бертрана Рассела и Герберта Уэллса, с самого начала решительно настроенных против советской власти. Но таких голосов было немного, и к ним никто не прислушивался…

Артур разбирал почту, пришедшую в редакцию, отбрасывал в сто-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 148

рону жалобы и претензии (это не его работа, пусть другой отдел разбирается). Он вскрыл письмо с непонятным обратным адресом, прочитал, хмыкнул, позвал коллегу, сидящего за другим столом, у окна:

– Смотрите, Герхард, шпиономания не улеглась! Какой-то доброжелатель обещает разоблачения коммунистических депутатов в рейхстаге.

Коллега поморщился.

– Наверно, рассказывает о «руке Москвы»…

– Вы угадали.

– И просит за свои разоблачения десять тысяч марок, не иначе.

Артур повернулся к нему.

– Вы уже читали это письмо?

Они оба захохотали.

– Конечно, не читал, но все разоблачители похожи один на другого. Можете выбросить письмо в мусорную корзину.

– Я так и сделаю, – кивнул Артур и бросил листок в урну.

Когда Артур вышел по делам из кабинета, Герхард достал злополучное письмо и спрятал в кармане.

ПРЕССА

Исчерпав безрезультатно все средства борьбы против просто национал-социалистского движения в Германии, ГПУ взялось за последнее оружие, за так называемый моральный террор – средство политического и морального отравления при помощи фабрикуемых документов Первые «документы» были выпущены 14 сентября 1930 г. и фотографически воспроизведены в парижской газете «Борьба», издаваемой бывшим зампредом в Париже Беседовским. Цель их была доказать материальную связь национал-социалистов с большевиками. «Документы» эти гласили:

1.«200 (двести) штук получил Зальцбург. 10 июня 1930 г. *Адольф».*

2.«Совершенно доверительно товарищу Любченко. Прага. Витеска, 16. При сем квитанция Адольфа на 200 штук немецкого товара в счет отдаленных соседей. Прошу записать их на счет Виктора-старшего». Подпись.

Под Адольфом здесь подразумевается не кто иной, как... Адольф Хитлер! Беседовский утверждал, что нац.-соц. получали деньги от большевиков регулярно и что шифрованные квитанции на них хранятся в московских архивах.»

«Völkischer Beobachter», 21 апреля

МОСКВА, АПРЕЛЬ

Сталин перечитал лежащую перед ним бумагу и поднял глаза на председателя ОГПУ.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 149

– Кто об этот знал? – в упор спросил он.

Менжинский выдержал взгляд.

– Только наш сотрудник в парижской резидентуре и еще один – в берлинской.

– А в разведке?

Менжинский не хотел отвечать; получалось, что ОГПУ следит за деятельностью коллег из разведывательного управления РККА. Но Сталин продолжал сверлить его глазами.

– Комбриг Таиров.

– Вы мне рассказываете об операции с долларами, а я спрашиваю о другом, – нахмурился людоед.

Менжинский выдохнул – ах, вот чем он интересуется.

– Передача денег национальным социалистам шла по линии Коминтерна.

– Перекладываете ответственность на Коминтерн?

Начальник ОГПУ отрицательно покачал головой.

– Нет, товарищ Сталин, не перекладываю. Деньги шли через каналы Коминтерна.

Сталин отвернулся, отошел к столу, перебрал бумаги. Менжинский ждал. Наконец, Сталин сказал:

– Проведите тщательное расследование. Найдите виновного.

Начальник ОГПУ кивнул. Блеснуло его пенсне.

– Найдем, товарищ Сталин.

BERLIN, АПРЕЛЬ

Лидер партии национальных социалистов Гитлер проснулся с мыслью, что не сделано что-то важное.

Что же важное?

Он потянулся к блокноту, а тот словно ждал его руки – сам открылся.

Прочитал вчерашнюю запись: «Выяснить, откуда про $».

Он всё вспомнил и вызвал человека, ответственного за безопасность. Его звали Линдеман. Гитлер знал его со времен войны, тогда Линдеман был его командиром. Гитлер ему доверял – Линдеман одним из первых армейских офицеров примкнул к национальным социалистам, – не какой-нибудь отступник… Он помнил этих отступников… Линдеман не такой, он верный. Линдеман занимался всей цепочкой, и где-то она обрывалась. Но где ? Пусть ищет и найдет.

Цепочка где-то оборвалась. Значит, давайте сначала. Деньги получены где? – Там.

Так? – Так.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 150

Получал их… Да, именно он. Ему деньги передал курьер… Да, он. А кто курьеру передал деньги?

Линдеман приказал найти и доставить к нему человека, передавшего деньги курьеру.

– Ты помнишь, сколько там было?

– Конечно, помню. Три тысячи долларов. Я запомнил – все сотенными. А одна сотня – десятками.

Линдеман задумался.

– Очень интересно.

Человек занервничал.

– А что? Что случилось? Сколько не хватает?

Линдеман отмахнулся.

– Всё в порядке, всё хватает, не психуй. А вот тот, от кого ты деньги получил… кто такой? Ты его знаешь?

– Откуда? Первый раз видел. Мне сказали – будет парень в синей куртке с отворотами…А что?

Линдеман успокоил.

– Да ничего. Вот откуда он взялся… Что-то в нем особенное не заметил?

Тот задумался.

– Да нет. Обычный пролетарий. В синей курточке, в фуражечке…

– Как у красных фронтовиков?

– Ага.

– Вот тебе и ага! Значит, он коммунист?

– Откуда я знаю? А почему бы и нет?

Линдеман обрадовался – что-то забрезжило.

– Значит, искать надо там…

– Не думаю. Не думаю… Хотя там тоже у нас могут быть… тайные доброжелатели…

– Или специально подбрасывают нам этого типа…

Вырезка из газеты Беседовского была положена не только на стол товарищу Гитлеру, но и на стол товарищу Киппенбергеру, который ведал безопасностью в ЦК компартии Германии, а не только занимал место депутата рейхстага и члена его военной комиссии. Киппенбергер удивился. Фальшивка, первое что пришло в голову.

Стоп, это идет от белогвардейцев, значит, они специально состряпали подобную чушь, чтобы скомпрометировать товарищей из Москвы. Но кто конкретно? Надо выяснить.

Что за постоянный курьер? – задумался Киппенбергер. – Очень интересно. Что это за курьер? Дипломатический курьер... Курьер Коминтерна... Надо искать.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 151

И вот еще. Письмо в газету. Автор грозит опубликовать разоблачения. Письмо передал сочувствующий нам журналист из концерна «Ульштайн». Журналист не вник в суть дела, а товарищ Киппенбергер сразу почувствовал, чем это пахнет. Пахнет дурно.

Бывший поручик Крошко, а сейчас агент ОГПУ, помогал эмигранту Григорьеву собирать картотеку на советских деятелей. Иногда Григорьев поставлял газетам пикантные подробности «из жизни советских вождей». В свое время Крошко сделал копии картотеки и передал чекистскому начальству.

Сегодня он пришел с поздравлениями:

– Владимир Григорьевич, поздравляю. Успех. Все газеты перепечатывают заметку из газеты Беседовского – и немцы, и французы… Какие заголовки! Наци получают деньги от большевиков! Такого не может быть! Позор нацистам!

Григорьев согласно кивал, слушая своего молодого помощника.

– Ну, почему же не может быть? Бывает.

Крошко поддакнул.

– Да-да, отлично задумано!

– Да нет, – улыбнулся Григорьев.

– Как нет? Это же мы… мы с вами вместе придумали… вот здесь…

Глаза Григорьева смеялись.

– Да нет, нет, мой дорогой. Самое грустное в сей сенсации, что всё действительно так.

– Не может быть!

– Может. И еще не такое бывает, дорогой мой. Деньги передавал постоянный курьер. Впрочем, это уже вчерашний день. Сенсации живут недолго. Давайте-ка лучше посмотрим вот на материал об американских сенаторах, которые ратуют за признание большевиков.

PARIS. МИШЕЛЬ

На Лионском вокзале в такси Мишеля садится с чемоданом человек в котелке, с усиками – из той породы, глядя на которого можно сразу определить профессию: «из сыскного».

Мишель не ошибается.

– Мне надо сделать несколько поездок, – укладывая чемодан в багажник, объявляет пассажир. – Вот аванс, чтобы вы не беспокоились, – протягивает деньги.

Мишель равнодушно пожимает плечами, но деньги забирает.

Одни пассажиры такси едут молча, у других же есть потреб-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 152

ность разговаривать. Обычно приходится выслушивать всякий вздор, но иногда бывает очень интересно.

– Бульвар Гей-Люссак 16, пожалуйста, – называет адрес пассажир.

Мишель хмыкает – по этому адресу находится ночлежка.

– Известный адрес? – понимает ухмылку пассажир.

– Ночлежный дом, – согласно кивает шофер.

– Я частный сыщик, – пассажир показывает Мишелю документ.

«Слава Богу, не жулик», – мелькает в голове водителя, и он согласно кивает головой.

– Разыскиваю одну даму. Очень богатая дама из Лиона. Она владеет тремя шестиэтажными доходными домами, громадным складом строительных материалов и двумя фабриками бижутерии. Но каждый год весной с ней что-то происходит. Она исчезает из дома. Началось это восемь лет назад. Ее дочь сообщила в полицию, и начались энергичные розыски. Все думали, что она стала жертвой преступников – с целью выкупа. Целый месяц ее разыскивали и – безрезультатно. Вдруг она появилась в своей вилле, грязная, оборванная, осунувшаяся. Пришедшей полиции она отказалась сообщить, что с нею происходило в течение месяца. Прошло около года, и в конце мая она снова исчезла. На этот раз дочь обратилась в наше бюро. Из опроса служанки выяснилось, что хозяйка вернулась домой в лохмотьях, с замученным лицом. Мы подумали, что она провела месяц в трущобах. Ознакомились с полицейским расследованием, поняли, что в Лионе её искать нечего, и перенесли поиски в Париж. Я и мой коллега стали обходить ночлежные дома, искать в скверах и парках, под мостами. После трехнедельных поисков я напал на ее след.

– Сумасшедшая? – предполагает Мишель.

– Не совсем, – объясняет сыщик. – Врачи так не утверждают. Это вроде болезни – уехать в Париж и зажить иной жизнью. Попадая в Париж, быстро преображается в бродягу, потому что, постоянно находясь в состоянии опьянения, теряет способность следить за собою. Для ночевки всегда выбирает людные клошарные места, и ей помогают устроиться около какой-нибудь женщины. Из-под мостов она уходит одна и отсутствует не больше пары часов. К вечеру у нее возникает желание переменить свое «местожительство», она идет к другому мосту или в сквер. Она обладает талантом рассказчика, создала вокруг себя почитателей, бродяги часами слушают ее рассказы. Через какое-то время наступает пресыщение и отвращение к пьянству, и тогда она покорно возвращается домой. Обычно через три-три с половиной недели. Как раз этот срок ее исчезновения наступил. Остановите, пожалуйста.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 153

Мишель тормозит у Нового моста.

– Подождите меня, – просит сыщик и показывает вниз. – Видите компания клошаров? Начну выяснять.

Клошары играют в карты и равнодушно выслушивают нежданного посетителя. Никто из них не знает женщины, о которой он говорил.

– Впрочем, может он знает? – предположил один них и показал на лежащего вдалеке бродягу. – Он бутылки собирает, все набережные исходил.

На подстеленных газетах лежит молодой человек, накрытый грязным пиджаком. В руках держит книжку.

«Клошар с книжкой – интересно.»

– Добрый день, – здоровается сыщик.

Юрий Олонецкий, ибо это он, садится.

– Если он добрый, то здравствуйте.

– Что вы читаете?

Бродяга не удивляется вопросу.

– Это работа русского философа Лосского. Но вас, вероятно, интересует что-то другое? Вы, наверно, полицейский? Я могу показать документы, они у меня в полном порядке.

– Я частный сыщик. Ваши документы меня не интересуют.

– А что же интересует? Или – кто? – спрашивает Юрий.

Сыщик всматривается в него.

– Вы производите впечатление интеллигентного человека.

– Я еще могу производить впечатление? Не может такого быть!

Сыщик морщится и вынимает из кармана фотографию.

– Вы не встречали эту женщину?

Юрий отворачивается – за бесплатно только птички поют, как говорил великий Шаляпин.

– Понял! – восклицает сыщик и протягивает ему десять франков.

– Это Матильда, – забирая деньги, произносит Олонецкий. – Да! Ее еще зовут «баронессой». Сколько лет этому фото? – любопытствует он.

– Восемь. А почему вы спрашиваете?

Юрий усмехается.

– Когда ее увидите, поймете.

– А где я ее увижу?

– Еще десять франков, мсье.

Сыщик протягивает деньги.

– Под этим мостом она сегодня не живет…

– Живет?.. – переспрашивает сыщик.

– Да! Она сама так объявляет: сегодня я живу под вашим мостом, вот моя плата за постой, и угощает всех вином.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 154

– И вас?

– И меня.

– Так где она сегодня?

– Под мостом Александра Третьего. Это точно, как часы на мэрии девятого округа, мсье. Она и меня приглашала…

– Понятно... – сыщик встает, размышляя.

– Ничего вам не понятно! – обижается Олонецкий. – Несчастная женщина… мания величия… когда она выпьет свою дозу…

– ...Какая у нее доза?

– Три стакана белого вина, самого дешевого… Иногда закусывает хлебом и колбасой, иногда кусочком сыра… Глаза загораются, начинает рассказывать…

– Вы что-нибудь помните из ее рассказов?

Олонецкий машет рукой.

– У нее ограниченный репертуар. Потому она и... гастролирует! От моста к мосту. Ведь под каждым мостом своя компания клошаров… А ей хочется внимания…

Сыщик понимает паузу по-своему и протягивает собеседнику монету в пять франков.

– Так что она рассказывает?

– Спасибо, – пряча деньги, отвечает Юрий. – Что у нее был муж, который умер и оставил большое состояние... Но любовники ее разорили... Один из них оказался игроком и спустил в рулетку сотни тысяч... Она с горя начала пить... Продала автомобиль... Потом усадьбу... Другой любовник, молодой офицер, украл драгоценности...

Теперь улыбается сыщик.

– Вы словно роман мне рассказываете.

– Вся наша жизнь – роман, – меланхолично замечает Юрий.

– Да, богатые у нее фантазии! Но на самом деле – никаких любовников, проданного автомобиля и усадьбы.

– Я так и думал. Несчастная женщина…

– Наверно, у нее... э... как сказать? романы с клошарами?

– Нет, чего нет – того нет. Как ни смешно, ее, можно сказать, уважают. Она же всех угощает вином и сигаретами.

– И вас?

– Я не курю.

– А вам никогда не хотелось... э... вступить с ней в связь? Ведь все-таки баронесса.

– Я сам князь. Но мне не хотелось, я опасаюсь триппера. А презервативы клошару не по карману.

Сыщик благодарит и уходит к лестнице, чтобы вернуться к ожидавшей его машине.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 155

«Еще один князь! – думает он. – Как же все опустившиеся люди мечтают о чем-то высшем – о богатстве, титулах, славе…»

Мишель курит, облокотясь о крыло. Увидев пассажира, бросает сигарету под колесо.

– Нашли беглянку? – интересуется он.

– Почти. Говорят, она под мостом Александра Третьего.

Она оказалась под мостом совершенно пьяная в обществе нескольких клошаров.

Сыщик разговорился с ними и узнал, что она всех угощала вином и сигаретами «Голуаз», хотя сама не курила. Пить вино начинала с утра и каждые два часа повторяла свою порцию: приблизительно полтора стакана. Пила она прямо из горлышка бутылки, а для угощения у нее была алюминиевая кружка.

Мишель ждал у машины, когда сыщик вывел из-под моста женщину самого несчастного вида. Её волосы рассыпались склеившимися от грязи прядями. Хорошее некогда платье сильно испачкано и местами порвано. У туфель сбиты носы. Вслед ей что-то веселое кричат клошары.

Когда они уселись в такси, сыщик попросил отвезти их в ближайшую баню или другое подобное заведение.

– Думаете, что у меня в чемодане? – спрашивает он водителя. – Это собрала ее дочь – всё необходимое.

У бани сыщик с дамой выходят. Через десять минут сыщик возвращается и предлагает Мишелю сигарету.

– Ее сейчас будут мыть банщицы, а через час я ее заберу. Отвезу к парикмахеру, ей сделают прическу, маникюр…

– А потом?

– Что «потом»? – не понимает сыщик. – Потом я ее отвезу на вокзал и привезу в Лион к дочери. Не хотите ли стаканчик вина?

ПРЕССА

Александр Зубков, о котором давно уже ничего не было слышно, рассказал журналистам о своей недавней поездке в Доорн, к «шурину», экс-кайзеру Вильгельму.

– Мой шурин, – хладнокровно повествовал Зубков, – почти на коленях умолял вернуть ему любовные письма, которые когда-то писала мне принцесса Виктория. Он предлагал мне за них крупную сумму. Сами понимаете, – как в джентльмен, я не мог принять столь оскорбительного предложения.

Не принял Александр Зубков и другого предложения Вильгельма II: бросить службу в фешенебельном люксембургском ресторане, где он в качестве метрдотеля зарабатывает приличные деньги.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 156

– Мой шурин определенно заявил, что моя служба в ресторане причиняет большие заботы гогенцоллернскому дому и вредит его престижу. Вильгельма особенно нервирует тот факт, что я пользуюсь своим «императорским родством» для привлечения гостей в ресторан…

«Поставьте крест на вашей нынешней деятельности и уезжайте в Австралию или Конго… Вам будет обеспечена приличная рента.»

Зубков не согласился. Он считает, что уже достаточно путешествовал и что место метрдотеля вернее пожизненной ренты, обещанной кайзером.

«Не все сладко в ремесле шофера»

Можно быть шофером осторожным, хладнокровным и все-таки не избежать несчастного случая. Типичный пример – трагический аксидан Федора Родина.

Родин ехал по мосту, пересекавшему полотно ж.д. Париж – Орлеан. Шедший впереди трамвай всё время стеснял его, а каждой остановке трамвая приходилось тормозить машину и ждать, пока не выйдут все пассажиры и трамвай не двинется дальше.

Что делает в таких случаях шофер? Он старается обогнать. Родин улучил удобный, по его мнению, момент, – впереди не было никого, прибавил хода и проскочил под самыми носом трамвайного кондуктора. В ту же секунду раздался страшный треск, звон разбитых стекол, крики раненых людей. Трамвай налетел на автомобиль.

В результате молодая женщина, ехавшая в такси, г-жа Сюзанна Дебрак, – убита наповал. Ее приятельница и инженер Дегай ранены осколками стекол.

И теперь исправительному суду придется решить, кто виноват: Родин, «срезавший нос» у вагоновожатого, или вагоновожатый, гнавший трамвай полными ходом.

«Против ввоза советской пшеницы»

Сидней, 7 августа.

Съезд австралийских сельских хозяев вынес резолюцию, протестующую против того, что в Англию ввозится произведенная рабским трудом советская пшеница, вместо хлеба из доминионов. В резолюции высказывается пожелание, чтобы Англия совершенно запретила ввоз советского зерна.

«Берлин накануне плебисцита»

Берлин, 8 августа (по телефону от собственного корреспондента).

Уже с утра сегодня вся полиция была приведена в боевую готовность. Кроме обычных резиновых палок, полицейским розданы карабины. По всему Берлину усиленные патрули полицейских: пеших, конных, велосипедистов и на грузовиках. Первое столкновение произошло в полдень на площади Бюлова, возле коммунистической цитадели «Дом Карла Либкнехта».

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 157

Коммунисты напали на полицейский патруль, который вызвал подкрепление. Произошла стычка. Коммунисты забросали камнями полицейских, которые вынуждены были стрелять. Один коммунист убит и десять ранено.

Много столкновений происходило между представителями враждующих политических партий. Кареты «скорой помощи» вызывались беспрерывно в северные кварталы Берлина, где нападающей стороной являлись коммунисты. В фешенебельных кварталах Берлина обычная ночная жизнь замерла. В ресторанах, барах, кафе, дансингах – пусто. В Силезии, в Штротау, произошло побоище между «Стальной Каской» и хитлеровцами.

«Возрождение», 9 августа 1931

Инциденты

Берлин, 9 августа.

Коммунисты напали на двух корреспондентов «Дейли Экспресс», снимавших фотографии перед избирательным участком. Оба корреспондента тяжело ранены. Нападавшие скрылись.

Кельн, 9 августа.

Этой ночью местный лидер национал-социалистов был убит выстрелом из револьвера. Его убийца и другие 7 коммунистов арестованы.

«Возрождение», 10 августа 1931

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Национал-социалисты и коммунисты хотят хаоса, хотят падения существующего порядка вещей. Но каждый из них надеется поставить свое господство на место свергнутого и получить возможность попирать ногами остальных – тех, кто только что были его желанными союзниками по референдуму.

PARIS, АВГУСТ

Выйдя из лавки масленщика и пройдя между домами в только ему известную щель на Севастопольский бульвар, Юрий столкнулся с каким-то человеком в шляпе и с тросточкой в руке.

– Фу, черт! -воскликнул он

– Извините, – одновременно сказал прохожий.

Оба засмеялись – фразы прозвучали на русском.

– Ба! Георгий! – узнал прохожий.

– Петр! – признал бродяга известного киноартиста Пьера Батшева.

Тот спросил, куда Олонецкий идет. Юрий не знал, как ответить. Артист рассматривал его. Без любопытства. Так рассматривают в зоопарке животных. Олонецкий понял и нахмурился.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 158

– Жизненные неурядицы? – осторожно поинтересовался Батшев.

– Хуже.

– Но ведь у вас есть родители! – не понял собеседник.

Олонецкий скривился.

– Я теперь бродяга. Клошар, живущий на бульваре и под мостом. Какие у клошара могут быть родители?

Артист внимательно всмотрелся в Юрия. Ах, вот как…

– Жизненная позиция? Ты избрал такой способ протеста? Поздравляю! Дети против отцов! Не хочу учиться – хочу быть бродягой. Замечательно. Продолжай в том же духе, приятель, – издевательски произнес он.

Юрий возмутился.

– Почему вы мне тыкаете? – нахмурился он.

Актер посмотрел на него откровенно презрительно.

– А что мне с тобой церемониться? Ты кто, ваше сиятельство? Барон Ротшильд? Король Альфонс Тринадцатый? Кто ты есть? – Клошар! Дерьмо собачье, отброс общества, люмпен, нет, хуже люмпена…

Юрий сунул руку в карман за ножом, кровь ударила ему в голову.

– Да я за такие слова…

Актер откровенно рассмеялся.

– Правды не любишь? Люмпен! Клошар!

Юрий выдохнул кусок ненависти.

– Да, я такой! Чего надо? Да, я такой, да, я клошар…

Актер смеялся.

– Замечательно! Я так и думал! Тебе нравится быть дерьмом! Какое удовольствие! А эта кепка со сломанным козырьком? А этот фуляр на шее вместо шарфа? Вылитый апаш! Рисуй с него картину – клошар из-под моста! Выпить хочешь? Зайдем в кафе.

Олонецкий остановился.

– Кто пустит клошара в кафе?

Артист тронул его тросточкой.

– Ага, значит, проблема с кафе…

Олонецкий молча смотрел на него.

– Пойдем, здесь есть местечко, куда клошаров пускают…

– Не хочу пить. Не хочу слушать проповеди. Хочу быть таким, как есть сейчас.

Артист усадил его на скамейку. Он снова всматривался в Олонецкого.

– Есть хочешь?

– Нет, – соврал Олонецкий. Потом вздохнул. – Что вам надо от меня?

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 159

Батшев пожал плечами.

– Думаю, как тебя вытащить.

Олонецкий встал.

– Не имею ни малейшего желания.

Актер понял.

– Желание придет! Ты должен смотреть на свое сегодняшнее положение как на приключение. Как на спектакль. Ты играл в школьных спектаклях? Наверно, играл.

– Нет, не играл.

– Ладно. Представь себя актером. Ты играешь в пьесе. Действие происходит под мостом. Пьеса также называется – «Под мостом». И вот как ты себя будешь вести в предлагаемых обстоятельствах? Вживайся в образ! Забудь, что ты студент, князь, сын приличных родителей, всё забудь. Ты – бродяга. Не они – бродяги, а ты – корифей, а ты – такой же, как они. Ты человек павший. Не хочешь был таким? А ты такой! Ты упал и не хочешь подниматься. Зачем? Тебе хорошо быть на дне.

Юрий хмыкнул.

– Хорошо говорить актеру Петру Батшеву! Сегодня он генерал Гош, завтра мошенник Жофруа, послезавтра герой-любовник. Но это актер, а я – не актер…

– А чем ты хуже? Чем хуже? И ты можешь быть! Входи в предлагаемые обстоятельства! Ты стал клошаром, ты бродяга. Ну, случилось. Ну, проигрался в пух и прах. Не ты первый, не ты последний. Вот один писатель… Точнее, литературный критик, – он игрок. И он тоже проиграл. Квартиру. Получил в наследство большую квартиру. И проиграл ее. Ты себе такое представляешь? Нет? И я не представляю. Как можно проиграть жилье! А он проиграл. А ведь умный человек.

– Кто, Адамович?

– Неважно кто. Но ты угадал. Да я много чего могу рассказать тебе. Один поэт жену свою проиграл...

– Жену? Проиграл?

– Проиграл. Она на панель пошла.

– Как на панель?

– Пошла. Бывает и такое. Надо отрабатывать проигрыш.

– Потрясающе!

– Ты не потрясайся, в жизни еще много чего бывает. Люди проигрывают, идут военные секреты продавать, чтобы отыграться.

– А кому продают, большевикам?

– Кто покупает – тем и продают, наверно, и большевикам.

– Здорово! Петр, это же сюжет для кинокартины! Специальные шулера обыгрывают владельца военных секретов, а потом говорят: расплачивайся. Он: как вы смеете, я честный человек. А они ему:

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 160

тогда расплачивайся. Ему ничего не остается, как продавать военные тайны. Он уже полностью в их руках.

– Такое уже было. Так что проигрыш – не самое страшное, Юрий. А вот твое затянувшееся приключение – дело серьезное. Тебе нужны деньги?

– У меня есть.

– Не придумывай.

– Не предлагайте, я не возьму, – твердо ответил Юрий.

* * *

Вечером он лежал на своем обычном месте, на своем любимом брезенте, перелистывал книжку.

Мимо прошли двое, явно криминального вида. Один невысокий, приземистый, в кепке, другой – высокий, в шляпе и с усами. Ну, просто Пат и Паташон, спрашивали Шарля.

– Нужен парень для серьезного дела. Есть у тебя здесь такой?

– Для серьезного?

– Да. Чтоб не раздолбай и не пьяница запойный, а серьезный парень.

– Кто его знает. Хотя, вон видишь там – лежит, книжку читает, Жорж…

Высокий хмыкнул.

– Раз книжку читает – серьезный.

Маленький отмахнулся.

– Что за польза от этих книг? Читай – не читай, денег не прибавится.

Высокий снова хмыкнул.

– Как сказать. Подойди к нему, спроси…

Шарль крикнул.

– Жорж! Давай сюда!

Парень закрыл книжку, сунул ее в карман, неторопливо подошел.

– Чего надо?

Шарль кивнул на пришедших.

– Вот у мужиков дело..

Жорж скривился.

– Дело – когда деньги..

Высокий перебил.

– Будут тебе деньги…

– На шухере стоять? Не пойду

– Не на шухере, не бзди, парень. Говорят тебе – будут деньги.

Маленький показал знаком Жоржу – отойдем. Тот сунул руку в карман, почувствовал себя увереннее, ощутив ручку навахи.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 161

– Спасибо, Шарль, мы с ним потолкуем.

Высокий наклонился к уху Жоржа.

– Надо разменять деньги в банке. Точнее – обменять. Сто долларов на франки, понял?

– Покажи доллары, – недоверчиво сказал Жорж.

Тот вынул купюру.

– Только что отпечатали? – усмехался Жорж.

– Дурак! Деньги настоящие, нам надо обменять. Десять франков твои.

Жорж замолчал. Потом еще раз попросил.

– Дай посмотреть.

Высокий протянул купюру.

Жорж взял в руки, повертел, внимательно рассмотрел ее. Обыкновенные сто долларов. Большие деньги. Но что-то не то… Но что? Впрочем, наплевать!

– Да как я в таком виде в банк пойду, что вы, ребята…

– Ничего, ничего, – успокоил маленький, – отряхни пиджак, причешись и вперед. «Кредит Лион» на соседней улице. Десять франков сразу получишь. Идешь?

– Иду, – кивнул Жорж, чувствуя какой-то подвох, но десять франков – хорошая сумма, он их не каждый день зарабатывает сбором пустых бутылок. Он хотел спросить, почему они сами не идут обменивать деньги, но вовремя прикусил язык: такие вопросы не задают те, кто ночует под мостом.

– На, – протянул банкноту высокий, – мы здесь тебя будем ждать, за углом. Только без фокусов, понял?

Жорж кивнул.

– Да уж какие с вами фокусы…

Оба переглянулись.

– Понятливый! Двигай, парень. Вид у тебя приличнее, чем у нас…

– Не примелькались еще?

– Двигай, парень, а не болтай.

Ага, догадался Жорж, у кого-то своровали сотню и теперь стараются побыстрей о нее избавиться.

Он пригладил волосы, отряхнул рукав и смело вошел в отделение «Лионского кредита».

BERLIN. ВАРЛОФФ

Варлоффа отзывали в Москву.

Его ждало новое назначение или, как у них называлось в «конторе», – командировка.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 162

Он давал последние указания остающимся. Они не знали, что он не вернется в Берлин, а вместо него прибудет новый начальник.

– Что у вас, Ленц?

– Один из курьеров в Вене поругался с местным партийным аппаратом и грозит разоблачениями.

Варлофф нахмурился.

– Неоднократно говорил: у наших сотрудников не должно быть никаких контактов с местными коммунистами. В Вене? Вообще-то не наши с вами заботы, пусть товарищи в Вене ломают голову.

Ленц покачал головой.

– Боюсь, товарищ начальник, что наши…

Варлофф нахмурился.

– Да?

– Да. Этот курьер грозит разоблачить нашего человека в германском рейхстаге.

Варлофф поднял ладонь – жест, означающий, что разговор пора прекратить.

– Он знает его?

Ленц пожал плечами.

– Говорит, что знает. Я написал рапорт…

– Давайте.

Варлофф быстро прочитал бумагу.

Георг Земмельман, обычный немецкий пролетарий, сейчас, правда, безработный, но получающий пособие, а на самом деле курьер Коминтерна и второстепенный агент советской разведки. Какой бы степени агент ни был, он много знает, а еще больше может рассказать. Если, правда, захочет. Он женился. Ну и что? Однако, местная партячейка посчитала, что он не имел права жениться на женщине из мелкобуржуазной семьи. Земмельману прислали письмо с требованием развестись. Он послал партячейку к черту. Логично. Ячейка же раздула дело, и оно дошло до Москвы, которая решение поддержала и потребовала (уже наши потребовали, ИНО потребовало, ох, дураки, зачем?) выполнить решение ячейки. Его тут же уволили с работы в торгпредстве, где он числился. Земмельман разозлился и написал письмо в газету «Vossische Zeitung» в Берлине. Предлагает представить материалы, которые изобличают коммунистического депутата рейхстага Киппенбергера в связях с советским полпредством в Берлине. Ах так…

– Отлично. Вы предлагаете правильные меры – курьера надо ликвидировать. Врет он или действительно знает то, что ему не полагается знать, но такому шантажисту не место на земле. Найдите подходящего человека. Конечно, не в Берлине и не в Вене. Нужен абсолютно не известный никому человек.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 163

– Есть на примете, – подал голос один из присутствующих.

Варлофф улыбнулся ему.

– Я не сомневался, что найдется. Но вернемся к нашим баранам, как говорят французы. Я уже говорил, сегодня повторяю. Ищите ущербных. Калек, инвалидов, сумасшедших. Людей с комплексами. Непонятно? Так... Фрейда, выходит, никто не читал. Поясняю. Есть люди, которые ущербны не физически, а морально. Один завидует соседу, у которого есть автомобиль. Другой переживает свою половую несостоятельность перед женой. Третий мечтает о подвигах, а ему приходится день-деньской просиживать штаны в страховой кассе. Понятно, да?

Помощники закивали головами.

– Вот у вас, Берг, кажется, аналогичный случай.

Берг широко улыбнулся.

– Целых два, товарищ начальник. Один – в Будапеште, другой – в Париже. Который в Будапеште мечтает о славе Герострата…

– Что он хочет поджечь?

Берг улыбнулся еще шире.

– Я ему рекомендовал не поджигать, а взрывать. Пассажирский поезд…

– Венский экспресс, да?

– Можно и венский. А клиент в Париже считает, что его не ценят коллеги.

Варлофф кивнул.

– Помню. Он, кажется, литератор? В литературной среде много завистников… и кто же виноват в бедах вашего романиста?

– Поэта, товарищ начальник. Виноваты, конечно, французы! Кто же еще.

– И он?...

– У него есть револьвер, товарищ начальник. Он выбирает фигуру покрупней.

– Очень хорошо, Берг. Мы укажем ему нужную фигуру в нужное время. Мне нравится, как вы работаете.

ПРЕССА

8 августа 1931 года около 22.00 на железной дороге возле небольшого городка Ютербог произошел мощный взрыв. На воздух взлетело 3,5 метра железнодорожных путей, движение по которым – сказывалась близость Берлина – было чрезвычайно плотным. Скорый поезд D43, ехавший из Берлина в швейцарский город Базель, сошел с рельсов и рухнул с высокой насыпи. Под откос пошло 8 вагонов. Пострадало 109 человек, из которых позднее несколько умерли.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 164

На расследование теракта (в том, что преступление политическое, не сомневался никто) бросили сыщиков с европейскими именами. С результатами было не густо. Удалось найти обрывки проводов и приколоченный к дереву обрывок газеты нацистов «Ангриф», на котором от руки были написаны слова «Преступление – Революция – Победа».

Начались аресты нацистов и коммунистов. Однако вскоре их пришлось отпустить – у всех на момент взрыва было алиби. Следствие зашло в тупик.

«Последние новости» (Париж)

ГЕОРГ ЗЕММЕЛЬМАН. ПЕРСОНАЖ ЭПИЗОДИЧЕСКИЙ

Его считали аферистом, жуликом, проходимцем. Как только его не называли! А он был заурядным любителем приключений в скучной жизни, которая его окружала.

После увольнения из армии украл офицерское удостоверение, выправил его на свое имя и стал членом нескольких офицерских организаций – их много появилось после проигранной Германией войны. Они собирались, болтали о будущем величии Германии, а пока доставали оружие. На незаконной торговле оружием Георг попался и получил год тюрьмы.

В тюрьме не скучал: сокамерник-коммунист просветил ему мозги, и после освобождения он присоединился к КПГ.

24 марта 1924 года (он запомнил дату!) его пригласили для беседы, и он стал работать в разведывательной службе компартии. Под ее эгидой работали русские товарищи из Иностранного отдела ГПУ.

Ему было поручено возобновить контакты с бывшими коллегами в Лейпциге и Кельне, занимавшими руководящие посты в организации «Стальной шлем». Коммунистам пригодилась и его фальшивая принадлежность к министерству рейхсвера – Земмельман запрашивал в государственных учреждениях сведения о военных союзах, в частности, о «Стальном шлеме», союзах «Оберланд», «Викинг», «Юнг-до» и «Олимпия», об их связях с рейхсвером, а также о вооружении германской армии.

Добиваясь отмены вынесенного Земмельману приговора, а также для облегчения доступа к источникам информации, разведывательная служба КПГ помогла ему под видом отставного обер-лейтенанта вступить в группу «Медная колесница», являвшуюся частью союза «Танненберг».

В сентябре 1925 года он создал в Берлине ее отделение, а в мае 1926 года передал свой пост другому коммунисту.

Сам же Земмельман получил от разведывательной службы КПГ фальшивые документы на имя доктора Финка, стал работать замести-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 165

телем Фрица Риттера фон Краусера, руководителя Южно-немецкого округа союза «Танненберг» в Мюнхене. На все запросы о д-ре Финке Краусер получал из Берлина от Мартенса самые положительные отзывы. Благодаря этому, Земмельману удалось вступить в относящиеся к союзу «Танненберг» объединения «Народный офицерский союз» и «Старый имперский флаг», что позволило ему принимать участие в совещаниях руководства союза «Танненберг», а также в переговорах с народными союзами Австрии и Италии.

В Баварии Земмельман поддерживал связь с руководителем разведывательной службы КПГ в южнобаварском округе Ганцем, и несколько раз встречался с членом ЦК Брауном.

С 17 мая по 15 октября 1926 года он передал в Берлин в разведслужбу КПГ (читай – в резидентуру ИНО ОГПУ) около 45 подробных рапортов о положении в Баварии.

Но в августе 1926-го из Бюро немецкого офицерского союза в Баварии исчезли атлас рейхсвера и карта военных округов. Краусер написал заявление в полицию. 16 сентября арестовали Ганца, у которого нашли конверт на имя д-ра Финка, а в конверте бумаги Земмельмана.

7 июля 1928 года уголовный сенат имперского суда приговорил его к двум с половиной годам тюремного заключения, но вскоре он был освобожден по амнистии. Выйдя на свободу, он продолжил контакты с КПГ и ИНО ОГПУ. Его устроили на работу в отделение советского торгпредства в Гамбурге. По заданию советской разведки он направился в Румынию, где был арестован и вновь оказался под следствием. Но ему удалось бежать. Заочно получив 14 лет тюремного заключения, он укрылся в Кельне, откуда и перебрался в Вену.

Весной 1931 года Земмельман женился.

Боже, как же хорошо лежать в объятиях молодой жены, чувствовать себя любимым, ласкать чудесную женщину. Все проблемы и тревоги уходят далеко-далеко, и о них лучше не думать, его ничего не интересует, кроме жены.

В дверь раздается звонок, приходит знакомый человек из партийного комитета и передает Георгу письмо.

Тот вскрывает его и прочитывает несколько раз. В письме партийный комитет сообщает, что он недоволен женитьбой Земмельмана на женщине из мелкобуржуазной среды. Партийный комитет предлагает немедленно прекратить брак, развестись с представительницей мелкобуржуазной стихии и найти себе жену из пролетарской массы.

– Мерзавцы! – кричит Георг. – Как они смеют!

Жена хочет его успокоить.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 166

– Нет, ты представляешь? Эта сволочь будет решать жениться мне или нет! Они недовольны моей женитьбой! Суки! Я должен спрашивать у них разрешения! Гады!

У Георга давно сомнения в том, чем он занимается. Одно дело вместе с товарищами увезти из здания суда Отто Брауна, прослыть героем, другое – выполнять идиотские решения местных партийных чиновников.

Жена обнимает мужа, гладит его по голове. Он отстраняется.

– Ты куда?

– В полицию. Пора кончать с этими аферистами.

Человек, который принес письмо, останавливает товарища.

– Ты хочешь стать доносчиком? Ты понимаешь, что ты задумал?

Земельман хватает его за лацканы пиджака.

– Молчи, дурак! Или ты такая же марионетка, как Киппенбергер? Ты тоже поешь под московскую дудку!

– Отпусти! Слышишь, Георг, отпусти. Причем здесь товарищ Киппенбергер?

Земельман отпускает пиджак приятеля.

– Извини. Погорячился. Киппенбергер не просто депутат рейхстага, а советский шпион. Не веришь? Дурак!

На другой день, 24 июля утром, приходит неизвестный.

– Привет, Георг, – говорит он. – Я из партийного комитета.

– Слушаю тебя, товарищ, – отвечает Земмельман.

Тот достает из карманов два пистолета и двумя выстрелами в голову убивает собеседника.

Молодая жена Земмельмана, услышав выстрелы, поднимает крик, прибегают полицейские. Убийца бросает оружие на пол и протягивает руки для наручников

На первом допросе арестованный называется Эгоном Шпильманом, коммерсантом.

Полицейский следователь скептически выслушивает убийцу, записывает его показания и выходит, оставив того под охраной.

В соседней комнате он подходит к человеку, наблюдавшему за арестованным сквозь скрытое отверстие в стене.

Это недавний перебежчик из СССР, которого специально пригласили посмотреть на убийцу Земмельмана.

– Ну что? – горя от нетерпения, спрашивает следователь перебежчика.

– Он такой же Шпильман, как я – китайский император.

– Да? А кто же он?

– Он из ОГПУ. Его фамилия Шульман.

– Шульман?

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 167

– Мне ли не помнить его! Он выписывал мне паспорт, с которым я ехал за границу!

– Да, я не Шпильман, я – Андрей Пиклович, студент-медик, из Сербии, я убил Земмельмана по собственной инициативе. Я анархо-коммунист. А Земмельман предал интересы революции. Поэтому я решил его убить. Больше я вам ничего не скажу!

BERLIN. 9 АВГУСТА 1931 ГОДА

Берлин 1931 года – не только город эстетов, путешественников и искателей приключений, гомосексуалистов, модернистов, ищущих интеллектуалов, радикализированной богемы, пишущей интеллигенции.

Это еще и город агентов и менеджеров, авантюристов, солдат, подпольщиков, полуподпольщиков, официальных лиц, ветеранов и новообращенных. Нигде больше не был Берлин столь интернационален, как в коминтерновских кругах со всеми его филиалами, дочерними организациями и объединенными фронтами. В коминтерновском Берлине встречались беженцы со всего мира. Здесь у них последняя остановка, последняя передышка, перед тем как вновь отправиться на фронт борьбы – возможно, на Балканы или в Бразилию, а может, в Испанию или в Китай. Здесь всем вручались документы, которые создавали их обладателям вторую, а то и третью личность. Те, кто сюда добрались, могли вернуться в свою исконную нормальную жизнь. Коминтерновский Берлин оказывался шлюзом между нормальным и чрезвычайным положением, либо переходным пунктом между двумя чрезвычайными положениями.

В Берлине находился Западноевропейский секретариат Коминтерна, который отвечал за пространство «от Исландии до Капштадта».

Курьеров в обе стороны можно было отправлять с большими трудностями. Важные дела решались в письмах или, при случае, по телеграфу: между Берлинской группой и московским Центром не было прямой телефонной связи. Важное культурное и политическое значение имела издательская деятельность секретариата. Он издавал и распространял все важные документы и материалы российской партии и Коминтерна, причем типография располагалась почти в центре города – в издательском комплексе на Вильгельмштрассе.

Но – ближе к сюжету.

Двое людей, один в шляпе, другой в летней белой панаме, лениво цедя слова, переходят площадь, чтобы подняться на второй этаж углового шестиэтажного дома.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 168

Здесь один из них, которого зовут Ганс Киппенбергер, отпирает запертую дверь. Другой, по имени Хайнц Нойман, сразу подходит к окну и открывает его. Жарко.

Киппенбергер маленьким ключом открывает ящик стола и достает пистолет.

Нойман бросает на него взгляд и обмахивается панамой.

– Это хороший пистолет, – говорит Киппенбергер, любуясь оружием.

– Надеюсь, – равнодушно отзывается Нойман.

Киппенбергер кладет пистолет на стол, продолжая любоваться, как тот поблескивает сталью и отсвечивает коричневой рукоятью.

— Ты, как ребенок. Смотришь на пистолет как на игрушку, о которой давно мечтал.

– Это новая модель, – смущается Киппенбергер.

Нойман кивает.

– Он лучше предыдущей модели.

– У меня в Китае был лучше.

– Бельгийский?

– Русский.

Киппенбергер открывает другой ящик стола и вынимает еще один пистолет, который прячет в боковой карман пиджака. Нойман вопросительно смотрит на товарища.

– Этот лучше.

– Кому как.

Киппенбергер раскрывает ладонь и начинает загибать пальцы.

– Облегченный – раз, восемь патронов – два, автоматический – три, надежный предохранитель – четыре. Мало тебе?

– Достаточно. Второй пистолет того же образца?

Киппенбергер улыбается

– Почти. *Polizeipistole*. Двадцать девятого года. С такими ходят полицейские.

– Ага! – восклицает Нойманн.

– Вот тебе и «ага». Из такого пистолета полицейские вчера убили Фрица. Ему было всего 19 лет.

Хайнц Нойман и Ханс Киппенбергер – хорошие коммунисты. Они дисциплинированные члены партии.

Нойман и Киппенбергер – депутаты рейхстага. Их выбрали немецкие рабочие. Нойман – автор лозунга «Schlagt die Faschisten, wo ihr sie trefft!» – «Бейте фашистов там, где встретите!» Этот лозунг известен всем коммунистам.

Ноймана знает сам товарищ Сталин. Товарищ Сталин пишет Нойману письма. Не каждому коммунисту вождь мирового комму-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 169

низма пишет письма. Не с каждым немецким коммунистом Сталин советуется. А с Нойманом советуется.

У Ноймана хорошая жена. Ее зовут Маргарита. Как гетевскую героиню. Она тоже хороший коммунист. Она бросила двоих детей и ушла из семьи буржуазного сына еврейского философа Бубера. Ушла к Нойману. Она работает в редакции самого значительного коминтерновского журнала «Международная пресс-корреспонденция», на партийном жаргоне «Инпрекорр»

«Инпрекорр» помещает сообщения из сорока стран, обладает разветвленной сетью корреспондентов и освещает все темы – от мировой экономики и революционного крестьянского движения до вопросов культуры.

Сообщения поступают по телетайпу или по телефону и передаются по телефону, центральным органам коммунистических партий в Вене, Париже, Лондоне и далее. «Инпрекорр» прямо на месте переводится с немецкого на четыре главных языка: английский, французский, испанский и русский. Сотрудники журнала представляли собой пеструю компанию. Все они профессионально занимались подготовкой победы мировой революции...

Маргарет каждый из них представляется большим оригиналом, своего рода чудаком, совершенно непригодным ни к какому общественному порядку. Редко ей встречалось такое забавное сборище ярко выраженных индивидуалистов. Все они не очень-то годились поддакивать.

Но даже для них существовали табу, перед которыми умолкала критика: Советская Россия и Коминтерновские власти.

(*продолжение следует*)

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 170

Влада Баронец

* * *

Брат и брат и сестра
Приходить посидеть одни
Семейный пирог испекла
Как делают все родни

Брат говорит погрузи отгрузи
Верить нельзя никому
Написано свежая древесина
Что там видно в дыму
Каждый себе хозяин
Собака воет каждую ночь
Как тогда у больницы
Такая метель поднялась
Доктор рот открывал не слышно
Окна белым пятном не видно
Темный короче заказ

Сестра говорит продажами
В основном одними продажами
Требуется смелость конечно
Не пойти по стопам а
Нет мне лучше крепкого
Но никогда не поздно
Сделать холодный звонок
Сначала не самое дорогое
Потом уже всё продавать
Осталась буквально одна сделка
Две максимум три сделки
И дальше уже
Некуда

Брат говорит сложно это
Шоколадные дедморозы
Вроде бы формовые фигурки
А внутри всего понамешано
Не рассчитаешь и
Пропадут тысячи

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 171

Со своими оленями
Детьми рождественскими
Заикается встряхивает головой
Руку качает другой рукой

Брат кивали сестра понимали
Чай принесли ничего не сказали

* * *

И каждый спотыкается
На той дорожке
Монеткой мелкой тарахтит
Подумали: шумы в грудной коробке
А это под землей иванушка растет

Такой иванушка
Он был еще сначала
И матушка ведро носила
Ты сахарного кушай петушка
Босой ничей пока

Но снова ветер
Розочки стрельбы
И радио пластинку вертит
Иди иванушка
Наперерез страны

Его забрали в армию
Козырку дали красную
Назначили на важные посты
Куда большому прошлому пойти

Назначили молчать в овраге
Скрипеть суставами в реке
И делать долгую дорогу
И у туристов каменеют рюкзаки

И спотыкается оно
На каждом месте
Где красная иванушка в грязи
Живучая наружу змейка
И мы внизу зарытые в груди

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 172

* * *

В дверь постучали
Дружески кричали

Это Шуберт наш
Его как можно не узнать
Особенно когда
Остановился и на площади
Всем раздавал гвоздички

И он и я
Мы родились
В деревне польской
Ну как его прогнать
Особенно зимой

Конечно люди
Сомневаются
Какой-то он у вас ушастый
Тот ли это Шуберт
Который нужен нам

Но Шуберта
Так сразу не найдешь
Среди прохожих шубертов
Вон в летописи
Мелким почерком
У шуберта у каждого
В глазах

Давайте скинемся
И купим для него
Уроки лучшего сольфеджио
Пусть даже он сумеет
Надежду тщетную
По праздникам дарить

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 173

* * *

Мы в ответе за тех кого
Восемь букв по горизонтали
За кем стоим в очереди

Я не хочу в ответе
Я только расставляла товар
В Новороссийске плыла
Вся в красном смородиновом свете

Зачем ты всё время напоминаешь
Стоишь в дверях
Кого-то напоминаешь

* * *

Заходила соседка во двор
Что-то случайное говорила
Сливы этим летом через одну червивые
Срывала сливы через одну

Слышалось
Моцарт бежал прерывался
Падала слива
Заходила соседка во двор

Мы всегда вчетвером в домино
В спортивных штанах и тапочках
Соседка слышалась
Сливы падали через одну

Моцарт торопится
Пропускает строчку
Что-то случайное
Заходило во двор

Моцарт в тапочках
Вчетвером пропускали стопочку
Из-за такта всегда из-за такта
Начинайте играть

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 174

* * *

Гусеничка висела
До побачення говорила
С утра подметали пол
Сворачивали одеяла

На руке отмечали день
Вот это простенькое надень
Девочкой будь соседской
Незнакомой бермудской

Пьяный в посадке
Комарик в сетке
Летали жили
Обязательно были

До побачення до побачення
Это значило это значило

Страшное а она не боялась
Играла в прятки под одеялом
Там окликают и здесь зовут
Свет зажигают живут

Санкт-Петербург – Самара

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 175

Елена Севрюгина

Реквием по человеку

* * *

В. – Помнишь, как в Италии над морем летала крышка гроба?
А. – Нет.
В. – Была ужасная буря, мы сидели в отеле, смотрели в окно...

А. Паперный, «Август»

помнишь
как в Италии
над морем
медленно
летала
крышка
гроба
и на волны плавно приземлялась
словно ожидая панихиду
по несуществующим героям...
нет не гроб была конечно лодка –
то что от нее тогда осталось...
помнишь шторм – тогда кричали чайки
маленькие белые на черном
с высоты пикируя на волны
словно скоростные самолеты...
помнишь лето... помнишь наше лето
с запахом грозы и апельсинов
и арбузных корок вдоль канала
что ведет до площади Сан-Марко
дождь внезапный голуби и крыша
белая намокшая рубашка
губы губы руки снова губы
и легко и просто невозможно
просто невозможно потому что...
помнишь море?
я не помню тоже...

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 176

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

счастье мое засыпай а потом
время остынет под синим зонтом
чтобы на ночь обреченный
стал он не синим а черным
тихое слово заснет на крови
пальчик поранишь синдромом орви
и встрепенется косая
снежные звезды бросая...

неотвратим поворот головы
спишь а в тебе пробуждаются львы
громкие горы и пламя
над золотыми волами
зренья земного затянется шов
кто ты когда и откуда пришел
и у кого на примете
нынче никто не ответит

кто в состоянье по силам кому
смыслом дробить первородную тьму
даже при ясной погоде
черные зонтики в моде
плавится мирра в неявных мирах
серой золой осыпается прах
вот же приснится такое
что же ты оле-лукойе

* * *

попробуй мне поверить
я чувствами не лгу
мы солнечные звери
на лунном берегу
в тиши где осторожно
качается душа
мы дрожь и подорожник
и шорох камыша

идем лаская воздух
прозрачны и легки

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 177

рассеивая космос
вдоль голоса реки
несведущему глазу
невидимы почти
как скрытая проказа
и ветер на пути

смотри как наши стаи
горят на высоте
мы светом прорастаем
у века на хребте
и в этой инфернальной
стране где тлень и сон
лишь мы одни реальны
неявностью времён

* * *

а потом не вспомнится ничего
ни огня ни темени ни лица
словно год украли под рождество
или сын забыл своего отца
словно голос был или город встал
на защиту тайных своих глубин
потому молчи принимай верстай
и гадай to be или not to be
отрекись оглохни для всех иных
слишком явных в небе твоих пустот
и познай младенческой седины
преснотелый взмах невесомый ток
выдыхай вдыхай
выплывай наверх
и пройдет вина и придет война
где в забвенье зыбком зияет свет
тот что крепче памяти
глубже сна

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 178

* * *

легкая тростинка на ветру,
может быть, сегодня я умру –
просто опознай меня, похожий,
в кровяном брожении под кожей,
в янтаре, врачующем кору...

кто я нынче? вещая трава,
вечная мольба или молва,
душной страсти привкус комариный,
марой ли, мареной ли, мариной
я была – останутся слова...

ты на них попристальней гляди,
чтобы ожила в твоей груди
ласточка с ахматовским прицелом –
станешь просветлённым, но не целым,
обернувшись в камские дожди

нынче холодна твоя кровать,
станем вместе море моревать...
вяжет рот, в пути сбивает с толку
терпкий вкус рябиновой настойки –
это значит, смерти не бывать...

это значит, ветрено-хмельна,
забродила времени вина,
и в чаду застолий будет литься
речь моя, полынь и медуница,
красная больная бузина…

* * *

черные реки тоскуют по греку
да упокойся глядящий во тьму
жизнь – это реквием по человеку
колос и колокол по человеку
и бесконечное слово ему

существованье его иллюзорно
но на излете земного пути

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 179

время проходит и копятся зерна
неутомимые копятся зерна
чтобы однажды наверх прорасти

век человеческий малость ли милость
душного тела сейсмический смог
снова лицо на лицо наслоилось
стало родным примелькалось приснилось
чтобы вселенский продлить диалог

будет простым многоточием в споре
беглый испуг над неявной рекой
словно хрустальному голосу вторя
хрупкое небо спускается в море
и обретает под небом покой

* * *

девочка в переходе
играет гайдна
скажешь два слова
замысел твой угадан
с теплых волос
струится зеркальный сон
и забываешься
с призрачным хоррор в оде
и беспонтовое
время твое проходит
золото и песок

образ неясен
словно недавно издан
и непонятно
кто здесь живой кто призрак
кто энтомолог
кто бабочка кто сачок
кто полицейский
кто пойман с утра с поличным
что исключенье из правил
а что привычка
правде потерян счет

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 180

сон прибывает
сила твоя и мука
ты обращаешься
царством большого звука
ласточкой смысла
лепетом детских лет
девушка смотрит
тревожно тепло угрюмо
ты забываешь
когда ты ее придумал
и убегаешь в свет

Москва

Андрей Иванов

Готланд

Я должен был уехать, чтобы об этом написать: о шорохе опавших от жары листьев, этим шорохом они призывали осень, до которой было идти и идти. И я шел – по кладбищенской тропке с тяжелой сумкой. Об этой тяжести написать, в ней вся она – мама. О путанице – на кладбище разобраться непросто, ты идешь, весь в своих горестных мыслях, а куда идти не понимаешь. Карта, которую я сфотографировал, оказалась негодной. Долго искали столбик Р1. Не нашли. В слепом отчаянии я побрел сквозь лес, где уже не было ни могил, ни крестов, ни оград. Ну и куда я забрел? Где я? Тогда я и понял: насколько же всё это непросто. А потом эта путаница вышла из леса, побежала по улицам, распространилась по домам и коридорам учреждений, заставляя нас ходить и ходить, с кем-то говорить – с представителями организаций, о которых мы подозревали, но никогда с ними не сталкивались, с представителями организаций, которые и о нас позаботятся однажды.

И я ходил, носил, ставил подписи, а потом взял да сбежал на Готланд, с тяжелым чемоданом – весь год таскаю какие-то тяжести, и год не кончается: дымят воронки, гудят корабли, идут сетевые перестрелки, впереди еще ого-го! А здесь – тихо, звенят колокола, приятный запах моря, сладкий и солоноватый, пенистый прибой, деревья шумят торжественно, как веселое застолье. На башнях старой крепости извиваются длинные тонкие двухцветные флаги: сине-желтые, украинские.

Паром, поезд, паром, как точка-тире-точка: так я настойчиво добирался сюда. Волок чемодан по мостовым, втаскивал его по очень длинной лестнице, давая сердцу передышку, – я был в экстатическом опьянении. Я думал: вырвался, наконец, сейчас прогуляюсь по острову и засяду за роман... И почти сразу заболел, да так, что слег, и вот лежу, карябаю в тетрадку.

Я, на всякий случай, сижу в самоизоляции, жду, когда пройдет три дня, чтобы сделать тест, коробочка лежит, я ее изучаю, всё так мелко написано – даже с моей лупой не разобрать. Мой дорогой

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 182

смотритель носит мне еду, оставляет под дверью, отбегает в конец коридора и почему-то по-немецки кричит: «gesundheit!». – Спасибо, спасибо, мой дорогой! Мне уже чуточку лучше...

А вот паромная мысль, начатая в эстонских водах и законченная в шведских:

Если представить современную русскую литературу в виде корабля, на котором русские поэты и писатели – и хорошие, и дрянные, – скопом уверенно направляются к берегу, на который сосланы на вечное поселение классики, – то я бы сошел с такого корабля, я бы предпочел быть «робинзоном»: один на безымянном островке – что может быть лучше?

И еще день прошел: горячечный бред ввозил контрабандой совершенно посторонние мысли, от которых я заворачивался в плед; некто доктор Метцингер доказывал мне – с помощью проектора и ленты кинофильма, – что у меня нет моего *я*: *self* does not exist, говорил он, there are no *selves* – есть процесс! Доктор Метцингер – черный костюм, белая манишка, белые манжеты, белый платок в кармане, серпик черных клейких волос на лбу, настоящий фокусник (цилиндра не хватало) – тянул раскадровку эпизодов: вот я на пароме плыву из Эстонии в Швецию, вот еду на поезде в Нюнесхамн, снова я на пароме – но это ведь другое *я*! Тут что-то сбилось, я выхожу из Ботанического сада, иду к набережной, и у самого берега, в волнах, шевелясь и вздымаясь, плавают чемоданы, чемоданы, сумки, одежда, вещи каких-то людей... и никого нету, только темный вечер и слабые фонари, набережная и грозные деревья, нагибаясь надо мной, смотрят... чемоданы покачиваются на волнах, я подхожу и вижу самое ужасное: розовый рюкзачок с прицепленным к нему зайцем-матросом.

Я проснулся, встал и пока пил теплую воду, снова впадал в бред: стенки моего тела такие тонкие, ночь такая тихая и темная, мы рядом, совсем рядом, мама!

Теперь, больше не откладывая, к ядру моего рассказа!

12-го августа я был у мамы в хосписе, она была совсем слабой. Ее бойфренд (не берусь назвать его как-нибудь иначе, потому что они *встречались*, как подростки, мама с ним жить не могла, его к себе она не пускала, об их встречах я как-нибудь еще напишу), – он мне показался каким-то растерянным, – стоял у окна, занимая себя какой-то ерундой, наводил на подоконнике порядок, но делал он это так, чтобы отвлечься; он был сильно расстроен, хотя старался не показать. Весело работал новенький вентилятор. Мама нас подманила,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 183

приподнялась в кровати, указательными пальчиками начала вращать, хитро улыбаясь, и мне померещилось: прощается!..

«Мне вам кое-что сказать важное надо...»

У меня сердце упало (мама никогда не любила важных речей, она избегала громких слов, всё обращала в шутку). Она улыбнулась блаженно:

«Николай скоро приедет, я с ним поговорила, он адрес спросил, будет с врачами разговаривать, узнает, что можно сделать, может, новое лекарство...»

Все это она произнесла очень слабым голосом, отрывисто. Любит она брата, больше всех на земле, он у нее идол, ангелок. Я не поверил, подумал – пригрезилось ей, в лучшем случае, будто они говорили. Он никогда больше не приедет сюда, что бы ни произошло, никакая сила его сюда не заманит. Меня не покидало чувство, что разговор этот был предлогом, мама с нами прощалась, и с братом, которого тут не было; в ее движениях, в ее взгляде, улыбке, в том, как она вращала пальчиками, было что-то загадочное, только ей свойственное, – мол, я сказала, а вы понимайте как хотите!

«А дату он сказал?.. – спросил я. – Когда он приедет?»

В ее глазах полная растерянность, – не было разговора, решил я, и мне стало неловко, что я так выпытываю, озадачиваю ее, зачем?

«Просто я уезжаю на Готланд двадцать первого», – сказал я, оправдываясь.

«Ты уезжаешь? – еще больше растерянности и грусти, – уезжаешь скоро... Я забыла... я спрошу...»

«Да ладно».

Зачем я ей сказал, что уезжаю?

Потом все перезванивались: я звонил Пашке, моя жена родителям, бойфренд мамы звонил нам, мы перезванивали ему, все задавали друг другу одни и те же вопросы: Неужели Николай приезжает? – Приедет? – А где он раньше был, всё это время?

Я не верил... и только после ее смерти (15-го августа в 5.00, хотя точное время не вызывает доверия: разве можно так умереть, ровно в пять часов или ровно в десять? Это чепуха какая-то: в момент смерти время расщепляется, оно сечется, как волос, расплетаясь, разбегаясь – и точным оно никак быть не может!) мы с ним, примирившись, переписывались, и он признался:

«Да, она взяла трубку, голос был слабый-слабый, совсем ничего не понять, я ее спрашиваю, а она только адрес назвала, и все... Да, она в последние дни уже не отвечала...»

(«Много морфина, – говорил ее бойфренд, – очень много морфина.»)

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 184

«Не успел я», – написал дядя.

«Ну и хорошо, что ты ее не видел...»

«Да, – ответил он, – лучше я ее запомню такой, какой помню...»

Я сделал копию старой маминой фотографии, 1968 года, и отправил ему; мама на ней совсем молоденькая, 17 лет, и в небо смотрит... В той самой меховой шапке, и с меховым воротником – я помню, как прижимался к меху, я даже могу вспомнить тот запах, то ощущение ласкового холодка, помню, как приятно было сдувать с ее воротника снежинки... и шапку ее пушистую любил, она была моей кошкой, даже имя было какое-то у шапки... лучше не вспоминать так подробно, все-таки слабое я существо.

«Какая она была хорошая!» – это он, наверное, в слезах написал: умеет растрогаться, когда нужно, когда удобно, никто не мешает грустить, отчего бы не растрогаться, не погрустить, в своей маленькой комфортабельной квартирке на окраине Копенгагена, открыть бутылочку, выпить, пустить слезу.

* * *

Середина августа выдалась душной. Все липы расклеились, вся аллея и дорожки вокруг нашего дома – всё было в кисло-сладком липовом соке, я даже прилип к оградке, подписывая экземпляр. В дни, когда ужасное и прекрасное случается одновременно (у меня вышла книга), как никогда кажется, будто наступает конец света, предел, и мы вот-вот через край перельемся, с гробами, цветами, урнами, книгами и прочим скарбом. От этой духоты мы разваливались. Леночке стало дурно, она сказала, что ее ноги отказывались идти (она взяла на себя так много):

«Давай не будем больше расстраиваться, – сказала она мне, – я не могу больше. Я умру, если опять что-то случится...»

«Давай, – сказал я, – не будем».

(Как будто это можно контролировать, – но так сказать было надо.)

«Я уже не расстраиваюсь из-за мамы, – сказал я, почти искренне, почти не соврал, – она такая приколистка была, что я всё время вспоминаю только приколы... не могу не смеяться...»

И мы перешучивались, вспоминали ее проделки, малыш достал свой старый телефончик и смотрел, как они играли в рыцарей, посмотрел фотографии – и расстроился, но делал вид, что всё в порядке.

Дела не убывали... Леночка ездила в Копли, в ломбард, запуталась – ее напугала округа, ул. Рандла, обшарпанные дома. Тамошние люди, все такие угрюмые и мрачные. Это чувствуешь сразу, как садишься на «сороковой» или в «тройку». Пассажиры зажаты, смот-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 185

рят, как из раковин; в этих автобусах запросто можно встретить и мамлеевских шатунов. Мама их называла «это наш контингент»: «Да, к нашему контингенту надо привыкнуть». Мамина квартира тоже восстает в памяти, когда на троллейбусе едешь по Сыле, мысленно задраивая батискаф: как хорошо, что мы от этой квартиры избавились. Я думал, туда не придется ездить, отсек эту часть города, провел границу, которую не хочу пересекать.

Лена запуталась и вошла в здание с вывеской «ломбард», но не в ту дверь (ведь всё на свете перепутано) – внутри работали стиральные машины, семь или восемь, стояли застеленные кушетки, сохли матрасы, кто-то разложил на стопки одежду, на веревках сохли тряпки... Что это? Лагерь беженцев? Леночка испугалась: где тут ломбард? Насилу нашла, ее встретила женщина немногим старше нас, грубоватая и простая в обращении, та самая, с которой ругалась мама, – Лена ее узнала по сипловатому голосу. Женщина очень заинтересовалось, что стало с той странной старушкой, которая много лет закладывала и перезакладывала свое золото.

«Она была таким давним клиентом, – сказала нараспев процентщица, – о-о-очень давний клиент, ох!... – рукой махнула, – да-а-а... – и помотала головой, – ну ей же всегда некогда, всегда много работала, опаздывала, но мы договаривались, все ее вещи на месте, не волнуйтесь...»

Женщина хотела узнать мамину историю, Лена рассказала в двух словах – и в конце добавила:

«Но до самого конца голова была светлая, очень ясная!..»

«Я хорошо помню ее, – сказала женщина со вздохом, но суховато, – что ж, мы с ней много беседовали, она приходила и тут кое-что рассказывала, и про астрологию и карты Таро... Знаете, вы, конечно, не обижайтесь, но голова у нее, кажется, уже давно не очень работала... Нет, не очень ясная была голова...»

А потом вдруг случилась осень, липы облетели и улицы наполнились тревожным шорохом сухих листьев (у нас всегда ветер, не в том закоулке, так в этом), а вслед за листьями спешили люди – всюду шныряли, сверлили, стучали, – и я подумал, что ни на какой Готланд я никогда не уеду, так и буду идти по кладбищенским тропкам в поисках заветного столбика; я так устал, сумка была такая внезапно тяжелая, я шел и думал: вес этот (за вычетом урны) и есть мама, – и мне стало дурно, но я не подал виду, чтобы не расстроить Лену. Нет, это не мама, сказал я себе. Я ее помню, для меня она еще жива, и в этой сумке что-то другое... Я вспомнил, как она сидела в больнице в своем инвалидном кресле и нажимала на клавиши пианино, – кольнуло: в больницу больше не надо.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 186

* * *

Бьют колокола на домском соборе Святой Марии, за окном стоят туристы, фотографируют собор. Красивый вид, погода ясная, черепичные крыши щедро намазаны солнцем. Я пью ромашковый чай, режу лимон. Моя писательская келья похожа на больничную палату. Пакетики с «терафлу» кончились, остается «парамакс». Наконец подошло время сделать тест, я заранее изучил все действия, чтобы сделать наверняка, – сижу, жду, 15 минут прошли: две полосочки – значит, ковид. Ну что ж, опять ковид. Жена в панике, строчит инструкции в мессинджер: витамин Д, исландский мох... My wife is my guardian angel. Сколько раз она меня спасала! Вспомнить хотя бы Переделкино, – я бы сдох там, если б не она. Ужасно глупо в этот раз. Уехать сюда, в такое прекрасное место, чтобы так бездарно заразиться и проваляться в комнате десять дней. Неизвестно, будут ли осложнения. Но разве это не чепуха? Если бы я жил в Киеве, например, я бы давно отдал Богу душу. Ночевать в метро или подвале – для меня это верная смерть! И как они выживают? Наверное, упрямство придает стойкости: назло плешивому выживем! – O, bon courage!

14-го августа: мама была между мирами, ее полуприкрытые глаза меня напугали. За июль она сильно сдала, сначала она перестала делать упражнения для ног, потом бросила писать записки, отказалась и от кресла, ей сказали: вам лучше лежать – и она лежала. Я стоял перед ней, а она меня не видела. Я помахал рукой, в ее глазах появился страх – может быть, она подумала: что это там извне? Да, наверное. Она едва-едва держалась, не хватало какой-то малости, чтобы она покинула этот мир.

Стоял чудовищно душный день, ее соседка по комнате лежала в прострации; заметив, что кто-то ходит, соседка потянулась в мою сторону:

«Женщина... – позвала она слабым голосом, обратясь ко мне (ничего не видит), – женщина, по-мо... ги...»

На ее подушке и больничной рубашке было пятно разлитой воды, она хотела пить, ее бутылочка упала, в бессилии водила рукой по постели. Я знал, что я не имел права к ним прикасаться, но – не всё ли равно? И подал ей бутылочку. Но та была пустой...

«Позови кого-нибудь», – сказала мама едва-едва. Я сходил за нянечкой. Молодая девушка деловито напоила соседку и принялась за маму, поправила на носу трубочки, добавила подачу воздуха, поправила одеяло и ушла.

«Жарко тебе», – сказал я.

«Да... и здесь болит», – постучала себя по груди.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 187

ГОТЛАНД

Я постоял еще минут пять; она была так слаба, что ничего почти не сказала, незначительное: «я всем говорю... звонить перед приходом...», я сказал, что она не берет трубку и, пообещав прийти завтра, пошел.

«Позвони!»

Весь день я думал о ней – она там страдает. Я и пятнадцати отведенных для посещения минут выдержать не могу, а она там каждую секунду страдает. Я вспоминал ее. В носу возникал неприятный запах хосписа, звуки, кашель. Отчаянно я ругал себя за то, что не дал ей умереть в своей квартире. Конечно, я не мог ей этого позволить. Умереть там – в этом страшном доме, в ее ужасной квартире. Это было бы жестоко, бесчеловечно. Хотя она только этого и добивалась. Получилось так, что мы продлили ее мучения еще почти на год. И я проклинал себя: зачем я ей устроил эти муки, этот ад? Только чтобы перед собой порядочным выглядеть. Всю ночь не спал, под утро отключился и снова очнулся, в слезах, я звал ее. Она в это время, наверное, умерла.

Жара у нас
и в Дании жара
в Египте катастрофа
и не кончается война
в Берлине умер Врубель
в Ярве мама умерла
я был у нее вчера
она была уже между мирами
просила позвонить
сказал, что приду сегодня
Позвони!
и вот ушла
а мне зачем-то дальше жить
Жара, жара
И не кончается проклятая война

Ритуальный работник произнес хорошую речь – вот только не о ней и непонятно для кого (я, Лена, тесть, мамин друг – мы ее прекрасно знали); а потом легкомысленно решил сыграть на скрипке «Вальс цветов», вышло ужасно – но ведь мы не на концерт пришли. Какая тяжелая сумка! Эта тяжесть – ее ноги, те самые ноги, в ишемических язвах, ее руки, с большим шрамом на среднем пальце правой руки, ее голова, ее тело, вся она – прах. Не будет ее взглядов, упреков, телефонных звонков и глупостей, не будет в нашей жизни астрологии и

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 188

прочей чепухи, потому что самой ее не будет никогда (где-то еще есть ее волосы).

Вчера был невероятный закат – я наблюдал его из окна. Здесь, на острове, невозможно красивые закаты. Всё было розовым. Меня знобило, в сумерках кто-то ходил, на скамейке сидела тень. И эта тень напомнила о ней. Как было в детстве, когда от долгого ожидания в каждой женщине я видел ее.

Я теперь тебя часто буду видеть. Потому что теперь ты везде, теперь ты во всем, и в этом розовом закате, и в этой музыке, и в шагах за дверью, и если кто-то обронит ключи, это будешь ты.

Таллинн

Василий Львов

– Так я зовусь:

имя щедрое, царственно-панибратское, как у великих князей и обыкновенных котов; фамилия… После 24-го февраля посоветовали сменить на Львів. Смешно.

За месяц до войны я жил в Москве месяц. Любимые родные, дорогие друзья, прогулки за городом и по набережным, музеи-выставки и уютные кафе на каждом шагу – настроение у меня было похоронное. Я сидел возле Москв*а*-реки недалеко от Неску*ш*ного сада и записывал триколором – артериальной кровью, венозной и лейкоцитами:

ТРИЗНА

chaque solitude est triste,
lo the snow-shrouded trees,
тошны дебоши тризн;

всяк суицид – артист,
il neige à seaux comme des vaches pissent,
jaundice-sploshed slushbanks glist'n;

sow the snow, sew the snow, list'n,
пусть будет путь тернист,
sombres sont les rivages,

les rivages sur lesquels tout glisse.

Если скормить Google'у французские и английские строчки, получится: каждое одиночество печально | вот заснеженные деревья | снег идет ведрами, как коровы писают | желтушно-забрызганные отмели блестят (вообще-то должно быть «слякотные сугробы») | сеять снег, шить снег, слушать | темны берега | берега, по которым все скользит (иначе говоря, как с гуся вода)… Пару месяцев спустя, в Штатах – война уже шла полным ходом – мне приснилось, как люди с российскими флагами тянутся вдоль котла с кипящим дегтем, погружают их туда, вынимают – флаги белые.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 190

Белой Москва была – не белокаменной – белоленточной, когда я уезжал из нее в США, надолго, хоть и думал раскинуться колоссом над Атлантикой: уповал на космополитизм с родом и племенем – отсюда компаративистика, отсюда две диссертации, российская и американская, кинофестиваль, проводившийся мной между московскими и нью-йоркскими студентами, и проч. и проч. – пока две единицы – 2011-й, год моего отъезда, – не сложились чертовщиной Фибоначчи в год 2022-й, перечеркнувший все размашистым зиг-хайлем – в переводе с немецкого победобесием.

Я уехал, как выяснилось, аккурат в пандан к эндшпилю тандема, когда Медведев заявил, что не пойдет на второй срок, ergo его патрон останется еще на сорок сороков. Чудовищная фраза! Оттягиваю неприятное.

Неприятное – это когда сам рискуешь попасть в новости. Недаром именно с новостей начинался первый сон, приснившийся мне после того, как Путин вернулся к себе в Кремль сменить Симеона своего Бекбулатовича – он вам не Семен!

По Рен-ТВ идет новостной сюжет об ~~игуанарации~~ инаугурации Путина; далее – сюжет о какой-то престижной премии, которой удостоилась Людмила Алексеева. В кадре – мужчина, мягкотелый интеллигент, плачет, что «эта великая женщина так унижена и вместе с ней все достойные люди страны». Десятки камер окружают Алексееву… С пустой Тверской вдоль вытянутых по-ньюйоркски зданий я заворачиваю в сквер, ступаю по ворохам осенних листьев – туда, где только что снимали Алексееву. Еще толпятся операторы, журналисты, только теперь там крики, смех – всеобщее веселье. Смотрю: черные еврейские волосы вьются вокруг зеленых глаз за круглыми очками – университетский мой приятель, идет навстречу: фотограф, в юношестве – реинкарнация интеллигента семидесятых; сын и крестник известнейших писателей; недавно, десятью годами позднее, отец его подписал письмо в поддержку «спецоперации», а добрые люди в Фейсбуке спрашивали с сына, будто он должен держать ответ за отца. Рядом еще один мой однокашник – рыжий, с прищуром, худой и высокий; работает сейчас на Deutsche Welle. Оба мне улыбаются, первый – иронично, с грустцой, второй – со смешком. Я им говорю с натянутым весельем: «Ребята, хоть эмигрируй отсюда…» А они: «ТтАаКк тТыЫ вВеЕдДьЬ уУжЖеЕ!!»

Тут мы с ними и с другими людьми беремся за руки и пускаемся в пляс. Образуется людская цепь – совсем не та, что на митинге двенадцатого года, когда люди опоясали собой Кремль. В хоровод втягиваются журналисты, прохожие, вот и знакомые, например, носатый-кучерявый мой однокашник, мажор (получал деньги от нашистов,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 191

сейчас что делает – не знаю), а вот еще один из тех, с кем я учился, – низкий, неприметный, весь белый и с розоватыми глазками (альбинос) – работает, сколько мне известно, фээсбэшником; а вон худой и застенчивый подросток лет тридцати, смешной, с усиками, как у Лермонтова, подслеповатый взгляд теплых глаз из-под очков – умница, учился на год позже меня, выбился из глубокой провинции, в лучшие времена успел постажироваться в Америке, потом в Москве работал в ведущих западных медиа и вообще мыслями жил в прекрасной России будущего, играл на гитаре и потом переводил на английский Цоя про перемены, но дальше пошли семья, ребенок, заботы – не выдержал и, раз по-другому не получилось, попал на Запад дипломатом РФ, как началась война... Сколько здесь еще таких? А хоровод всё ширится. Темнеет, хоровод чуть не падая подается то вправо, то влево, раскачивается – вот поодаль из него выкидывает девушку, на ней неприлично рвется платье, я зачем-то извиняюсь перед ней, а затем, пристыженный, бегу прочь и оказываюсь у Кремлевской стены, почему-то во рву.

Кремлевская стена – справа, по левую руку – берег из гранита, питерский. Я по пояс в воде – в шляпе, рубашке, галстуке и плаще, в остальном – голый. Я начинаю обходить Кремль, стараюсь не попадать в свет фонарей. Я в цвете, всё остальное, включая и лучи фонарей, черно-белое. Вижу издалека на мосту – случайно не Большой Москворецкий ли, на котором через три года убьют Немцова? – девушку: она кричит мне что-то из-за плетеных решеток, я не слышу, кричу ей в ответ, почему-то по-английски.

И вдруг я в приятном, «ламповом» кафе с плетеными стульями, круглыми столиками. Одежды на мне еще меньше. У меня пропала часть зуба (первая мысль: в Америке это так дорого чинить!). Работа мне нужна позарез. Вот и некоторые из родных рядом – укором. Прижимаю к груди документы, напечатанные на моих прохудившихся носках. А вдруг не примут? Тут вижу за прилавком со сладостями хозяина кафе. Упитанный, с рыжими усами – стереотипичный американец. Не знаю еще, по какой причине, только я не должен выдавать своего знания английского (проблемы с эмиграционным ведомством?). Решаю убедить хозяина, что я француз. Говорю ему что-то по-французски, но он французского не понимает. Тогда прекращаю свою тираду и, согнувшись, прищурившись, сладким фальцетом начинаю выводить: «Эклер!.. Бизе!.. Манифик! О, шоколя…» С каждым словом целую себе кончики пальцев – крестным знаменьем к губам и, чмокнув, прочь от губ – веером. И наконец, вспоминаю, что я голый. А хозяин заведения на всё мне это с форменной улыбкой – по-русски: «Нет». И я продолжаю свой путь вокруг зубчатой стены. Я уже прошел три четверти – на этом мой сон прервался.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 192

В дневной жизни чем дольше в России, тем ближе я подбирался к новостям. Ближе всего, пожалуй, я к ним подобрался, когда в них работал, – корреспондентом «Голоса Америки»: бег с препятствиями с фотоаппаратом на шее по Чистопрудному бульвару за омоновцами, разгонявшими митинг в память Маркелова и Бабуровой, или тот момент, когда на Триумфальной площади на очередном митинге 31 числа в защиту 31 статьи Конституции (царствие ей небесное) правоохранители потащили меня в свою мясорубку, но повезло: самый сильный человек на всей площади, да и вообще в нашей стране, – русская женщина, с криком: «Не трогай! Это мой сын!» – отбила меня у них. Звали ее Татьяна Кадиева. (Симптоматично: на одном из таких митингов я заметил однажды в оцеплении толстого и неприятного полицейского – пятью годами раньше он был нашим школьным хулиганом.) Но эти и прочие случаи были курьезами, по-настоящему я не рисковал и вовремя ушел из профессии, в которой при всем уважении к журналистам – или, быть может, как раз из-за уважения к ним – не хотел оставаться. Поэтика, компаративистика – теория литературы манила меня (о чем тонюсеньким голоском и картавя я и сообщил кагэбэшнику, который звонил мне, чтобы пригласить «поговорить», как только я окончил международное отделение журфака МГУ); это же была одна из главных причин, по которой я хотел попасть в эпицентр научной и артистической жизни – в Нью-Йорк.

Все годы моей projeunной молодости, проведенные в Москве, история – страшная – была для меня лишь отзвуком далеких канонад, хотя кое-что забралось мне в подкорку (например, ряд бледных худых юношей на полу, голых, с неприкрытыми гениталиями, – Чечня, первая кампания); хотя совсем рядом, в моей школе, были пережившие Норд-Ост; хотя на станциях, мимо которых я регулярно проезжал, устраивались теракты. На третьем курсе, когда только назначили Медведева (по автократам удобно вести календарь: июль, август), я, девятнадцатилетний, ощущал этот гул лишь как ноту, придающую своею жестокостью красочность целому аккорду:

Весна. Снег тает. В Сербии президент подал в отставку. А в Израиле снова теракт. За моим окном играют дети. Медведев избран президентом России. Кошка спит в ванной. Она по-прежнему самая красивая из кошек, но она уже постарела и не играет со мной так, как прежде. Лев Толстой умер в 1910 году. Брат и сестра сражаются понарошку у себя в комнате. А в 1989 пала Берлинская стена. Я сижу у себя в комнате за большим светлым столом. Из открытого окна доносится запах ручейков. Гленн Гульд играет Баха: тихие восьмые и шестнадцатые. Часы тикают. A.D. MMVIII.

Но тик этот во мне усугублялся, и тем тревожнее становилось

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 193

мое подсознание; сейчас оно уже не тикает – гудит… Как-то утром, за пару лет до нынешней войны против Украины, я открыл глаза, потянулся к телефону и вижу вдруг: **9:14** – и первая моя мысль была: война! И тут же сочинилось начало, а по дороге на работу, в нью-йоркском метро, и остальное стихотворение.

9:14

Проснешься вот, а на табло:
девять четырнадцать –
ВОЙНА!

Слепит! и грохот впереди
отбойных молотков, и крик
несчастных топит вой сирен –

весь быт тогда пред взором пролетает,
и, прячась от бомбежек телеграфных
с портфелем, как с ружьем, наперевес,
минуя в будках сонных вертухаев,
минуя турникетные вертушки –
противопассажирные ежи,
успев в бомбоубежище нырнуть,
на месте я, средь беженцев таких же.

Как жены ждут мужей с войны, ждем поезд –
вдруг щелк: как будто переводят стрелки?
Все, как один, сгрудились в ожиданьи –
и чудо! Грянул свет в конце туннеля!
Поехали!

Колеса в механизме
визжат; секундной стрелкой обошел
экспресс локальный поезд – часовую!
О ликованье! Как беспечны вдруг
все стали! Ветераны-попрошайки
засуетились тотчас же, матроны
кумекают вовсю, а мужики
молчат победно...
СКРЕЖЕТ!
СТОП МАШИНА!
Под лязг колес-курантов исступленный,
как маятник, качнувшись, поезд встал,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 194

и, как снаряд, как лемминги, рванули
шальные пассажиры!..
выигран бой,
но не война, идущая по кругу,
с почина до кончины сих времен:
всё относительно, и опоздавший,
на ветку кольцевую не успевший,
один, быть может, очутился там,
где, взявши звуковой барьер, с хлопком,
пыхтя, пронесся мимо торопыга.
Счастливые Сатурн не замечают!
Пока к себе он их не призовет.

Я же, невзирая на личные огорчения и научные разочарования, за которыми, впрочем, следовали открытия – нормальный поиск, – я был счастлив, и тогда часто несчастлив, потому что мне становилось стыдно за свое счастье. За то, например, что мой младший брат в Москве выходил *на улицы*, а я в это же время у себя в Нью-Йорке – на улицу, за кофе.

Многим моим друзьям, московским, и кое-кому из близких казалось, что нет здесь непреодолимого противоречия, что у меня личные счеты с отечеством, что я запуган, что в Москве, хоть потом и огребешь штрафов, можно выходить и на митинги, и за кофе – казалось до 2014-го, а потом снова казалось – до 2022 года (где-то в аду Сталин вновь поднимает тост за терпение русского народа), ведь, как верно сказал Михаил Осокин в эфире, в те дни, когда захватывали НТВ: «Если завтра исчезнет свобода слова, то затем исчезнет колбаса…» Конечно, колбаса эта метафорическая и еще долго будет импортозаменима; кроме того, рушится пирамида Маслоу не снизу, а сверху, а в России для одних она или слишком низкая, чтобы рассвирепеть от обрушения, или еще достаточно высокая – прежде всего в Москве. Колбасы бывают разными, тех же, кто вслед за моцартовским командором готов повторить: «Non si pasce di cibo mortale qui si pasce di cibo celeste», – слишком мало: под пищей небесной разумею хотя бы уже саму возможность летать в те страны, вдохновляясь которыми русская культура жила и в средние века, и при своем перерождении в восемнадцатом веке.

Одной из колыбелей нашей цивилизации, вестимо, была, Византия, и здесь мне вспоминается беседа, приключившаяся у меня вскоре после войны – с россиянкой годами пятнадцатью меня старше, как и я отдыхавшей летом в Турции. Разговорились: работает в Газпроме (уже тогда начались сокращения), живет в Москве, но

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 195

родом из Чебоксар; детство было тяжелое – одна лишь деталь: голодное время – кажется, начало 90-х? – раз в неделю стояли в длиннющей очереди за колбасой, хотя сами же у себя эту колбасу и производили: почти всю колбасу отправляли в Москву, так что «ничего, – говоря словами этой женщины, – сажали картошку и, если надо, будем сажать снова». Над московскими подругами, льющими крокодиловы слезы оттого, что им больше негде или не на что покупать крокодиловые сумки, иронизирует. При этом войну она осуждает, хоть и боится говорить на эти темы, и немудрено: сын призывного возраста, в институте не учится. Подобно матери, настроен он к происходящему критически, но на митинги – в нынешней ситуации – не ходит, как и большинство из нас, – результат противоестественного отбора, потомки наших хоть иногда и выживших из ума, но, главное, выживших из СССР бабушек и прабабушек – и дедушек с прадедушками (если только дедушки наши: Россия – женская страна, род надо вести, как у евреев, по матери). Вот и я лишь раз в России был на потенциально опасном митинге – собственной персоной, а не журналистом-нонкомбатантом; тогда полиция, благо, не получила приказа на подавление, и я спокойно вернулся домой в том же черном вельветом костюме, в котором ходил на митинг прямо из Большого, напевая «La donna è mobile…» Тоже мне москальские муки!

Вот мне и аукнулось мое ерничанье… Через месяц, как я это записал, в России началась мобилизация. Где-то теперь сын моей собеседницы?

Из разговора выяснилось, что он ровесник моего брата. Не знаю, ходил ли этот юноша на митинги еще школьником, как брат, но именно по брату, человеку яркому, одаренному, и по его друзьям, тоже ярким людям, очень разным – от работников МЧС до приверженцев ЛСД, объединенным, впрочем, особым ощущением времени, особым sensus communis, *сочувствованием*, – именно по ним я сужу об этом поколении – и еще, например, по фильму Андрея Лошака «Возраст несогласия». Да, таких людей не большинство, но о поколении судят по типическим, то есть образцово-показательным, его представителям, подразумевая под поколением тех, кто созвучен своей эпохе. И, если глядеть на поколение моего брата, можно заключить, что запал на перемены у этого поколения остается, но тот же ген самосохранения, пусть и не столь сильный, как у моих сверстников, родившихся в последние годы СССР, внушает этому поколению трезвую мысль сохранить себя, – и, зная, через что прошли наши предки, чтобы вырастить наших родителей, а затем – нас, я не могу и не желаю осуждать этого.

Однако разница между поколением брата и моим, между родив-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 196

шимися в конце 90-х – начале нулевых и теми, кто явился на свет незадолго до или вскоре после падения Берлинской стены, – разница эта огромна. Мое поколение гармонично – в том числе потому, что впитало с молоком матери советскую науку выживания: не лезть к государству, чтобы и оно к тебе не лезло; при этом мое поколение выросло в свободной – вернее, для нас не несвободной на тот момент – России, а чем свободы становилось меньше, тем выше – все нулевые и до 2008-го, а потом до 2014-го года – становилось всеобщее благосостояние; всякий раз, когда нам напоминали: в России нет избирательного права, зато право избирательно, – мы уходили внутрь себя, в творчестве и психологии ища утраченную гармонию. Поколение моего брата – поколение лермонтовское и буковское; оно сформировалось в застойном, лживом и беззаконном путинизме; в нем нет свойственной моему поколению привычки к гармонии, потому это поколение столь протестно и (само)деструктивно. Отчаянье, скрывающееся за цинизмом, подстерегает его, когда оно вступит в четвертый десяток – свой и века. Основное препятствие, стоящее перед моим поколением, – стать гражданами (намного больше шансов для этого на чужбине); основное препятствие, стоящее перед поколением моего брата, – чтобы его полюбили, чтобы оно само полюбило себя. Мне кажется, у поколения моего брата больше шансов на след в истории. Только теперь огромная часть лучших его представителей или уехала, или уедет и рискует стать потерянным поколением. Что ж, это путь к славе, но это трагический путь. Успеет ли поколение моего брата сохранить молодость, когда падет преступная власть? Бог весть. Авось и ныне там.

Звучит гражданственно, вот только должен признаться: спроси меня кто, хотел ли бы я оказаться, скажем, тогда в роковой момент на Болотной, я бы ответил: «Нет». Пушкин, когда Николай спросил его, где бы он был 14 декабря, если б оказался в Петербурге, якобы ответил: на Сенатской площади, – и добавил: потому что там были мои друзья. Мои же друзья, из моего поколения, похожи на меня – в большинстве своем роковых моментов стараются избегать, а кроме того, я человек семейный, значит, нереволюционный и потому «во дни сомнений и тягостных раздумий о судьбах родины» обращаюсь не к тому Пушкину, который писал оду «Вольность» и «К Чаадаеву», но к тому, который написал «Из Пиндемонти»: «Зависеть от царя, зависеть от народа – / Не всё ли нам равно? Бог с ними. Никому / Отчета не давать, себе лишь самому / Служить и угождать». Гедонизм в духе «Вакхической песни» не сильно смущал меня, хотя гедонизм как таковой мне не близок: я всегда принимал эти слова за провокацию, за желание поэта отмахнуться и от толпы, и от навязчивого, как в

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 197

комментах, гражданина. Живя в Нью-Йорке в башне из слоновой кости, я, баловень white privilege, потомок крепостных, осознал, что в России существовал на положении черных в Америке – есть ведь понятие driving while black, когда ждешь, что полицейский вот-вот остановит тебя, чтобы проверить документы, и хорошо, если этим всё ограничится. Так вот, я, боявшийся в детстве проспать конечную (увезут в депо, а там ограбят милиционеры), а затем действительно лет в четырнадцать, а то и раньше, обобранный в метро каким-то служителем правопорядка, угрожавшим отвести меня в отделение, если не дам ему денег, – я понимаю, что и о нас можно сказать: driving while Russian (как в анекдоте: какой русский не любит быстрой езды?! какие права у бедного еврея?), talking while Russian, voting while Russian – и далее по списку.

В Америке мне очень хотелось от всего этого отгородиться. Нью-Йорк в особенности этому благоприятствовал. Не зря говорят о Нью-Йорке: it's a city where those who don't belong, belong, – приют для бесприютных, родина для безродных. Нью-Йорк – эгоист и холостяк, и образ жизни здесь тоже холостяцкий – и еда, и секс по доставке, с собой, по приложению. Здесь хочется жить тому, кто страдал оттого, что нарушались его границы, его privacy, и теперь, когда ни тесноты, ни обиды отчего дома больше нет, оттого же здесь и страдают:

небо – цвета фламинго
начало марта
крики топот – фламенко
весь город – холст
распластался он подкаблучник карта
что ни вычеканю – отныне ГОСТ

нет скорее не холст –
город-перфокарта
угловатый и пестрый – ослиный хвост!
на *x y* идут пусть по оси Декарта
те что встать не решаются в полный рост!

накалился асфальт
зашкварчало солнце
что щербатый раззявил ты свой гештальт?
лучше пусть принимают за пошехонца
нам не по пути: F4 – Alt

Нью-Йорк – одиночество толпы в толпе. Свобода Нью-Йорка

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 198

отрицательная – не к чему-то, а от чего-то. Нью-Йорк – это свобода мастерской, где встречаешь таких же, как ты, художников; и еще это город меценатов, которым здесь без художников нечего было бы делать, как и наоборот.

Разумеется, погодя немного я и в Нью-Йорке оброс новыми несвободами, и российских милиционеров мне заменили американские комсомольцы с «новой этикой», противной классическому либерализму Локка, Джефферсона и т.д.

Мне нередко кажется, что соцреализм победил, как всегда, не в маниловски-циолковской России, а в идеалистически-прагматичной Америке. Так же, как это произошло с материализмом, – как был он на американской стороне в эпоху Альберта Кана, отстроившего Сталинградский тракторный завод, так и остался. И если случится когда-нибудь казалось бы невозможное – коммунизм, он, скорее, свалится на американские головы. Годы назад, отмучившись три с лишним часа в бродвейском театре, ставившем «О мышах и людях», я, выходя, обругал спектакль капреализмом. Слово это нынче широко в ходу. Капреализм теперь глядит на тебя в каждом крупном книжном магазине – о лауреатах всяческих премий, о книжном разделе в «Нью-Йорк Таймс» и не говорю. Видно, как превалирует фикшн, связанный с личными stories, зачастую иммигрантскими, полными ужаса и превозмогания.

Точно так же в грантах необходимо постулировать избитый сюжет, в котором герой показывает свой характер, превозмогая трудности, – иначе не видать тебе денег. Давным-давно Воннегут высмеял это в публичной лекции (сохранилась запись), рисуя на школьной доске псевдоструктуралистские графики, иллюстрирующие сюжеты типа «Золушки». Жизнь и вправду подражает искусству, а вернее сказать, списывает у него.

Риторика исторического оптимизма начинается уже со вступительных эссе школьников (statements of purpose) – жанра, который непременно предполагает положительное преодоление препятствий. Здесь целиком применима достопамятная формула из Устава Союза советских писателей, только с заменой «революционного развития» на (демократический) прогресс: «Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. Причем правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания в духе социализма».

От всего этого я, конечно, хотел уклониться, откосить, и чем теснее мне становилось, тем язвительнее становился я, пока, к

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 199

(не)счастью, не потерял работу (если что, не по своей вине, – говорю на тот случай, если HR захочет провести очередной background check). Тогда после почти десяти лет, в нем проведенных, я покинул Манхэттен и совершил

КАМИНГ-АУТ

Бон-виан,
я левировал, я правировал, ан и вылавировал в пене своих дней;
между правдой проходил целый и кривдой,
как итакин сын меж Сциллою и Харибдой;
это было не так сложно: ростом мал, никуда не метит…
скорее, тревожно – вдруг кто заметит?
Надо было просто не быть ни Арго, ни планктоном;
чтобы быть, надо было не быть,
заходя иногда к знакомым;
я сменил пол, сменил потолок, переехал в другую квартиру;
я сменил ориентацию –
ошуюю от нуля – к квиру,
и зажил я, как нисский Бог,
в апофатическом апофеозе,
стал к себе я почти не строг,
почивая в анабиозе,
и поскольку я сам был Бог,
говорить что угодно мог:
«Ваше искусство –
кунсткамеры и дизайн для отхожих мест,
ваши этики –
партбилетики,
вот те крест!
Я ушел от дедушки,
я ушел от бабушки –
вот и ладушки!» –
но попался почти,
зазвучав всерьез:
«Эк меня занесло!..»
Обошлось!

Обошлось потому еще, что я понял, что эта ирония с прибаутками не та благородная свобода, что воспета в «Из Пиндемонти». Говоря о driving while black и living while Russian, я лишь пытался объяснить – прежде всего себе – генеалогию собственной несвобо-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:52 PM Page 200

ды и ни в коем случае не думал приписывать «Из Пиндемонти» рабского мышления. Это вековечные стихи о свободе! Но свободе не древних – граждан полиса, выражавшейся в том, чтобы участвовать во всеобщих решениях, от суда до налогов, – а свободе в современном понимании: свободе жить частной жизнью, защищенной от посягательств извне, в том числе и таких, которые, например, обязывают граждан к службе в армии; об этих двух видах свободы говорил в известной речи «О свободе у древних в сравнении с ее свободой у современных людей» Бенджамен Констан. Только личная свобода, следует добавить, тогда лишь истинна, когда ею обладает личность, личность же не может не чувствовать ответственности – прежде всего экзистенциальной, потом (может быть) перед обществом. Не понимая этого, очень легко попасть в рабство, когда читаешь стихотворение Пушкина и оправдываешь им свое желание отсидеться премудрым пескарем или презрительное отношение к тем, кто имеет, в отличие от тебя, решимость выступить против дракона.

Еще легче, если вырывать слова из контекста, обмануться таким вот отрывком – из «Евгения Онегина»:

Кого ж любить? Кому же верить?
Кто не изменит нам один?
Кто все дела, все речи мерит
Услужливо на наш аршин?
Кто клеветы про нас не сеет?
Кто нас заботливо лелеет?
Кому порок наш не беда?
Кто не наскучит никогда?
Призрака суетный искатель,
Трудов напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!

Нет, это не себялюбие: оно, как показал Ларошфуко, не любовь к самому себе, потому так и терзает человека, как паразит, подменяя его собой, – подменяя человека его портретом, иногда и отвратительным, но и в этом преувеличении лестном – как сказано в эпиграфе к величайшему произведению русской литературы, «pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d’orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d’un sentiment de supériorité peut-être imaginaire». Себялюбие настолько собой одержимо, что не замечает человека, как и всякий принимаемый

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 201

человеком наркотик (корень тот же, что в «нарциссизме»). Пушкин же пишет о joie de vivre (прости, не знаю, как перевести) о том, чтобы радоваться дару жизни – дару себя себе.

Русскому читателю это особенно трудно понять. Русский человек, что особенно заметно за границей, очень несвободен. На его лице видны (само)понукание, (само)мнительность – не самомнение, если только не национальное (неуверенные в себе люди черпают уверенность в анонимном большинстве); читается в этом лице настороженность (часто от доверчивости)… Всё это – следствие провинциальности (см. предисловие к «Герою нашего времени»), впрочем, вместе и с присущими ей достоинствами (так, дружба в провинции крепче); но главное, что мешает такому человеку любить себя, – стесненность, в том числе и физическая. (Недавно в Турции в малюсенькой гостинице, где русские матери тихим прикриком велят своим детям *щас же ложить пирожное* или еще что-нибудь *в зад*, мне бросилась в глаза соотечественница с рассказами Зощенки в руках, и я подумал, что вот мы, в столь многом еще зощенковские герои, уже – пока еще? – выезжаем за рубеж, но никак не можем выехать из коммуналок внутри нас.) Намного ближе стихи Пушкина должны быть соотечественникам Ариосто, кстати, переводившегося им. Итальянцы умеют носить свои тела, купаться в лучах солнца, умеют пить, умеют веселиться – это разлито по фильмам Феллини. Русский же человек не уверен в себе, угрюм. Пока что, добавлю я, потому что нет неизменных, в том числе и неизменных низменных свойств у народа: не стоит забывать, что немцы, к примеру, считались когда-то народом медлительным и ленивым. Не это ли имел в виду Гоголь, когда сказал о Пушкине: «Это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет»? Пока же простой русский человек, да и непростой тоже, во многом там же, где был во времена Пушкина, Гоголя, Чаадаева.

О несвободе, преимущественно собственной, писала вся классическая русская литература. Быть может, два наиболее свободных из великих ее произведений, посвященных несвободе, – произведения двух А. С. – Грибоедова и Пушкина. Ключ к обоим – в отыскании читателем свободы, прежде всего личностной, и лишь затем – вырастающей из нее гражданской.

Но (по)читатели Онегина, взятого без кавычек, как невинная Татьяна, обольщаются этой ходячей карикатурой, невзирая на открытие Татьяны: «Уж не пародия ли он?» – и, хочется добавить, уж не из тех ли списков, о которых столь язвительно говорит Чацкий: «Несчастные! должны ль упреки несть / От подражательниц модисткам? / За то, что смели предпочесть / Оригиналы спискам?» Те, кто,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 202

читая «Онегина», попадается на удочку литературных героев, продолжает играть по правилам сентиментальных roman'ов, высмеянных Пушкиным. Те, кто в глубине души предпочитает пушкинскому роману в стихах оперу Чайковского, а таких немало; те, кто и «Пиковой даме» предпочитает версию ни в чем, впрочем, не повинного Чайковского, где бедная Лиза топится, вместо того чтобы благополучно выйти замуж, как у Пушкина (изумительно против этой традиции выстроен фильм Масленникова с Аллой Демидовой в роли рассказчика); те, кому интереснее куцее «содержание» псевдопушкинского либретто, пусть и к выдающейся опере, а не сам роман в стихах; те, для кого занимательней авторских «отступлений» письма Татьяны и Онегина, столь хорошо приспособленные для арий, потому что напрочь состоят из клише... Что ж, de gustibus, но люди эти, влюбленные в Пушкина слепой любовью, эти идолопоклонники Пушкина, эти bardolaters, но с русскою душой, – обожающие Пушкина, но не готовые ради него сбросить его с парохода современности, не готовые, как Марта в фильме Захарова, протянуть барону Мюнхгаузену, когда он лезет в жерло пушки, сухой порох, а не мокрый, чтобы пушка выстрелила, отправив Мюнхгаузена на Луну, и тем самым, пусть и ценой его жизни, обессмертив бесстрашного барона этим действительно всенародно подвигом… Люди эти нужны – для массовки, и пренебрегать ими позволительно лишь до тех пор, пока они есть; без них же ничего не будет, но высвободиться и по-настоящему прочесть «Евгения Онегина» они смогут лишь тогда, когда перестанут топтаться в затхлой лавке у старьевщика сердечных дел, как писал Йетс, – «the foul rag and bone shop of the heart», то есть в мире клише (о чем пишет Маршалл Маклюэн в книге «From Cliché to Archetype»).

Из груд клише и состоит прекрасно-пресловутая «энциклопедия русской жизни» – и выставочный павильон этой русской жизни, и тюрьма ее, в которую Пушкин заключил наши общие места, чтобы расчистить будущее русской литературе и русскоязычному читателю, – всем тем татьянам, всем онегиным и прочим имя*рекам*: Печорину (как жаль, что не получилось!), что ж там, хотя бы и Ленину, который кончил созданием одной из худших народных тюрем в истории человечества; наконец, всем гамлетам щигровских уездов, которые страдают от неоригинальности, то есть от себялюбия, препятствующего им любить себя. Такова, полагаю, суть пушкинского романа в стихах, а дьявольская разница состоит в том, как осознал я только на четвертом десятке, что проза живет разрушением и пересозданием архетипов – мотивировок, причинно-следственных отношений (отсюда свойственные прозе сложные предложения – от слова «ложь»), тогда как стих питается клише, строится из клише – как бы вавилонское

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 203

столпотворение словарей, глоссолалия глоссариев, тирада тезаурусов, но тем быстрее их, клише, преодолевает.

И, наконец, главное: в «Евгении Онегине» Пушкин преодолел не только Евгения Онегина, но и «Евгения Онегина». Ведь когда Пушкин только начинал «Онегина», романтический герой уже был преодолен – в «Дон Жуане» Байрона: который был написан, вернее, не дописан раньше формально не дописанного же «Онегина»; в котором так же действует, верней, бездействует антигерой; в котором лира автора так же болтлива и который является для «Евгения Онегина» таким же оригиналом – списку, как для самого Евгения Онегина – байроновский «Чильд-Гарольд».

Итак, первой задачей Пушкина было преодолеть эпигона, преодолеть *героя*. Оттого, что Байрон справился с ней у себя, в английской литературе, Пушкину не было проще. Тот же подвиг в иных широтах – не меньший подвиг: переходить Альпы, когда их уже переходили до тебя, или, как Мустафа Кемаль, проводить реформы, подобные тем, что в стране-сопернице проводил Петр, или же предстать пред Кербером, когда пред ним уже представали другие герои, нельзя сказать чтоб легче. Легче всего идеи, или, как их еще называют, формы – они с легкостью радиоволны разносятся по миру, но когда они взрезаются в родную кому-то почву, когда попадают в гравитационное поле конкретного языка конкретного народа, где удельный вес атомов всегда свой, где действует иная сила тяготения, где компас указывает не на север, а, скажем, на запад или восток… происходит то, что опоязовцы («русские формалисты») называли сопротивлением материала, а лучше, по-аристотелевски сказать, – сопротивлением материи, а если еще точнее – сопротивлением матери. Так, Аркадина в «Чайке» сопротивляется «новым формам» сына, а жертвой становится Нина. Так, женщины из московского света сопротивляются «сумасшедшему» Чацкому (см. предсмертную статью Тынянова «Сюжет ‘Горя от ума’»), за что расплачивается Софья. Так, боится – и справедливо боится – понять сына Гертруда, и снова невинная жертва – девушка, Офелия. Расплачивается и Татьяна, но в «Евгении Онегине» нет мужчин, кроме, пожалуй, автора. Коль скоро идея, форма перемещается по миру, навязывая свое койне варварам (то есть тем, кто не говорит на ее языке), она завоеватель; женский род здесь сбивает с толку: идея и форма не инь, а янь – они паттерн, тогда как материя – маттерн, и потому гораздо уместнее с точки зрения рода формулировка Тынянова – «империализм конструктивного принципа», ведь идея, форма с петровски-безжалостной верой в собственную правоту несет вещам новый способ их построения – во фрунте нового единства. И так же, как с Константином Треплевым, Чацким, Гамлетом, империа-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 204

лизму конструктивного принципа рано или поздно приходится расплачиваться ревностью, страхом, обидой, виной, и, если он не отвергнут, как Гамлет или Чацкий, и одерживает верх, то, подобно Эдипу, оказывается пораженным собственной победой: материя вбирает его в себя – «Евгений Онегин» сам рискует попасть в энциклопедию русской жизни.

Потому «Евгений Онегин» сопротивляется самому себе, подрывает себя. В конце концов, Пушкин был слишком умен, чтобы не понимать, что от подражательства Онегина более раннему Байрону до собственного его подражательства Байрону позднему – шаг. Пушкин не скрывает этой зависимости (по Harold'у Bloom'у, это одна из стратагем по преодолению страха влияния) – Пушкин выставляет эту зависимость – затем, чтобы, переболев ею, перерасти. На этот раз перерасти уже не себялюбивого героя, но себялюбие как таковое. Ведь к тому моменту оно уже отделилось от героя, из черты характера переросши в самостоятельную сущность, – как тень у Андерсена, как нос у Гоголя, как мистер Хайд из доктора Джекилла у Стивенсона. В этом смысле у Пушкина мы видим не роман и даже не антироман, а анти-антироман – роман!

Иное решение вопроса о свободе дает драма. Отличительной особенностью оной – рискну я предположить, вдохновляясь новаторской простотой «точного литературоведения» Бориса Ярхо, – является проходной текст – текст-дверь, через которую герои просто-напросто входят и выходят, – словами Шекспира: «all the men and women… have their exits and their entrances», – а когда не уходят, – застыв вулканическим пеплом, как в «Ревизоре», или сидя, точно в лимбе, в ожидании Годо, – это призвано создать высочайшее напряжение и лишь внешне нарушает принцип драмы, на деле же повинуясь ему, подобно тому, как, по наблюдению Тынянова, делает это будто бы свободный от ритма верлибр, внешним отрицанием ритма доказывающий – от противного – ритмическую сущность стиха.

Так, от явления к явлению, я перечитывал «Горе от ума» и параллельно вчитывался в гениальный роман Тынянова о Грибоедове, сравнивал Грибоедова с главным его персонажем, Чацким, и искал общий знаменатель между личностью и творческой манерой писателя, между характером и поступками героя. («Личность как прием» называет это Вл. Новиков – когда-то, уже после того, как я окончил МГУ, он научил меня по-новому соотносить художника с его искусством, – как учили меня этому Эйхенбаум (книга «Мой временник») наравне с Якобсоном, писавшим в статье «О поколении, растратившем своих поэтов»: «Наука о литературе восстает против непосредственных, прямолинейных умозаключений от поэзии к биографии

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 205

поэта. Но отсюда никак нельзя делать вывода о непременной неувязке между жизнью художника и искусством. Такой антибиографизм был бы обратным общим местом вульгарнейшего биографизма».) И вот я в какой-то момент, кажется, понял основной прием Грибоедова и, вместе с ним, Чацкого – эффектный выход и не столько на сцену, сколько – *с!* Гамлетовская тема переосмыслена Грибоедовым в Чацком так: the only way to be is not to be, the only way to exist is to exit, – не быть, чтобы быть (собой); отбыть оттуда, где быт, а не «быть»: «Карету мне, карету!»

Эту мысль я намечал в статье о «Смерти Вазир-Мухтара» и в ходе работы ощутил, что мало кто мне люб так же, как Грибоедов.

Шальная мысль, чреватая потерей остатков читательского уважения, но не страшусь: Грибоедов – один из немногих Козерогов среди великих наших писателей, что мне как Козерогу приятно: налагаемая Сатурном епитимья иезуитского самоистязания и вдруг – чудесной силой абсурда, обезьянничанья (что так здорово показал Тынянов в романе, например, в сцене, где Грибоедов в театре во время аплодисментов просто так шлепает по лысине господина в переднем ряду) – силой анагогичной логики: «Гибнууу» – «Баранки гну!» – и всё! и избавление! – нет, не просто обезьянничанье, а прорыв псевдореальности гносеологической гнусностью, как у Цинцинната Ц., – всё это уже проделки Урана – планеты-соуправителя Козерога. Наинагляднейший случай – Козерог Хармс.

Левая моя рука
не сбивается,
она ведет меня,
когда я за рулем велосипеда,
она держит счет,
когда я за инструментом,
она блюдет ход вещей,
она связана
обручальным кольцом,
схвачена часами –
Хроносом –
Сатурном.

Моя правая рука
забывается,
когда водит по бумаге
или по серпантину,
она течет,
перебирая клавиши,
она вздох и взмах,
она не обязана,
свободна, прихотлива,
не наблюдает времени,
но дважды в день
верно указывает перстом в небо –
к Урану.

Сатурном.

Конечно, я представляю себе Грибоедова по книгам – по романам Тынянова, прежде всего, но важно не это, а то, что для меня этот Грибоедов – человек гамлетовских противоречий и гамлетовского

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 206

напряжения, не дающий ему прорваться; у него почти нет единомышленников – только попутчики; он и сам себе попутчик; это очень тяжело, но это интереснее всего остального; для государственников он фрондер, для фрондеров – государственник; он слишком тщеславен, чтобы прельщаться тщеславием; он хочет власти, но не ради нее самой, а для того, чтобы отгородиться от всех *этих* людей (будучи разлучен с *теми*, не умея быть с *теми*); он сторонится партий, у каждой из которых своя правда, и стремится к истине, лежащей где-то даже не между фракций, но над ними, поскольку догадывается, что истина – как счастье – там, говоря словами Чацкого, где нас нет.

Я счастливый человек: меня много где не было, к примеру – слава тебе, Господи! – не было меня в блокадном Ленинграде. Пишу о Ленинграде, так как последние месяцы читаю и перечитываю Лидию Гинзбург. Работая над статьей о «Смерти Вазир-Мухтара», я тоже читал Гинзбург – ее записные книжки: Гинзбург – современник Тынянова, единомышленник и оппонент, и, чтобы, словами Андрея Белого, словить «радио»-колебание эпохи, завибрировать им, мне важно было сопоставить Тынянова и Гинзбург в том, как они подходили к противоречиям жизни, противоречиям искусства (то есть той же жизни, только артистически себе представляющейся).

Мой внутренний разговор с Гинзбург оказался неподъемен и скороспел, чтоб войти в статью; статью я уже давно кончил, – а к записным книжкам этим то и дело возвращаюсь, особенно с начала войны, и разрываюсь – между индивидуализмом, который черпаю в тыняновском Грибоедове, и увещеваниями Гинзбург в эгоизме. Оставим здесь Грибоедова: он заступался за гонимых друзей, он повиновался долгу чести на дуэли, на дипломатической службе, он не мог позволить себе не быть отважным, и не мне, то и дело, как холопскую присказку, твердящему один и тот же гарик: «В борьбе за народное дело / Я был инородное тело», – не мне заслоняться индивидуализмом Грибоедова – или Пушкина, хотя бы я и чувствовал с ними сродство, чтобы нет, не авторитетом даже, а вызываемым ими во мне восхищением отгородиться от слов Гинзбург. Это было бы глупостью, самомнением, поражением, уступкой.

Слова Гинзбург грызут меня как совесть. Гинзбург осуждает эгоистического человека, который не живет высшей верой, метафизической ли, общественной, не хочет уплатить обществу гражданский свой долг, не чувствует иерархии культуры, которая должна была бы побуждать его к самоотверженности, и, если сознателен, заканчивает или мерзким для Гинзбург декадентством, или «эпикуреизмом, увенчанным философским самоубийством».

При всей вине, которую я испытываю, читая это, я всё же не чув-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 207

ствую себя зажатым в прокрустово ложе, выточенное из бледно-багряного питерского гранита. Быть может потому, что человек, выросший между русским и английским, между по-достоевски спорящими и через скандал друг друга любящими родными, я всю жизнь – сначала интуитивно, позже осознанно – руководствовался принципом анти-сред, anti-environments, как это называет Маклюэн. Принцип этот универсален:

Поэтика, политика, ахова этика, эстетика, риторика, музыковеденье, каллиграфия, метафизика, юности черное зерцало и кое-что о душе – кратко

Лад – ноте.
Событие – слову.
Бог – человеку.

Бог в обертонах –
дьявол в деталях,*
Бог пишет уставом,
дьявол – петитом
*(*дьявол, как известно, – юрист).*

Ну-с, как говаривали древние греки, приступим.

Всякое новое сопряженье и всякое взаимопроникновенье сред, посредством же средств, то есть в обход человека осуществляемое, суть отчуждение меня, человека, от быти-я, от быти-мной.

Единственный исход – отчуждение отчуждения: сре́ды надо рассредоточивать.

Например. Триада Монтескье (не путать с птицей-тройкой) – секуляризированная Троица. Это же идеал политии отдельно взятого человека с его sensus communis: когда весь мир человека сходится у него в футляр, от Apple'а или Samsung'а, человек шаток, как монарх, подвешенный за ниточку вертикали; поэтому я ношу механические часы, блокнот с перьевой ручкой, держу бритву со сменным лезвиями – и вообще.

Живет лишь тот, кому не вполне удобно; сорвать запретный плод не нужно тянуться; блаженны низшие, блаженна эзопова лисица, ее лоза – истинная.

Мир Бента́ма – мир равенства и паноптикума; свобода – право быть разнорослым и даже выше, чем униженные и оскорбленные; утилитарным обществом вымощена дорога в резервацию свободной воли.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 208

Не плюй, не утирай рукавом носа. Если люди вокруг носят черные маски, носи белую.

Антисреда – свобода не абсолютная, но по Эйнштейну – относительная, когда свобода – повторю формулу – там, где нас нет. Гинзбург же исходила из того, что человек, блокадный человек прежде всего, есть там, где он оказался, и не может этого изменить. Ну а я значительнейшую часть жизни, особенно с 2011 года, чувствовал себя как очень тяжелый экспортируемый файл при Интернете со сбоями – где-то между upload'ом и download'ом, причем неясно, из точки ли А в точку Р или наоборот, и лишь в январе 2022-го в Москве – привычно, с болью, но на этот раз особенно гнетущей, – понял: чтобы познать себя, то есть подгружаться до тождественности с самим собой (это и есть пресловутая «идентичность», которую сегодня слишком многие путают с аватаркой, с татуировкой), – для этого я должен, подобно физикам, принимающим в расчет теорию относительности, учесть собственную condition humaine; тогда-то мне у меня и сложилась

ТЕОРИЯ РАЗНЕСЕННОСТИ –

скорее, чем относительности, дальше физики.

«Догоняй», – говорят опоздавшему на застолье; или вдруг застынешь, уже у лифта: «Вот ведь! забыл сказать», – так чувствует жизнь человек, разнесенный, как мощи, по адресам, городам, континентам.

Разнесенный человек – синхронист, а не современник: ключи не по скважине, выключатель не с той стороны, оргазм отстает от экстаза, как гром от молнии.

Figaro qua, Figaro là, фотон-жертва двухщелевых опытов. Разнесенный человек – человек-траект. Он не успевает побыть «субъектом», для этого он слишком подвержен силе тяготения, но и объектом он не становится, раз то и дело норовит укатиться в сторону от бабушки и от дедушки.

Есть материя, и есть форма; родина – материал, потому как сопротивляется человеку; форма – иностранка и манит на чужбину; можно ее завоевать и даже жениться на ней. Отечество и супружество – антонимы, пока не родятся дети и форма не становится матерью.

Человек-траект радийной волной тянется между пограничными пунктами, между вашими и нашими; он расфокусирован – от дальнозоркости одних, близорукости других, неясный астигматизму третьих.

Человек-траект перемещается по частям, как рассинхрон; позади, по траектории, по которой он движется, он оставляет части

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 209

себя, как будто роняет хворост, сжигаемый на алтаре домашних богов.

Бывает, душа его теряется по дороге, и тогда ее приходится ждать, как утерянный багаж. Джет-лэгом, побочным эффектом от выпитой полчаса назад пилюли, вирусом после инкубационного периода накатывают, накрывают обиды, разочарованья, раскаянья, желанье дарить подарки не ко Христову дню, когда на Пасху на душе Страстная пятница, а в Чистый понедельник – пасхальная радость. Раскиданный между норд-остом и зюйд-вестом хворост не взять, не связать в одну охапку – соборность недостижима.

Человек-траект жив до тех пор, пока у него есть сердце. Сердце же – значит «по середине».

Хорошо, конечно, удостовериться в том, что имеешь сердце, но что с ним делать, когда оно уходит в пятки или окаменевает? Гинзбург ставит вопрос так, что всякий обязан выяснить свое отношение к обществу, – это одна из главных ее тем, раскрытая, в частности, в книге «О психологической прозе», посвященной логике общества.

Логики у Гинзбург мне слишком много. Эта логика тесна, эта логика тяжела. Тяжела сама Гинзбург, как вообще люди с совестью. Характерны, например, слова Гинзбург о «бессознательных гедонистах», внимание которых «направлено на агонию, на хруст костей». Это сказано о смерти в бою. Ее с явным осуждением Гинзбург называет «смертью в легкой форме»: «Не шепчущая, но гремящая, не подкрадывающаяся, но внезапная, смерть в действии, смерть на людях, дневная...» Мне же, при всем неприятии милитаризма – и не из человеколюбия даже, а из презрения к солдафонству, – очень хочется на это возразить любимыми стихами Давыдова, «Я люблю кровавый бой…», которые, когда в мои шесть лет на вступительном собеседовании в английскую школу меня попросили что-то прочесть, я, грассируя, и продекламировал (по принципу антисред?); но вспоминается мне не начало, а вот эти вот две строфы:

О, как страшно смерть встречать
На постели господином,
Ждать конца под балхадином
И всечасно умирать!

То ли дело средь мечей:
Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадаешь,
И не думая о ней!

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 210

Понимаю, что можно извратить эти стихи, если читать их как лишенные чести и человеколюбия военные преступники – как всякие стрелковы-гиркины. И романтизировать войну, тем более, когда ее можно избежать, я тоже не желаю. И я прекрасно помню о Николае и Пете Ростовых из «Войны и мира», хотя «Война и мир» наполнена уже иным чувством, чем та эпоха, которая в ней описана. Но черт возьми, лучше чувствовать себя лихим гусаром на коне, чем зеком, ведомым к стенке по тюремному коридору! И так же «В балладе о борьбе» у Высоцкого: пусть война там и игрушечная (или потому как раз, что, как и всё в культуре, игрушечная?), – не это ли смерть как сопротивление, которого столь не хватало России? Особенно в советские годы, сталинские? Солженицын пишет, что в пору чисток люди не раз имели возможность сопротивляться, убежать, однако они, как правило, и не пытались, и Надежда Мандельштам тоже свидетельствует, что исторический детерминизм овладел в это время умами интеллигентов.

Но Грибоедов, в отличие от Гинзбург, не был интеллигентом, и он не был Юрием Живаго, хоть их и сближает гамлетовскость. Грибоедов – аристократ. У русского аристократизма своя цена, своя вина, но это одна из высших степеней свободы, наблюдавшихся в российской истории. Говорю, конечно, не столько о сословном, сколько о духовном аристократизме – не то что у потомков Марии Владимировны в Исаакиевском соборе, с икрой и медведями. И не потому ли «умные» читатели столь часто ругают Чацкого как дурака? Мне слышится в этом та самая рабская мудрость. Аристократ же, несмотря на всю самоиронию, слишком дорожит собственной свободой, чтобы становиться Эзопом. И аристократизма в этом смысле России катастрофически не доставало, потому что и дворяне у нас значительную часть истории были служилыми людьми. Гинзбург называет роман Тынянова скорее истерическим, чем историческим (остроумно), мне же смерть Вазир-Мухтара (но не Грибоедова) представляется романом не пессимистическим, в чем упрекали его современные критики, но наоборот – посмертной насмешкой достойного над недостойными, умершего, но существующего, – над живыми, но не живущими. Ride l'ultimo, chi ride bene.

И, наконец, что ж что смерть в кураже «легче»? («В кураже» – как будто не от латинского cor (сердце), а от старофранцузского courre – «бежать».) Быть может, легкости несвободному русскому человеку и нужно было? И уж не сказывается ли здесь отсутствие артистизма у Гинзбург? Пожалуй, именно неартистизм этого выдающегося человека и артистизм ее учителей, в первую очередь Тынянова и Шкловского, очень многое объясняет в научных их расхождениях – у Гинзбург, как сказал бы Тынянов, просто-напросто был иной теоретический темперамент.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 211

Совестливые люди необходимы, незаменимы, они, вероятно, нужнее, чем такие, как я, – нет, не то чтоб я был непоправимо бессовестен, нет, и у меня есть принципы, но я... как бы сказать... *нерегулярен*. И особенно совестливые люди тогда нужны, когда подают пример стоического геройства, а когда они умны, талантливы так, как Лидия Гинзбург, для общества они сверхценны. Но они не умеют флиртовать с истиной; в парадоксе они подозревают кокетку; врожденное пуританство не позволяет им кокетничать; да, они нужны, но они нудны в своей монотонной моногамности. То ли дело «декадент» Уйальд? У него Алджернон говорит: «Если я женюсь, то тотчас же постараюсь об этом забыть».

Судя жизнь, Гинзбург подходит к ней не как художник, но как философ. И то и другое – классы; в царстве животных есть пернатые, есть млекопитающие – необходимы все: биоразнообразие – условие нашего выживания. Наверное, так, философом, к истине (если только жизнь измеряется истиной) подходить правильнее. Безусловно, это и есть самый ответственный подход, безответственность же слишком часто оборачивается не игрой, как в идеале ей положено, но халатностью и безвинными жизнями: тиран-эстет особенно страшен, и тоталитаризм двадцатого века тому подтверждение. Но нельзя, будучи философом, зачать новую жизнь и тем самым приобщиться к жизнетворчеству. Это удел художника, поэта, творца, и в лучшие свои моменты Платон был поэтом, а не профессиональным философом. (Вообще, профессиональный философ – оксюморон: философия – лишь *любовь* к мудрости, а потому дилетантство.) Художник может быть и философом – при этом утверждать он волен что угодно, как делал Толстой, которому всё сходило с рук: его колоссальная sexiness в глазах литературы, его потрясающая chemistry с ней – факт прежде всего биологический; сила природы, изначально жившая в нем, сверхмировоззренческая.

Последовательно-принципиальные, совестливые люди несут тяжкий крест общих грехов; с ними у общества есть шанс на долгое, непростое выздоровление, но даже с иронией, если они ей научились, им недоступен юмор, недоступно иррациональное, разве что в гомеопатических дозах, но не как лазейка. Эти прекрасные, нравственные люди делят всё своим анализом – отсюда интерес Гинзбург к механике общества в книге «О психологической прозе». Так убежишь не дальше зеноновой черепахи, улетишь не дальше зеноновой стрелы; люди эти не умеют с налету взять рациональный барьер – барьер «реальности», – и со скоростью каламбура (равной световой) сменить повестку дня́. Иначе говоря, чтобы бороться с пессимизмом, надо по Миссисипи плыть в обратную сторону, – так мне хочется ответить совестливым людям на своем абсуржике.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 212

Вот, пожалуй, самое искренное, что мне удалось написать на этот счет в те дни, когда меня одолевала ковидная тоска, – «так называемая беспричинная тоска, причина которой в необъяснимости существования», говоря словами Гинзбург.

БЕЗУМЬЮ АКАФИСТ
Из сочинений пантифика колумбурианства

В Лене лени потеряв направленье, несясь, неся и несом, к языку обращаюсь, обращаюсь я в зык, и слова, частеречья, осколки ползут из меня, друг друга случайно цепляя – созвучьями, формами, аналогиями всякими, с матерьяльного уровня, внешнего, ниспадая и восходя на уровень разнобезобразных ассоциаций, и особенно пост-стыдна пятном сквозь сию разбериху проступающая ясность – здоровый, анатомически образцовый орган, в кунсткамер-юнкере заспиртованный, снискавший присную околожизнь неказистым своим ликом. Поелику!

Нисходя в глубины лени, совершив преступленье, ты – Дориан Грей, имевший обыкновенье нырять на самое дно социальной жизни, испытывая пошлость, мерзость, безысходность, чтобы оттуда ринуться, накопив силы в отчаянье, к прекрасному и стройному этой жизни; так люди выныривают из бессмыслицы с решимостью что-нибудь понять, изъять, отстоять – на -ять.

Простой смысл – простой, и оттуда два пути – надсмысл и подсмысл. Второй относится к первому, как абракадабра к зауми. Из подсмысла, бывает, грешники попадают в над-, как согбенный и вихляющий боксер, распрямившись вдруг и угодив в чемпиона, – то есть в чемпионы – мира! Не сотвори кумира!

Есть и смысл-суть – магистральный, прекрасно-здоровый, но захо-оженный… но зае-езженный… Благовоспи-итан-н-н-ный, праавильный, когда – пок! – выучил урок, знаешь на зубок, но не в том, как сделать кувырок, чтобы через курок перескочить через собственную голову, – этого не требуется – это дру-го-е. Oh yeah.

Есть, конечно, – я уже забываю, чего не хотел сказать: разные мысли нейдут в голову – есть, конечно, порог в желании всё время изобретать новое, хотя невозможно новое не изобретать, но мы спешим события, бежим события. Часто смысл, оправданность, – не в том, что мы делаем, а в том, что мы это делаем. А главное – зачем это делаем?! Исходила слюной собака, лампочка горела, а горилла, интересом движимая, вот берет палку и ковыряет гусеницу. А потом как ринется кубриком!

Я помню, что то, что я говорю, не звучит как речь сумасшедшего. Ну, меня это даже самого несколько пугает. Я не так чтобы очень

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 213

боялся не сойти с ума, глядишь – и не выйдет, но сойти с ума – чересчур просто – вот балансировать… вальсировать на разумье…

Еще мне нравится, когда выходишь на непротараторенную дорогу выраженья определенных смыслей и… Это как узнать, что всё это время ты говорил прозой – Ремизова. Конечно, возникает вопрос: зачем? А вопрос – незачем? Эх, что делаю, то пускай и делаю! Неужели мало? Мама!

А все же дай, Боже, мотивировки!..

Мчусь от одного и мечусь к другому, еще же меня то угнетает, что я, этическия имея убеждения, не верю свято во многие вещи, которых не говорю. Ну, может быть, я в них и верю, но у меня есть и предрассудки… Кстати, говорят, Бог – предрассудок, – это не потому ли, что история до Страшного суда является предосуждением?

Что это со мной? Оторванность от почвы? Почты России? Еще чего-нибудь? Что это? Результат докук? Плата за досуг?

Скудость образов, сравнений – вот что тревожит. И вот в этой книге, что я смотрел, что тревожит? Новый порядок, странный порядок, когда сделано не так, как ты привык. Неприятно от непривычной неясности.

Мы довремся нашим предшественникам, которые были гениями, гениальнее, порой думается, всех кантов и аристотелей, раз… раз – дали нам понятия этого языка. Два... Я сбился… Но какая глубина колоссальная! Вдуматься в это – немыслимо! В одном слове – всё содержится! От каких-то простых рудиментарных вещей – след, вспышка, укол, промежуток – целые архитектурные леса кафедральных соборов возведены! Весь мир создан с нуля! И нуль тоже с нуля! В языке. И слово дышит и живет тоже. О, божественный промысел!

Нет в мире трепетней созданья,
Чем гневных дум невоздаянье.

На чем крутится шар в ночи,
Когда у власти палачи?

Зачем над сонною дубровой
Парит, вихляя, лист клиновый?

Зачем, свои отставив ножны,
Улитка вскачь бежит на рожны?

Зачем зачет засечь зигзаг?
Зачем оборка и обшлаг?

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 214

Форшлаг? Мелизм? Фермата? Стоп!
Столб! Лбом и об стол – остолоп!
Бурум! мораль ему в ответ.
Ковать! Кого? Яйцо – в омлет?!

Навозят пахоты искусства
Банальность слов, бананность чувства.

Впервые сие ослепительное помутнение рассудка снизошло на меня, когда я осознал, что Америка была открыта колумбуром. Вот декларация моего puntheism'a, или колумбурианства; наполовину декларация эта как половина моей жизни, – по-английски; те, кто с ним не в ладах, может смело загнать англоязычный текст в Гугл, чтобы сразу отсеять всё понятное как лишнее: лишни лишь факты, но не ощущение.

PUNTHEISM, ИЛИ КОЛУМБУРИАНСТВО

2.

Америка, как известно, была открыта наобум – наугад – колумбуром.

У истоков каждой религии – свой порок.

Простите: пророк.

У puntheism'a, или колумбурианства, он появился ненароком.

Каламбур – прием опознания мира посредством первородной пародии. Как всякая вера, он не требует доказательств, а всего лишь чуда, и, как всякая вера, отталкивается от неоспоримого ощущения истины-естины.

Например.

Когда Цветаева пишет: «Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст, / И всё – равно, и всё – едино. / Но если по дороге – куст / Встает, особенно – рябина…» – дальнейших доказательств не требуется; рифма здесь – предикат, и только дурак возьмется переводить эти стихи внекаламбурно, без рифмы.

Каламбур – молекула – атом – кварк – что там еще – минимальная деконструктивная единица; само отношение Ветхого Завета к Новому глубоко каламбурно.

Каламбур – вера в слово как событие и свобода от слова-приговора; каламбур – паритет, каламбур – пат между двух и более слов, покусившихся на единозначность. Структуралисты, выменявшие веселость на точность, называли это ассиметричным дуализмом знака.

Каламбур религиозен буквально, каббалистически.

Весь мифологический мир был каламбурен, подобно кентавру или Анубису – шакалоголовому богу, который в христианском изводе стал

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 215

Св. Христофором – что в свой черед доказывает, что Христофор Колумб, наш досточтимый ненарок puntheism'а, был властен над временем.

Впрочем, есть среди нас и те, кто объясняет сей факт реинкарнацией; мы бы раскололись на противоборствующие конфессии, когда бы не демократизм, свойственный нашей доктрине.

Именно демократизм устанавливает мир в развязанной Соссюром войне между языком и речью; каламбур – их парламент, базарно галдящий и презираемый снобами.

Каламбур вырывается из прокрустова ложа имяславия и постословия – бежит окаменелого прошлого и сторонится симулякров настоящего – он направляется в будущее – к экзистенциальному логоцентризму, к puntheism'у, который исходит из недр устремленной к миру личности.

Каламбур – гражданин квантовой эпохи, когда каждому совершеннолетнему фотону разрешено двойное гражданство.

Каламбур – как метис: явление интернациональное.

Как и христианство, его канонизовавшее, каламбур – родина космополитов.

1.

Those who profess puntheism shall be called pundits.

Far more useful than your average Kremlinology is the fact that the times of trouble in Russian history are to blame on one and the same rhyme – that of Huaynaputina, Rasputin, and Vladimir Vladimirovich.

Speaking of Huaynaputina, 15900 feet high: puna means altitude sickness; many great men have been afflicted by it, including Pasternak (stricken with a lofty melody in his prime).

Historia magistra vitae est*, which is to say: history is a punster who punishes mistakes.*

(Punishes. Mistakes. A comma perhaps? You can never be too punctilious with punctuation.)

Verily, Punic Wars were brought about by Punic faith.

Oh, the compunction! Ay! The comeuppance!

If only we had Punic faith, Punic Wars are all we'd have to worry about!

Ah, that would be the day!

Unbeknown to himself, Ambrose Bierce expressed this thought in the best possible manner:

"P[U]NTOMIME, n. A play in which the story is told without violence to the language. The least disagreeable form of dramatic action."

Puns are not puny, puns are all right!

Punters and punsters of the world, unite!

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 216

...Как и все манифесты, мой сбивается на восторженность. Но нет, это игра не словами, но на словах, с тем пониманием, что слово – «богатство целой ноты»: вслушиваясь в ее обертона, воспринимаешь ее не в статике, но в становлении, постигаешь, что, помимо твердого, бывают другие состояния вещества, и начинаешь смотреть на мир с точки зрения элементарных частиц и уповать на то, что, приближаясь к геному жизни, авось-либо окажешься причастным к разыгрыванию ее сюжетов.

Зачем? Ради свободы участвовать в собственном сюжетосложении, конечно.

Принятая в поэтике классификация сюжетов не задевает за живое жизненных интересов сюжетоподданного. Подпадает ли мой сюжет под трагедию или комедию, – вопрос далеко не первостепенный: можно, как писал Шкловский, поставить перед фразой скрипичный ключ, можно – басовый; можно дать фразу в миноре, можно – в мажоре, – узор останется прежним, и самое страшное, когда узор этот – решетка. Можно трагедией было бы назвать жизнь, полную злоключений; одно бедствие обрушивается на героя за другим, как на шлимазла Фантоцци, но, как и в истории еврейского или ирландского народов, бедствий так много, что в какой-то момент становится просто смешно, и тогда полное отсутствие удачи приводит к инфляции бедствий; здесь нет экзистенциального ужаса; это уже не трагедия. Недаром именно подвижность действия, а не смех и проч., использовалась Ярхо, чтобы статистически-беспристрастно отмежевать трагедии от комедий. Но, говоря феноменологически, с точки зрения опыта, ощущения, не в трагедии и комедии ведь дело, а в самом чувстве трагического, главным признаком коего является общеобязательность рока, высокая безысходность. Так, перед миропреставленьем, извержением вулкана, например, мы все – как на ладони, и окаменеваем, точно маски актеров в античном театре. Печальный конец дается трагическому герою в утешение; смертью, своей или любимого человека, что еще нестерпимей, следовательно, ценнее, трагический герой искупает вину, свою и чужую, – и всякий раз вину зрителя; тем самым трагический герой как бы выкупает себя из рабства общеобязательного, становясь человеком исключительным.

Но что если чувство всеобщей неминуемости вызвали бы счастливые события, в пантагрюэлевском избытке посыпавшиеся на голову обреченного на счастье субъекта? Этот сюжетный ход не раз обыгрывали в ситкомах, только шлимазл знает: наверху блаженства высоко – больно падать. Но что если на кону здесь нечто большее, чем суеверие? Страшно, когда вопреки всем вашим попыткам потерпеть неудачу, ваш билет всегда выигрышный. Так можно сойти с ума: я не имею

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 217

никакого отношения к происходящему со мной, я лúшен в моем сюжете.

Удрущающе чувство своей марионеточности. Сначала оно лишь намеками заявляло мне о себе: я ждал документов на работу, надо мной нависла угроза депортации, из вечного студента я, прекарий с барскими замашками, превращался в вечного адъюнкта («адъюнкт» – звучит! но лишь по-русски)… Бывало, сидишь в той же кофейне, что и год назад, с тем же кофе, что и год назад, за тем же столиком, что и год назад, за тем же компьютером, что и год назад, за тем же делом, что и год назад, – что и год назад – что и год назад, – и чувствуешь себя временщиком, чувствуешь, что не должен был бы здесь вновь очутиться, что твой пропуск уже истек, но тебя забыли убрать из системы, и ты скромно, не привлекая к себе внимания, продолжаешь жить тенью прежнего себя – я-штрихом, как сказали бы математики; догадываешься: страх старости – дважды ступить в ту же реку… Тогда я писал письма другу – на Русь, Русе, вот одно из них:

Хочется, Руся, посланье писать в настроеньи Горация.
Как там Москва? Не узнать? Я забыл. У меня эмиграция.
Долго ль продлится? Бог весть. Как живу? Так, дела, диссертация.
Пусто на улицах гарлемских, тихо в кофейнях, льет дождь.
Думаю, Руся: всё то, во что верим с тобою мы, – ложь.
Впрочем, утешимся: будет всё так же, уж хошь иль не хошь.
Больше скажу: не обресть, не плутавши, не лгавши, прозрения;
Истина – сложная ложь, оправданье простой, заблуждения.
Нет, без попрания правды не будет ее вознесения.
Жалко лишь тех, кто – иль может, так лучше? – подвержен закланию,
Тщетно надеясь на вечность. И мы с ними, брат. За компанию.
Сколь же обидно принять: ты ступенька к чужому познанию!
Ладно, чего я. Мы с Олей пьем кофе. К чему ламентация?
Здесь мы сидим уже час; погляди-ка, вот геолокация –
https://www.google.com/maps/place/Il+Cafe+Latte+1/@40.8031141,-73.9514282,17z/data=!4m5!3m4!1s0x89c2f611f8540699:0xb822315af4ecb7ef!8m2!3d40.804397!4d-73.9483664?shorturl=1

На деле же настроенье Горация было у меня не столь элегическим, но таким, когда в конце каждого дня шепчешь себе под нос: «Crape diem!»

Чувство не случайности даже – бессюжетности росло во мне с количеством утрат. И лишь в моменты проблесков посреди полосы уныния невеселая моя мысль, бывало, упрется в христианство как высшую надежду:

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 218

Мне не дано предугадать,
куда сюжет мой повернется,
мне мысль одна и стиль дается
и не дается благодать.

Кто б ни был ты – урок, игрок,
случайность или демиург,
ты, кровожадный драматург,
в перипетиях знаешь толк.

Тебе мой клад – пустяк, гроши,
зачем играть со мной в орлянку?
Не для того ль, чтоб из души
усохшей сделать христианку?

И вот еще, переиначивая Шекспира: – не мир – театр, а мы – театры: актеры, режиссеры и вахтеры:

Состав сменился – тот же реквизит;
один костюм истерся, а другой
на сменщике сидит смешно, не в пору,
и, видно, оттого играют хуже,
что не по Сеньке шапка и что тело,
как секонд-хенд, пришлось не по душе;
с тряпьем всем этим взять бы и расстаться –
сдать время, имя, род, лицо, число,
в частицы – «не», в союзы – «иль», а «быть» –
туда, на полку, где инфинитивы.
Что проку в них? Слои, слои, слои...
Что эта жизнь? Аренда имитаций.
Но видел ли кто лук без чешуи?
И где бы был Христос без декораций?

А недавно каламбур вновь открыл мне глаза. Сюжет, субъект, что, в сущности, одно и то же, – подkidдыш: sub – под, iacere – метать. Ну а раз он подkidыш, значит, подданный, а не гражданин, значит, не сюзерен, облаченный само-державной властью, значит, ублюдок, а не законнорожденный.

Потому-то я и люблю Грибоедова в романе Тынянова – он не принимает своей «участи»: участь – подачка, кость, брошенная судьбою… Принять ее – значит попасть в клешни клише – готовых ходов.

Как и в природе, здесь имеет место *выживание* сильнейшего – с

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 219

этого света на тот. Сильнейшего, ярчайшего выживают, а выживает наиподатливейший – вот истинный субъект. Именно так следует понимать спенсеровскую фразу «the survival of the fittest» – выживает клише. Этому учит плутовской роман, где вместо героя – быть пасынком судьбы, ее foster child.

В любимом моем плутовском романе, гриммельсгаузеновском «Симплициусе Симплициссимусе», дается высшее выражение бессмысленности подкидываемых нам жизнью сюжетов, при этом с удивительным самосознанием жанра и с прямо-таки пергюнтовским символизмом. После сотен страниц неисчерпаемых в своем ультрареализме и сказочности мытарств Симплициус, сюжетная пешка романа, оказывается в горах. Там он набредает на каменное изваяние, на вид языческое, и решает приподнять его – вдруг под ним запрятан клад? Далее позволю себе привести обширный отрывок; повествование ведется от первого лица:

> …едва только завел я рычаг ему под шею <…>, как он сам зашевелился и сказал: «Оставь меня в покое, я Бальдандерс – На перемену скор!» Я, правда, сильно испугался, однако тотчас оправился и сказал: «Вижу я, что ты скор на перемену, ибо только что ты был мертвым камнем, а теперь шевелишься, как живое тело; кто же ты на самом деле: сам черт или его матушка?» – «Нет! – ответил он, – я ни тот, ни другой, а Бальдандерс Всегдашной, понеже ты сам меня признал; да и быть тому не можно, чтобы ты не был со мною знаком, ибо я во всякое время не отлучаюсь от тебя ни на шаг. А то, что мне еще не доводилось потолковать с тобою, <…> тому причиною, что ты никогда не замечал меня, невзирая на то, что по моей воле был ты, не в пример прочим людям, иной раз велик, иной мал, иной богат, иной беден, иной возвышен, иной унижен, иной весел, иной печален, иной зол, иной добр и, одним словом, иной раз такой, а иной раз другой – всегда на перемену скор». Я сказал: «Когда ты не можешь ничего другого, то на сей раз отвяжись от меня!» Бальдандерс сказал: «Подобно тому как мое происхождение ведется от самого парадиза, а все дела мои и сама сущность пребудут, покуда стоит свет, точно так же я не покину тебя, пока ты снова не станешь прахом, из коего ты родился, всё равно, любо тебе это или мерзко». Я спросил его, годен ли он к чему иному, кроме того, чтоб чинить людям во всех их предприятиях наперекор. «О, да! – отвечал На перемену скор. – Я могу обучить их такому искусству, что они смогут вести беседу со стульями и скамьями, котлами и горшками и всякими прочими вещами, которые от природы немы <…>» Тут я сказал: «Любезный Бальдандерс! Когда бы ты с божьей помо-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 220

> щью обучил и меня сему искусству, то я был бы тебе благодарен до конца дней своих!» – «Отчего ж нет, – отвечал он, – с большою охотою», взял у меня книгу, что я держал при себе, и, превратившись в писца, начертал мне в ней… следующие слова...

Тут я на мгновенье прерву цитату. Бальдандерс пишет в книге Симплициссимуса: «Аз есмь начало и конец, и повсеместно чтут меня все», – и следом какую-то тарабарщину, которая, если присмотреться, является криптограммой, где первые и последние буквы каждого слова складываются во фразу: «Найди сам назначение всех вещей и сочини о сем дискурс, суди посему, где правда, вот что надо твоему дурацкому любопытству».

Быть может, беды Симплициуса коренились в том, что он не попытался выйти из-под ига своего имени, так и оставшись симплициусом-простачком, судьба которого – вечно обманываться? Ведь имя, с которым рождаемся, – первый сюжет в череде многих, нами не избиравшихся; имя дано нам как оплот – a plot – against ourselves – как навязанный Грибоедову титул Вазир-Мухтара.

Вообще, та личность, грани которой в романе Тынянова именуются: Грибоедов, Александр, Alexandre, Александр Сергеевич, Саша, Вазир-Мухтар, Грибоед и др. – кубистическая личность эта ведет себя в романе Тынянова по тем же правилам, что и слово в его теории лексического единства (см. «Словарь Ленина-полемиста», см. «Проблему стихотворного языка»). На перемену скор играет этим кубиком, как безжалостная обезьяна, вертит его в руках, а человек пытается балансировать на его гранях и удержать образ свой и подобие.

И еще – имя легко может отделиться от своего владельца и существовать без него, вопреки ему: «Борхес не я». Это прозрели еще романтики, предвосхитившие переход нашей цивилизации в мир преимущественно виртуальный, и это было прекрасно известно империям – оседлым, где телесная действительность подчинялась бюрократической; из недавних примеров – Австро-Венгерская, там – Кафка (цитаты излишни), и Российская – там Гоголь, изобразивший человека, от которого сбежал аватар, – «Нос». Тынянов, сознательно продолжив эту традицию, описывает в известной повести целую жизнь, прожитую подпоручиком Киже, родившимся из описки: вместо «подпоручики же» писарь вывел «подпоручик Киже»: появившись в официальном документе, Киже уже не может не существовать; Киже продвигается по службе, женится, становится отцом ребенка (на деле же он идеальный placeholder для начальства, для «жены», сначала распутничавшей, потом оказавшейся в положении; наконец, для вечно всеми своими подданными недовольного императора Павла), и вот, когда император

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 221

хочет видеть своего блестящего офицера, тот скоропостижно умирает, и Киже – уже генерала – с почестями хоронят в пустом гробу.

Феномен бродячих аватаров, иногда на время пристающих к человеку, структуралисты и пост- называли signifiant flottant – плавающим, плавучим обозначающим – *текущим, наутек, неприкаянным*. Недаром герой, пребывающий не в ладах со своим именем, особенно же герой плутовского романа, или оторван от матери, или вовсе сирота. Пучина страданий, соленый хаос носит его из стороны в сторону, и не знают своего счастья те из нас, кого несет по своим сладковатым водам

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Римлянин Фабий умер, подавившись волосом матери, поднесшей ему молоко...

Что в имени тебе моем?
Его впитал я с молоком
и причащен был у истока
Жаждьбога.

К нему лежит моя дорога –
не миновать, чему грясти! –
вдоль имяречного потока,
вдаль млекомлечного пути –

обратно я в него влеком
одним глотком –

глотком, рекомый речью, млея,
по млеку мчимый, Амалфея,
к тебе, кормилица, на брег,
твой имярек…

Что в имени моем тебе?
Зачем пришел на именины?
Его не выменять в божбе,
его уже и нет в помине –

оставь мое именованье,
его сменило поминанье,
здесь каждый тезоименит,
здесь... я немею... в сон клонит...

Обозначающее – термин изначально лингвистический, восходит к Соссюру. Есть знак – например, «дерево» или «мир»: знак состоит

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 222

из обозначаемого понятия и обозначающего это понятие материала; материал этот можно услышать, прочесть, просто увидеть, порой потрогать (надгробие). Ключевой вопрос – как «мир» соотносится с миром, как «дерево» соотносится с деревом (вспоминается картина Магритта – нарисована трубка, а под нею подпись: «Это не трубка»), как я соотношусь со своим ~~племенем~~ ~~знаменем~~ именем, вернее, одним из своих имен, например, тем, под которым мне приличнее всего преставляться – прошу прощения! представляться.

«Василий», «Львов».

Звание это в Москве носилось всегда горделиво. Интересно, как сейчас там звучит, без меня? Расширилось ли с российской экспансией его лексическое единство? Отдает ли оно неуместным омонимом, каверзным псевдонимом?

Только какая, господи, разница?! К чему вся эта, прошу простить, ономастика? К чему игра в имена, когда диктатор, захвативший власть в стране, где я родился, посылает своих подданных в соседнюю страну захватывать города и убивать людей, чтобы ожесточить, развратить и отвлечь этих своих подданных, моих соотечественников, и оставаться диктатором?

Но я могу или ужасаться происходящему, или осмыслять происходящее – осмыслять собственным смыслом.

Первые недели войны было не до теорий, не до стихов; умозрение, версификационная похоть – у себя, у других – вызывали во мне физическое отторжение. Важнее было, что делать – с собой, с близкими… Каждому, кого хоть мало-мальски затронула война, это знакомо, как и та перемена, что происходит с человеком, когда война оказывается затяжной. Очень живо этот перепад описан у Гинзбург. Вначале:

> Страшная была жадность на информацию. Пять раз в день люди бежали к репродуктору, прерывая любые дела. Они бросались на каждого человека, который хоть на шаг был ближе, чем они, к фронту, или к власти, или к источникам информации. А расспрашиваемый сердился на бестолковые вопросы. Потому что спрашивающие хотели узнать совсем не то, о чем они спрашивали.

Потом:

> Потом репродуктор стали слушать иначе. Обыденнее. Выветрилось это сочетание крайне личного (каждому репродуктор вещает судьбу) с исторически событийным и эпохальным. Чаша сия никого не миновала, и все узнали – какая бывает война. Образовалась новая действительность, небывалая, но и похожая на прежнюю в большей мере, чем это казалось возможным. В ней надо было разобраться.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 223

Это была пора интенсивнейшего разговора с внутренним судьей – и вслух, на людях, и особенно втишь, с самим собой.

Вскоре я отошел от новостей: новости, во множественном числе, – всегда старости: публичный дом, новостная редакция, репертуарный театр живут форматом; обновляется лишь клиент. Только так, социально (асоциально?) дистанцировавшись, можно было разобраться в себе – жить с собой. Я должен был оглядеться, окинуть взором свою жизнь с новой, исторической точки зрения.

Дома я уходил в быт, а уходя из дома, – в преподавание.

Дома, как Божий Дух, витавший во мраке над вода́ми еще не населенного мира, по Львушиному младенческому лицу, когда он спал, проносились улыбки, гримасы – эдакий мимико-миметический алфавит; проплывали означающие, пока еще свободные от означаемых.

Я гляжу в глаза Левушке: они – цельный мир. Потом я замечаю в них предметы, обстановку комнаты и смотрю уже не в глаза Левушке, но в Левушкины глаза – на то, что в них, в его глазах, отражается. Не будь этих предметов, не будь комнаты с обстановкою, Левушка так не глядел бы, но если я устремляю свой взор на всё то, что отображается в его глазах, то я не вижу его взгляда, не вижу неповторимого строя его души. Одновременно же смотреть и в его глаза, и на то, что в его глазах, я не могу.

Точно таким же образом дело обстоит с искусством и тем, что является предметом искусства. И точно так же многие умные, образованные люди хотят видеть в искусстве всё, кроме того Левушки, без взгляда которого они бы никогда и не подумали смотреть на эту комнату со всеми ее вещами.

И тем же образом обстоит дело с миром:

выные мгновенья
минованья выные
краеострьем прорвавшись
вчас обстанет
ол
чанье

полоненный незапно
и горе́ восхищенный
всем челом навострится
на невнятное негде
и от яви уставши
средь мурашек таиться

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 224

бы

ти

е

за скво зится

В конце февраля Левушке исполнялось семь месяцев. Эти семь месяцев, а перед ними еще девять были временем искристого счастья и полынной душевной горечи, беззаботной радости и боли, зудящей в суставах. Самым тяжелым испытанием оказалась разлука. Оля, Левина мама, не видела родителей два года: запрет на выезд из страны, пока рассматриваются документы, затем пандемия, после беременность, – ее апострофы к тем, кого ей недоставало, как человеку недостает ампутированной части его тела, нашли бы достойное место в овидиевых «Героидах» в ряду апостроф Пенелопы, Дидоны и прочих воззваний, вымолвленных, вымоленных в пустоту женским голосом. А я… лучше бы три, четыре года, пять лет не оказываться мне в Москве, чем так, как в конце 20-го года, когда я чудом вырвался туда из кафкианских коридоров USCIS, чтобы проводить Саню, мою бабушку, после ее безвременной, страшной смерти за неделю до того в ковидной больнице, куда никого не пускали, куда нельзя даже было позвонить, откуда нам дважды сообщали о Саниной смерти, прежде чем она наступила, и чтобы потом – грех на душу, – как друзья, увещевавшие Иова, чистого в своем плаче, сидеть возле дедушки, до слез спорившего с Богом… Сколько раз во сне – из сельского дома на Лонг-Айленде, из нашей бруклинской квартиры – я пытался вернуться на кладбище, где Саня лежит теперь рядом с моей прабабушкой: я не хотел пропустить ни единого шага: вот я спускаюсь по лестнице, открываю дверь, сажусь в такси, еду в аэропорт – мимо чего еду? – вот захожу в аэропорт, прохожу контроли: регистрация, паспорт, досмотр, гейт, вот иду по рукаву, вхожу в самолет, занимаю кресло… А дальше полет над Атлантикой, и здесь всякий раз я сбивался, потому что самолет ампутирует расстояние, как календарь – время. Я не мог мысленно добраться до кладбища и раз за разом навязчивым повторением, как сказал бы Фрейд, пытался пройти этот путь и не мог пройти его. Рядом со мной в моей жене рос наш сын, а я закрывал глаза и устремлялся туда – туда, куда я теперь не могу попасть? могу не попасть? когда тиран вслед за живыми отнимает у нас мертвых.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Раздели же и ты, о мой сын,
мира этого грусть и печаль,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 225

поскитайся ж и ты по пустын-
ным квартирам, вагонам, вокзаль-
ным перронам. Мой мальчик, мне жаль,
что мой сын часто будет один,
как и всякий, кто осенью поздней
со сладкой резью в желудке промозглый,
проходя вдоль разверстых витрин,
сиро-мертвенный воздух вдыхал
иль по шуму невидимых шпал
вспоминал, как текло, что из крын-
ки разбитой на пол молоко,
наше детство, когда нам дано
для щемленья и мудрости сердце,
чтоб замерзнуть и этим согреться.
Раздели же и ты, о мой сын,
мира этого грусть и печаль,
и когда ты продрогнешь, мой маль-
чик, поймешь, что со мной ты един.

Львуша был еще совсем мал, когда, пеленая и моя его, я ловил в своих движениях Санины движения – вот так же и она держала меня, вот так же и я брал, засыпая, и клал на себя ее руку, как Лева – мою. А как-то раз я увидел в зеркале глаза прабабушки. Как памятью жанра проступают в новых стихах приемы и интонации далеких предшественников, так в себе я замечал мановение тех близких, которых нет со мной и которые вдруг со мной есть. В Леве тоже я хотел разглядеть это вечное возвращение, воскрешение (не столько отцов, сколько матерей), и еще в Леве я угадывал себя, но вместе с тем мне не хотелось, чтобы он раньше времени увлекался в этот круговорот жизни – и смерти: имя и зодиакальный знак, день рожденья, которыми он совпадает со своим прадедом; похож на маму-папу-того-дедушку-сякого – всё это не нравилось мне, как нарциссизм, не видящий ничего нового, но лишь себя, как привычка, отказывающая новой жизни в самостийности:

Чья пятка? – Моя!
И коленка – моя!
и животик – мой,
и плечико – мое,
и ушко, вот это – мое, и это – мое,
и вот эта щечка – моя, и эта – моя,
и носик, и глазки мои глазки – мо-и!

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 226

И сам ты весь – мой!
А я – твой!
Твой-твой! Слышишь? Тво-ой!

Только как же это – твой,
а не свой?
А бывал ли я другой?
Был я сыздетства чужой,
хоть родной!

Вот уж мысль несется к той
стороне, где волк большой
примостился под горой,
не пускает нас домой –
просто вой!

Ну а если б там – покой?
Если бы там – рай земной?
И тогда бы я назад ни ногой!

Дом ты мой!
Сто лет простой!
В глад и в мор, в мороз и зной!
Но прошу – не беспокой!

Как домой –
так сам не свой,
когда «мой»
ты говоришь,
я не мой!

Ну так чья же это пяточка?
Твоя!
А чей это локоточек?
Тоже твой!
Чьи же глазки, чьи-то щечечки?
Твои!
Ну так чей же это мальчик?
Свой сам!

Ой-ой-ой! Не плачь! Постой!
Не оставлю одного на постой!

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 227

Мой не будь, свой ты будь, а будь мне.
Мой не будь, пусть будешь свой, но меня.
Мой не будь, будь ты свой, но со мной.

И не буду я твой, но тебе.
И не буду я твой, но тебя.
И не буду я твой, но с тобой.

Буду рядом с тобой – не проси.
Буду рядом с тобою днесь, весь,
и тогда, мной родим, мне родной,
ты – еси,
и я – есмь,
и он – есть.

(*окончание следует)*

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 228

Григорий Марк

ДНИ ПОКАЯНИЯ. ВТОРОЙ ГОД ПАНДЕМИИ

Конус белого света во тьме был похожим
на свисавший со звезд обеззвученный колокол.
Бил в глаза, рассыпался мерцающим оловом
и удары над площадью медленно множил.

Созывал на служенье. Входили чужие,
нараспев повторяли: «Отец, услышь голос мой».
Шевелились на та́лесах гибкие полосы.
Купол судного неба. И в нем литургия.

Храм без стен, где пространство молитвы на время
отделило своих, над землей поднимается.
Там внутри во всю душу поют, надрываются.
Каждый сам по себе. Ты один и со всеми.

Клочья блеска плывут: птиц трепещущих стая,
как сквозящее тело распластанной женщины,
появилась во храме. Сияньем изменчивым
наполняет весь купол от края до края.

Это в женской и зримой Его ипостаси
видно стало воочью присутствие Божие.
Там, где десять во Имя,* – они уже ожили.
Вместе соединились, в их пенье со-гласье.

Облаченные в белое люди родные.
Пульс распева, единое сердцебиение.
Всё известно Тому, кто закон и спасение.
Даже волосы на головах сочтены их.

Ночь отмены всех клятв, расторженья обетов,
утоления жажды духовной и голода.
Блеск зияющих крыльев ложится на головы,
на затылках сжимается в обручи света.

Не отринь согрешивших, Отец наш Всевышний.
Арамейские фразы становятся вязкими.
Трудно вы-говорить, рты залеплены масками,
не хватает дыханья. Услышь нас, услышь нас.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 229

К трибуналу небес пре-возносят моленья
потрясенные души, мольбы о вписании
в свиток постановлений, где жизнь без страдания
хоть на год, но продлится. Авúну, Малкéйну.**

Голос трется о воздух сгустившийся, робко
в гимн вплетается ниточкой слов покаяния.
И не мысль, но внезапное напоминание,
как толчок, изнутри в черепную коробку:

ведь и после тебя в ту же ночь, те же люди…
Но пока еще здесь, каждый вдох – Аллилуйя.
Воздух жизни в раздувшихся легких ликуйет.
Ты священник себе самому. Будь что будет.

---

* По еврейской традиции для общественного богослужения необходимо десять взрослых мужчин.
** «Авину, Малкейну» – первые слова главной еврейской молитвы, которую читают десять дней покаяния между Рош а-Шана (Новый Год) и Йом Кипур (Судный День).

БОЛЬШОЙ ОСЕННИЙ БЛЮЗ

Две части с голосом и вступлениями,
короткий проигрыш и длинный – между частями

Джаз в городе. Меланхолический оклик. В начале
гитарой, бонгó, контрабасом гудит ритм-группа.
За ней, в сто октав, бесконечное соло рояля.
И вот низкий голос вступает устало и грубо.

1.

Ленивым потоком огромная ночь
смывает с асфальта фигурки людей.
Выносит весь мусор из города прочь.
Гидрантов культи, поплавки фонарей,

бурлящий из дырок земли мутный пар,
квадратики света на стенах домов,
пожухшие листья, их мертвый пожар,
куски рельс трамвайных и арки мостов,

баржи́ на реке деревянный замок
со вставленным ключиком толстой трубы –
выносит в белесое море поток
еще один день, будто сор из избы.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 230

Без слов. Ожидание-проигрыш. Между частями
ударные время тревог отмеряют. Сто двадцать
секунд. – Возвратится ли голос? – А перед глазами
озвученные миражи продолжают сменяться.

Громады из стёкол и стали сгрудúлись вокруг.
На улицах гулких, забрызганных мертвым огнем,
в кривых переулках мелодии плещутся. Звук
шести инструментов растет, набирает объем,

выталкивает, выгибает сгустившийся воздух.
Надолго неясные оттиски в нем оставляя,
уходит в затянутый тучами купол беззвездный,
сменяется новым и медленно там исчезает.

Грохочет крыш черных и улочек серых рояль.
В четыре руки ливень с ветром часами подряд
беснуются напропалую по клавишам. Жаль,
никто их не слышит. Все жители в городе спят.

Во тьме спят, по горло закутанные в одеяла,
как в коконах гусеницы-великаны. Снаружи
к ним в головы музыка не проникает. Там вяло
текущие, блёклые сны по извилинам кру̀жат.

Не знаю, кто выпорхнет утром из коконов этих,
но точно не бабочки. Жизнь здесь быстрей по ночам,
они от нее отстают. Только лишь на рассвете
вернется к ним слух, когда блюзы давно отзвучат.

А я наяву, малохольный, сквозь ливень и ветер
верчусь по кривым переулкам чаинкой в стакане
вокруг пустоты на разбитом своём драндулете
с душой нараспашку, и взгляд застилают мельканья.

В стекле серпантином струится асфальтовый блеск,
павлиньи косицы дождя. Растворяются в них
цветные кружки светофоров, морщинистый плеск
бензиновых лужиц, разбросанных на мостовых.

Застыл драндулет мой у церкви. И со стороны,
облепленный листьями, кажется он чем-то вроде
поваленной тумбы с афишами клубов ночных.
Глаза поднимаются вверх по стене и находят:

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 231

взъерошенный ангел из местных легенд, ставший былью,
над месивом бликов и блюзов, забыв о делах,
сидит на карнизе. Торчат его мокрые крылья.
Он слушает. Слушает, как музыканты впотьмах

блуждают, касаясь дыханьями, как отрешенно
рыдает четверкой натянутых слез бас-гитара,
осеннею слякотью вторит ей плач саксофона,
тромбон, обезумев от криков, ведет сквозь удары

глухих барабанов всех вместе. И, словно в ответ
на жалобы их, гаммой синих домов в соль-мажор
из хляби разверзшейся всплыл городской силуэт,
цепочки неоновых строчек, дрожащий узор.

Прозрачные лодки щетинятся веслами. Там
уже отзвучавшего хлам, затвердевшая горечь
ненужным балластом катается по сторонам.
А блюз, будто бриз, их уносит к белесому морю…

Мелькают просветы в ритмической ткани повторов.
Она очень скоро порвется. Раскроется полость
глухой тишины. То пустое пространство, в котором
ответом на оклик вернется охрипший мой голос.

2.1

Но раньше вступление к части второй.
В ее интонации отзвук смиренья,
у всех инструментов сменился настрой.
Сквозь блюз о несбывшемся – тихое пенье.

Я вылез под дождь из машины. Метались
обрывки старинных мелодий повсюду.
Баюкали, плотно меня оплетали,
чтоб, не отвлекаясь, готовился к чуду.

Сгущается ночь. Синий город и блюз
как две ипостаси ее. Благодать
беспомощно-льющейся музыки. Груз
спадает с души, стало легче дышать.

И голос, взлетев на короткое время
над крышами, делает мертвую петлю.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 232

отвесно пикирует мне прямо в темя,
хрипит изнутри, вновь вступает, помедлив.

2.2

У церкви Святого Петра шпиль разбух.
Размок, полинял золотой его шелк.
Проснулся над городом спящих петух
на шпиле. Он крикнул три раза и смолк.

Вдруг стало светлей. Это ангел слегка
раздвинул свинцовую занавесь туч
и к морю взметнулся. В окне маяка
зажегся широкий прожекторный луч.

Лицо его выхватив, сразу погас.
Внизу расставались и по одному
вперед выходили, впадали в экстаз,
солировали, исчезали во тьму.

Ночь явок с повинной, где без состраданья
к себе, но при этом и без снисхожденья,
все шесть инструментов свои показанья
давали друг другу, просили прощенья.

Потом небо на́чало мелко трястись.
Творилось чудно́е в нем: по вертикали
дожди возносились в горящую высь,
созвездья крошились, дома засыпа́ли.

Свернувшийся млечный их путь, словно жгут,
завис надо мной. Я летел в круговерти
бенгальских огней, погружаясь в салют,
счастливый, измученный до полусмерти.

Но неботрясенье продлилось всего
минуту. Дожди возвратились к земле.
Закончилось огненное торжество.
Лишь ветер хрипит и плюется во мгле.

Земля угрожающе вбок наклонилась,
а я, растопырив ладони, с трудом
пытаюсь хранить равновесье. И гнилость,
щемящая гнилость, мерцает кругом.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 233

Ледяная вода заползает за ворот.
Катком наезжает на душу тоска.
Всё сплющив внутри, превращается в шорох,
в сплошной высверк, в боль от виска до виска.

Нет музыки здесь, моя песенка спета.
Растут два свеченья и грохот за ливнем.
Я в сердце своем уже знаю, что это
судьба надвигается, выставив бивни.

Бостон

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 234

Вадим Гройсман

МЕТАТРОН

С кругом времени в ладу,
Звезды крупные набухли.
Громко вспыхнули в саду
Можжевеловые угли.

Это ангел Метатрон
Ходит по окрестным селам
И огонь со всех сторон
Приближается к Престолам.

На престоле старый Бог
С ролью мальчика в тетради
Смотрит, кто еще не лег,
Кто участвует в параде.

Много в небе черных троп,
По любой из них тяните
Этот поздний метатрёп,
Перепутанные нити.

Ведь привычные слова
Тоже требуют повтора,
Как живые острова
На стремнине разговора.

Светит ясное окно
В дальнем уголке Вселенной,
Где заветное дано
Всем сказать одновременно.

Ангел, бережно неси
От заката до восхода
Заведенный, как часы,
Механизм ночного свода.

Мерно двигаться позволь
Водолею и Плеядам.
Видишь, седина и смоль
Блещут и зияют рядом.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 235

* * *

Вобрали лунный свет скупой
Фигуры облачных горгулий,
Деревья двинулись толпой
И ветки черные сомкнули.

Я с этими и с теми шел
К ночному шумному шеолу,
И волчьим пламенем шеол
Дышал в лицо всему живому.

Жизнь кончилась, и боль прошла.
Не ранят ровные дороги.
И не осталось даже шва,
И затянулись все ожоги.

Теперь гуляю только днем,
Вдоль одинаковых оградок.
К обеду возвращаюсь в дом.
Смерть любит четкий распорядок.

* * *

Не случайно уверял, что всё вода,
Зачинатель философии Фалес.
Волны моря поглотили навсегда
К чертежам благословенный интерес.

Треугольники скрывают свой закон,
И табличка навощенная пуста.
Прометей теперь обратно взял огонь –
Греется в Колхиде у костра.

Умираем и живем, одни в стране,
По движению искусственной руки,
И сжимаются на адской глубине
Архимедовы круги.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 236

* * *

Испытай свой дар на этих малых,
Вырви волосок из бороды!
Люди, заточенные в подвалах,
Высохли без пищи и воды.

Поднимись, уснувшая Тавифа,
Посмотри на свет и облака,
Потому что смерть непредставима,
Гул ее за гранью языка.

Но спрошу немого Бога: Ты ли
Мне бросаешь мерзлой жизни ком?
У меня давно глаза пустые,
Черный рот с распухшим языком.

* * *

Никак тебе не избыть городской беды,
Что черным облаком тянется над головой.
Попей сначала воды и поешь воды,
Водой из ржавого крана лицо умой.

Проснешься, ищешь стакан, в небесах темно,
Похожи друг на друга мертвые города:
Кривые ребра деревьев лезут в окно
И слабой кровью простенков шумит вода.

ЧУДО

После взрывов и ударов
Никого не удивит,
Что пропал со всех радаров
Незнакомый индивид.
Обделен живой монетой,
Непристроен, одинок,
И земля пустой планетой
Уплывает из-под ног.

На краю песчаной суши
Эта впадина видна,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 237

Где измученные души
Поднимаются со дна.
Ни другой души не знает,
Ни самой себя душа,
Только случай их пронзает
Острием карандаша.

А потом чужие слуги
Забирают в оборот:
Ходят строем дни разлуки,
Суета целует в рот.
И печаль, и совесть гложет,
Ревность ранит ни за что.
Значит, чуда быть не может,
Чуда не произошло.

Но один, один в квадрате,
Я по комнате хожу
И в потрепанной тетради
Неразборчиво пишу,
Что вдали на крышу чью-то
Снег ложится не спеша.
– Это чудо! Чудо! Чудо! –
Надрывается душа.

Rishon le-Ziyon, Израиль

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 238

Елена Дубровина

О чем молчали звезды

* * *

На шелковом небе я вышью крестом
Мерцание звезд и луны отраженье,
Расплывчатых туч в неизвестность скольженье,
Закат, опаленный горящим костром.

Я вымощу улицу лунным свеченьем,
Рассыплю по крышам я звездную пыль,
И вспыхнет на небе всего на мгновенье
Прошедшего счастья погасший фитиль.

* * *

Повеяло осенним холодком,
как будто ангел крыльями взмахнул,
тяжелый дождь стучал как молотком,
и лунный свет в тумане утонул,

а мы сидели в полной темноте,
шуршали листья, падая в провал,
мы пили чай, согревшись в тесноте,
закат за горизонтом закипал

и проливал последней капли ртуть
пятном чернильным в старую тетрадь,
мы познавали новой жизни суть
и возвращались в прошлое опять,

молчанье стало темой ни о чём,
мелькали тени бледные везде,
и кто-то тихо миф открыл ключом
о тайне сотворенья на земле.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 239

* * *

Запутавшись, мысли блуждают в сознанье,
Душа расцветает, как лунное море,
Ложатся лучи на песочное взморье,
И сети плетут, как старушка вязанье.

Опавшие листья на скользкой дорожке
Шуршат о прошедшем всё тише и глуше.
Холодные волны смывают на сушу
Забытые строчки в старинной обложке.

И жизнь проплывет, как медленный катер.
Осколки минут и часов отраженье
Несет по реке каменистой теченье,
Туда, где колдует над жизнью Ваятель.

Ночное пространство размерено четко,
Здесь памятью выверен каждый кусочек,
Но тонет вдали судьбоносная лодка,
От жизни оставив луны лоскуточек.

В замедленном кадре с ужимками вечер
Бормочет, закутавшись в тучу устало,
Что смерть – это жизни другое начало,
Где лунное море похоже на вечность.

* * *

Вот свет дневной, сливаясь с тьмою,
Плывет в замедленном движенье,
Лишь вызывая сожаленье,
Как время тянется зимою.

Недели сложены на полке –
Остановились на распутье.
И мысли, ломкие, как прутья,
В стихах дробятся на осколки.

Молчанье обитает в доме,
Снег за окном в молочной пенке.
И только в узеньком простенке
Таится жизнь, забывшись в коме.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 240

* * *

Как описать, что мир в моей душе
сужается до полосы незримой,
когда на каждом новом этаже,
я остаюсь величиною мнимой.

Глухие звуки – дальний фейерверк,
как отзвуки судьбы необратимой,
а дни идут – идут в прошедший век,
такой далекий и неповторимый.

Мои шаги – ступени вниз и вверх
глухим и жутким отдаются эхом.
Как мне войти в чужой проклятый век
потерянным в пространстве человеком?

Большая птица бьется о стекло,
и умирает рядом на пороге.
Каким же ветром время унесло,
и я пришла к концу своей дороги?

А здесь вокруг такая пустота
нанизывает скуку на запястье.
И птица умирает неспроста,
как умирает маленькое счастье.

* * *

Снова старый лежит на столе календарь,
Я листаю страницы, но даты забыла,
Помню только последний холодный январь,
Когда вьюга за окнами выла.

Слышу ночью – всё так же урчит
Одинокая кошка в заброшенном сквере,
И под утро несчастный от боли кричит,
Обреченный на смерть и взывающий к вере.

Всё проходит. В сознании снова покой.
Память бродит вдали, как чужая подруга.
Только тянет вернуться обратно, домой,
Петербургская снежная вьюга.

Филадельфия

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 241

Андрей Грицман

Граница сна

Короткая проза

КИНЦУГИ

В это утро мне предстояло много работы. Как, впрочем, и в любое другое утро моей жизни. Так и живем мы здесь, на дальних краях острова, в Фукуи, на берегу бурного Японского моря. Зимой поземка заметает подходы к нашим домикам и мастерским, так что приходится пробираться по колено в снегу. В сезон тайфунов морские волны перебрасывают валы через улицы, и надо быть осторожным, чтобы не смыло одинокую фигуру в темное море.

Но мы знаем наши дороги и тропы, и кропотливая работа не прекращается ни на минуту. Весь день мы работаем над трещинами, мозаикой и стыковками, и нет предела достижения совершенства. Главное – это непривязанность к предметам, принятие радости мучительности существования и сочувствия вещам.

Я не помню, сколько мне лет, но помню о всех заказах, над которыми работаю. Чтобы их выполнить и достичь тончайшего уровня, надо жить здесь и наносить рисунок согласно течению сезонов. Но где-то в глубине теплится что-то, о чем невозможно рассказать ни другим мастерам, ни самому себе. Где-то на отдаленной звезде – мой путь в школу в «холодной яме января» по 2-й Мещанской, вазелин на носу и на щеках, нанесенный бабушкой, говорящей со странным мягким акцентом. Да-да, и эти дальние строки живут где-то в пространстве, изреченные на странном, но узнаваемом языке, который уже давно не знаю, не помню, но понимаю. Летят эти строки, несомые ветром над бездной Японского моря и по холодным просторам над вечно шумящей хвоей.

Наши лаковые деревья требуют полной концентрации на работе. Они живут всего пятнадцать лет, выделяют скудное количество лакового сока летом и ранней чудной нашей весной только шесть лет. После этого их надо срубать и всё начинать сначала. Чтобы создавать эти вечноживущие сосуды, чаши, чайные скорлупки, нужно абсолютное внимание, особенно при нанесении золотого, платинового или серебряного порошка. Но нас это не тревожит. Любая поломка и тре-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 242

щина неотъемлемы от истории, и ничто в нашем искусстве не заслуживает забвения и маскировки.

Еще где-то очень глубоко в свете месяца – недвижная стеклянная поверхность моря, и в дальнем мерцании, отраженном пустынными скалистыми холмами, я могу корпеть над своей работой, задержавшись допоздна.

Я не помню, когда эта страница моей жизни была открыта, но это и неважно. Мы принимаем то, что они называют жизнью, как она есть. Или была.

И я не помню деталей того перелета и перемещения. Смутная память о тополином пухе, вязах и весенних почках только помогает мне усердно и медленно наносить порошок на древнюю чайную чашу сёгуна, над которой я работаю уже тысячу лет, и, скорее всего, закончит ее только мой потомок, которого мне знать не дано.

Так я и живу, и тихо работаю под шум Японского моря и под отдаленное завыванье пушкинской вьюги.

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Он жил очень хорошо. Лучше некуда. Одна знакомая приезжала, вкатывала свой модный чемоданчик, советовала содрать краску со старинных дверей – он устало нанимал кого-то, и двери потом выглядели как в музее: темное дерево, покрытое дорогим лаком; хотелось ходить туда и обратно и трогать эти двери. Потом она пыталась сделать пролом в стене – из гостиной в ванную комнату – и построить там нечто вроде ванно-туалетного комплекса, напоминающего космическую капсулу, но он устоял. Она хотела научить его протирать что-то полезное на завтрак, превращающееся в питательную вкусную вязкую массу. А потом она исчезла, вместе с чемоданчиком, – словно вылетела на нем в окно, не получив подтверждения своей полной победы и овладения территорией с темными дверями и питательной массой.

Другая знакомая, с большим внушительным чемоданом, переставила все кошачьи плошки и пыталась даже переманить котов на свою сторону, что оказалось несложно на одну ночь, но потом коты вернулись в постель хозяина, каким-то своим глубоким знанием определив, где их дом. Она тоже улетела со своим большим чемоданом – и гораздо дальше первой.

Та, которая из позапрошлой жизни и с кем вместе заводили котов, давно пропала, захватив живые воспоминания, сны и фантазии. Их обрывки висели прозрачной паутиной на ветвях старых пригородных вязов, медленно покачиваясь на ветру, как бы грустно нашептывая: «мы же говорили…»

Весьма странным оказался повторяющийся ритуал переноса и выноса одежды и других вещественных доказательств ее присут-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 243

ствия у очередной обитательницы его пространства ничейной земли. Когда она на время исчезала, комнатные растения увядали, их листья осыпались, и комнаты становились похожими на осенний сад. Он периодически сносил оставшееся от ее бытования в склеп в подвале, где жили его книги и тетради записей, – что-то нашептывая про какие-то обрывки и обломки позапрошлой жизни, которые пережили все периоды – уверенности в будущем, уверений, надежды, растущую в груди боль, разрыв, первое опьянение болью и затем шелест прозрачных трав на холме вечной разлуки...

Следующая история оказалась очень странной – сочетанием полной ее безнадежности с самого начала с пульсирующим счастьем, когда разуму ясно, что всё обречено, но в момент прикосновения воздух светлеет, и ареал обитания – мосты над бездной города, ночной аэропорт, темные улицы, пьяное безумие – принимает формы целых жизней, прожитых за несколько часов. Как ни удивительно, безысходность давала надежду на длительность и бесконечность. Потому что ведь если нет надежды, но есть жизнь, то нет и конца этой надежды, но есть жизнь.

Так что, кажется, сочетание болей как горьких лекарств, если правильно смешать, дает какой-то эликсир жизни. Ну как когда-то, в мальчишестве, просыпаешься в воскресенье утром – родители еще спят – и вдруг ощущаешь предвкушение жизни, – наружно, как обещано, светло, но глубинной интуицией – в виде будущей боли. Тем более что рядом у кровати лежат и «Евгений Онегин», и «Маскарад», что читал поздно ночью, после того, как из репродуктора отзвучал гимн СССР.

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Устав от повседневных трудов, я решил, наконец, выползти наверх, осмотреться, глянуть, что происходит. А то мы там, внутри, только суетимся. Но не просто так, а всегда по делу, куда надо. Все знают, что кому делать, и никто никого не спрашивает. Где главный сейчас, мы и не знаем, все по своим делам. Ну так и надо, каждый на своем месте. Вернее, не на месте, а всё время в движении. Любовью заниматься некогда, редко получается, мало на это времени, да и опасно. Чаще всего, рано или поздно, это приводит к гибели. Поддерживать семью для нас – дело святое: свое гнездо, свою ячейку, и чужих мы в нее не пускаем. Что на меня нашло – не знаю, но заняв уже свое положение в обществе, решил я на минуту остановиться и оглядеться, отдохнуть от вечных трудов, выползти наверх, наружу. Там мне понравилось, хотя и непривычно, даже чуждо. Пахнет теплым тлением, всякого прокорма много, пробегают по своим делам какие-то огромные мохнатые чудовища и пролетают большие птицы, с черным разворотом крыльев, но где-то высоко. Всё это мне почему-то знакомо из другой жизни, которую я и не помню. Может и не со

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 244

мной это было, а с моими предшественниками. Но пора и за дела. Нырнул я обратно и точно знал, куда мне надо двигаться и что делать. Тут-то я и встретил ее! Ну просто царица: крупная, гладкая, золотистая, уверенная. Я понял, что попал в опасную ситуацию, но выхода у меня не было. Я знал, что это, скорее всего, плохо – вернее, естественно закономерно – кончится. И наверх мне больше не выбраться. Но наплыл на меня какой-то покой, и понял я, что я в своей ячейке, в своем гнезде, и не нужна мне больше эта суета снаружи, наверху мохнатые звери, пение птиц, дальняя поступь шагов обходчиков, шорох листьев, вечный шум воды, которой всегда тесно, и отдаленный непонятный зов.

БЕЙДЕВИНД

Все началось с того, что моя возлюбленная записалась в яхт-клуб и пошла на курсы парусного спорта. Кое-что и мне показала. И как-тот раз взяли мы яхту напрокат в клубе, и я под ее руководством сделал что-то невообразимое с парусами. Она и научила меня странному слову «бейдевинд» и этому способу управления судном. Оказалось, что и слово, и прием означают, что при определенном расположении парусов можно плыть против ветра!

Мы благополучно скользили по нашему спокойному заливу мимо очередного песчаного барьерного «движущегося» острова. Но потом ветер окреп, несколько изменил направление, и нас гладко понесло дальше и дальше вдоль песчаных кос в какой-то совсем другой залив. Дело в том, что это область живых песков: береговая линия меняется, и нужно обладать недюжинными знаниями и способностью, чтобы выплыть обратно к точке возврата.

К вечеру, к закату, нас прибило к какому-то островку: песок, но и небольшие скалы, кустарник и несколько высоких сосен, горящих на закате. Там же оказалась и небольшая, вполне пригодная хижина – видимо, остаток рыболовных стоянок ранних поселенцев, весьма ранних, судя по потемневшей Библии, лежащей в углу у давно холодного очага.

Мы зажили замечательно. Яхта, покосившись, застыла, прислонившись к скале, паруса безмолвно поникли и замерли, обожженные солнцем. Ветра давно уже не было. Утром мы недолго плавали в прибрежной прозрачной воде. Бродили по привычной, почти исчезнувшей, тропинке вокруг островка. Долго лежали, обнявшись, и говорили. Обо всем том, о чем при обычной жизни не поговоришь. Жизнь на материке казалась далекой и нереальной, как история, прочитанная в каком-то мемуарном романе.

Самым любимым нашим занятием стало сидеть, обнявшись, на закате на песке, когда тихая вода залива мягко ласкает ступни.

А потом медленно сгущается очень темная ночь, как и бывает в этих местах, и нашей покосившейся яхты больше не видно, и только

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 245

где-то далеко на горизонте иногда, казалось, мерцал одинокий огонек. Впрочем, было неясно – огонек ли это из другой жизни или низко плывущая звезда Галактики.

В те времена мы осознали всё, что раньше не понимали. И всё это было нам подарено странным приемом под названием «бейдевинд».

ГРАНИЦА СНА

Обычно она появляется задолго до рассвета, когда тени еще живут своей жизнью, свет еще не смеет забрезжить, и возвращение в детство происходит моментально. Она подходит ближе, заглядывает мне в лицо. Глаза ее открыты, но неподвижны, и выражают что-то, что я не могу прочесть. Находясь совсем близко, она смотрит сквозь меня куда-то вдаль и, одновременно, в глубину. В такую глубину, куда попасть невозможно, да я и не хотел бы туда заглядывать. Очевидно, она знает что-то, что мне знать не дано. Только если не уйти вместе с ней туда.

Идет она медленно, путь ее неведом. Иногда она учит меня летать. Обычно мы взлетаем вместе, иногда я один, но она ждет меня – на той крыше, где в ту войну гасили зажигалки наши соседи. Никого, кроме нас, там больше нет.

С высоты полета мне виден весь родной район – каким он был, пока его все не оставили. Обычно она мне что-то говорит, обещает. Никогда не исполняет своих обещаний, не помнит. Слова любви ее живут сами по себе и не относятся ни к ней, ни ко мне. Впрочем, и наяву любовь живет сама по себе, вспорхнув между тем, кто ее высказал, и тем, до кого она долететь не может.

Наконец она уходит – не помня, что была со мной. Возвращается туда, в ту зону, в ту страну, где легкие тени тихо плывут, входя в поверхность зеркала, и по этим признакам я догадываюсь, что всё не так, как мне кажется, и только ощущение легкого дыхания на моей щеке напоминает о том, что всё же она была и сказала мне нечто важное. А что именно – ни я, ни она не помним. Да и говорили мы на неведомом мне языке.

МАЛЬЧИК И ЛУНА

Солнце встает над Наяком и плывет вдоль Гудзона, с севера, от Лабрадора, от холодного сияния. Плывет вдоль ферм и озер, над закатным Кейп-Кодом, вдоль заброшенного железнодорожного полотна, над пустыми товарными вагонами, освещает опустевший дом в Пьермонте у дороги, погашенный кинотеатр, темный пустынный город, постепенно превращаясь в луну; задерживается над Гринвич-Виллидж и опускается за Гудзон, в мохнатую зелень Нью-Джерси.

Мальчик просыпается от плохого сна, оглядывается: пусто, еще светло, и луна перед ним безвмолвна. «Боже мой, что стало с моим

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 246

домом, что стало с моей Америкой?!» И, не получив ответа, снова засыпает.

ТРАНСЛИНГВАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ

Табакерка. Алюминий от Мессера, впаянная красная звезда из цветного стекла.

«Полковнику Я.А. Грицману от бойцов 222-й стрелковой дивизии,
33-я армия, 3-й Белорусский фронт. Под Оршей»
Местоположение: книжная полка Restoration Hardware,
между Кафкой и Целаном.
A.Y.Gritsman, M.D.
210 Riverside Drive, 7D
New York, NY 10025
Rauchen nicht verboten.

СВЕТОВЫЕ ГОДЫ

Нас разделяли световые годы. В том смысле, что я любил зажигать свет, разные лампочки по углам, столикам и тому подобное. А она любила полутьму в комнате – или даже полную темноту. Отсюда и конфликт на тему закрытых, полуоткрытых, полузакрытых или поднятых жалюзи всегда стоял на повестке дня. И ночи. Впрочем, ночью я люблю переселиться в свой ночной мир – в полную темноту – и отплывать туда, где меня никто не видит.

Она любила лежать и слушать свою книжку или подкаст про парфюмерию, что было для меня темным местом. Так мы и жили, и ладили, и любили наши световые годы.

Я уже забыл – это определение времени или пространства? Хотя понаслышке, да и по-моему, время и пространство – это одно и то же. Я двигался в том пространстве нашей жизни, натыкаясь на лампочки, столики, этажерки, тумбочки и иже с ними... А она лежала и нервничала в ожидании моего нарастающего саморазрушения.

Позже, ночью, всё затихало, и только из-за окна слышались тревожные сирены патрульных машин, разных санитарных и пожарных чудовищ. Потом и они куда-то исчезали и замолкали, устремляясь в черноту ночи. Она в темноте слушала свой скандинавский нуар, а я пытался читать на телефоне «Человека без свойств» – и экран мягко подсвечивал углы комнаты, которые жили своей собственной теневой жизнью, что пряталась днем от света. Но никогда не исчезала совсем, а ждала своего темного часа.

Я вставал и выходил, оставляя светящийся на тумбочке телефон, который продолжал жить своей тихой яркой жизнью – замерев на той странице, на которой я его оставил. А она лежала и слушала нуар в его слабом отраженном свете, полагая, что я всё еще рядом.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 247

НЕПРОЗВОНИВШИЙ БУДИЛЬНИК

Всегда, просто всегда, когда надо, я ставлю будильник – тот, который звонит мелодично, спокойно, без темы, – без какой-нибудь надоевшей мелодии, звона курантов (отвратительное воспоминание детской бессонницы – в полночь из черной пасти репродуктора), нет, простой ровный перезвон. Мол, закругляйся со своим сном, болван, пора вскакивать: на совещание, в операционную, в аэропорт, на встречу или звонить через моря и океаны. Эти времена, слава Богу, прошли. Но понадобилось в кои-то веки пораньше встать. Поднимите мне веки! И вот раз – в этот особенный раз – властный будильник и не прозвонил.

Как бы ничего страшного не случилось, однако всё оказалось гораздо серьезнее, чем я ожидал. Дело в том, что мне часто под утро снился один и тот же сон: я с группой близких мне людей направляюсь куда-то по переулку, по Грохольскому, кажется, или по 93-й улице; мы входим в большой дом, идем по длинному коридору и...

С годами эта группа близких людей всё уменьшалась. Кто-то почему-то не появлялся, кто-то задерживался у киоска, другие таяли в сумерках. Некоторых я помнил, я знал, что с ними случилось; я знаю, что их больше нет, но всё же иногда разговариваю с ними. Непонятно, на каком языке мы говорим. То есть, я всё понимаю и меня понимают, но звука не слышно. Что-то вроде передачи мыслей на расстоянии, хотя я в эту хрень никогда не верил.

Так вот, до конца коридора доходили мы только с ней. Слышу вопрос девушек: а с кем – с ней? Не скажу, поскольку это совсем неважно. Мы доходили с ней до какой-то красивой двери – высокой, крепкой, из солидного дерева. Как в старых московских квартирах. Помню еще: сбоку у двери висело зеркало в деревянной простой раме того же дерева, но что в нем отражалось – я никогда не рассматривал.

Так вот, всегда, годами, в тот самый момент, когда мы доходили до двери, звонил будильник, я просыпался, вскакивал и на время забывал про сон. А потом, через какое-то время, сон повторялся, но опять заканчивался по будильнику, в конце московского коридора, у двери.

А в этот раз будильник не прозвонил. То ли я забыл его завести, что вряд ли; то ли пружина сломалась – я не доверяю электрическим будильникам и всегда пользуюсь этим, заводным.

Будильник не прозвонил, я продолжал спать и досматривать сон, который никак не кончался. Мы с ней дошли до массивной коричневой двери с тяжелой медной ручкой, вместе посмотрели в зеркало, и я первый раз в жизни открыл эту дверь...

Нью-Йорк

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 248

Анастасия Скорикова

* * *

Шумит листва. Перевернув листок
календаря, танцует ветерок.
Сентябрь приходит с яблоками, астрой,
с твоим письмом. Читая между строк,
нечаянно замечу: «Жизнь прекрасна».

Нет повода пенять на этот свет.
Куплю в обед билеты на балет.
Раз ничего не требуют, не просят –
не буду отвечать: к чему ответ,
когда и так чудесно, – снова осень.

Пусть школьники – цветные мотыльки,
не чуя ни печали, ни тоски,
летят на свет познания из мрака
блаженного неведенья – легки,
как брошенная в жар огня бумага.

* * *

Хлопнешь дверью и выйдешь наружу,
отношенья порвать поспешив,
встанешь прямо в чернильную лужу,
а вокруг – ни души, ни души, –
ни друзей, ни врагов, ни соседей,
как в оглохшей далекой глуши;
забивает дыхание ветер:
если можешь теперь – не дыши.

Над увядшей аптекой «Фиалка»,
освещенной одним фонарем,
над петляющей улицей, аркой,
придающей пространству объем,
над нечаянной радостью, болью,
заточённой в сознанье твоем,
пролетает листва... Бог с тобою,
мы еще поживем, поживем!

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 249

МЫШЬ

Вот тетушка Маша и стала похожа на мышку:
слегка заострился, длиннее как будто стал нос,
и волосы собраны сзади в седеющий хвост.
Для пищи незримой, духовной, нужны стали зубы:
грызет все подряд позабытые пыльные книжки,
где смыслы остры и съедобными кажутся буквы,
в слова превращенные выше – на уровне крыши,
засыпанной снегом, висящей в замерзшем окне.
И нам говорит, что она не выходит и нет
желания даже в тот мир заоконный вернуться.
Но мы-то с тобой точно знаем, что есть черный ход,
из дома доходного вниз убегающий – под
пласты городские, идущий потом под рекой
в мышиное царство – амбара зернистый покой.
Вот там-то раздолье, там секта счастливых мышей
о Гофмане, Кафке беседуют и о погоде,
из трав самокрутки варганят, пищат, хороводят.
Уютно и весело юркой пугливой душе.

СКАЗКА

В коммуналке питерской – как в глухой избушке.
Колбаса нарезана, оливье, чекушка.
Шарик красный сдувшийся, на стене – плакат.
Собралась компания – никуда не деться:
пожилые мальчики, девочки-старушки...
Только нет желания возвратиться в детство,
и никто советскому прошлому не рад.

Кто-то слово вымолвит, отвернется кто-то,
спорить больше не о чем, думать неохота.
Ходики настенные встали навсегда –
стерлись все колесики, заржавели звенья –
дали злым волшебникам новую работу.
«Сказка о потерянном времени» в сравненье
с этим жутким мороком просто ерунда.

У МЕТРО «МОСКОВСКАЯ»

Говорит незримому: «Пошел ты на...» –
мужичок, сидящий на земле.
Выйдешь из метро и видишь: желтая
ранняя листва у тополей,
клейкая; кто клятвы ей нашептывал –
спит давно в двоящемся нуле.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 250

У старушки взяв букетик ветрениц,
вянущий, уже полуживой,
созерцаешь мрачно комплекс «Ленинец»:
не зарос ни мхом, ни трын-травой
Дом Советов – кровожадный первенец,
сталинских времен сторожевой.

А вокруг дома стоят с пилястрами.
Помню двор с сиренью, закуток,
где мы жили, были даже счастливы,
но давил лепниной потолок,
ночью пахло подземельем, астрами,
шел от стен тревожный холодок.

В настоящем копошится прошлое,
в будущее движется впотьмах
старое, прогнившее, прогоркшее,
возвращая первобытный страх,
превращая в крошево – хорошее,
облекая в плоть подзол и прах.

* * *

Осенних сумерек перформансы,
стаканчик пластиковый. Поздно
уже встречаться – меркнут помыслы
пред перспективой бездны звездной.

Как этой жизни одноразовой
смущают вечные приметы!
И Млечный Путь платочком газовым
взмахнет, свеченьем разогретый.

Дрожу и алчу неизбежности,
а в сердце набухает сонно
забитой позабытой нежности
бутон сырого анемона.

* * *

Хоть за это я не отвечаю...
Шашечницы Фебы легкий флирт
с розовым соцветьем иван-чая.
Словно храм готический стоит

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 251

на ветру цветок. Присяду сбоку
со своею болью и виной.
Я здесь ни при чем, и слава богу
то, что не считаются со мной.

Дивно пахнет сладостным раздольем –
не переиначишь невзначай.
От меня ведь не зависят поле,
бабочка, цветущий иван-чай,

вдалеке намеченные горы
в дымке зноя, а наоборот –
липнет к телу ласково, сквозь поры
проникает в сердце счастья мед.

* * *

Сместилось что-то в этом мире:
без снега теплая зима
нас сводит медленно с ума,
то минус два, то плюс четыре.

Поет безумная синица,
как будто крутит у виска
перстом невидимым тоска
и в мозг пытается ввинтиться.

Из бытовых орудий пыток
что выбрать: ссору, страх? – Прикинь,
пока ползет звезда Полынь
по небу, скрученному в свиток,

и тень ее уже ложится
на старый город вкривь и вкось,
а из земли прогорклой ось
торчит, как сломанная спица.

У ног разверстая могила,
кровавый всадник, бледный конь,
За ними скачущий огонь, –
ничто бы нас не удивило.

Санкт-Петербург

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 252

Инна Девятьярова

ЛЕТО

Масло солнца размазано по
Тонкой корочке неба,
Стекает
С прокаленных жарой
Облаков.

Вязнут ветра
Стальные ножи
В бледно-облачном крошеве.
Солнце
Желто и горько.

Как прогорклое масло
Течет
По хрустящему, ломкому,
Добела раскаленному небу,
С шипением падает,
Испаряясь,
В бездонную
Чашу
Земли.

АКАЦИЯ

Ты, акация белая…

Тающий снег
Лепестков.
Зелень и белизна.

Паруса каравелл.
Синева
Бесконечного плаванья.

Острые
Чаячьи крылья.
Застывший полет.

В небе
Рой мотыльков.
Суетливые танцы.

...И все – ты, акация белая.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 253

НЕБЕСНАЯ СТИРКА

Грязно-серое небо
Выжимает
Белье облаков.
Растянув
На веревочно-тонкую молнию,
Бьет
Раскатами грома.
Повесив
Под искрящую
Лампочку солнца,
Досушит
До крахмального,
Белого блеска,
До ветром
Приглаженных кружев
В поднебесной
Корзине
Белья.

ОДУВАНЧИКИ

Желтизна одуванчика – солнце,
Выжигает
Пыльцу на руках,
Золотые лучи.
Солнце – желтая пыль.
Белизна раскаленного неба.
Сухая трава.
Одуванчиков пепел
Поднимется к солнцу.
Струящийся дым.
...Золотая пыльца на руках.

КОСТЕР

В красной пасти костра
Исчезают трескучие ветки.
Пожирающий голод его
Неохватен, бездонен.
Бездонна тоска
И тревога.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 254

Шипят
На траве уголья
Черной, дымкой отрыжкой
Кострового чрева.
Смердит
Обгорелым дыханье.
Зверь садится
На задние лапы.
Когтит
Раскаленно-трепещущий воздух.
Искры пляшут во тьме,
Образуя сияющий череп
С мертвым, белым оскалом.
Зверь велик.
Зверь ничтожен.
Зверь взмывает в прыжке
На сосну.
Зверь ползет,
Припадая к земле,
Пожирая
Муравейник и домик улитки.
Рычаньем
Прогоняя ежей.
Его голод неистов.
Зверь нуждается в клетке.

...Тушите костры за собой.

ЗАВИСТЬ

Я – завидую вам,
Деревьям с не рваною,
Ровной корою,
Которые
Не истекают
Сукровицей смолы,
И гнилью
Не наполняют своих сердцевин.

Я завидую пням.
Они –
Избавлены навсегда
От кроны воспоминаний
И тянущих соки жизни

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 255

Растущих стволов,
Всё выше и выше,
К холодному
И бездушному небу.

Я завидую
Зеленым росткам,
Что, пробившись из желтого семечка
Через упругую землю,
Взошли,
Клейкими листьями
Пробуя
Живительный солнечный свет
И питаясь
Касаньем дождя.

Я завидую
Юности,
Зрелости,
Смерти –
Больное,
Трухлявое дерево
С содранной наполовину корою.
Я жду
Своего дровосека,
Чье остроточеное лезвие
Отгонит
Гремучие восклики птиц
Над моими сухими ветвями,
И даст
Наконец
Мне покой.

МЕРТВЕЦЫ НЕ РАССКАЖУТ

Мертвецы не расскажут.
На досках – забуревшие пятна.
Между досками – комья земли,
И трава.
Прорастает цветами
Могила.

Мертвецы будут спать,
Только скрежет

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 256

Лопаты у самого уха
Их заставит
Покрепче зажмурить глаза,
Чтобы благостный сон
Не прервался.

Мертвецы не припомнят –
Кровь на белом снегу,
И железо, поющее от
Ударов в железо,
Вьюгу, что
Над полями и лесом
Унесет голоса
И посеет
В застывшую землю.

Мертвецы не восстанут
Из сбитой гвоздями постели,
Из червивого ложа
Под солнцем сожженной травой.
Задавай им вопросы –
Они не ответят.
Не вспомнят.
Не выцедят жалобы
Сгнившими ртами…

Что хотел ты узнать?
Мертвецы не расскажут.

Санкт-Петербург

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 257

Гари Лайт

ПЕРЕХЛЕСТ

«Из Марциала» – первая строка,
а дальше – применительно к погоде,
и всех, уже иных чревоугодий,
во имя Одиссея-моряка...
Не хватит всех повадок Цицерона
красноречиво и осмысленно воспеть
вот эту всю квасную круговерть
покинутого кубрика – притона...
В котором прежде и гитара, и стихи
воспринимались трепетно и внятно,
а нынче – словно родовые пятна –
сомнения возводятся в грехи...
И не услышит муза лет иных
негромких слов, звучащих на прощанье,
там здравый смысл ушел в чревовещанье
и пафос прославления таких...
Что только Вагнера, звучащего вдали,
а вовсе более, уже не фуги Баха,
надежда неуместна в мире краха,
«Из Марциала», но светильник не горит

10.25.20

* * *

...И опять кольнут доныне
Не отпущенной виной…

Борис Пастернак

На одной из переделкинских дач,
в прошлом веке, где-то ближе к зиме,
вне сети, эфиров и передач,
эта женщина привиделась мне...
Ее контур словно соткан из сна,
тень скользнула из проема двери
незадернутых гардин у окна
и сказала: Только не говори...
– Этим сумеркам слова словно плеть,
просто верь, если сумеешь, глазам,
лихолетий пронеслась круговерть,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 258

жаль, что будущность не часто добра.
Подмосковный дождь сменился на снег,
даже промельк водворился в сюжет,
профиль женщины, как рок-оберег
нивелировал течение лет.
В подсознании, по кругу метель,
попросила: Опоздай на трамвай, –
а в углу была наряжена ель,
у окна стыл в подстаканниках чай.
Белых хлопьев заоконный уют
неминуемо сменялся на дождь,
она молвила: Я всё еще тут,
жаль, что ты меня полвека не ждешь.
Я ослушаться хотел и сказать,
что не сходится – мне нет тридцати,
но она опередила, видать,
и шепнула: Всё, мне нужно идти.
У меня похолодело внутри,
так бывает накануне зимы,
в Переделкино зажглись фонари,
и уже не оставалось вины

12.8-23.20

МОНОЛОГ ПАСЕЧНИКА

В статусную провинцию,
из той, которая так себе,
пишу, отражаю линзами
и тем берегу свою пасеку:
О том, что всё образумится,
что горизонты наладятся,
что пчелы – вернулись, умницы,
что канули неурядицы.
В ответ получаю весточку,
в которой строка неровная,
пергамент в синюю клеточку
и пахнет каменоломнями.
Там столько всего намешано,
и стиль настолько не выдержан –
От рук, мол, отбились лешие,
а ведьмы торгуют имиджем.
И вот я сижу, задумавшись,
над этим нелепым казусом,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 259

как будто явились усташи
пафосные, под градусом.
Я меда категорически
не выдаю заблудившимся,
всегда переход на личности –
как перелом открывшийся.
И вечно Юдифь упрямится,
я ей Катулла цитирую,
когда она в образе странницы
камфару пьет эфирную.
И мало кому приснившийся
вожусь на закате с сотами,
а у соседей пиршества
с зашедшими гугенотами.

1.16.21

* * *

Атмосферное давление,
одержимость книжных полок –
это признак поколения
быстрых встреч и кофемолок.
Мимолетные решения,
героизм второго ряда,
да к постельным обобщениям
заграничные награды.
Мысли из цитат по темени,
пять аккордов на гитаре,
в тон, соизмеримо времени,
за товаром, к бочкотаре.
Пересылки не сибирские,
а скорее – в Братиславе,
откровенья монастырские,
диалог о римском праве.
А затем по нисходящей
этой небольшой планеты,
неуверенно летящей –
вдоволь плясок силуэтов.
И когда не стало истины,
навсегда или до выбора,
атмосферно и таинственно
как акцент случился выговор

8.23.21

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 260

* * *

…Какое, милые, у нас тысячелетье
Борис Пастернак

Тысячелетье на дворе
давно иное, что печально,
хотя – казалось изначально,
что славным выйдет кабаре.
Но в первой четверти пока
сплошной регресс в средневековье,
предельно жаль, что Подмосковье
в том не последний кружит па…
А по сравнению с порой,
когда наш крик звучал впервые,
настали времена лихие,
почти сравнимые с Ордой.
Минувший обожженный век
был страшным в первой половине,
но после – как ручей в долине
случился некий имярек
надежды, музыки, стихов,
шестидесятых и позднее,
но не хватило корифеев,
и свет укрылся в сферы снов.
Должно быть, так не в первый раз
сплелась во всём закономерность,
вопрос сулит былую дерзость:
«...Какое, милые, у нас»...

8.08-30.21

* * *

Сон арьергарда августа. Нью-Йорк:
нелепо странные детали интерьера,
вещает доморощенный пророк,
и накаляется, вскипает атмосфера.
Стеченье всех немыслимых дорог,
а мыслимых как будто не осталось,
мельчает и крошится ровный слог,
мелькнут ее черты – какая жалость.
Как в музыке меняющийся темп
во сне по нарастанию чреватый,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 261

когда по нисходящей – жребий слеп,
и так легко остаться виноватым.
Соседство рек, и близко океан,
но жажда превалирует и гложет,
а перечень не посещенных стран
зачитан гостем из почетной ложи.
Несоответствие предельных скоростей
благоволит желанию проснуться,
а декорации сместились в Колизей,
но чуть правей – и горное Абруццо.
Вот где волшебен бархатный сезон,
но возникает ее дерзкая ключица,
и замирает невпопад нью-йоркский сон,
и даже, кажется, что в нем уже не спится.
Но это уровень тех самых миражей,
когда проснуться – значит подчиниться
нелепой магии недобрых ворожей,
и вот вместо ключиц мелькают лица.
Так наступает завершающий сюжет –
в окно повеяло сентябрьскою прохладой,
Венеция, которой больше нет,
приходит в грустный август Петрограда.
И сон на этом валится в кювет,
Квинс проявляется, почти уже осенний,
как будто пролетело много лет,
мимо предутренних мгновений воскресенья

8.27-31.21

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 262

Елена Тверская

Просветы в небе

1. ПОСЛЕДНИМ ЛЕТНИМ ДНЕМ

Последним летним днем, теплейшим, лодочным,
расправив крылья пó ветру, настраиваясь,
летели цапли,
в сторону подоблачную,
в полете разминаясь и подравниваясь.
А на прудах, чуть ряскою подернутых,
с наивностью всего в природе сущего,
Личинки спали, куколками свернуты,
в предчувствии безоблачного будущего.

2. ПРОСВЕТЫ В НЕБЕ

Было время – из нашего блиндажа
Было видно небо,
Да и пили всё, окромя «ерша»,
Ели много хлеба.
Например, могли навернуть батон,
Ладно, полбатона,
От ближайшей булочной за углом
По пути до дома.
Маме с папой больше не уследить,
Дело ведь не в хлебе.
Никого тут нет, и самим судить,
По просветам в небе.

3. НЮХ

Слух стал похуже, и слушаю невнимательно.
Что не коснулось лично – сносит, как по касательной,
и чтобы разглядеть
на дороге значки,
надо надеть очки.
Но не отшибло нюх,
И ловлю как встарь я
Дым в облаках и ветер, что пахнет гарью.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 263

4. СКОВОРОДА

Мир не поймал Сковороду,
Хотя ловил,
И дух свободы не отнял,
Хотя бомбил.

5. * * *

Так повезло – и в том нету вины.
Папа вернулся, вернулся с войны.
Мама была помоложе,
Выжила, выжила тоже.
Там, где жила я, – в том нету вины –
Слышались отзвуки дальней войны,
Но, если солнце сияло,
Мало меня задевало.

После мы жили в другой стороне,
Много узнали о прошлой войне,
Пили, бокал поднимая
За невернувшихся в мае.
Что же стоит, как сплошная стена,
Передо мною сегодня война?
Что же висит надо мною
Камнем, снарядом, виною?

И не одна эта только страна,
И не диктатора только вина,
Всё человечество в целом
В сером стоит, а не в белом.

6. ДРУГ

Расскажу тебе что-нибудь детское,
Раз из детства слышны голоса:
У меня была кукла немецкая,
У нее закрывались глаза.
У нее было платьице красное
И пластмассовые башмачки,
Даже двигались в стороны разные
две ее загорелых руки.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 264

Я играла с ней как-то по-скорому,
Очень уж дорогая была,
Я одежку снимала – и в сторону,
Чтоб запачкать она не смогла.
Но с медведем потрепанным, стареньким
Было лучше намного играть,
И таскать его по двору за руку,
И в обнимку потом засыпать.

7. * * *

У старика кровать с подъемом,
Чтоб подниматься по ночам
И в состоянии бессонном
Прислушиваться к мелочам.
И пересматривать решенья,
Когда-то принятые днем,
И связь подъема и крушенья
Увидеть под другим углом.

8. * * *

Когда болело, а потом
Немного отпустило,
Ты чувствуешь себя котом
С девятой жизни силой.
Всё поправляется рывком
В твоей картине мира,
И только память шепотком
Твердит: – Я не забыла.

Пало-Алто, Калифорния

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 265

Элизабет Бишоп

Петухи

Переложение на русский Ирины Машинской

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СТИХОТВОРЕНИИ ЭЛИЗАБЕТ БИШОП «ПЕТУХИ»

Ирландский прозаик и эссеист Колм Тойбин настаивает, что стихотворение «Петухи» – *только* о петухах, и что если бы Бишоп хотела бы написать «стихи о войне» или «стихи о любви», она бы так и сделала. Это, конечно, очень шаткий тезис, хотя эстетически оправданный: символике Бишоп предпочитала вещь. Разумеется, ни одно настоящее стихотворение не является «стихами о», но лучшие из них представляют собой сплетение мотивов, которые можно обозначить хотя бы условно. Бишоп писала «Петухов» в 1941 году, вскоре после Перл Харбор, и среди ясно заявленных в стихотворении тем главная – тема войны и ее ужаса, неотделимая от мотивов авторитарной власти (и ее потери) и рабского подчинения. В письме Мэриэнн Мор, своему другу и ментору, Бишоп признавалась, что работая над стихотворением, представляла себе «Гернику» Пикассо; красные короны на маленьких головках петухов – несомненно отсылка к известному стихотворению Зигфрида Сассуна, английского поэта солдатского поколения Первой Мировой, о штабных «алых», то есть «краснорожих», майорах[1].

Стихотворение крайне необычно для Бишоп – не только своей длиной, но и интенсивностью *выраженной* в нем эмоции. И всё равно это – Бишоп, и потому даже сама эта интенсивность дается сдержанно, не столько тонально, то есть посредством словаря и синтаксиса (хотя тон всё равно остается несколько отстраненным даже в «восклицательных» фрагментах), сколько интенсивностью и точностью формы, неослабевающего контроля над ней – ощущение, знакомое нам по опыту чтения Цветаевой. В большинстве стихов Бишоп эмоциональное движение скрыто, как глубинное течение, под тонально ровной поверхностью текста[2]. В «Петухах» же сама эта поверхность смята в равномерно идущие складки, их непрерывную череду, и построенные на тройной рифме терцеты идут один за другим, как волны; так же последовательно и неожиданно разворачи-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 266

ваются картины и мотивы. К формообразующей роли этих волн я вернусь ниже.

Описанный в стихотворении городок напоминает скорее северную деревню, например, в Новой Шотландии ее детства: бледный свет и его оттенки, «северные домики», сараи и церкви. Но на самом деле оно написано в тропиках Ки-Уэста, где Бишоп предстояло провести почти целое десятилетие. Вскоре после Перл Харбор в городок вошли военно-морские части, разрушались или заселялись военными дома, регламентировалась жизнь – отсюда «где нам жить»: знакомая по текстам Хэмингуэя райская жизнь кораллового рифа приобрела авторитарный оттенок.

Но кто эти «мы», от лица которых написаны «Петухи»? Мотив совместного пробуждения, один из любимых у Бишоп[3], вроде бы предполагает, что речь идет о возлюбленных, то есть о ней и ее подруге. Но трудно освободиться от ощущения, что здесь это «мы» шире, и речь идет о невидимом (но не молчаливом) множестве людей (личностей), не желающем подчиняться военной воле, милитаризму и контролю, о некоей подспудной солидарности.

Тема пробуждения увлекала Бишоп не меньше, чем тема сна[4]. Она вообще была утренним, а не ночным человеком. «Петухи» были включены в «Север и юг» (1946), первый ее сборник, где много стихов о переходе от сна к яви, который интересовал ее как и всё пограничное, береговое, непостоянное – и оттого неслучайное место, которое тема *странствия* занимает в ее жизни и ее текстах. Петухи – это прежде всего пробуждение, точнее, грубая побудка – и этого в стихотворении много. Но *Stop dreaming!* – это еще и пробуждение от морока – к ясности. Очевидны темы Петра и его тройного отречения (тройной крик петуха в прологе): это центральный и тщательно разработанный в средней, внутренней, части мотив греческих петушиных боев и жертвоприношений (и аллюзия к иронии последних слов Сократа: отдать Асклепию петуха, то есть вылечиться от жизни); тема географической карты, одна из постоянных тем Бишоп, здесь приобретает оттенок геополитики захвата, переделки мира, – цвета на карте сами провозглашают свое право на территорию. В одной из строф упоминается Rand McNally: известная с середины XIX американская фирма, изготовитель карт и атласов. Эти первые дешевые карты были, по сути, гравюрами – оттисками с воскового прообраза: отсюда «рытвины» в слякоти аллей (вспомним дождливый летний тропический сезон Ки-Уэста), откуда производятся «вылазки и броски». Фирму эту у нас никто не знает, так что в моей версии – просто воск картографа.

Вообще Бишоп всегда чрезвычайно интересовали всякие *линии* (вспомним «Карту», традиционно, начиная с первого сборника, открывающую собрания ее стихов), но здесь, в предрассветной тьме

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 267

и мороке военного бреда очертания невидимы или размыты, нет никаких линий, и графика появляется лишь в конце, и то – в облаках. Место линий занимает цвет.

Должна признаться, что первое, что притянуло меня когда-то к этому стихотворению, а сейчас поразило трагическим соответствием нашему времени, – это неожиданное, точное (и при этом сдержанное и экономное) описание предрассветных сумерек в окне, серо-голубой холодный металлический цвет ружейного металла (gun-metal), холод которого начинаешь физически ощущать уже во второй строфе, – вообще всякий металл, в том числе «металлические перья», в сцене воздушного боя петухов «окисляющиеся» и становящиеся ржавой радугой.

Но не только. Стихотворение просто переливается цветом – рассветное голубое марево курятника, голубоватая известь помета на полу, а в финале – розово-золоченный первым солнцем живот летящей ласточки. Присущая Бишоп пристальность проявлена в (цветных) набросках описаний петуха, его «выпяченной груди» и «медалей», его зелено-золотого мундира.

Интересно, что в заглавии она использует североамериканское слово *roosters*, введенное в обиход еще пуританами[5], а не более жестко звучащее *cocks,* как петухов до сих пор называют в Англии и что более соответствовало бы военному сюжету: бойцовские петухи – это *fighting cocks*, а не *roosters*. С этим связан забавный эпизод: получив от Бишоп текст стихотворения, Мэриэнн Мор по обыкновению немедленно прислала свою редактуру, начиная с заглавия, которое невинно предлагала заменить на «The Cock» – что особенно смешно, учитывая, что в жизни Мор придерживалась весьма пуританских взглядов и в стиле и поведении была несовременно и решительно *proper*[6]. Многие слова Мор, всю ночь редактировавшая стихотворение вместе со своей матерью, сочла слишком грубыми для стихов (например, water-closet, описание помета в курятнике и т. д.); изменили они и строфику: некоторые строфы теперь содержали две строки, некоторые четыре. Бишоп предложения ментора отклонила, и на этом ученичество закончилось[7].

Но в самом тексте стихотворения слово *cock* употреблено четырежды: один раз в самом начале и трижды в середине (в теме Петра), и, конечно, в слове «кукареку»: по-английски – cock-a-doodle. И если в теме Петра *cock* – это именно петух, то в прологе стихотворения, в той предрассветной тьме цвета ружейного металла, *cock* слышится (взводится) и как *курок* – еще одно значение этого слова.

Стихи Бишоп всегда отличает формальная определенность, даже если и не сразу очевидная. И при этом ее отношение к форме – живое и свободное, органичное. В отличие от многих своих современников, вернее, тех из них, для кого форма важна, как, например, Одена, *под-*

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 268

биравшего и использовавшего адекватную высказыванию форму, у Бишоп формообразующий принцип никогда не остается постоянным на протяжении текста, даже короткого: он возникает из него и растет, как бы ветвится вместе с самим текстом, то вдруг бросая установленную было схему, как оставляют на скамье ненужный уже зонтик, то вновь подхватывая. Так и здесь: тройные рифмы – то подчеркнуто, раздражающе, настойчиво, милитаристски точные, то ироничные, почти раёшные, то вовсе приблизительные, условные и по звуку, и по ритму (ударению), уходящие в глубину строк, – следуют волнами. Вначале устанавливается схема терцета из стихотворения «Wishes to His (Supposed) Mistress» метафизического поэта XVII века Ричарда Крэшо[8]: два ударных слога в первой строке, три во второй и пять в третьей; но довольно быстро начинаются вариации, и следить за этими, всегда обусловленными сюжетом, метаморфозами уже само по себе необыкновенно интересно. Вообще в стихотворении, даже в самых неожиданных, застающих читателя врасплох картинах и фрагментах – ничего случайного, и несомненно, что вовсе не случайно – как отзвук крика евангельского петуха – это тройничное строение каждой из 44 строф. Всё это, как и многое другое, и прежде всего – ужас и скрежет военного времени, я постаралась передать в своей версии, добавив от себя, от нас еще одну строфу.

Ирина Машинская

---

1. Зигфрид Сассун (1886–1967), анлийский поэт-пацифист. Его имя находится в списке шестнадцати британских поэтов-участников Великой войны в «Уголке поэтов» Вестминстерского аббатства. Имеется в виду строка из его антивоенного стихотворения «Base Details» – «I'd live with scarlet Majors at the Base». Перенося акцент на тему крови, я в своей версии стихотворения Сассуна дала *Scarlet Majors* как «алых генералов».

ШТАБНОЕ

Из Зигфрида Сассуна (1886–1967)

Был бы я так же лыс, одышлив и груб,
с алыми генералами населял бы штаб,
хмурых героев срочно препровождая в смерть
и если б вы смогли на меня смотреть,
увидели б с пятнами на пухлых капризных щеках
пьющего, жрущего в дорогих кабаках,
просматривая Списки: «Жаль парня, отца
знал когда-то, оказывается
в той переделке мы понесли потери».
И когда переделка б закончилась
и юноши заледенели,
я бы пополз домой и умер в своей постели.

4 марта 1917. Запись в полевом дневнике
(Перевод – Ирина Машинская)

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 269

2. Это особенно очевидно когда слушаешь немногие сохранившиеся ее записи – она читала подчеркнуто ровным «прозаическим» голосом, сглаживая, а не педалируя концы строк и сознательно смазывая свои знаменитые *beautiful line breaks* .
3. Например, в стихотворениях «Love Lies Sleeping» или «It is Marvelous to Wake Up Together».
4. О сне: см. предисловие к моему переводу сюрреалистического стихотворения «The Man-Moth» («Смертелёк») / «Интерпоэзия», январь 2023. В печати.
5. Слэнговое значение cock появилось еще в 1600-х.
6. См великолепное эссе Бишоп, посвященное памяти Мор: «Efforts of Affection: A Memoir of Marianne Moore» в кн.: *Elizabeth Bishop*. Poems, Prose, and Letters / Ed. Robert Giroux and Lloyd Schwartz / New York: Library of America, 2008. P. 471. В «Петухах» Мор явно тревожило, как и в других стихах Бишоп о пробуждении, что за текстом ощущается присутствие другого человека, и этот другой – не мужчина.
7. Очень многие ранние стихи Бишоп звучат эхом, джазовым отзывом стихам Мор, часто с тем же названием: например, стихотворение «Fish» (см. мой перевод «Добыча». URL: https://flagi.medi/page/3/online_issie/21#piece403). В прекрасном стихотворении Мор «Those Various Scalpels»: «…the tails of two / fighting-cocks head to head in stone...» – строчки, почти полностью состоящие из односложных слов-камушков.
8. Мне представляется неслучайным в контексте стихотворения и, особенно, его центральной части, что Крэшо так же, как и Хопкинс, любимый поэт Бишоп, принял католицизм и так же пошел в этом выборе до конца: Хопкинс стал иезуитом, Крэшо – священником в Италии. Речь идет не только о подразумеваемой (и как бы остающейся за сценой) страстности религиозного чувства и связанной с ним дикции, но и, что особенно здесь важно, восприятии божественной уникальности вещного мира.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 270

Элизабет Бишоп

Петухи

В четыре утра
из ружейной сини двора
самый первый кричит «ура»

из-под стрехи
где мгла цвета металла – главного петуха
клич,
и немедленное ему эхо

от далеких гор,
потом из двора, где торчит забор,
и третий из-под окна в упор,

мокрая спичка
из растрепанной пачки
капустной, и округа пошла полыхать, как свечка,

пошла по дворам весть
из сараев, амбаров, отхожих мест,
известь помета облепливает насест,

в мареве голубом
шелестит гарем,
кочет сверкает оком, крылья скрещивает крестом,

круглый глаз
отсвечивает, и в бессчетный раз
вырывается безотчетный, ему самому непонятный глас.

Грудь углом,
изумруды с золотом –
их мундиры, а с остальными они разберутся потом.

Жены курицы
волнуются,
каждая, каждая должна нравиться.

Первая публикация «Roosters»: *New Republic*, ed. Edmund Wilson. 1941.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 271

И тогда из глубин
гло́ток разносится, как один,
приказ бессмысленный 01 –

по-над ржавой
двора, гаражей державой
заборов, сделанных из ножей,

ножек железных кроватей,
пружин, каркасов, их строевых дружин
идут ряды предрассветных ружей.

И на каждой церковке флюгер
вертится петушок, свой оловянный фюрер
(облако перистый распускает веер),

совершают вылазки и броски из грязи аллей,
в глине, как в воске картографа, рытвины, колеи,
наши атласы на глазах глянцевеют:

значки и метки
на карте в штабе, кадмий, золото, зелень медной
кобальт, бурый ализарин победной

крови, как наяву
цвета́ требуют своего,
каждый
провозглашает: «Я тут живу!»

Стал всем кто был нем.
Вставай! Хорош спать! Подъем!
А теперь куда, петухи, двинем?

Вы, в кого на шестах
греки стреляли, священные жертвы – пока не потух
глаз его, дрался на жертвеннике петух.

Петуху слава!
Но кто дал вам право
нами командовать влево-вправо?

Орать «Пора! В бой!»
будить любой
ненужной любовью и небольшой войной?

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 272

Маленькая, едва
коронована, голова
уже наливается из бойцовских жил, багрова.

Даже такой нарост
добавляет рост,
не говоря о хвосте –
он вульгарный свой радужный распускает хвост.

Ну а как взлетать
пойдут, друг дружку трепать,
округу перьями обсыпать –

один измочален
порхает отчаян,
растущей в нем смерти не замечая,

другой посреди боевого пенья
лежит в забвенье,
кружит над ним его окровавленное оперенье.

Что он там пел –
неважно уже, пал
на серый холмик говна и пепла,

со своими мертвыми женами
с их распахнутыми обожженными
зрачками, зрелищем завороженными.

Петра грех
похуже всех
ее – плоть, его – дух,

и впредь
крыльям твоим ржаветь, падать теперь, Петь, твоя очередь
там, где сыплется офицеров челядь.

Требуется не менее,
чем Святое Писание
всё, что было и будет, свести в одной небольшой сцене.

Вот Исус в оцепенении,
вот Петр, поражен, два пальца поднес к устам –
оба в ошеломлении.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 273

А между ними, вглядываясь в темноту,
предрассветную муть – петух
в травертине колонны вырезан, как тату.

И никуда ничего не канет.
Под ним написано: gallus canit;
fret Petrus. Это предчувствие, поворот.

Еще не пора
слезам Петра
высохнуть, бегут по щекам шантеклера,
блестят на шпиле собора

в сто карат,
он стоит, слезами объят,
бедный Петр, сердце его разбито,

еще в неведенье,
что эти кукареку значат благословенье,
что страшный его петух несет прощенье.

Так водружай
флюгер на церковь и на сарай,
из-за стен Латерана откуда теперь не взирай –

бронзовый, оловянный
петушок ветряной –
вертится для иерархов, и для всех под луной

– весть,
что даже Князь
апостолов прощен здесь

и вопреки
всему – «отрекись, отреки»
это не всё, что есть в петушином крике.

Поутру
свет плывет по двору,
медленно золотит траву

и с исподу листья
брокколи и капусту.
Как это вдруг ночь канула? Все вместе

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 274

лучи
золотят живот ласточки,
и в каждом облачке складки, строчки

– дня преамбула,
так блуждают прожилки мрамора,
а петухов не слышно, как не было.

Досмотреть до конца
солнце в окно карабкается
верное, как враг, или друг, до конца.

Переложение на русский – Ирина Машинская

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 275

ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

Владимир Хазан, Мария Васильева

«Ничего, кроме споров, из наших писем не выйдет»

*Переписка В. Варшавского и В. Сосинского**

Небольшая, однако достаточно выразительная переписка между двумя известными деятелями русской литературы в изгнании – Владимиром Сергеевичем Варшавским (1906–1978) и Владимиром (Брониславом) Брониславовичем Сосинским (1900–1987), которая публикуется ниже, интересна рядом аспектов. Прежде всего потому, что касается сложных и неоднозначных проблем послевоенного мира, когда в связи с победой над тем, что еще совсем недавно олицетворяло главное мировое зло – нацистской Германией, обнажились новые проблемы или, точнее, обострилось старое противостояние между Западом и Востоком, между свободой, понимаемой как главная ценность человеческого существования, и идеологией коммунизма, а по существу, бесправной тоталитарной системы, в которой часть эмиграции после 8 мая 1945 г. попыталась отыскать и увидеть черты огуманенной реальности. Сильно огрубляя и схематизируя, можно было бы сказать, что данная переписка является отзвуком имевшего разные формы, грани и проявления раскола между устойчивым отношением эмигрантов к России как к стране, уничтоженной большевиками и стертой их стараниями с карты цивилизованного мира, и теми новыми надеждами, которые стали появляться в послевоенную эпоху, которые пробудили патриотические эмоции и примиренческие настроения и заставили некоторых взять советские паспорта и даже воспользоваться ими. Вторую категорию в данном споре представляет Сосинский, кем под давлением патриотических чувств овладела оптимистическая вера в то, что «после войны всё пойдет по-другому», и который, в конце концов, вернулся на родину. Произошло это, правда, только в 1960 г., поскольку до этого времени, имея советский паспорт, он служил в переводческо-стенографическом отделе ООН. Выразителем оппозиционной точки зрения в переписке выступает Варшавский, для кого послевоенная советская

* Публикаторы выражают признательность Л. Г. Жуховицкой за ее безотказную и деятельную помощь.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 276

действительность, несмотря на весь ее победный ореол, не давала оснований для чаемого очеловечивания и лишь сеяла утопические политические проекты и радужные, но несостоятельные иллюзии. С этой точки зрения Варшавский и Сосинский, имевшие в эмиграции репутацию честнейших людей и писателей, «сопротивленцев», действительно представляли собой двух друзей, разведенных историей по разные стороны баррикад и превращенных во «врагов», каждый из которых отстаивал собственные ценности, свое видение и понимание мира. Переписка между ними продолжалась и далее, уже после того, как Сосинский вернулся в СССР, – на этот счет имеются хотя и косвенные, но достоверные свидетельства (при том, однако, что сами письма, написанные ими друг другу в 60-70-е гг., не найдены). Например, в письме Сосинского Ю. Нагибину от 16 марта 1968 г., он назовет Варшавского своим «другом-врагом»:

<…> позавчера мне звонил милый Маркуша и передавал не только нежный привет от Вас лично, но и совершенно неожиданный привет из Парижа от моего старого и большого друга-врага – Владимира Варшавского![1]

Однако это лишь самый общий исторический контур, в котором следует рассматривать данный эпистолярный диалог. Для того же, чтобы почувствовать его конкретное, «вещественное» наполнение, крайне существенно отметить те биографические обстоятельства обоих корреспондентов, которые привели к его возникновению.

Кажется, нет необходимости подробно представлять наших эпистолярных собеседников – отыскать довольно подробную биографическую информацию о них не составляет большого труда. Укажем лишь на то, что переписка между ними завязалась достаточно поздно. Несмотря на то, что в 20-30-е гг. Варшавский и Сосинский жили в тесном культурном пространстве «русского Парижа» и, разумеется, хорошо друг друга знали,[2] близки по-настоящему, судя по всему, они не были. Их подлинное духовное сближение начинается, когда оба оказались участниками битвы за Францию. Мы узнаем об этом из писем Сосинского военной поры, адресованных жене Ариадне и ближайшему другу и свояку (они были женаты на сестрах) Вадиму Андрееву и написанных из учебного лагеря Баркарес (Le Barcarès). «Шикарный европейский солдат», как величал себя Сосинский, включал в них довольно пространные фрагменты из посланий Варшавского, который так же, как и он, находился в то время в военном лагере, – правда, на другом конце Франции, в Бретани, в лагере Guingamp. В одном из писем к В. Андрееву, от 12 января 1940 г., Сосинский признавался: «Совершенно особо должен Тебе сказать о письмах В. Варшавского. Молодчина! И подумать только, что мы

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 277

сошлись с ним лишь в конце нашего 15-тилетнего знакомства!»,[3] а в другом, к жене, от 22 декабря 1939 г., сообщая, что «только что послал письмо Варшавскому – недели две-три не отвечал ему», делал однозначный вывод: «<…> надо поддерживать с ним связь – он стоит того»[4].

Тот и другой пережили сходную армейскую судьбу: оба проявили отвагу и мужество в боях – воевали геройски и были в нескольких шагах от смерти, ратный труд обоих высоко оценен французским правительством: после войны Варшавский был награжден Военным крестом с серебряной звездой,[5] Сосинский – Военным крестом с мечами и шестью медалями. В результате *drôle du guerre* оба оказались в немецком плену: Варшавский – в лагере Stalag II-B в Гаммерштайне (ныне польский город Чарне), Сосинский – в лагере Stalag III-A в Потсдаме. Оба запечатлели свое лагерное бытие в автобиографической прозе: Варшавский – в рассказах, сложившихся в повесть «Семь лет» (1950), приобретшей потом еще более крупный литературный формат и ставшей романом «Ожидание» (1972); Сосинский – в новелле «Неудавшееся свидание», где воспроизведен реальный случай, как в немецком лагере он передал чемодан с едой из франко-английской зоны русским военнопленным[6]. Этот рассказ был напечатан в парижской эмигрантской газете «Русские новости» (1945. № 7. 29 июня. С. 4), редактором литературного отдела которой являлся Г. Адамович. В его письме, отправленном Сосинскому 30 июня 1945 г., т.е. на следующий день после появления рассказа в этой газете, говорилось:

Дорогой Бронислав Брониславович

Я получил Ваше письмо в день отъезда в Ниццу.

Надеюсь, что в последнем номере «Р[усских] Нов[остей]» – которого я еще не видел – помещены Ваши вещи. А вообще-то в мое отсутствие (я вернусь не раньше 15-го сентября) было бы хорошо наладить Вам полный контакт с редактором газеты Арсением Федоровичем Ступницким. Его адрес: 20 rue Pierre Curie, V, телефон Odéon 02-14, я ему о Вас говорил.

Всего доброго

Г. Адамович

14 avenue Fragonard
Nice (A.M.)
30 июня [19]45[7]

Однако гораздо важнее чисто внешних сходств и параллелей в биографиях военных лет одного и второго является их общий духовный опыт, который великолепно отразился в словах Сосинского по поводу рассказа Варшавского «Командо» (п. 4, от 28 июня 1947):

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 278

Жму твою руку за Вицке, с которым я работал в течение 8-ми месяцев на постройке автострады Берлин – Дрезден, – за Бёзе, который командовал командо 661 – RAB Lager Schipkau и которого ты слегка изменил «для истории» <…>

Внешняя канва и содержание событий могут иметь сколько угодно вариаций, однако их внутренняя суть, схватываемая чутким и точным художественным словом и образом, практически неизменна и с легкостью идентифицируется как типовой признак. Сосинский, по-видимому, имел все основания читать рассказ Варшавского как «подсмотренный» в его же собственной, Сосинского, жизненной истории и каким-то неведомым способом «списанный» оттуда. Не относясь в русской изгнаннической литературе к писательским талантам первой величины, Сосинский, однако же, имел тонкий слух, прицельный глаз и взыскательное чувство литературного критика (ср. п. 5, от 2 июля 1947, в котором Варшавский пишет: «Из всех суждений о моих рассказах я больше всего считаюсь с твоими»). Его многочисленные отклики на произведения, написанные по обе стороны границы, эмигрантские и советские – статьи, рецензии, литературные портреты и пр., – еще предстоит собрать и изучить. Не возьмемся утверждать, каковой была в целом его оценка творчества Варшавского, главные тексты которого были написаны уже после войны, когда его собственная литературно-критическая деятельность практически клонилась к закату, однако, судя по цитируемому письму, рассказ «Командо» вызвал в нем живой читательский интерес и был удостоен высокой профессиональной оценки. Характерна в особенности его реакция на «непрозвучавший выстрел» («Если бы он прозвучал – ты бы сделал художественную ошибку, на которые так была богата наша недавняя эпоха – но которые теперь мы должны неизменно исправлять – чтобы еще ярче отразить то, что мы пережили!») и на сон главного героя, сходный тем, что снились многим реальным участникам «повести огненных лет» («И побольше таких снов, что снились и мне, и всем нам <…> и что всего ярче выражают наши жизненные страдания»).

Нам не очень много известно об их встречах в послевоенном Париже, однако тот факт, что Варшавский участвовал в редактируемой Сосинским серии «Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции» и опубликовал там статью о Б. Вильде (о чем идет речь в первом из публикуемых писем), свидетельствует о достаточно тесном общении между ними. В 1951 г. им довелось вновь встретиться, на сей раз уже в Нью-Йорке, где Сосинский, служивший, как было сказано выше, переводчиком в ООН, находился с 1947 года. Варшавскому удалось устроиться в ту же организацию, однако всего лишь на скромную должность рас-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 279

сыльного с ничтожным жалованьем. Рассказывают, что когда Вадим Андреев, занимавший в ООН то же положение, что и Сосинский, предложил Варшавскому похлопотать о «повышении по службе», в случае если он последует их примеру и так же, как и они, возьмет советский паспорт, – тот решительно отверг данное условие. Это идеологическое напряжение, которое – к чести обоих – не расстроило их добрых человеческих отношений, не отразилось на взаимном уважении друг к другу и не убавило обоюдных симпатий; оно выходит, как нам кажется, за рамки личной биографии обоих и приобретает черты своего рода феномена в исторической драме эмиграции 20-го века. Пожалуй, это и есть самое интересное в публикуемой переписке: развивающаяся фабула человеческих связей, подводящая к кульминации – там, где они проверяются на разрыв противоположными идеологическими симпатиями. С этой точки зрения, сам акт противостояния «дружбы-вражды» Варшавского и Сосинского становится даже интереснее того, как сложились в дальнейшем судьбы каждого из них и кто оказался в историческом смысле дальновиднее в этом споре.

Приходится только сожалеть, что те письма, что дошли до нас, составляют лишь небольшую часть обширной, как следует полагать, переписки между Варшавским и Сосинским, в которой взаимная полярность суждений не препятствовала, а возможно, усиливала и делала еще более выпуклой и рельефной ту проблематику, которой касались оба корреспондента.

Эпистолярная манера Варшавского, который, как правило, своих писем не датировал, создает известные трудности в определении хронологии переписки. Впрочем, то, что она приходится в основном на 1947 год, позволяет разрешить эту трудность, как кажется, с относительно незначительными потерями.

Письма В.Б. Сосинского приводятся по автографам, хранящимся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва). Ф. 71; письма В. С. Варшавского – по вторым машинописным экземплярам, хранящимся в частном архиве (Иерусалим).

Письма печатаются в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации и с сохранением индивидуальных особенностей написания – в частности, неточностей и отклонений от принятой сегодня формы написания иноязычных имен и собственных названий. Описки и иные погрешности текста исправлены без оговорок. Конъектуры, сокращения и вставки от публикаторов помещены в угловые скобки.

---

1. РГАЛИ. Ф. 2505. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 2.

2. Ср. в одном из писем Сосинского жене от 18 февраля 1929 г.: «Варшавский очень милый, очень славный – и не глупый, хотя путаный, как все неофиты в литературе, человек. С глубоким (буквально!) уважением относится ко мне

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 280

и к моему ‘творчеству’. Вообще, если говорить откровенно, бывает у нас из-за меня <…>» (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 108. Оп. 1. Ед. хр. 10; далее – ДРЗ).
3. *Сосинский, Владимир*. Письма / Публ. В. Хазана / Новый Журнал. 2022. Кн. 307. С. 259.
4. Там же. С. 250.
5. В приказе по дивизии, в которой он служил, указывалось, что «Варшавский Владимир, солдат 2-го класса, великолепный боец, выдержавший с храбростью и преданностью все испытания. 14 мая 1940 г. остался последним на линии огня, чтобы прикрыть отступление своей роты... <…> Добровольно вызвался защищать Булонскую цитадель, вызвав в этом бою всеобщее восхищение своим презрением к опасности. Прекратил сопротивление лишь по приказу после истощения всех боевых запасов» (ДРЗ. Ф. 71. Ordre № 1972 / C. Le Ministre de la guerre. Paul Coste-Floret).
6. Освободившись из лагеря, Сосинский приехал в 1943 г. на о. Олерон, где находилась его семья и где он влился в ряды участников движения Сопротивления. Среди других военных историй, которые он пережил и о которых рассказывал домашним, был и эпизод, легший в основу рассказа «Неудавшееся свидание». Его племянница, в будущем известная американская журналистка и писательница Ольга Андреева-Карлайл, воспроизводит его в книге своих воспоминаний, см.: *Carlisle Olga*. Island and Time: A Memoir of Childhood / New York: Holt, Rinehart and Winston, 1980. P. 148-149.
7. РГАЛИ. Ф. 2505. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 7.

1.
СОСИНСКИЙ – ВАРШАВСКОМУ
Париж – Париж
22 ноября 1946

Mr. Sossinsky, Parc St Maur,
Av<enue> Ch<arles> Floquet, № 5 bis

Mr. V. Varchavsky
27, Rue de l’Espérance
Paris (13-e)

22 Nov<embre> 1946

Дорогой Володя,

Я только что беседовал в Bibliothèque Nationale с Ирэн Вильде[1]. Мы говорили о тебе. Расставшись – я подумал о сюрпризе, который ты мог бы сделать – *в понедельник* 25-го, *в 10 ч<асов> утра* – вход с Rue Richelieu – во двор и направо крыльцо с часами – *буду тебя ждать у входа в Salle de Lecture.* Мы увидимся с ней в 10½ – я перепишу некоторые письма Вильде к ней – а перед этим я должен серьезно поговорить с тобой о статье <?>[2]. (У тебя есть вполне

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 281

гениальные образы в начале «Прогулки по городу»[3]. Браво!) Если никак не можешь – позвони в субботу, 23-го с 9-ти до часу дня.

Lec. 76-36.

Твой Володя Сосинский

---

1. Ирэн (Irène) Вильде (урожд. Лот-Бородина; 1910–1987), дочь французского историка Фердинанда Лота и русского историка, литератора, философа и богослова Мирры Ивановны Бородиной. Служила в Национальной библиотеке Франции, сотрудничала с журналом «Revue de linquistique», перевела на французский язык книгу Н. А. Бердяева «Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения» («Cinq médiations sur l'existence: solitude, société et communauté», 1936). В июле 1934 г. вышла замуж за этнолога и поэта Бориса Владимировича Вильде (псевд. Борис Дикой; 1908–1942), будущего героя французского Сопротивления, расстрелянного нацистами. Письмо Б. Вильде Сосинскому от 15 марта 1940 г., относяшееся к тому времени, когда оба находились во французской армии, см.: *Сосинский Владимир*. Письма / Публ. В. Хазана / Новый Журнал. 2022. Кн. 307. С. 262-263.

2. Речь идет о статье Варшавского «Борис Вильде» / Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. Париж, 1947. № 2. Февр. С. 9-15; перепеч.: *Варшавский, В.С.* Ожидание: проза, эссе, литературная критика / Предисл. Т. Н. Красавченко; сост., подг. текста и коммент. Т. Н. Красавченко, М. А. Васильевой; послесл. М. А. Васильевой / Вступ. ст. к прилож., сост. и подг. текста М. А. Васильевой при участии О. А. Коростелева / М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Книжница, 2016. С. 363-368. Личность Бориса Вильде не только сблизила в эти годы Варшавского и Сосинского, но и во многом определила содержание второго номера «Вестника русских добровольцев…»; статья Варшавского была опубликована в составе обширного тематического блока «Памяти Бориса Вильде и Анатолия Левицкого (к пятой годовщине их расстрела)», куда также вошла статья Сосинского «Вильде – Левицкий (Дело Музея человека)» (С. 4-9), публикации «Последнее письмо Б. Вильде к жене» (С. 15-16) и «Прощальное письмо родным и друзьям А. Левицкого (С. 16-17), а также «Диалог в тюрьме» Б. Вильде (С. 17-22).

3. Нужно: «Прогулка в город», см. прим. 2 к следующему письму.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 282

2.
ВАРШАВСКИЙ – СОСИНСКОМУ
Париж – Нью-Йорк
Март-апрель 1947[1]

<Март-апрель 1947>

Дорогой Старичок,

Я очень рад был получить твою открытку из Америки. Поздравляю с благополучным прибытием. Желаю успехов на новом поприще. Уверен, что теперь всё для тебя пойдет хорошо.

На твое письмо я не ответил сразу, так как думал уже нету смысла: ты улетишь раньше, чем оно дойдет.

Как мог ты думать, что я обиделся. Я написал эту злосчастную заметку только для того, чтобы исправить несправедливость: замалчивание «Новоселья»[2]. Я долго уговаривал Адамовича, но ему почему-то неинтересно писать о <«>Новоселье<»>. Тогда я решил, лучше все-таки я, чем никто или Бахрах. Вообще же писать рецензии в газете я не собираюсь.

Ты спрашиваешь меня о парижской жизни. Я нигде не бываю и не жалею об этом. Что-то нехорошее появилось после войны во всех наших литературных «сферах». Я надеюсь, что мы увидимся, думаю, в Новом Свете. Я пишу теперь довольно много, надеюсь, что получится целая книга. Когда ее кончу, постараюсь перебраться в Америку.

С. Прегель мне писала, что тебя видела. С большим интересом жду от тебя письма. Мне ужасно интересны твои первые впечатления и от американцев, и Америки, и от русского Нью-Йорка, и от твоей службы. Пиши мне, пожалуйста, как можно подробнее.

Видел ли ты уже Слонима, Лебедева, Яновского. Спроси этого негодяя (Яновского), почему он мне не пишет[3].

Собираешься ли ты выступать с какими-нибудь докладами <?>

Вот я очень рад за тебя, что ты уехал. Мне в Европе нравится всё меньше, и у меня грустно на сердце.

Мне очень интересно, исполнятся ли твои ожидания. Помнишь ли твою принципиальную речь у Кривошеиных[4].

Жду с нетерпением твоего письма. Так как ты теперь богатый мужик, то пиши по авиону.

Желаю тебе, старичок, от всего сердца всего самого хорошего, «Славы и добра»[5].

Передай, пожалуйста, привет всем общим знакомым, особенно Елене Александровне Извольской[6].

Засим остаюсь преданным тебе.

В. В<аршавский>

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 283

<P. S.> Что ты сделал с архивом Б. Вильде<?>[7]. Помнишь, обещал мне вернуть.

---

1. 2-й машинописный экземпляр; датируется приблизительно по содержанию: Сосинский покинул Францию и прибыл в США в марте 1947 года, см.: Русские новости. 1947. № 94. 21 марта. С. 9.
2. О журнале «Новоселье» (Нью-Йорк; Париж, 1942–1950), редактором и издателем которого была поэтесса и прозаик, общественный деятель и меценат С.Ю. Прегель (1896/97–1972), см.: Журнал «Новоселье» (Нью-Йорк; Париж, 1942–1950): Роспись содержания / Сост. Владимир Хазан (при участии Ханы Кюнелт); вступ. статья Владимира Хазана / Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / Под ред. М. Шрубы и О. Коростелева / М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 526-598; *Хазан, Владимир*. «Директриса эмигрантской литературы»: Материалы к биографии С. Ю. Прегель / *С. Ю. Прегель*. Разговор с памятью: Поэзия, проза, очерки и статьи: в 2-х томах. Т. 1 / М.: Водолей, 2017. С. 51-102. Варшавский как автор был представлен на страницах «Новоселья» пятью рассказами, составившими в дальнейшем повесть «Семь лет»* и роман «Ожидание»: «Младший лейтенант Данилов: (Рассказ эмигранта)» (1946. № 24/25. Февр.–март. С. 23-35), «Прогулка в город: (Рассказ военнопленного)» (1946. № 29/30. Окт.–нояб. С. 11-32), «‘Командо’ (Отрывок)» (1947. № 35/36. Июль–авг. С. 3-31), «В крепости» (1949. № 39/41. С. 50-70),** «Пролог» (1950. № 42/44. С. 110-138).

---

* В архиве Н. В. Кодрянской отложилось письмо Б. Ю. Прегеля (брата редактора и издателя «Новоселья»), датированное 4 мая 1950 года, в котором он сообщает о том, что посредством своего друга Б. Маги намеревается передать ей 5000 франков для издания книги Варшавского (Leeds Russian Archive, Brotherton Library (University of Leeds). MS. 1408).

** Ю. Терапиано в отзыве на этот номер «Новоселья» писал: «Рассказ В. Варшавского ‘В крепости’ серьезен, правдив. При внешне простой теме – о битве и о том, как он и его товарищи попали в плен, не стремясь к формальному блеску и словесным находкам, автор проверяет подлинность переживаний своего героя и его товарищей, благодаря чему рассказ сам собою становится веским» («Новое русское слово». 1949. № 13442. 13 февр. С. 5).

Речь идет о рецензионной заметке Варшавского «Русский журнал в Америке. ‘Новоселье’ № 31-32», напечатанной в парижской газете «Русские новости» (1947. № 92. 14 февр. С. 4). В ней он, в частности, писал:

С тех пор, как по окончании войны стали доходить до нас американские издания, «Новоселье» стало своим для многих русских парижан, не потерявших еще привычки читать по-русски. Как и все предыдущие, отчетный номер составлен очень интересно и разнообразно. Мы находим в нем и произведения «старших» знаменитых

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 284

писателей, и всё еще именуемых молодыми прозаиков и поэтов «парижской школы», и еще мало знакомых в Париже «американских» авторов. Это стремление дать, несмотря на небольшие размеры журнала, место всему живому в зарубежной литературе – одна из главных заслуг редакции.

Сохранилось не лишенное интереса объяснение самим автором основного мотива появления этой рецензии на свет. В письме к Рахели Чеквер от 6 марта 1947 г. (по почтовому штемпелю) Варшавский писал:

Глубокоуважаемая Роза <sic> Самойловна,

я понимаю, как тяжело вам было слушать рассказы Ирины Грем <sic>. Я не знаком с нею и не знаю, с кем она здесь встречалась. В том, что она вам говорила, есть неправда и есть правда. Неправда, что в Париже смеются над С. Прегель и считают «Новоселье» ничтожным журналом. Как вы знаете, все попытки издавать здесь периодический журнал ни к чему не привели. Объясняется это главным образом тем, что здесь не нашлось человека достаточно энергичного, самоотверженного и порядочного, чтобы вести такой журнал. Поэтому все, кто не потерял еще здравого смысла, отдают себе отчет в значении деятельности С. Прегель и как много наша литература ей обязана. В этом смысле то, что рассказывала вам И. Грем, совершенно непонятное измышление. Зато есть другое: заинтересованность только своими литературными делами, вялость и равнодушие к литературе как к общему делу. До сих пор в наиболее читаемой здешней газете «Русские Новости» не было ни одного отзыва о «Новоселье». Это побудило меня, несмотря на то, что я не умею писать газетных рецензий, написать отзыв о последнем 31–32 номере «Новоселья». Конечно, было бы лучше, если бы написал специалист, но я надеюсь, что все-таки моя заметка разрушит «заговор молчания», заговор бессознательный, основанный не на злой воле, а на халатности.* (The Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (Columbia University, New York). R. Chekver Papers. Box 3; далее BAR)

* Первые отклики на «Новоселье», тем не менее, появились в русскоязычной парижской печати еще в 1945 году, см. отзывы Ю. Терапиано (подписан Ю. Т.) в сб. Объединения русских писателей во Франции «Встреча» (1945 <Вып. 1>. Июль. С. 32) или А.Даманской в газете «Советский патриот» (1945. № 35. 22 июня. С. 3).

Упоминаемая Ирина Грем – Ирина Александровна Грэм (урожд. Sartini d'Albe; 1910–1996), писательница и журналистка русско-итальянского происхождения. Родилась в Генуе, детство и юность провела в Харбине и Шанхае, где вышла замуж за работавше-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 285

го в Китае американского инженера Томаса Грэма (Thomas Graham), с которым переехала в США. До этого она и муж полтора года провели в японском концлагере, описанном ею впоследствии. В Америке, сменив множество видов деятельности, в конце концов стала сотрудницей Толстовского фонда. Ей принадлежит либретто к опере «Арап Петра Великого» композитора А. Лурье, с которым она пережила любовный роман, см. ее очерки о нем: *Грэм, Ирина*. Артур Сергеевич Лурье: Биографические заметки / Новый Журнал. 1996. Кн. 198/199. С. 211-226*; Она же*. Еще об А.С. Лурье / Новый Журнал, 1996. Кн. 200. С. 332-339; см. упоминания о ней в дневнике А. Лурье: Хроника памяти. Из американских дневников Артура Лурье / Вступ. заметка, публ. и коммент. Олеси Бобрик / Русские евреи в Америке. Кн. 8. Торонто, СПб.: Гиперион, 2013. С. 102-146. Была одним из авторов журнала «Новоселье», в котором напечатано несколько ее очерков и рассказов: «Мой первый день в Чапее» (1946. № 26. Апр.–май. С.33-41), «Весна в Чапее» (1946. № 27/28. Июль–авг. С. 93-102), «Люди в ‘кубиках’» (1946. № 29/30. Окт.–нояб. С. 66-73), «Мистер Кэлли» (1947. № 33/34. Апр.–май. С. 52-72), «Атаманщина» (1947. №35/36. Июль–авг. С. 67-74), «Кирпичный домик» (1948. № 37/38. С. 78-92), «Заокеанская жена» (1949. № 39/41. С. 97-109). Рецензировала 22/23-ю книжку «Новоселья» за ноябрь–декабрь 1945 г. в сан-францисской газете «Новая заря». Сотрудничала в других эмигрантских нью-йоркских изданиях – в газете «Новое русское слово» (здесь увидели свет ее статьи и мемуарные очерки: «Воспоминания о Голливуде» (1981. № 25397. 4 янв. С. 8), «Мария Башкирцева» (1981. № 25449. 6 марта. С. 7), «Бунин и Ремизов (Из записной книжки 1946 года)» (1984. №26538. 29 июля. С. 4) и др.) и в «Новом Журнале» (рассказы «На новых берегах» (1995. Кн. 196. С. 100-122), «Маленький креольчик» (1996. Кн. 197. С. 16-30) и др.). См. ее повесть «Орфический реквием» (Нева, 1993. Кн. 3. С. 27-82). Более подробно о ней см.: *Розинер, Феликс*. Пионер музыкального авангарда: судьба Артура Лурье / Русские евреи в Америке. Кн. 7. Торонто; СПб.: Гиперион. 2013. С. 180-198; *Кралин, М.М.* Артур и Анна. Роман в письмах / Л.: Ленинградская панорама, 1990 (2-е изд.: Артур и Анна: Роман без героя, но всё-таки о любви / Томск: Водолей, 2000). Следует заметить, что в отличие от Варшавского, который, как он пишет далее, с И. Грэм знаком не был, Сосинские поддерживали с ней дружеские отношения и вели переписку, когда вернулись в Советский Союз. В одном из писем к ним из Нью-Йорка в Москву, от 4 октября 1964 года, она интересуется, выполнили ли Сосинские ее просьбу и передали ли «мой ключ к поэме Анны Андреевны Ахматовой? И сообщено ли ей, что я посвятила ей фантастическую повесть, которой она является главной героиней, а действие происходит в Нью-Йорке, на Ист 14-й улице...» (РГАЛИ. Ф. 2505. Оп. 2. Ед. хр. 10)

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 286

В другом письме к Рахели Чеквер, от 20 апреля 1947 года, отправляя саму эту рецензию, он вновь возвращался к той же теме:

Наконец могу послать Вам мою рецензию, вернее, что осталось от нее после редакторских сокращений. Не судите ее слишком строго. Я никогда не пишу рецензий и совершенно не умею писать для газеты. Написал я эту рецензию только из желания поддержать «Новоселье», разбить инерцию молчания вокруг него. (Там же)

Спустя еще два месяца, в письме от 23 июня 1947 года, Варшавский продолжал объяснять Чеквер причину своего рецензионного порыва:

Что касается моей рецензии на «Новоселье», то моей целью был не столько разбор отдельных помещенных в нем произведений, сколько желание вызвать «симпатию» к журналу в целом. Я сделал это неумело, но, к сожалению, никто здесь не хотел этого делать. (Там же)

3. Свое полууважительное-полуироническое отношение к Варшавскому В.С. Яновский изложил в широко известных воспоминаниях «Поля Елисейские»:

Судьба Варшавского в Париже была исключительная: все его любили и даже уважали. Причем не только как человека и гражданина, умного собеседника или благонамеренного демократа, но именно как писателя, беллетриста… А ведь за все довоенные годы он напечатал только два рассказа: книгу свою он написал уже после войны. <…> И никто, кажется, не догадался, что Варшавский больной мальчик, что он родился левшой, которого «переобучили». Что он органически не в состоянии «закончить» работу, будь то собственный рассказ или чужое философское сочинение.

Прожив много лет без отца, в одной комнате с матерью, Варшавский упорно искал «героя», отдавая себя чересчур охотно под покровительство то Адамовича, то Фондаминского, то Вильде, то о. Шмемана или Денике и многих других. «Влюбленным» он мог быть одновременно в нескольких и слушался своих наставников не за страх, а за совесть, что последним почти всегда нравилось. Варшавский честно участвовал в «смешной» войне и, вернувшись из плена, был удостоен французской военной медали. Впоследствии, возмужав, он написал и издал две ценных книги. (*Яновский В. С.* Поля Елисейские: Книга памяти / Предисл. С. Довлатова / СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 196-197)

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 287

О своих неровных отношениях с Варшавским (от доверительных до конфликтных) Яновский спустя годы поведал в письме от 10 июня 1978 г. к Т. Г. Дерюгиной-Варшавской, вдове писателя:

Мы с Варшавским были дружны, то есть варились в той же кастрюле с 1928 г. Он писал мне из плена. И жил у меня в Нью-Йорке несколько лет. Но в 1953 (или 54 г.) мы поссорились. Вина, вероятно, и моя, и его (всё это мелочи), но главную роль в этом деле сыграли наши общие «друзья», которые не только не мирили нас, но даже наоборот… Но это не меняло сущности отношений (моих). Когда Адамович гостил в Нью-Йорке, он меня однажды спросил, как я отношусь к Варшавскому (конечно, он знал о нашей ссоре), я ответил: «как к брату»… и теперь вспоминаю с радостью об этом ответе моем. (ДРЗ. Ф. 71)

4. Игорь Александрович Кривошеин (1897–1987) участвовал в Гражданской войне на стороне Добровольческой армии. В октябре 1920 г. эмигрировал из России, вскоре переехал во Францию. Окончил физико-математический факультет Сорбонны (1922), Высшую электротехническую школу в Париже (1923), получил диплом инженера. Был членом совета Российского торгово-промышленного и финансового союза. В 1941 г. был арестован, находился в лагере Компьен, освобожден. Участник движения Сопротивления, организатор Комитета помощи русским заключенным лагеря Компьен. В июне 1944 г. снова арестован, отбывал заключение в Бухенвальде и Дахау. В мае 1945 г. освобожден американскими войсками. Вернулся во Францию (см.: *А. С<тупницкий>*. И.А. Кривошеин жив / Русские новости, 1945. № 1. 18 мая. С. 6), был награжден медалью Сопротивления. После войны принял советское гражданство. Активный сторонник возвращения эмигрантов в СССР. В 1945–1947 гг. председатель «Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции». В 1947 г. один из основателей общества «Русская помощь». В том же году был председателем учредительного съезда «Союза советских граждан». 25 ноября 1947 г. с группой руководящих членов «Союза советских граждан» арестован и депортирован из Франции. Сперва находился в советской оккупационной зоне Германии, затем репатриирован в СССР. В 1948–1949 гг. жил и работал в Ульяновске. В сентябре 1949 г. был арестован, обвинен в шпионаже и приговорен к 10 годам лишения свободы. Находился вместе с А.И. Солженицыным в «марфинской шарашке», потом переведен в Озерлаг и далее на Лубянку. В 1954 г. освобожден. В 1974 г. вместе с женой выехал во Францию к уехавшему туда ранее сыну. Подробно о нем см.: *Кривошеина, Н.А.* Четыре трети нашей жизни /1-е изд. – Paris: YMCA-Press, 1984; 2-е – М.: Русский путь, 1999; 3-е – там же,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 288

2017 (См. рецензию на них: *Бахрах Александр*. Две трети жизни / Новое русское слово. 1984. № 26495. 9 июня. С. 3.).
5. Аллюзия на пушкинские «Стансы» («В надежде славы и добра…»), 1826.
6. Елена Александровна Извольская (1896–1975), общественный и религиозный деятель, писательница, переводчица, редактор; в безымянном виде как даму, «тоже из социалисток, но религиозно настроенную», Варшавский воспроизвел ее в своем романе «Ожидание».
7. Варшавский хорошо знал Б. Вильде. Беспокоясь о его судьбе, даже из плена посылал письма с вопросом: «Нашелся ли Вильде?» (открытка к матери, О.П. Норовой, от 6 января 1941 г. на фр. яз.) / ДРЗ. Ф. 71). Как было уже сказано выше, посвятил ему специальный очерк «Борис Вильде» (см. прим. 2 к п. 1); кроме того, подвиг Вильде воссоздан на страницах книги «Незамеченное поколение» (1956); наконец, его образ нашел место в галерее персонажей романа «Ожидание», в котором автор то в относительно прозрачной, то в более скрытой форме изобразил своих друзей по поколенью и в котором Вильде выведен под именем Вани Иноземцева (см.: *Хазан В*. Без своего места в мире («Отцы» и «дети» в прозе В. Варшавского) / Мир детства в русском зарубежье: III Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 25–27 марта 2009) / М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. С. 179-206); с рядом уточнений, корректировок и дополнений см.: *Варшавский, В.С.* Ожидание: проза, эссе, литературная критика. С. 551-560.

3.
ВАРШАВСКИЙ – СОСИНСКОМУ
Париж – Нью-Йорк
Весна 1947[1]

<Весна 1947>

Дорогой Старче, спасибо за письмо. Я знаю, как ты должен быть занят, и был очень тронут. Я вовсе не так быстро начинаю сердиться. Яновский действительно негодяй, он уже 6 месяцев мне не отвечает. Вопреки твердому обещанию, данному им тебе, он все-таки не написал. Но мир праху его.

Я очень рад, что энтузиазм тебя не оставляет. Надеюсь, что у тебя будет все-таки время писать для себя. Напиши мне «за ради Бога», какое у тебя впечатление – есть ли опасность войны? Этот вопрос ужасно меня угнетает. Ты теперь в самом сердце «мировой

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 289

безопасности». Ответь мне. Я всё боюсь, что не успею я записать моих воспоминаний и размышлений о той войне, как начнется новая. И вот еще на что мне ответь: как, каким образом могу я попасть на службу в твое учреждение <?> Что нужно для этого знать, какие шаги предпринимать <?> Кроме тебя, я могу рассчитывать еще на рекомендации. Но я совершенно не представляю себе, что я могу делать. Я даже по-русски пишу с ошибками. Когда будет у тебя свободный час, объясни мне всё это. Будешь ли ты писать корреспонденции в «Русские новости»?[2]

Какое впечатление при ближайшем рассмотрении произвели на тебя старые знакомые? Будешь ли читать в Нью-Йорке какие-либо доклады <?> В следующем номере «Новоселья» должно появиться мое новое произведение[3]. Стараюсь писать много, но чем дальше в лес, тем больше дров. В писательском ремесле я не знаю даже азов, русский язык знаю почти только как «мертвый», ко всему этому мое вечное стремление «объять необъятное». Иногда мне кажется, что всё это непосильно такому тщедушному старичку, как я. Со страшными усилиями выживаю <sic> по несколько строчек в день. Так что книга моя вроде улиты, хотя в душе я написал уже целые тома.

Надеюсь, что ты живешь теперь человечнее, чем в Париже, и станешь скоро толстеньким.

В принципе, я собираюсь в ……[4], мне очень хочется узнать всё о тебе и твоих впечатлениях от земли Колумба.

Архив Вильде ты обещал отдать мне. Но я понимаю, что в том состоянии паники, в котором ты здесь постоянно находился, ты забыл об этом. Желаю тебе всего самого лучшего и успехов в продолжении дела Бриана[5]. У меня такое чувство, что если не будет войны, то через некоторое время всё как-то устроится и уладится.

Посылаю тебе мои благословения и наилучшие пожелания. Если увидишь Извольскую, передай ей мой сердечный привет.

Преданный тебе

В. Варшавский

---

1. Второй машинописный экземпляр; датируется приблизительно по содержанию.

2. Корреспонденции Сосинского из ООН в газете «Русские новости» не появлялись.

3. Речь идет о рассказе «‘Командо’ (Отрывок)» (фрагмент будущей повести Варшавского «Семь лет»), который был напечатан в сдвоенной 35/36-й книжке «Новоселья» за июль–август 1947 года.

4. По всей видимости, в 1-й экземпляр от руки было вписано: United States.

5. Речь идет о деятельности Сосинского в ООН как главном штабе мировой дипломатии; «продолжение дела Бриана» – намек на усилия

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 290

французского политического деятеля, многократно занимавшего пост министра иностранных дел, лауреата Нобелевской премии мира (1926), одного из архитекторов Лиги Наций Аристида Бриана (Aristide Briand; 1862–1932), сохранить безопасность, закон и порядок в послевоенной Европе.

4.
СОСИНСКИЙ – ВАРШАВСКОМУ
Нью-Йорк – Париж
28 июня 1947

V.B. Sosinsky, Editor
Room CC-125. United Nations
Lake Success, NY

Mr. V. Varchavsky
27, Rue de l'Espérance
Paris (13e)
France

28 июня 1947

Еще раз ты меня порадовал, дорогой Володя. Вчера, ложась спать (постель – это теперь мое единственное место, где я еще читаю *для себя*), – погрузился – с заранее добрым настроением – в твое «Командо», только что полученное от Софьи Юльевны <Прегель>. Ты привык в последнее время к похвале – мне же хотелось – для издания твоей будущей книги – быть критиком, к голосу которого ты обычно прислушивался. К сожалению – ты воскресил передо мною, с редкой в нынешнее скудное время яркостью, мои собственные дни в плену, и я ничего не заметил из того, по чему можно было бы пройтись красным карандашом (чем я занимаюсь на службе с утра до вечера.)[1]

Жму твою руку за Вицке, с которым я работал в течение 8-ми месяцев на постройке автострады Берлин – Дрезден[2], – за Бёзе, который командовал командо 661 – RAB Lager Schipkau и которого ты слегка изменил «для истории»[3] – и особенно благодарен тебе за непрозвучавший выстрел «над серебряной поверхностью нивы»[4]. Если бы он прозвучал – ты бы сделал художественную ошибку, на которые так была богата наша недавняя эпоха – но которые теперь мы должны неизменно исправлять – чтобы еще ярче отразить то, что мы пережили!

Хочу тебе и с пользой сказать два слова: кроме описания голых худых мужчин и трупов (на которых ты уже себе набил руку) – ударяй

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 291

и в дальнейшем на такие места, как 12 последних строк на 15-й стр.[5] – и как твои прощальные слова Вицке в конце 29-й[6]. Ты понимаешь, о каком приеме я говорю? И побольше таких снов, что снились и мне, и всем нам – (на стр. 8)[7] – и что всего ярче выражают наши жизненные страдания. Твоя книга будет хорошей – и я пророчу тебе переводы на многие языки. Не унывай! Успеешь ее кончить до новой войны, *которой никогда не будет*, если ты будешь писать хорошие книги.

...Я мог бы тебя устроить в наше учреждение только при условии достаточного знания английского языка (который вскоре останется как один-единственный рабочий язык) и при наличии советского паспорта. Подумай об этом.

...В праздновании двухлетия ООН у нас были произнесены хорошие речи учениками Бриана – и после них мой начальник Emile Delavenay[8] сказал советскому делегату: «Побольше бы нам таких людей, как ваш Сосинский – его идеализм вполне удовлетворяет тем требованиям, которые только что были предъявлены с этой трибуны Тригви Ли»[9]. Как видишь, я продвигаюсь по службе – и как будто нашел, наконец, свое подлинное призвание.

Крепко целую «тщедушного старичка», – ковыляющего к gloire[10] – не забывающий его и в своей славе

Володя № 2[11]

---

1. Рассказ «Командо», написанный, как и все основные вещи Варшавского, от первого лица, повествует о том, как после *drôle de guerre* герой-рассказчик оказался в немецком плену и, в полном соответствии с биографический историей самого автора, был угнан на принудительные работы в Померанию. Прочитав этот рассказ, Сосинский настолько впечатлился типичностью выведенных в нем образов, что идентифицирует с ними тех немецких вахманов, с которыми сам встречался, находясь в германском плену.

2. Вицке – одетый в военную форму простой рабочий человек, который, сам побывав в плену у англичан в Первую мировую войну, не только не испытывает к пленным никаких злобных чувств, но ведет себя с ними вполне по-человечески и даже подкармливает их, делясь собственным завтраком.

3. Бёзе – немецкий охранник, который является полной противоположностью Вицке. «<…> он казался мне самым опасным из всех немцев, – говорится о Бёзе в рассказе. – Я знал от поляков, что он член партии, в начале войны служил полицейским в соседнем селе и бил польских женщин по щекам. Поляки особенно его ненавидели: он делал вид, что не понимает по-польски, а сам был родом кашуб и только с приходом Гитлера к власти переменил свою польскую фамилию на теперешнюю.» (*Варшавский, В*. «Командо» (Отрывок) / Новоселье. 1947. № 35/36. С. 20)

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 292

4. Речь идет о кульминационной сцене рассказа, которая следует за тем, что Бёзе получает выговор от начальства из-за пастушка, мальчика-поляка, пасшего скот неподалеку от того места, где «командо» рыла канал, и тайно передававшего свой завтрак кому-то из пленных:

Поправив за спиной карабин, он пошел через луг в ту сторону, где поляк-пастушок пас коров. Мальчик, видимо, почувствовал опасность. Он смотрел на приближавшегося Бёзе, как смотрит затравленный заяц, соображая, куда лучше бежать.

Так он простоял несколько мгновений и вдруг бросился в сторону, к ржаному полю.

Бёзе снял на ходу карабин и щелкнул затвором. Я видел, как Вицке пытался его задержать. Но Бёзе с решительным выражением человека, знающего, что он делает, и не допускающего, что кто-нибудь посмеет ему препятствовать, злорадно и презрительно усмехнувшись, отстранил его рукой и, держа карабин наперевес, еще быстрее пошел вперед.

Была странная игра лучей, и хотя луг был освещен солнцем, фигура Бёзе казалась чугунно-черной, обрисованной с необыкновенной отчетливостью.

Внимательно следя глазами за бегущим мальчиком, он шел теперь быстро и легко; его сосредоточенное лицо словно помолодело.

– Не может быть, чтоб он хотел пристрелить мальчика, – подумал я. Это было так чудовищно и неправдоподобно, что я не мог этому верить и в то же время я знал, что самое страшное может и должно совершиться. Вся действительность словно потеряла плотность и, как в тяжелом сновидении, омывалась теперь другим странным, неверным светом: зеленым, черным и красным.

Мальчик бежал, согнувшись, быстро перебирая босыми ногами. Он был уже у самого края большого поля ржи, но мне казалось, что он никогда не добежит, что он не двигается вперед, а только на месте семенит маленькими, страшно утороплеными шажками.

С неожиданной для его грузного тела гибкостью Бёзе встал на одно колено и прицелился. Меня поразила звериная точность и быстрота его движений. Я слышал, что он был охотником и поставлял дичь генералу, начальнику здешнего военного округа. <…>

Пастух добежал до поля. Высокая рожь, расступившаяся перед ним, опять выпрямилась и сомкнулась. Путь, прокладываемый движением его тела, уже терялся на волнуемой только ветром и проходящими тенями облаков, серебряной поверхности нивы.

Бёзе, держа палец на спуске, зорко всматривался в рожь, стараясь различить исчезающий среди колышущихся колосьев след мальчика. Я сказал себе с тем усилием, с каким стараешься иногда изменить ход событий страшного сна: он не должен выстрелить, мое сознание, всё мое существо не могут этого допустить.

И сейчас же, словно исполняя мою волю, Бёзе встал, разрядил карабин и, закинув его за плечо, медленно, в раздумье, вернулся на свое место. (*Варшавский В*. «Командо» (Отрывок). С. 28-29)

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 293

5. Сосинский имеет в виду следующее место в рассказе (беседа героя-рассказчика с Вицке):

С моей всегдашней бессознательной боязнью разговоров, могущих привести к спорам и вражде, я примирительно сказал:

– Единственная религия – это стараться быть добрым к другим людям.

Это было одно из где-то прочитанных или слышанных изречений, которые болтались на поверхности моего сознания, попав туда в готовом виде, но о значении которого я никогда по-настоящему не задумывался. Я произнес это непроизвольно и безразлично, как при встречах со знакомыми спрашивал: «Как вы поживаете?»

Но на Вицке мои слова произвели необыкновенное впечатление. (*Варшавский В*. «Командо» (Отрывок). С. 15)

6. См.: «Прощаясь с Вицке, я сказал ему: ‘Спасибо за всё, что вы для нас сделали. Я никогда не забуду вашей доброты’» (*Варшавский, В*. «Командо» (Отрывок). С. 29).

7. Речь идет о сладостном сне, навеянном памятью героя-рассказчика о довоенной жизни:

Только один сон я любил, но он редко мне снился. Я хожу по Парижу, с волнением узнавая знакомые улицы. Я только не могу вспомнить их названия. Но вот вспоминаю: это улица Святого Жака, длинная и тесная. Я знаю, здесь должна быть кондитерская, а дальше, на углу, еще другая. В витринах пирожные, сладкие пироги, плитки шоколада. Странно, я в штатском платье, и у меня есть деньги. Засунув руку в карман, я перебираю скомканные шершавые бумажки и тяжелую горстку металлических монет. Как необыкновенно чувство бесплотной легкости во всем теле, как сказочно всё это: быть свободным и иметь деньги, на которые можно купить еду. Я могу войти в кондитерскую и есть пирожные. Но что-то, чего я не в силах вспомнить, этому мешает. Что же это? Оно всё время присутствует в моем сознании, вертится на кончике языка. Это что-то печальное, как смерть, и я всё стараюсь и не могу вспомнить. А улица Святого Жака уже меняется, я не могу остановить ее превращения, она уже чужая, с враждебно высящимися домами, незнакомая улица, и всё вокруг так печально. Всю ночь я ищу в тревоге и не нахожу забытую дорогу в ту часть города, где кондитерская, где я был счастлив, и, несмотря на радость быть опять в Париже, мне грустно, но в этой грусти какая-то тайная горькая услада. (*Варшавский, В*. «Командо» (Отрывок). С. 8-9)

8. Эмиль Делавене (Emile Delavenay; 1905–2003), ученый (литературовед и лингвист, специалист по машинному переводу), автор диссертационного исследования «D.H. Lawrence: L’Homme et la genèse de son œuvre: Les années de formation (1885–1919)» («Д.Г. Лоуренс: Человек и генезис его творчества: Годы становления (1885–1919)»). Работал в ООН (возглавлял группу стенографистов-переводчиков, в которую входил Сосинский, и редактировал издававшийся на пяти языках журнал ООН) и в ЮНЕСКО. Оставив работу в ЮНЕСКО,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 294

был профессором кафедры литературы Ниццкого университета. Автор воспоминаний «Témoignage d'un village savoyard au village mondial (1905–1991)» («Свидетельство савойской деревни деревне всепланетной»), изданных в 1992 г.; в них ему удалось соединить свою индивидуальную биографию с широким историческим контекстом 20-го столетия.

9. Трюгве Хальвдан Ли (Trygve Halvdan Lie; 1896–1968), норвежский политический деятель; первый генеральный секретарь Организации Объединенных Наций (1946–1952).

10. gloire – слава (*фр.*)

11. Обычная для смешливо-иронического эпистолярного стиля Сосинского форма прощания: сам он, уже взобравшийся на Олимп славы, – «Володя № 2», а Варшавский, который только идет к славе, – «Володя № 1». Впрочем, приняв нумерологическую игру, Варшавский в последующих письмах дипломатично уступает первенство своему корреспонденту и именует себя Володей № 2.

5.
ВАРШАВСКИЙ – СОСИНСКОМУ
Париж – Нью-Йорк
2 июля 1947[1]

<2 июля 1947>[2]

Дорогой Старичок, не скрою, что твое письмо доставило мне большую радость и придало мне сил для продолжения моего труда[3]. Из всех суждений о моих рассказах я больше всего считаюсь с твоими. Ты один заметил, что в моей первом рассказе (о лейтенанте Данилове[4]) конец напоминает «готовый прием для расчувствования читателя». Эту верность слуха на фальшивое и настоящее для меня самое важное, я не знаю ни у кого из наших литературных судей. У всех у них есть некоторая доля цинизма в понимании способов искусства вызывать определенные чувства. Второе, меня удивило, что ты угадал цель моей книги. Конечно, я ее пишу для того, чтобы больше не было войны, и во имя некоторого всечеловеческого братства. По моему малодушию и эгоизму, я не способен бороться за это братство в жизни и жертвовать всегда собою, как это делаешь ты, но хоть в литературе мне хотелось бы выразить это стремление, живущее во мне, несмотря на мое «самосохранение» и желание[5].

Я хотел бы много об этом написать, но как раз сегодня выяснилась окончательная неудача конференции трех[6]. На меня это произвело угнетающее впечатление. Я всё время живу под гнетом страха. Отсюда и мое желание бегства в Америку. Если бы не этот страх, я не

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 295

хотел бы никуда ехать, прежде чем кончу книгу. Напиши мне, старичок, еще раз, что войны не будет[7].

В таком состоянии, как у меня сегодня, я чувствую, что я не смогу ничего написать. В один из твоих вечеров чтения в постели начни читать «…..» Са….'а[8]. Это самая замечательная книга, вышедшая после войны. Как литература это, может быть, даже серо, и все-таки местами мне казалось: это лучше, человечнее Достоевского. Порадуй своего расслабленного старичка и прочти эту книгу.

Я очень, очень рад твоим успехам. И лично за тебя, и за дело человечества. Борись за человечество и человечность. Для меня всё больше и больше это становится и идеей, и Богом, и родиной. Пора, чтобы появились люди, не боящиеся себя считать «патриотами человечества». Я всё яснее вижу, что это дело нашего века и что без этого будет только продолжение той бессмысленной и кровавой каши, которую нам преподавали загримированной словом «история».

Мне очень хотелось бы тебя повидать, чтобы поговорить обо всем этом с такой серьезностью, как если бы мы писали завещание. Здесь в этом смысле я чувствую себя очень одиноким. Мне не с кем об этом поговорить.

Кстати, о нашей переписке. Так как ты очень занят, ты можешь ограничиваться коротенькими письмами. Для меня это будет достаточно, чтобы писать длинные. Но если ты совсем не будешь писать, мне будет трудно. Негодяй Яновский мне до сих пор не написал. Имел ли ты случай его обследовать <?> Я видел здесь Слонима и, вероятно, буду встречаться с ним летом[9]. Я еду на юг в дом отдыха для писателей. Слоним мне показался очень славным, хотя у него много предвзятых идей. Встречаешь<ся> ли ты с С. Ю. Прегель<?> Мне говорил и Слоним, и К. Кроткова, твоя сослуживица[10], что Прегель приходится вести очень тяжелую борьбу за существование «Новоселья». Как ей помочь? После моей неудачной рецензии[11] я сам не хочу писать, а Адамович всё жмется, хочет, чтобы писал о <«>Новоселье<»> Бахрах. Я с ним (Адамовичем) почти в ссоре из-за этого. Видел ли ты Е. А. Извольскую<?>[12] Передай ей от меня, пожалуйста, самый сердечный привет. Это большой мой друг, хотя она мне не пишет, но она очень занята. Помни, что она была членом нашего Ордена[13] и вообще очень хороший человек.

Я с интересом жду «Новоселья», чтобы проверить твое указание насчет 15 стр<аницы>[14]. Не знаю, как сделать, чтобы ты мог видеть мои рукописи раньше их напечатания. Я задумал очень трудную книгу, и мне очень хотелось бы показать тебе первые главы[15]. Собираешься ли ты выступать с какими-либо публичными докладами и писать корреспонденции в «Русские Новости»<?>[16]

Еще раз желаю тебе дальнейших успехов по службе, но старайся отвоевать время для себя, для своей писательской работы.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 296

Насчет английского языка у меня слабо: я читаю и немного говорю. Произношение, конечно, ужасное. Паспорт же у меня будет французский.

Вот, дорогой старичок, обнимаю и шлю тебе мои наилучшие пожелания. Преданный тебе

В. В<аршавский>

---

1. 2-й машинописный экземпляр.
2. Датируется предположительно, см. следующее прим. и прим. 6.
3. Варшавский отвечает на предыдущее письмо Сосинского, что служит одним из аргументов в пользу его предположительной датировки.
4. Т.е. «Младший лейтенант Данилов: (Рассказ эмигранта)» (Новоселье. 1946. № 24/25. Февр.–март. С. 23-35).
5. Судя по следуемой далее лакуне, завершение фразы по-французски было вписано в 1-й экземпляр от руки.
6. Речь идет о конференции трех стран – Великобритании, Франции и Советского Союза (США в ней участия не принимали), которая открылась 27 июня 1947 г. и на которой должны были обсуждаться вопросы послевоенного мира и, согласно плану Джорджа Маршалла, экономической помощи Европе. Однако 2 июля советская делегация, возглавляемая министром иностранных дел В.М. Молотовым, конференцию покинула, что было равносильно ее срыву.
7. Страх возможной новой войны – одна из центральных тем послевоенного эпистолярия Варшавского. Так, в письме к В. Яновскому он заметит: «Главная причина, заставляющая меня желать уехать в Америку, это страх войны. В войне между Америкой и Россией я не собираюсь принимать участие, а из всех концлагерей, я думаю, американские самые лучшие» (BAR. V. Yanovsky Papers. Box 2). Это письмо не датировано, по содержанию относится к 1946–1947 гг.
8. Похоже, что речь идет о романе А. Камю «Чума» (1947); если наше предположение верно, то в первый экземпляр от руки было вписано: «La Peste» Camus'a.
9. Историк литературы, литературный критик, редактор, переводчик, журналист, общественный деятель Марк Львович Слоним (1894–1976) находился в это время во Франции, которую он посетил впервые после переселения в США в годы Второй мировой войны. В становлении творческой судьбы Варшавского М. Слоним сыграл немалую роль – от публикации дебютного рассказа «Шум шагов Франсуа Виллона» в пражском журнале «Воля России» (1929. № 7. С. 18-27), редактором которого он являлся, до жесткой и вместе с тем содержательной полемики вокруг программной книги Варшавского «Незамеченное поколение» (1956). См. об этом: Полемика вокруг «Незамеченного поколения» // *Варшавский, В. С.* Незамеченное поколение / Предисл. О. А. Коростелева; сост., коммент. О. А. Коростелева,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 297

М. А. Васильевой; подгот. текста приложения, послесл. М. А. Васильевой / М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Русский путь, 2010. С. 315-341.

10. Кристина (Христина) Павловна Кроткова (в замуж. Франкфурт; псевд. К. (Х.) Ирманцева; 1904–1965), поэт, литературный критик, переводчик, журналист. Первоначально жила в эмиграции в Праге, где входила в литературное объединение «Скит поэтов» (см.: «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы / Вступ. ст., общ. ред. Л.Н. Белошевской; Сост., биографии Л.Н. Белошевской, В.П. Нечаева / М.: Русский путь, 2006 (по указателю)). В 1929 г. переехала с мужем и сыном во Францию, где, в частности, познакомилась с М. Цветаевой, см.: Письма М.И. Цветаевой к Х.П. Кротковой / Публ. В. П. Нечаева // Минувшее: Исторический альманах <вып.> 21 / СПб.: Atheneum; Феникс, 1997. С. 376-390. В 1937 г. поступила в Торонтовскую консерваторию, а в 1939 г. поселилась в Нью-Йорке. В годы войны служила на радиостанции «Голос Америки». В послевоенное время работала переводчиком в ООН (отсюда: «твоя сослуживица»). Автор книги стихов «Белым по черному» (Нью-Йорк; Париж: Дом книги, 1951). Умерла во время своего посещения Москвы, где и похоронена.

11. См. прим. 2 к п. 2 (март–апрель 1947).

12. См. прим. 6 к п. 2 (март–апрель 1947).

13. Здесь под «Орденом» Варшавский имеет в виду собрания литературного объединения «Круг» (1935–1939), которые проходили на квартире И.И. Фондаминского (130, Avenue de Versailles, XVIe) и которые, по словам посещавшего их В. Яновского, стали местом «встречи отцов и детей, где спорили и беседовали на религиозно-философские и литературные темы» (*Яновский, В. С.* Поля Елисейские. С. 75). Ср. в романе Варшавского «Ожидание», в котором Фондаминский изображен под именем Эммануила Осиповича Кладинского:

> Задумав восстановить в эмиграции «орден русской интеллигенции», он начал устраивать у себя собрания, на которые приглашал эмигрантских сыновей: «пореволюционеров» и таких, как я, монпарнасских завсегдатаев, потерявших от долгого одиночества здравый смысл. (*Варшавский, В. С.* Ожидание: проза, эссе, литературная критика. С. 72-73)

Феномен «духовного ордена русской интеллигенции» описан, в частности, в программной статье И.И. Бунакова (Фондаминского) «Пути освобождения» (Новый Град. 1931. № 1. С. 31-48). О влиянии собраний «Круга» и новоградских идей на воззрения Варшавского см.: *Васильева, М. А.* «…Продолжаю верить в появление движения, близкого к новоградскому»: Письма Владимира Варшавского про-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 298

тоиерею Кириллу Фотиеву (1968–1977) [вступ. ст.] / Философические письма: Русско-европейский диалог. 2019. № 3. С. 121-128.
14. См. прим. 5 к п. 4 (28 июня 1947).
15. Речь идет о книге «Семь лет», см. вступительную заметку. К определению «трудная книга» Варшавский вернулся также во время работы над «Незамеченным поколением»; так, в письме к матери в 1951 г. он заметил:

> «Некоторые мои самые давние и самые для меня главные мысли начали наконец принимать в моем сознании такую ясность, что я надеюсь, я смогу их написать, и тогда выйдет хорошая книга. Но я задумал очень трудную книгу, которая требует огромного напряжения, внимания. Теперь мне кажется, что я для такого усилия готов.» (В. С. Варшавский – О. П. Норовой. Конец 1951 г. [датируется по содержанию] (ДРЗ. Ф. 71); см. об этом: «…Я задумал очень трудную книгу…»: письма к В. С. Варшавскому о «Незамеченном поколении» / Вступ. статья М. А. Васильевой; подгот. текста и коммент. М. А. Васильевой и О. А. Коростелева // Русская литература. 2017. № 1. С. 216-241)

16. См. прим. 2 к п. 3 (весна 1947).

6.
ВАРШАВСКИЙ – СОСИНСКОМУ
Париж – Нью-Йорк
Конец лета 1947[1]

<Конец лета 1947>

Дорогой Старичок, я был рад получить твое письмо. Знаю, как ты занят, и поэтому особенно был тронут. Спасибо, что утешил меня. Дай Бог, чтобы войны действительно не было. Как ни плох теперешний мир, все-таки лучше, чем настоящая война. Скажу тебе прямо, может быть, с риском испортить наши отношения (но я не хотел бы, чтобы между нами были недоразумения), в этой возможной войне для меня нету стороны, которую я считал бы правой. Я с завистью и удивлением читал твое письмо. Ты видишь зло и несправедливость только на одной стороне. Я дорого бы дал, чтобы это было так. К сожалению, ни мое сознание, ни моя совесть не позволяют мне так видеть. Я часто с сожалением вспоминаю 1939 г.: тогда так ясно было, где зло, где добро. Но это разговор невозможный в письмах. Между прочим, я считаю, что вся ваша организация стоит на ложном пути[2], и конец ее будет еще бесславнее, чем конец Лиги Наций. Только универсальное правительство, стоящее над национальным суверенитетом, только национальное право, а не договоры между суверенными правительствами, могут спасти мир. Именно в этом направлении я располагаю направить мои усилия.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 299

От Яновского, правда, после 8-месячного молчания, я получил письмо[3]. Но должен сказать, что за такой срок во мне отсохло желание ему писать. И скажу прямо. Я не могу сравнивать моего отношения к тебе и к нему. В лестнице человекообразных существ, с которыми мне привелось в жизни встретиться, я ставлю тебя очень высоко, а его причисляю к такому же сорту, как я сам, в чем-то немного лучше, чем я, в чем-то даже худшему. Так что я не могу к нему относиться с таким же уважением, как к тебе. Мера очень простая: я не могу сделать того, что делаешь ты, а насчет Яновского мне иногда кажется, что он не может даже того, на что я иногда способен. Поэтому постановил не писать ему шесть месяцев.

Надеюсь, что ты все-таки встретишься как-нибудь с Е. А. Извольской. Вот к ней я с большим тоже уважением отношусь. Я только что вернулся с юга: видел там М. Слонима, Газданова, Адамовича, Алданова, Дукельского и твою ……[4] Н. В. Резникову с младшим сыном[5]. А в сентябре приезжает в Париж С. Ю. Прегель[6]. Надеюсь узнать от нее, как ты выглядишь в Америке. На юге было очень хорошо. Действительно, как эдемский сад. Но еще страшнее было думать о войне. Жму руку. О многом хочется с тобой поговорить. Мне всё кажется, что мы все-таки еще встретимся, и, может быть, даже скоро. Когда будет время, пиши мне и о твоей работе, и о впечатлениях, и о думах. Жму крепко руку. Искренне твой.

В. Варшавский

---

1. Второй машинописный экземпляр; датируется приблизительно по содержанию.
2. Т. е. Организация Объединенных Наций.
3. В одном из писем к В. Яновскому Варшавский замечал:

> «Дорогой Яновский, так как ты все-таки мне ответил на письмо, хотя и с опозданием на несколько месяцев, все-таки тебе прощаю еще и в этот раз. <…> Я понимаю, что ты погибаешь от работы, но все-таки это даст тебе возможность откормиться, и думаю, и материал для нового романа. Встречи с людьми всех наций должны, мне кажется, дать пищу для наблюдений и ‘сердца горестных замет’. Желаю сделать здесь тебе карьеру. Когда укрепишься, устроишь и меня.» (BAR. V. Yanovsky Papers. Box 2); письмо не датировано, по содержанию относится к 1946–1947 гг.

4. Во втором экземпляре следует пробел; по-видимому, в первый экземпляр было вписано: *belle-sœur,* т.е. сестру жены.
5. Литератор, переводчик, мемуарист Наталья Викторовна (Митрофановна) Резникова (урожд. Федорова; после удочерения – Чернова; 1903–1992), сестра-близнец О. В. Андреевой (Черновой), жены Вадима Андреева, и сестра жены Сосинского Ариадны Викторовны; младший сын – Егор Данилович Резников (1938), в

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 300

будущем профессор математики и музыкант, исследователь античных и средневековых вокальных традиций.
6. С.Ю. Прегель приехала в Париж из Нью-Йорка, куда она переселилась после начала Второй мировой войны, в середине третьей декады сентября 1947 года. О приеме, оказанном ей русской эмигрантской колонией Парижа, см. в кн.: *Прегель, С. Ю.* Разговор с памятью: Поэзия, проза, очерки и статьи: В 2-х томах. Т. 1 / Сост., подг. текста, вступ. статья и коммент. В. Хазана / М.: Водолей, 2017. С. 86-91.

7.
ВАРШАВСКИЙ – СОСИНСКОМУ
Париж – Нью-Йорк
Конец 1947[1]

<Конец 1947>

Дорогой Старичок,

по свойственной мне привычке я долго и тяжело и с нерадостным чувством размышлял над твоим письмом. И вижу, что пока на него не отвечу, не смогу думать ни о чем другом.

Да, мы попали в безвыходное положение: с одной стороны, в письмах ни о чем не договоришься, с другой стороны (не нужно себя обманывать), ни о чем другом мы не можем ни думать, ни говорить.

Ты пишешь, что я и многие другие проваливаемся в какую-то бездну. Именно потому, что этим полны американские газеты, я *нигде* этого публично не говорю и не пишу. Но в отличие от тебя меня продолжает это интересовать. Та бездна, куда я и многие провалились и куда неизбежно провалишься и ты, имеет простое название: многомиллионные концлагеря в Советской России. Для меня еще не придуман магический фильтр, который позволил бы мне об этом забыть, и не придумано цели, которая бы это оправдывала[2].

Ты пишешь, что третьего пути «просто нету». Во всяком случае, существуют во всех странах миллионы людей, которым надоело человеконенавистничество, кем бы оно ни проповедовалось, которые не хотят быть ни жертвами, ни палачами и которые не хотят уничтожать друг друга ради какой-либо идеологии. Да, к сожалению, эта огромная масса людей не организована, никем не представлена, не нашла еще путей договориться друг с другом. Но последние события во Франции показали, что она уже может влиять на события. Ты знаешь, что Франция была накануне гражданской войны. Приход к власти голлистов или коммунистов делал ее неизбежной. И почти так же неизбежно эта гражданская война привела бы к 3-ей мировой. Конечно, ты скажешь, что Леон Жуо <–> «социал-предатель»[3]. В дей-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 301

ствительности же он действовал как представитель всех тех, кто не хотел ни убивать, ни быть убитым ни в гражданской, ни в мировой войне. Ты спрашиваешь о Кривошеине[4]. Прилагаю заметку из «Co...»[5], чтобы показать тебе, как отнеслась к этим высылкам печать «третьего пути»[6]. Ты скажешь, что это не исправляет сделанную несправедливость. Но скажу тебе прямо: тот день, когда ты напишешь заметку в этом роде о ком-нибудь из сосланных русской администрацией, и эта заметка будет напечатана в «Правде», – будет счастливейшим днем в моей и всех людей жизни. Не писал бы тебе этого, если бы ты сам не согласился, что суббота для человека, а не наоборот. Впрочем, ты бы и не отвечал на мои письма, если бы не верил в это так же, как я. Желаю нам всем нового года, не такого тревожного, как предыдущий. Если еще несколько лет не произойдет ничего непоправимого, то дай Бог все устроится. Целую крепко и желаю всем твоим всего самого хорошего.

Володя № 2 (гуманист)

---

1. Второй машинописный экземпляр; датируется приблизительно по содержанию: см. фразу о высылке из Франции И. Кривошеина, которая произошла в 1947 г., и новогоднее пожелание, указывающее на приближение 1948 года.

2. Веским обоснованием размышлений Варшавского была трагическая судьба его отца, жившего в эмиграции в Праге видного юриста и общественного деятеля Сергея Ивановича Варшавского (1879–1945), арестованного СМЕРШем 18 мая 1945 г., вскоре после вступления в столицу Чехословакии Красной армии. 15 июня 1945 г. С.И. Варшавскому было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности. 21 июля он был этапирован с другими обвиняемыми в Львовскую тюрьму, а 30 июля приговорен Военным трибуналом Львовского военного округа по статье 58-4 УК РСФСР к лишению свободы и принудительным работам в ИТЛ сроком на 10 лет. Скончался Варшавский-старший 6 ноября 1945 г. в Карлаге (Карагандинская область). Скорее всего, отец писателя, которому шел тогда 67-й год, физически не вынес этапа. Семейная трагедия и глубокие переживания в связи с гибелью отца были описаны Варшавским-младшим в рассказе «Мечтание. Отрывок из повести» (Новый Журнал. 1961. № 65. С. 65-90), а затем в романе «Ожидание». Реконструкцию биографии и последних дней С. И. Варшавского см.: *Васильева, М. А*. Роман «Ожидание» как документ / *Варшавский, В. С.* Ожидание: проза, эссе, литературная критика. С. 532-548.

3. Леон Жуо (Léon Jouhaux; 1879–1954), видный деятель французского и международного профсоюзного движения. Один из организаторов раскола Всеобщей конфедерации труда и создания профессионального объединения Force ouvrière (Рабочая сила), которое произошло в

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 302

декабре 1947 г., т. е. накануне этого письма Варшавского. В то же время он становится председателем Экономического совета Франции. Лауреат Нобелевской премии по экономике (1951).
4. См. прим. 4 к п. 2 (март–апрель 1947).
5. По-видимому, речь идет о газете «Combat», основанной в 1941 г. как подпольный печатный орган движения Сопротивления (с 1943 по 1947 гг. ее главным редактором был А. Камю). В период послевоенного кризиса во Франции, когда шла борьба между коммунистами и сторонниками Ш. де Голля, газета хотя и занимала в целом антикоммунистическую позицию, тем не менее в борьбе между правыми и левыми сторонилась обеих крайностей и утверждала «третий путь», горячим политическим сторонником которого был Варшавский и который в категорической форме отвергал Сосинский.
6. Имеются в виду высланные из Франции русские эмигранты, придерживавшиеся радикальных просоветских взглядов.

8.
ВАРШАВСКИЙ – СОСИНСКОМУ
Париж – Нью-Йорк
Начало января 1948[1]

<Начало января 1948>

Дорогой Старичок,

тебе всё яснее представляется, что все, кто думают не так, как ты, провалились в яму, где видят всякие чудовища. Уже и Рузвельт оказывается в этой яме. И так как «кто сказал А – невольно и часто *против своего ума и сердца* – доходит неизбежно до[2]», то завтра ты скажешь, что эту яму, в которой сидят все эти чудища, думающие по-другому, чем ты, нужно обнести колючей проволокой, то есть превратить ее в концлагерь. Это та логика, которая заставляла христиан сжигать еретиков на кострах, якобинцев привела к террору. Пример этого «логического» развития в русской литературе <–> Белинский.

«Во мне развилась какая-то дикая, бешеная, фанатическая любовь к свободе и независимости человеческой личности, которая возможна только при обществе, основанном на правде и доблести. Я понял французскую революцию, // понял и кровавую ненависть ко всему, что хотело отделяться от братства с человечеством… я начинаю любить человечество по-маратовски: чтобы сделать счастливой малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную»*[3].

Вот что пишет по этому поводу в своей последней книге Бердяев, голос которого ты сравнивал с «яснополянским»: «Белинский является

* там, где я перестаю следовать за «логикой» Белинского (*Прим. Варшавского*).

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 303

предшественником русского коммунизма, гораздо более Герцена и всех народников. Он уже утверждал *большевистскую мораль*»[4].

Кстати, о концлагерях ты ничего не ответил, хотя я тебе писал, что это *главный* для меня вопрос. А вот разговор, который я имел недавно. Я сидел в кафе с моим приятелем-коммунистом. Мы говорили о Бухенвальдах, и оба одинаково возмущались. Но скоро я заметил, что все-таки мы возмущались не совсем одинаково. Я стал его расспрашивать, и он тогда мне прямо сказал, что его возмущает не то, что в этих лагерях уничтожали людей, а то, что уничтожали не тех, кого нужно. И вдруг я почувствовал, что между мной и этим человеком, с которым я сидел рядом, расстояние большее, чем если бы мы были обитателями разных планет. Он совершенно искренне удивился, когда я ему это сказал, и никак не мог понять, в чем тут дело. Такое же искреннее удивление я увидел на лице другого моего приятеля по плену, когда после его слов, что для спасения цивилизации нужно уничтожить Советский Союз, я сказал ему то же, что моему коммунисту. Видишь ли, они оба не верили в возможность третьего взгляда, третьего решения. Ты спросишь меня, почему я тебе всё это пишу. Собственно, я сам не знаю. Верующего нельзя переубедить. Пишу, скорее всего, для того, чтобы объяснить тебе, почему я не могу думать, как ты, хотя я ничего бы так не хотел, как думать, как ты. Но по совести и сердцу не могу.

Вот ты пишешь, что Жуо, конечно, «социал-предатель»[5]. И, может быть, я по логике согласился бы с тобой. Но когда я ходил по улицам Парижа и видел на них призрак гражданской войны, ненависти и убийства, я без всяких рассуждений, но с *абсолютной уверенностью сердца* знал, что я этого *не хочу*: ни ненависти, ни убийства, и что большинство людей этого *не хочет*, и что люди должны найти более человеческий выход. Вот почему для меня Жуо если и «социал-предатель», то не предатель *человечности*, что, прости, для меня гораздо важнее. То же, что ты с таким презрением говоришь: «знаем мы эти ‘бескровные завоевания’», скорее, «выдает с головой тебя», вернее, ту идеологию, абстрактную и логическую, представителем которой ты вдруг себя почувствовал, забыв свое донкихотское сердце и стараясь перестать быть самим собой, так как голова у тебя вовсе не логическая, и как бы ты ни старался, ты всегда останешься Дон-Кихотом. Лишнее в этом подтверждение я нашел в твоем письме: именно потому, что ты, Дон-Кихот, ты хочешь поднять мою перчатку. Прости меня, но когда я прочел о твоем плане стать литературным критиком в Москве, мне стало за тебя страшно. Предпочитаю, чтобы ты сидел в Нью-Йорке, чувствовал себя Брианом и содрогался от мерзостного зрелища чудовищ Уолл-Стрита <sic>. Фельетон Александра Раскина меня только лишний раз в этом убеждает[6]. Почему его герой должен дотягивать покаянное письмо до кило,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 304

почему Фадеев должен переделывать свою пьесу?[7] Почему ты надеешься, что тебе одному не придется таких писем весом в кило писать <?> И так как знаю, что ты никогда не согласишься на это, то боюсь, что ты недолго останешься литературным критиком и окажешься уже не в Москве, а в каком-нибудь менее известном месте, где откроешь, что есть еще и другие аспекты общественного мнения советской интеллигенции и другие советские люди, чем теперешние твои коллеги по ОН <sic>. Нет, я вовсе без всякого презрения отношусь к общественному мнению советской интеллигенции и народа. Если бы его не было и если бы власть не сделала ему уступок во время войны, то русские не дошли бы до Берлина. К сожалению, надежды, что так пойдет и дальше, с каждым годом уменьшаются. Ты пишешь, что мы держимся еще за представления 17-го года о полном отсутствии свободы мысли в России. Но неужели ты не видишь, что по сравнению с тем, что делается теперь, 17 год, для литературы во всяком случае, был временем почти неограниченной свободы. Ни осуждение Зощенко[8], ни речь Жданова о книге Александрова[9] были бы в 17 г. невозможны. Я уверен, что Луначарский умер бы от разрыва сердца, если бы эту речь Жданова услышал. Кстати, если фельетон Раскина, по существу, трагическое произведение, то письмо о заблуждениях Эйзенштейна[10] может быть понято так же, как и речь Жданова, только как произведение чисто юмористическое, поэтому не буду даже о нем говорить.

Опять ловлю себя на том, что всё время говорю с тобой как «Социалист<ический> Вестник»[11], в то время как, встречаясь с людьми «Соц<иалистического> Вест<ника>», говорю как «Совет<ский> Патриот»[12]. Не думаю, что это из духа противоречия. Нет. Но обе преподносимые нам картины «ада» и «рая» одинаково ложны и в одинаковой степени подменяют мифом действительность, которой мы не знаем и которую нам очень трудно узнать. То, что ты встречаешься с «вышинскими», вовсе не убеждает меня, что ты знаешь эту действительность. Ты просто поверил в один из двух мифов, ради которых всё человечество мобилизуется теперь для новой, совершенно чудовищной и бессмысленной войны, такой же бессмысленной, как религиозные войны прошлого. Я никогда не видел ни одного невозвращенца. (Впрочем, если они и несоветские люди, как ты пишешь, то все-таки продукт советской жизни, продукт, какого не производила еще ни одна демократическая страна.) Все советские люди, с которыми я встречался в Германии, были советскими патриотами. И вот должен сказать, что ни в ком из них я не заметил того, что Бердяев называет «большевистской моралью». Так же, как ни в ком из американцев, с которыми я встречался в плену, я не заметил чудовищного образа Уолл-Стрита <sic>. И я совершенно убежден, что если бы эти советские и американские люди могли бы непосредственно друг с другом договориться, то никакой бы войны никогда не было. А Маршал<л>а[13] и

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 305

Молотова[14] я бы отвез не необитаемый остров, чтобы они там в честном поединке решили свои идеологические споры. К сожалению, это неосуществимая утопия, и больше похоже на то, что Маршал<л>ы и Молотовы вместо этого поединка устроят новую мировую бойню, в которой русские и американцы, неизвестно почему, будут убивать друг друга и людей других национальностей в миллионных количествах. Во всяком случае, я этого не хочу и всегда буду против этого.

Пишу это не для того, чтобы тебя в чем-то переубедить. Но я не хочу, чтобы между нами были недоразумения на этот счет. Ничего больше я не хочу так, как чтобы оправдалось твое мнение, что Россия идет к увеличению свободы. Только об этом и молюсь, и именно потому, что я предпочитаю «бескровные завоевания», так же, как здесь, не хочу гражданской войны и в России. Вопрос только в том, услышат ли наши молитвы Молотовы и Ждановы. В общественном же мнении советской интеллигенции я не сомневаюсь: если оно победит, войны не будет, ни мировой, ни гражданской.

Вот написал уже 6 страниц, написал не так, как хотел бы, и далеко не всё, что хотел бы, и чувствую усталость. Ничего, кроме споров, из наших писем не выйдет. Всё, что ты пишешь мне, не только меня не убеждает, но еще усиливает желание возражать. Вероятно, то же и ты чувствуешь, читая мои письма. И это между нами, людьми, я думаю, очень близкими друг другу в смысле радищевской «уязвленности души» страданьями людей[15]. Если мы не можем договориться, то что же ждать от других, этой «уязвленностью» не страдающих.

И вот хотя не могу думать ни о чем другом, перехожу от этих, слишком тяжелых мыслей к «личному». Не знаю, попаду ли когда-нибудь в Америку и увижу ли тебя. В Париже же мне жизнь тяжела. Чувствую себя всё более одиноким. Из наших общих друзей, кажется, один только В. Алексинский со мной во всем единомышленник[16]. Стараюсь писать мою книгу с надеждой сказать что-то правдивое о том, что видел, и о своем мечтании.

Думаю, что ты ведешь жизнь более интересную, видишь много людей и все-таки новую страну и новый народ, как бы ты не был против них предубежден.

Была здесь и недавно уехала отсюда С. Прегель. Ты, верно, ее увидишь. Я довольно часто с ней здесь встречался, но никогда о самом главном не мог говорить. Вообще, по-видимому, круг людей, с которыми я могу разговаривать с открытым сердцем, очень невелик.

Встречаешь ли ты Марка Львовича<?>[17]. Мне писали, что был очень болен. А Извольскую видел ли ты, наконец, и вообще кого из парижских знакомых видел <?> Между прочим, Яновскому я не пишу вовсе не по политическим соображениям, а только потому, что он так долго мне отвечал, что я почувствовал, что диалог оборвался. Что же касается политических споров, то доверие к «личности» для

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 306

меня всегда было важнее, чем согласие или несогласие в политических убеждениях, главное из каких чувств они исходят. Между прочим, думаю, что и в рай, если он только существует, будут пускать именно по чувствам сердца.

Желаю тебе в Новом году всего самого хорошего. Видел проект дома, который для вас ОН собирается строить. Неплохой домик. Дай Бог, чтобы его выстроили и чтобы не случилось с ним такой же неприятности, как с Вавилонской башней.

Сердечный привет Ариадне Викторовне и твоей е е- е е[18].

Володя № 2 (не Марат. Кстати, и ванны у меня нету[19]).

P.S. Еще раз спрашиваю себя, зачем я всё это тебе написал? Как будто это приведет только к враждебности. Но я *не мог* этого не написать, надеюсь, что ты с этим согласишься.

---

1. Второй машинописный экземпляр. Датируется по содержанию: см. прим. 9 и поздравление с Новым годом в конце письма.
2. В первый экземпляр, как видно, было вписана латинская буква В.
3. Из знаменитого письма В. Г. Белинского к В. П. Боткину от 27-28 июня 1841 года.
4. Варшавский цитирует книгу Н. А. Бердяева «Русская идея» (1946).
5. См. прим. 3 к предыдущему письму.
6. Скорее всего, имеется в виду «Письмо прозаика» из фельетона «Литературный письмовник» (см.: *Раскин А., Слободской, М*. Восклицательный знак / М.: ГИХЛ, 1939. С. 17-18).
7. Варшавский, разумеется, имеет в виду не неведомую пьесу А. Фадеева, а его роман «Молодая гвардия», против которого в декабре 1947 года поднялась кампания в «Правде». Главное обвинение, предъявляемое писателю, сводилось к тому, что он недостаточно показал руководящую роль партии, стоящей за героическим поведением молодых подпольщиков. Как «солдат партии» писатель внял указаниям «товарищеской критики» и в ударные сроки переработал свой роман.
8. Речь идет о печально известном постановлении ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах ‘Звезда’ и ‘Ленинград’», в котором говорилось, что опубликованный в журнале «Звезда» рассказ Зощенко «Приключения обезьяны» (№ 5/6 за 1946 г.) «представляет пошлый пасквиль на советский быт и на советских людей», что «Зощенко изображает советские порядки и советских людей в уродливо карикатурной форме, клеветнически представляя советских людей примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами» и что «злостно хулиганское изображение Зощенко нашей действительности сопровождается антисоветскими выпадами».
9. Имеется в виду выступление А. Жданова на дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии», которая состоялась 24 июня 1947 года.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 307

10. Варшавский указывает на вторую серию фильма С. Эйзенштейна «Иван Грозный» («Боярский заговор»), которая подверглась уничтожающей критике в партийном постановлении от 4 сентября 1946 г. о ленте «Большая жизнь»: «Режиссер Сергей Эйзенштейн во второй серии фильма ‘Иван Грозный’ обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов наподобие Ку-Клус-Клана, а Ивана Грозного, человека с сильной волей и характером, – слабохарактерным и безвольным, чем-то вроде Гамлета».
11. «Социалистический вестник» – печатный орган Заграничной делегации РСДРП (меньшевиков) – возник в Берлине в 1921 г. и просуществовал до конца 1965 г. (с 1933 – в Париже, с 1940 – в Нью-Йорке).
12. «Советский патриот» – печатный орган «Союза советских патриотов» во Франции (Париж, 24 марта 1945 – 16 января 1948; ред. Д. Одинец).
13. Джордж Кэтлетт Маршалл-младший (George Catlett Marshall, Jr.; 1880–1959), американский государственный и военный деятель, инициатор «Плана Маршалла» – программы восстановления послевоенной Европы; лауреат Нобелевской премии мира (1953).
14. Вячеслав Михайлович Молотов (наст. Скрябин; 1890–1986), советский политический, государственный и партийный деятель; в годы, о которых идет речь, занимал пост министра иностранных дел.
15. Аллюзия на начало «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790) А.Н. Радищева: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала».
16. Владимир Иванович Алексинский (1910–1955), инженер-агроном, журналист. Входил вместе с Варшавским в кружок-«орден» И.И. Фондаминского (см. прим. 13 к п. 5, от 2 июля 1947). Участник Второй мировой войны в качестве добровольца французского африканского корпуса. Автор воспоминаний «Несколько слов о русских добровольцах в рядах ‘Войск Свободной Франции’» в парижском «Вестнике русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции» (1947. № 2. Февр. С. 23-27).
17. Имеется в виду М.Л. Слоним (см. прим. 9 к п. 5 от 2 июля 1947).
18. Во 2-м экземпляре проставлены только четыре «е»; в 1-й экземпляр почти несомненно было вписано слово «belles-mères» (теще): О.Е. Колбасина, мать Ариадны Викторовны, находилась в это время в Нью-Йорке.
19. Полуироническая историческая реминисценция: один из лидеров якобинцев, Жаль-Поль Марат (Jean-Paul Marat; 1743–1793), был заколот Шарлоттой Корде в ванне.

Публикация, подготовка текста, примечания –
Владимир Хазан и Мария Васильева

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 308

Г. Пономарева, Н. Синдецкая

Юрий Иваск и Николай Гронский

Вопрос о рецепции творчества Николая Гронского в русской литературе довоенной Эстонии еще никем не рассматривался. Юрий Иваск в статье «Памяти Николая Гронского» писал: «Его поэзия произвела большое впечатление среди пишущих в Праге, Варшаве и Ревеле»[1]. В Эстонии 1930-х годов интерес к творчеству Н. Гронского был у писателей – членов Таллинского (Ревельского) цеха поэтов – Ю. Иваска, Б. Тагго-Новосадова[2] и К. Гершельмана,[3] – они были друзьями.

Б. Тагго-Новосадов в статье «Мысли о молодой эмигрантской поэзии» (в порядке дискуссии)» разбирает сборники стихов четырех молодых парижских поэтов: А. Штейгера, В. Мамченко, Л. Савинкова и Н. Гронского. Критик считает, что суть творчества последнего – в самом мироощущении поэта: «*Гронский – классик*. Он стоит над современностью, он не вдается ни в описания будней, ни в мечты о будущем. Он не мудрствует лукаво, а просто славит храбрых и сильных духом и проклинает нечестных»[4]. Тагго-Новосадов считал самым сильным произведением Гронского не поэму «Белладонна», о чем писали Цветаева и Иваск, а «Повесть о Сергии Радонежском, медведе его Аркуде и битве Куликовской»[5]. В статье «Vene luule kaks palet» («Два лика русской поэзии») он назвал Гронского учеником Цветаевой и отметил героические образы в его стихах и ориентацию на архаику[6].

О своем отношении к поэзии Гронского К. Гершельман высказывается несколько раз в переписке с поэтессой В. С. Булич[7] (Хельсинки). Так, Гершельман пишет ей 17 августа 1938 года, что «есть очень сильные поэты, стоящие совсем особняком от указанного <парижского> направления – например, Цветаева и примыкающий к ней Гронский»[8]. В письме к Булич от 15 августа 1938 года он высоко оценивает название ее поэтического сборника «Ветер», сравнивая употребление этого слова с излюбленными словами у других поэтов. Среди них и Гронский: «Очень удачно название сборника. Почти каждый поэт выдвигает и поднимает в поэзию одно или несколько каких-нибудь новых излюбленных им слов (синее, голубое, корабли, плечи – Блока, плащ у Цветаевой, север у Гронского и т. д. <...>. Такое слово обрастает ассоциациями и приобретает для последующей поэ-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 309

зии какую-то особую поэтическую привлекательность»[9] Таким образом, мы видим, что Гершельман внимательно читал стихи Гронского. Для него, как и для его современников, имена Цветаевой и Гронского тесно связаны. В архиве К. Гершельмана, находящемся в Библиотеке Тартуского университета, сохранился его блокнот, в котором на одиннадцати листах с двух сторон им переписано несколько стихотворений и отрывков из поэм Н. Гронского из книг «Стихотворения и поэмы» и «Парабола» 1936 года[10]. Видимо, поэтические тексты переписаны в 1950 году , поскольку такая дата проставлена в каталоге рукописного отдела. По ним видно, что Гершельман ценит и воспринимает Гронского как эмигрантского поэта (стихотворение «Помню Россию так мало»), как северянина («Финляндия», «Север»), как писателя, внимание которого привлекают библейские мотивы («Моисей. Гора Нево», «Моисей. Гора Синай») и воспевающего смелых героев (поэма «Авиатор»)[11]. Любопытно, что поэма «Белладонна», которую высоко оценивали современники, не привлекает внимания Гершельмана.

Но больше всего сделал для ознакомления эмигрантского читателя с поэзией Гронского Юрий Иваск. Тема «Иваск и Гронский» была уже частично рассмотрена в статье Ф. Б. Полякова «Церковнославянская традиция и языковая архаика в историко-литературной концепции Льва Гомолицкого»[12]. Ю. Иваска поэт Гронский интересовал по нескольким причинам. Прежде всего, Иваск высоко ценил творчество учителя Гронского – поэта Марины Цветаевой, и собирался даже написать о ней книгу[13]. Самой Цветаевой внезапная гибель юного поэта нанесла глубокую травму. Она написала 27 ноября 1934 года редактору «Современных записок» В. В. Рудневу: «А у меня случилось горе: гибель молодого Гронского, бывшего моим большим другом.»[14] Цветаева быстро написала статью о Н. Гронском для парижской газеты «Последние новости», но не смогла опубликовать вторую часть статьи, о чем она раздраженно писала Рудневу: «О Гронском успели написать Бем – в ‘Мече’, и Ю. Иваск – в ‘Нови’, но я же была обречена на молчание»[15]. Цветаева считала, что Гронский – это новое поколение, ярко заявившее о себе в эмигрантской литературе. В письме к А.Тесковой от 27 декабря 1934 года она утверждала: «Это первый поэт, возникший в эмиграции. Первый настоящий поэт»[16].

Цветаева ошиблась. Ничего в «Нови», кн.7, о Гронском у Иваска не появилось. Просто написать не успел. Гронский умер в конце ноября 1934 года, а альманах вышел в декабре 1934 года. Но и в «Новь», кн.8, статья не попала, так как в это время произошел конфликт ряда членов «Таллинского цеха поэтов» с П. Иртелем[17]. Тогда Иваск сдал некролог в выборгский «Журнал содружества»[18]. В «Нови»-8 же была напечатана статья живущего в Польше критика Л. Гомолицкого «Несколько слов по поводу ‘Белладонны’ Н. Грон-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 310

ского»[19]. Во вступительной статье Л. Белошевской, П. Мицнера и Л.Флейшмана к трехтомному собранию сочинений Л. Гомолицкого уже отмечалось сходство взглядов в статье Гомолицкого и в некрологе Иваска: «Этой заметкой Гомолицкий присоединился к трактовке творчества Гронского, выдвинутой в некрологической статье Юрия Иваска в *Журнале Содружества*»[20].

Иваск и Гомолицкий были заочно знакомы с 1934 года. В письме к А. Л. Бему от 25 июня 1934 года Гомолицкий рассказал, что первым ему написал Ю. Иваск, не зная его точного адреса. Но после долгих скитаний письмо нашло адресата, переехавшего с Волыни в Варшаву[21]. История публикации статьи Ю. Иваска о Гронском в Польше уже освещена в обстоятельной работе Л. Флейшмана и П. Мицнера «Флирт с Каменой. Новые статьи и письма Льва Гомолицкого»[22], поэтому дадим только краткий обзор тех событий. Статью о Гронском Иваску заказал Л. Гомолицкий. В письме от 30 сентября 1935 года переводчику К. Яворскому он писал: «Для отдельного издания поэмы раздобуду для вас статью ‘специалиста по Гронскому’ ревельского поэта нашего Ю. Иваска»[23]. В конце 1935 года Гомолицкий, работавший в это время в варшавской газете «Меч», получил две статьи Иваска о М. Цветаевой и Н. Гронском. 10 декабря 1935 года Гомолицкий писал Бему: «Лежат у нас в ред<акционном> портфеле и очень интересные (важные) статьи Иваска. Альфред Людвигович, не знаете ли Вы биографии Ник. Гронского? Если да – пришлите. Яворский перевел ‘Белладонну’, и для опубликования перевода нужно вступление»[24]. Бем прислал краткую биографическую справку[25]. А Юрий Иваск послал Яворскому полученные им от матери Гронского биографические сведения и попросил вставить их в его статью: «Если Вы воспользуетесь присланной мной статьей, все эти данные можно будет вставить в начале моего предисловия»[26].

Сначала поэма «Белладонна» Гронского вышла в польском переводе К. Яворского и с вступительной статьей Ю. Иваска «Piewca Pic Madonny i tržech alpinistov» («Певец пика Мадонны и трех альпинистов») в журнале «Kamena» в 1936 году. 2 февраля 1936 года Гомолицкий написал Бему: «Последний номер *Камены*, который получил вчера, принес мне тоже подарок – в нем напечатан перевод *Белладонны* Гронского (полностью) и статья (очень хорошая) Иваска о Гронском и его поэме»[27]. В том же 1936 году в серии «Biblioteka Kameny», № 6, отдельным изданием вышла книга Mikolaj Gronskij «Belladonna». Тираж был 100 экземпляров. Ее открывала статья Иваска, которая была идентична журнальному тексту, кроме заглавия[28]. 22 февраля 1936 года Гомолицкий писал Бему: «Статья была бы очень важна и интересна по-русски»[29]. Поскольку она так и не была переведена на русский язык, то задача данной публикации ввести ее в русском переводе в поле зрения исследователей.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 311

Выбор Гронским Альпийских гор как темы поэмы «Белладонна» был не нов для русской литературы; он ориентировался на поэтику Державина (что уже многократно отмечалось), на Суворовский цикл в его батальной лирике, а именно – на оду «На переход Альпийских гор» (1799). Правда, в поэме Гронского изображены Альпы не в Швейцарии, а во Франции, возле города Монблан. Между прочим, незадолго до написания «Белладонны» знаменитый переход Суворова через Альпы получил отражение в романе М. Алданова «Чертов мост» (1925). Реальный Чертов мост для русских эмигрантов был связан не только с историческими событиями; в 1925 году с него бросилась в реку известная оперная певица Зинаида Юрьевская, страдавшая депрессией[30]. В ее номере в гостинице была найдена книга М. Алданова «Чертов мост». В стихотворении А. Головиной[31] «По какому же праву? Совсем без права» также упоминаются Суворов и Чертов мост – связанные с русской славой:

Так кричали солдаты: «Варшава-слава!»
И Суворов любого хвалил орла.
Надо только дерзать. Чортов мост? Ну так что же?..[32]

Нужно добавить, что баронесса Алла Штейгер-Головина была связана со Швейцарией и Альпами корнями: ее предок был родом из Швейцарии. Брат А. Головиной – поэт Анатолий Штейгер – долго лечился в туберкулезном санатории в Альпах. (Здесь можно вспомнить и Альпы из романа Вл. Набокова «Подвиг», 1932.)

Однако никаких русских героев и русских пейзажей в поэме «Белладонна» нет; лишь отсылка к Державину и язык поэмы делают ее текстом русской литературы.

У Иваска в начале 1930-х годов были неприятности с политической полицией: его арестовали как руководителя кружка по изучению СССР и вскоре освободили, но он был вынужден несколько лет жить вне Таллинна. Имея диплом юриста, он получил место чиновника в Печорах и в декабре 1935 года приехал в этот маленький город. Появление 28 августа 1936 года в издававшейся в Печорах газете РСХД «Путь жизни» стихотворения Н. Гронского «Я слышу голос издалека»[33] тоже связано с именем Юрия Иваска. В Печорах он жил в одном доме с активным членом РСХД, учителем Н.Н. Пенькиным[34]. Конечно, только Пенькин мог предложить ему для публикации стихотворение Гронского.

В 1938 году в Варшаве, в издательстве «Священная лира», тиражом 100 экземпляров вышел первый сборник стихов Ю. Иваска «Северный берег», объемом 26 страниц. В него включены стихи с 1933 по 1936 гг. Последнее стихотворение «И восстал в изгнании поэт» посвящено Н. Гронскому[35]. В декабре 1938 года, когда Иваск

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 312

впервые в жизни приехал в Париж и встретился с Мариной Цветаевой, они говорили и о Н. Гронском. Но в «Повести о стихах», в главке «Запад», упоминания о Гронском нет. В этой книге Иваск пишет о встрече с крупными писателями: М. Цветаевой, А.Ремизовым, З. Гиппиус, Д. Мережковским. Гронскому уделено немного места в мемуарах «По материалам Парижского дневника 1938 года». Иваск вспоминает свои беседы с Цветаевой: «О Гронском: он погиб на той самой станции метро Пастер, откуда я только что вышел»[36]. Видимо, в эту поездку Иваск впервые ездил в метро. В Эстонии метро никогда не было, а в Москве в 1920 году, когда Иваск уезжал оттуда с родителями, метро еще не успели построить. До этого он видел только фотографии Гронского и его тексты. Теперь увидел место его гибели. Цветаева рассказала Иваску об обстоятельствах смерти Гронского: «Ему не подали первой помощи – почему-то ждали пожарных, хотя пожара не было, такое уж правило. Истек кровью... Какой он был? Весь – порыв, счастливая внешность»[37].

Последнее обращение Иваска к творчеству Гронского относится уже к послевоенному периоду. В 1953 году в Издательстве им. Чехова в Нью-Йорке вышла составленная Ю. Иваском поэтическая антология «На Западе». Позднее он именно так назовет и главку в «Повести о стихах» – «На Западе». В раздел II «Парижские поэты» включено и несколько стихотворений Н. Гронского: «Авиатор», «Север», «Помню Россию так мало», «Белладонна» (эпилог альпийской поэмы), «Один в снегах страны вечерней»[38].

О Гронском в письмах Иваску рассказывала близко знавшая того Марина Цветаева. В письме от марта 1935 г. она упоминает, что сборник Гронского предполагали печатать в Тарту (Цветаева называет город по-русски – Юрьев)[39]. Это означает, что у составителей сборника были контакты с Эстонией. Кто мог в Тарту заниматься изданием сборника? Видимо, лектор Тартуского университета Б. В. Правдин, у которого были связи с Парижем: его первая жена была француженкой, он бывал во Франции и у него сложились хорошие отношения с тартуским издателем В. Бергманом. К тому же в Эстонии издать книгу было намного дешевле.

Как писатель, Гронский остался навсегда в тени М. Цветаевой. Его книга с 1936 года никогда больше не переиздавалась. Но после смерти поэта интерес к его творчеству возник не только в Париже, но и в литературной провинции – Эстонии, Польше, Чехии, Финляндии. Важную роль в популяризации творчества Николая Гронского сыграли не только известные литературоведы и писатели, как М. Цветаева, В. Ходасевич, Г. Адамович, А. Бем, но и начинающие молодые критики – Л. Гомолицкий и Ю. Иваск. Почему молодые поэты испытывали интерес к Гронскому? – Он был выходцем из их поколения,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 313

сформировавшегося уже в эмиграции. Ю. Иваск способствовал знакомству с творчеством Гронского в среде русских поэтов как в Эстонии, так и в Финляндии и Польше в середине и во второй половине 1930-х годов. Он написал несколько статей о Гронском и помог появлению его стихотворения в газете РСХД «Путь жизни». В послевоенные годы он же опубликовал подборку стихов Гронского и отрывки из его поэмы в США, в сборнике «На Западе». Тем самым именно внимание Юрия Иваска к творчеству этого рано ушедшего из жизни поэта помогло Николаю Гронскому остаться в русской зарубежной литературе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Иваск, Ю*. Памяти Николая Гронского / Журнал Содружества. 1935. № 9. – Сс. 29-32.
2. Борис Христианович Тагго-Новосадов (1907–1945), поэт и критик, журналист. Билингва. Окончил Пярнускую городскую общую гимназию экстерном (1924), философский факультет Тартуского университета (1936). Член Общества русских студентов Тартуского университета, член корпорации русских студентов «Нерушимое братство» (Fraternitas Aeterna, запрещена в 1940 году). Член Юрьевского и Ревельского цеха поэтов. Автор двух книг стихов. Печатался под псевдонимом «Борис Новосадов». Работал во время войны в газете «Новое время». (Печоры-Тарту). Арестован НКВД. Умер в тюрьме в Ленинграде.
3. Карл Карлович фон Гершельман (1899, Севастополь – 1951, Айхштетт, Германия). Из прибалтийско-немецких дворян. Окончил Одесский кадетский корпус (1916), Михайловское артиллерийское училище (1917). Участник Первой мировой войны. После подписания Брестского мира вернулся к родителям в Одессу, поступил на философский факультет Новороссийского университета. Участник Гражданской войны в Вооруженных силах Юга России. В 1921 г. эвакуирован в Турцию. Галлиполиец. В 1922-м через Болгарию, Румынию и Польшу добрался до Риги. Переехал в Таллинн. Трудился рабочим на лесопильной фабрике, чертежником в Министерстве земледелия, рисовальщиком на текстильной фабрике «Eesti Siid» («Эстонский шелк»). Писал акварели на фантастические и сказочно-фольклорные сюжеты, оформлял детские театральные спектакли, иллюстрировал книги для детей. С 1925-го участвовал в художественных выставках Центрального общества эстонских художников (1925–1927, 1930), Общества художников-прикладников (1933), в 1-й Русской выставке (1931) и др. В 1930-е входил в Литературный кружок и Цех поэтов в Таллинне, был близким другом Ю.Иваска. Печатался в русской периодике в Эстонии – «Рассвет», «Таллиннский русский голос» и др., в альманахе «Новь», «Журнале Содружества», в «Числах», «Русской мысли», «Гранях», «Новом Журнале» (Нью-Йорк) и др. В мае 1940 г. переселился в Познань, в январе 1945-го переехал в Айхштетт (Eichstätt) в Баварии. В последние годы работал как иллюстратор.Посмертно вышла книга: К. Гершельман. «Я почему-то должен рассказать о том». Избранное.Таллинн. 2006.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 314

4. *Новосадов, Б*. Мысли о молодой эмигрантской поэзии (в порядке дискуссии) / Журнал Содружества. 1936. №6. – Сс. 24-25.
5. Там же. – С. 26.
6. *Taggo, B*. Kaks palet vene luules. / Varamu. 1939. №7. – Lk. 243.
7. Вера Сергеевна Булич (1898, Санкт-Петербург – 1954, Хельсинки), поэтесса, литературный критик, представительница первой волны русской эмиграции в Финляндии. Дочь слависта, проф. С .К. Булича. С 1930-х гг. работала в Славянском отделе библиотеки Хельсинкского университета. В 1934 году в Хельсинки вышел ее первый поэтический сборник «Маятник». Была в числе организаторов и активных участников литературно-философского кружка «Светлица» (Гельсингфорс) в 1930-е годы и до «Зимней войны». Писала по-шведски, переводила финских и шведских поэтов-модернистов на русский язык. Публиковалась в «Журнале Содружества», в «Новой русской жизни», в «Русском голосе», «Нови», «Новоселье», «Таллинском русском голосе», «Русском журнале». Уже после смерти произведения Веры Булич печатали «Грани» и «Новый Журнал».
8. *Гершельман, К.* Булич В. / Переписка К. К. Гершельмана и В. С. Булич / Вступ. заметка, публ. и комментарии С.Г. Исакова. / Studia Slavica Finlandensia.T.XI. Helsinki. 1994. – С. 195.
9. Там же. – С. 192.
10. *Гронский, Н. П*. Стихотворения и поэмы. (1950). – 11 л. / Hoerschelmann K. von. F. 82.S. 48. TRÜ käsikirjakogu (Рукописный отдел Тартуской научной библиотеки).
11. Там же.
12. *Поляков, Ф. П*. Церковнославянская традиция и языковая архаика в историко-литературной концепции Льва Гомолицкого / L´ emigration russe et l`heritage classigueI. Lyon. 2014. – Pp. 29-40.
13. *Иваск, Ю.* Цветаева. / Новь. Шестой сборник / Таллинн. 1934. – С. 51.
14. Цветаева М. – Рудневу В. «Надеюсь сговоримся легко»: Переписка: 1933–1937 гг. / М: Вагриус. 2005. – С. 66.
15.Там же. – С. 73.
16. *Цветаева, М*. Письма к А.Тесковой / Иерусалим: Версты. 1982. – С. 118.
17. Павел Михайлович Иртель (фон Бренндорфф, 1896–1979), поэт, издатель. Сын генерал-майора. Мать – эстонка, из мещанской среды. Окончил Симбирский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище. Участник 1-й Мировой и Гражданской войн. Эмигрировал в Константинополь, затем в Таллинн. Работал в немецком банке Шеля. Участвовал в работе таллинского Литературного кружка. Организовал и возглавил Ревельский цех поэтов, редактировал и выпускал за свой счет альманах «Новь», печатался в «Таллиннском русском голосе». В 1935–1936 гг. издал несколько сборников молодых поэтов: Л. Гомолицкого, В. Морковина, Э. Чегринцевой, З. Шаховской, М. Росс, Е. Базилевской. В 1939 г. переехал в Польшу. Был военным переводчиком. После войны жил в ФРГ. Умер в Геттингене.
18. *Иваск, Ю*. Памяти Николая Гронского / Журнал Содружества. 1935. № 9. – Сс. 29-32.
19. *Гомолицкий, Л*. Несколько слов по поводу «Белладонны» / «Новь». Восьмой сборник / Эстония: Изд. «Новь». 1935. – Сс. 192-193.
20. *Белошевская, Л*., *Мицнер, П. и Флейшман, Л*. Лев Гомолицкий и русская

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 315

литературная жизнь в послевоенной Польше / *Л. Гомолицкий*. Сочинения русского периода. Т. I / М: Водолей. 2011. – С. 181.
21. Гомолицкий – Бему / *Гомолицкий, Л*. Указ. издание. Т. II. – Сс. 535-536.
22. Там же. – Сс. 578-579.
23. Гомолицкий – Яворскому / *Fleishman, L. & Mitzner, P.* Флирт с «Каменой» / Across Borders / 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Culture Contacts. Essays in Honor of Vl. Khazan / Stanford Slavic Studies. Vol. 48. Berlin–Bern–Bruxelles–New York–Oxford–Warszawa–Wien: P.Lang. 2018. – С. 401.
24. Гомолицкий – Бему / *Гомолицкий, Л*. Указ. собинение. Т. II. – Сс. 578-579.
25. Гомолицкий-Яворскому / *Fleishman, Mitzner*. Флирт с «Каменой». – С. 368.
26. Иваск – Яворскому / *Fleishman, Mitzner*. Указ. сочинение. – С. 401.
27. Гомолицкий – Бему / *Гомолицкий, Л*. Указ. сочинение. Т. II. – С. 582.
28. Predmowa Jur. Jwaska / *MikolaJ Gronskji*. Belladonna // Drukarnia «Kultura» v Chelmie Lubelskim. 1936. – С. 5-10.
29. Гомолицкий – Бему / *Гомолицкий, Л*. Указ. сочинение. Т. II. – С. 582.
30. *Исаков С*. «Храните память обо мне» (О певице Зинаиде Юрьевской) / *Исаков, С*. Русские в Эстонии. 1918–1940. Историко-культурные очерки.Тарту. 1996. – Сс. 285-295.
31. Алла Сергеевна Головина (урожд. баронесса Штейгер, 1909–1987, Брюссель), поэт, первая волна эмиграции; сестра поэта А. Штейгера. Участница литературных объединений в Праге и Париже.
32. *Головина, А*. «По какому же праву? Совсем без права...» / *Иваск, Ю.* На Западе. Антология русской зарубежной поэзии / Нью-Йорк: Изд. им. Чехова. 1953. – С. 116.
33. *Гронский, Н.* Я слышу голос издалека / Печоры: Путь жизни. 1936. № 5. 28 авг. – С. 1.
34. *Пономарева, Г*. Печорский край в «Повести о стихах» Юрия Иваска / Новый Журнал. 2012. № 267. – Сс. 257-366.
35. *Иваск, Ю*. И восстал в изгнании поэт / *Иваск, Ю*. Северный берег / Варшава: Священная лира. 1938. – С. 23.
36. *Иваск, Ю*. По материалам парижского дневника 1938 года / Воспоминания о Марине Цветаевой / М., СПб. 1992. – С. 429.
37. Там же. – С. 429.
38. *Гронский, Н*. Стихи / *Иваск, Ю.* На Западе. Антология русской зарубежной поэзии / Указ. издание. – Сс. 120-125.
39. *Цветаева, М*. Собр. сочинений в 7 тт. Т. 7. / М: Эллис Лак. 1995. – С. 397.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 316

Юрий Иваск

Певец пика Мадонны и трех альпинистов

Поэт Николай Павлович Гронский родился 11 июля 1909 года (по старому стилю) в Териоки (Финляндия). С 1921 года жил в эмиграции. Окончил русскую гимназию в Медоне под Парижем. Сначала он поступил на юридическое отделение, а затем, со степенью бакалавра по юриспруденции, пошел учиться в [La] Faculte d[es] Lettres, а в 1932 году был принят на факультет философии и литературы Брюссельского университета, где работал под руководством русского историка проф. Экка[1]. Он часто проводил лето в Альпах, куда отправлялся через Гренобль.

Гронские имеют польское происхождение. Их фамилия происходит от реки Грон в бывшей Галиции. Мать писателя, в девичестве Слободзинская, тоже польского происхождения. Но и те, и другие в последнем поколении русифицировались. Отец поэта П. П. Гронский – известный публицист и сотрудник ежедневной газеты «Последние новости»[2].

Николай Гронский скончался 21 ноября 1934 г. (по новому стилю) от ран, нанесенных ему поездом метро. Авария произошла в 19:45 на станции метро «Pasteur». В больнице ему дважды переливали кровь, но через пару часов, не приходя в сознание, он умер. При жизни поэт нигде не издавал свои произведения[3]. Вскоре после его смерти в «Последних Новостях» (№ 5008) были опубликованы поэма «Белладонна» и некоторые его стихотворения (напечатанные и в других эмигрантских изданиях). В одном из прошлогодних номеров крупного эмигрантского журнала «Современные записки» близкая по духу Гронскому поэтесса М. И. Цветаева напечатала посвященное ему стихотворение, которое считается ее лучшим произведением. В ближайшем будущем будет издан посмертный сборник стихов покойного поэта.

Героическая поэзия М. Гронского является важной вехой в современной русской литературе, своего рода знаком времени.

Гронский наследовал свою поэтическую линию от Цветаевой, самой выдающейся и, в то же время, самой обособленной поэтессы эмиграции. Ее мужской пафос не устраивает большинство читателей и литературоведов в эмиграции.

В поэзии Цветаевой «волны жизни океана» – стихия народного

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 317

языка – ударяются о каменные берега «мертвых» архаизмов (славянизмов*). У Гронского одни голые камни – архаизмы – на пустой и гладкой мели русской эмиграции. Он даже не архаист, а скорее архаик.

Не емлют чувства ощущений –
Дик умозрительности – сей
Лик сущности преображений:
Слух без ушей – взгляд без очей…

Сложность его архаического словаря и скупая на слова глубина мысли иногда напоминают религиозно-аллегорические стихи Ф. Глинки (брат композитора, 1786–1880)[4] и несправедливо забытого В. Соколовского (1808–1839)[5].

Многие лучшие молодые поэты-эмигранты теряют свой слог и в общем контексте их творчества [стихи их] распадаются на составляющие части: на «зацепки» (унаследованные, например, от советского поэта Б. Пастернака и его системы далеких ассоциаций) или на поверхностные интимные признания, лишенные горького очарования стихи Иннокентия Анненского (умер в 1909 г.) – знатока античной поэзии, парнасца и грустного неврастеника, тень которого всё еще парит над русским Монпарнасом.

Твердость духа Гронский противопоставил разложению, отдавая «камням» превосходство над «песком».

Его лучшее печатное произведение «Белладонна», или «Поэма о [пике] Мадонны и трех альпинистов», – это бедный камень, подброшенный высоко вверх и упавший обратно на землю.

Гронскому присуща высокая патетика. А пафос всегда исходит «от разума». Патетика – это «холодный ум», говорящий на языке сердца (Державин, Цветаева). Логический источник русской патетической поэзии – это каменные, обнаженные архаизмы-славянизмы, а стихийность – это живая разговорная речь, теплая «влажная земля» («сыра земля»), обволакивающая холодные формы древних слов.

В отличие от Цветаевой, молодой Гронский не привез с собой в Париж русскую землю. Что же тогда двигало камнями его героической поэзии? Разве не эпоха везде одних и тех же «бескрылых вож-

* Это церковнославянские (или староболгарские) слова и выражения на русском языке. Архаизмы, возрожденные Цветаевой, они были характерны прежде всего для русской поэзии XVIII века, созданной, в основном, благодаря усилиям Ломоносова, Державина и Боброва (Бобров Сергей Семенович (1755–1810), поэт, архаист, переводчик). Вся история русского литературного языка по своей сути является историей ожесточенных боев и более или менее продолжительных мирных переговоров между славяно-русским книжным языком монахов-поэтов Киевской Академии XVIII века, находящимся под сильным влиянием польской культуры, и их слегка германизированных и офранцуженных учеников XVIII века, с одной стороны, и языком народа Московии, у которого учился Пушкин («московская просвирня»), – с другой.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 318

дей»* и «крылатых рабов» (такую форму придавала моим мыслям в письме М. И. Цветаева). Разве это не она встряхивает его жесткими стихами про альпинистов, авиаторов, моряков, его дифирамбами, посвященными «любовникам смерти», «кавалерам крутых гор»?

В поэме Гронский обращается к Мадонне и покровителям альпинизма Бернарду и Христофору, но его последняя надежда – надо полагаться на самого себя. Об этом говорит над трупом разбившегося товарища один из альпинистов:

Кровь расплещу, хребет разрушу.
Что ж, в день Суда не дрогну труб!
Спасу твою живую душу,
Живую душу или труп.

Последний выход: честь.

...И по отрогам
Кратчайший путь избрала честь.

Человек именит и силен до тех пор –

Покуда мир стоит под Богом,
Покуда слава в трубах есть,
Одним стальным и строгим словом,
Сухим и светлым словом: честь[6].

И наша бессмысленная и героическая эпоха жива и известна благодаря тому, что услышал в ней Гронский, которого она сама не расслышала. Для большинства и сам поэт, и эти скудные слова о нем – всего лишь пустой звук. Глухими являются и те, кто восхищается нашей эпохой, и те, кто ее разоблачает. И новая Спарта, сухая и яркая, должна в ближайшем будущем сама постоять за себя, и если есть вечность – то только в ней.

XIX век был труслив, но умнее нашего. XX век глупее прошлого, но он дерзок и расточителен: он не боится чужой крови, его не испугает и вид собственной. Можно и нужно бороться со многими проявлениями нашего времени, но для этого надо жить жизнью нашего века, а также принять тот факт, что наилучшее и наилучшие – «в долинах братства и любви».

1936

* Исключения редки

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 319

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Экк Александр Арнольдович (Aleksandre Eck, 1876–1953), русский филолог, историк и педагог, специалист по средневековой русской литературе. Профессор Брюссельского университета.
2. Павел Павлович Гронский (1883–1937), отец Николая Гронского, юрист, политик, кадет, член Временного правительства, публицист, приват-доцент СПб Университета, преподавал в Париже и Каунасе. Масон. Сотрудник парижской газеты «Последние новости». Гронская Нина Николаевна (ур. Слободзинская; по второму браку Лепехина, 1884–1958), мать Н. Гронского, скульптор.
3. Единственная прижизненная публикация Гронского – три стихотворения, изданные в Ковно летом 1934 года.
4. Федор Николаевич Глинка (1786–1880), поэт, офицер, участник Отечественной войны 1812 года, декабрист.
5. Владимир Игнатьевич Соколовский (1808–1839), поэт, прозаик, революционер. В творчестве тяготел к религиозной тематике.
6. Весь пассаж о чести, включая цитаты из Гронского и описание сюжета его поэмы, повторяется Ю. Иваском из его статьи «Памяти Николая Гронского», 1935 год (см. нынешнюю публикацию). Можно предположить, что мысль о чести как о последнем прибежище поколения была особенно важна для критика и, в его интерпретации, – для творчества самого Гронского.

Перевод с польского – Н. Б. Синдецкая

Памяти Николая Гронского

В конце минувшего года из-за роковой случайности погиб молодой поэт Николай Павлович Гронский. Он был сыном известного сотрудника «Последних новостей» П. П. Гронского. У покойного было много друзей и знакомых в литературных кругах Парижа и Брюсселя.

Стихов он нигде не печатал. Не хотел. А мог бы. У него было свое лицо. Был свой стиль.

После его смерти появился ряд стихов в «Последних новостях»[1] и «Вестнике»[2] брюссельского литературного кружка. Теперь подготовляется к печати посмертный сборник его сочинений.

Г. Адамович написал сочувственную вступительную статью к его удивительной поэме «Белладонна» (Посл. нов. 9-12-1934). В последней книжке «Современных записок» находим стихи Цветаевой, ему посвященные[3]. Мудрые и взволнованные стихи. Его поэзия произвела большое впечатление среди пишущих в Праге, Варшаве и Ревеле. Хочется поделиться с читателями «Журнала Содружества» впечатлениями, вызванными его стихами и мыслями, ими навеянными. Гронский – несомненно большое событие в молодой русской зарубежной литературе.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 320

Гронский – архаист.

Архаизмы, т. е. обороты, выражения и слова церковнославянского (или древнеболгарского) языка до сих пор свойственны нашей прозе и в особенности – поэзии. Архаизмы-славянизмы – «мертвая вода», а московский говор (а также и областные говорки) – «живая вода», и обе эти стихии были необходимы для создания русского литературного языка. Необходимы они [и] сейчас.

Пушкин отдал предпочтение московской просвирне. Но не следует забывать, что автор «Пророка» и «Памятника» испытывал на себе также влияние «высокого штиля», выработанного монахами Киевской Академии и пиитами осьмнадцатого века.

В наше время «высокий штиль» нередко получал преобладание в поэзии. В. Иванов, Мандельштам (Сборн[ик] «Камень») и Кузмин («Св. Георгий», «София», «Пламень Федры») умело пользовались архаизмами. Цветаева – большой мастер «высокого штиля» в сочетании его с простонародным.

Из молодых поэтов отмечу В. Андреева[4] и, в особенности, Б.Божнева[5], за последние годы, к сожалению, нигде не печатающегося.

Гронский – крайний архаист. Иногда даже архаик.

А стих елико прорицает
Божественную стройность чувств.

В чем значение архаизмов? Живой язык, разговорный – текуч, как жизнь. Он создается походя, инстинктивно, в движении, во времени.

Мертвые языки – латынь в Зап[адной] Европе или наш церковный – раз и навсегда установились, застыли. (Латынь средневековых книжников, церковнославянский в обиходе русского духовенства или современный иврит являются таковыми лишь по названию.) Отошли в вечность, к ангелам.

Мы, смертные, говорим на языке, который вместе с нами движется во времени. Но смертным свойственно договариваться до вечных тем. И тогда нередко в нашей памяти оживают мертвые «словеса» народов, чье бытие, прерванное временем, стало достоянием вечности, ибо смерть не уничтожила самого факта их существования, а лишь остановила их развитие. Я только намечаю эту тему, сложную и значительную.

Естественный путь развития – идти к «вечному», топча почву живой жизни (отчизны). Говоря на живом языке, вставлять между живыми словами – мертвые словеса.Таков путь Цветаевой, которая увезла Россию в свои Медоны и Ванвы.

Многие представители молодого литературного поколения эмиграции едва помнят отчизну. Для них мыслим другой путь – не естественный (но не противоестественный, ибо в нем есть своя необходи-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 321

мость). Это путь Гронского, по которому пошел не он один. Путь не *через* мир к тому, что вне его, а *от* и *из* мира к внемирному. Ступившему на этот путь следует считаться с опасностью зачерствения – греха, свойственного черному духовенству.

Гронский, уйдя из мира, мира не забыл. В своей келье он соблазнился духом пустоты. В нем был мир, была жизнь, которую он преображал, возвышая.

Гронский больше, чем кто-либо из русских зарубежных поэтов, был чуток к современности, такой примитивной, варварской, если сравнить ее с недавним прошлым, но вместе с тем – полной горения и воодушевления – этому недавнему прошлому, чуждому и неизвестному. Современная «стандартная» молодежь готова идти на смерть во имя неразумных идеалов своих вождей. Это плохо. Но в готовности этой есть чистая жертвенность, героичность, которой напитана поэзия Гронского, удалившегося от мира, но мира, не бросившего на произвол судьбы и возвысившего его на своем «мертвом» ангельском языке, на котором он заговорил не случайно. Этот язык вполне соответствовал его замыслу, в достаточной степени обозначившемуся.

Из края в край, по всей пустыне
Пространств, невидимых миров
Труба архангельской латыни
Рекла мирам: коль славен Бог.
И светел час был, глас был строен,
Но в теневых своих правах
Шел вечер гор. Их было трое,
Все трое в первый раз в горах.

Трое – альпинисты. Им посвящена его поэма «Белладонна» (название горной цепи в Дофинейских Альпах[6]). Он славит альпинистов и приравнивает к ним летчиков и моряков.

«По отзывам лиры ценят времена», – сказал Милонов (1792–1821)[7], поэт незаслуженно забытый (и сколько их у нас еще – незаслуженно забытых). И нашу эпоху потомки – если они есть – вечные судьи, не будут ли ценить и судить по стихам юноши Гронского?

Но более существенно другое. Если был – и есть – Гронский в нашу эпоху, значит есть в ней чистые, смелые, великодушные, не узнанные и, может быть, себя не нашедшие.

Юрий Терапиано[8] писал в «Числах»[9] (№ 10, 1934) – «...нужно молиться, чтобы скорее явился на Западе писатель, способный по-настоящему свернуть шею западной культуре, – из иудеев иудей». Есть некоторая правда в этих словах. Но тот же Терапиано выдвинул другой образ – Бедного Рыцаря («Меч»[10], № 8, 1934).

Не есть ли Гронский – тот Бедный Рыцарь, – не иудей, нет,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 322

чистый ариец (конечно, в смысле, чуждом тому содержанию, которое вкладывают в это слово расисты).

Рыцарь – верный, добросовестный, сухой и светлый, для которого человек силен –

Покуда мир стоит под Богом,
Покуда слава в трубах есть,
Одним стальным и строгим словом,
Сухим и светлым словом: честь.

Гронскому чужд плач Иеремии – на реках вавилонских «седохом и плакахом». Он не плачет. Он добивается. Он взывает к патронам альпинистов – Св. Бернарду и Св. Христофору (который перенес Иисуса через реку), славит Бога и Деву, но последняя его надежда – на самого себя.

Обращаясь к трупу погибшего в горах товарища, оставшийся в живых альпинист говорит –

Кровь расплещу, хребет разрушу,
Что ж в день суда не дрогну труб.
Спасу твою живую душу,
Живую душу или труп.

(«Не дрогну труб». Эта «погрешность» напоминает лермонтовское «Из пламя и света...»)

Уже не молчание, а угроза слышится здесь.

Гронским оправдывается современность, и есть надежда, что в наше время найдутся люди, которые в своей жизни будут достойны его героической поэзии.

Поэзия Гронского – не «смутный романтизм». В его стихах чувствуется большая страсть, которая горячит, но не затуманивает (как у Цветаевой) вполне точную и трезвую мысль. Если это романтизм, то совсем не смутный, а именно трезвый. Не «действительность, доходящая до фантастического», а фантастическое, эмоциональное, доходящее до действительного и положительного, уже многим ясного, но еще не отчетливого. В этом может быть ключ к пониманию нашей эпохи.

1935

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые: «Журнал Содружества». Выборг. 1935. № 9 (33). Сентябрь. Сс. 29-32.
«Журнал Содружества» (1932–1938) – журнал для молодежи , выходивший в Финляндии, в Выборге.

1. «Последние новости» (1920–1940) – влиятельная эмигрантская газета,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 323

выходившая в Париже (первоначально под ред. М.Л. Гольдштейна, затем – П.Н. Милюкова).
2. «Вестник» литературно-художественного кружка издавался в Брюсселе, 1935 год. Г.Н. Беликова. Среди авторов – Б.Вильд (Борис Дикой), Ю. Мандельштам,В. Смоленский, Ю. Терапиано и др.
3. Стихи М. Цветаевой «Памяти Гронского» были опубликованы в журнале «Современные записки», 1935, №5.
4. Вадим Леонидович Андреев (1902–1976), поэт, прозаик. Сын писателя Леонида Андреева, брат философа Даниила Андреева. Входил в Берлинскую литературную группу «4+1» (В. Андреев, Г. Венус, А. Присманова, В. Сосинский, С. Либерман). Участник Французского Сопротивления.
5. Борис Борисович Божнев (1898–1969), поэт первой волны эмиграции. Организовывал многочисленные литературные сообщества; был членом авангардистского объединения «Гатарапак», эстетически связанного с движением дадаистов, входил в поэтическую группу «Через», созданную в 1923 году Ильяздом (вместе с Б. Поплавским, С. Шаршуном, В. Парнахом и др.). С 1945 года – член Союза советских патриотов, принял советское гражданство, хотя в СССР не уехал. Работал в ООН, ЮНЕСКО. Вместе с семьей помогал вывезти рукописи А. Солженицына на Запад.
6. Дофинейские Альпы – часть Западных Альп на территории Франции.
7. Михаил Васильевич Милонов (1792–1821), поэт. Первые поэтические произведения появились в 1807 году в журнале «Утренняя заря». Публиковался в «Вестнике Европы», «Цветнике», «Благонамеренном» и др. В 1810 году принят в члены «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». При жизни поэта вышел всего один его сборник – «Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения» (Петербург, 1819). Кроме сатир писал лирику, элегии, перевел Шиллера.
8. Терапиано Юрий Константинович (1892–1980), поэт, критик, историк религии. Окончил юридический факультет университета Св. Владимира в Киеве. Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. В 1920 г. эвакуировался из Крыма с Добровольческой армией. Председатель «Союза молодых писателей и поэтов» в Париже. Сотрудник газет «Дни» и «Последние новости». Первая книга стихов – «Лучший звук» (1926). Критические статьи, рецензии и воспоминания собраны в книге «Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974)» (Париж. Нью-Йорк. 1987).
9. «Числа» (1930–1934) – сборники литературы, искусства и философии под редакцией И. В. де Манциарли и Н. А. Оцупа. Издавались в Париже. Среди авторов – писатели младшего поколения русской эмиграции первой волны: Г. Газданов, А. Гингер, И. Одоевцева, Б. Поплавский, И. Чиннов, С. Шаршун, Ю. Мандельштам, В. Смоленский, др.
10. «Меч» (1934–1939) – литературно-политический журнал, издавался в Варшаве. Главный редактор в Варшаве – Д. В. Философов; в Париже – Д.С. Мережковский. С № 21 – еженедельная газета, редакторы В. В. Бранд и Г. Г. Соколов.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 324

Полина Брейтер

«Я всегда был счастливым…»

К 100-летию Бориса Чичибабина

9 января 2023 года исполняется 100 лет со дня рождения поэта Бориса Алексеевича Чичибабина. Пытаюсь представить себе его старцем и… не могу. Кажется, еще вчера он ходил по улицам измученного и уничтожаемого сегодня Харькова, выступал в Москве и в Киеве, читал свои стихи «Не говорите русскому про Русь» (1979), «Россия, будь!» (1992), «С Украиной в крови я живу на земле Украины» (1975), «А я живу на Украине» (1992). Украинец, который «стих выплакивал по-русски», или русский, который родился в Украине и называл ее «милой родиной», которому «без песен украинских не быть, не жить, не умирать»? Даже на последнем выступлении 12 ноября 1994 года, когда жить ему оставалось чуть больше месяца, когда и голос уже был хрипловат, и чувствовал он себя плохо, зал замирал от мощности и значительности его посыла. До последнего дня не состарилась живая душа его, не угас его смиренный и мятежный дух.

Столетие поэта будут широко отмечать и в России, и в Украине. Я уверена в этом. Обязательно будут, несмотря на войну, несмотря на вражду, несмотря на то, что не время сегодня праздновать. Но дышавшего «двойным причастием» поэта Чичибабина любят и русские, и украинские читатели. Любят и помнят крымские татары, евреи и армяне, боль которых он разделял, как всегда разделял боль всех страждущих и угнетенных.

Столетие поэта Бориса Чичибабина будут отмечать в разных уголках нашей планеты – в Израиле и в Америке, в Германии и в Австралии. А я вспоминаю далекий 1976 год. Чичибабину пятьдесят три. Одесса. Однокомнатная квартирка в хрущевской пятиэтажке не может вместить всех желающих послушать поэта. Сидят на стульях, на диване, на кровати, на полу. Борис Алексеевич читает свои стихи. Негромким и гулким голосом читает невозможные тогда «Не умер Сталин», «Крымские прогулки», «Народу еврейскому», «Махорка», «Красные помидоры», «Памяти Твардовского». Поэт читает, а мы слушаем и еще не понимаем, что для нас начинается новая жизнь. Почему? Просто потому, что жить, как раньше, после этих стихов стало уже невозможно.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 325

Это было только началом. Сколько раз потом удивлял нас Борис Алексеевич своими высказываниями, идущими вразрез с тем привычным, чему учили в школах и вузах. Сколько раз, говоря о чем-то обычном, он одной фразой, а порой и словом, а иногда и не словом даже, а только интонацией, превращал малое в большое, незаметное в явное, рутинное и привычное – в особенное и полное глубины. Не зря сказал о нем один из его учеников: «Чего бы Чичибабин ни касался – там проникал он далеко, так что от неожиданности захватывает наш пленный дух»[1].

Вот он говорит: «С Богом ничего не страшно». Он говорит: «От Бога скрыть ничего нельзя». Он говорит: «Бог может открыться не только в храме, но и в уборной. Я думаю, что чаще всего он там и открывается, как героине одного из рассказов Сэлинджера: унитаз – самое подходящее место для озарения»[2]. Смущенно улыбаешься, но сразу видишь перед собой Фрэнни с ее мучительными размышлениями о непрерывной Иисусовой молитве и вспоминаешь свои собственные самоупреки за «полуавтоматичность» молитвенных слов или, наоборот, радуешься, что твоя молитва – живая, искренняя.

Он говорит: «Верующий в Бога, любящий Бога не может, не должен смотреть ‘свысока’ на неверующих, не проснувшихся, не услышавших, не узнавших». И никого не называет, ни на кого не намекает, но каждому кажется, что это о нем.

А вот он кается или признается в растерянности, в невозможности понять что-то, или решить что-то, или совместить что-то, или поступить так, как нужно, а не так, как хочется:

Я сам себе растлитель и злодей,
и стыд, и боль как должное приемлю
за то, что всё придумывал – людей
и землю…

1967

Его слова никогда не казались банальными, не вызывали желания спорить. Если он кому-то возражал, то деликатно и с уважением к мысли «оппонента». Он никогда никого не поучал, а если в чем-то и винил, то себя самого. Если взывал к совести, то к своей:

Я всё снесу. Мой грех, моя вина.
Ещё на мне и все грехи России…

1967

Его слова были не просто словами, не декламацией, не риторикой. За ними стояла беспощадная к себе, абсолютно подлинная душа без капли фальшивинки, ни на секунду не оставляющая трудов и

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 326

поисков, отважная душа, готовая к ответу за свою вину и за все наши общие вины, ищущая Бога и пути к Нему:

О как нас Бог зовет! А мы не слышим зова.
И в мире ничего нельзя переменить…

1980

Иногда он впадал в отчаянье. Полностью отдавался ему и просил Бога о смерти, как в одном из самых известных своих стихотворений «Матерь Смерть» или в неопубликованном до сих пор «Приими, Господь, Твоего раба»:

Жизни всей – щепоть.
Ох как плоть слаба.
Приими, Господь,
Твоего раба.

У меня в мозгу
не проходит боль.
Больше жить не могу, –
помереть дозволь.

Так скорбят с икон
от страстей и зол.
Мировой закон
для души тяжел.

От златых стихов
не пройти беде,
а святых скитов
нет нигде-нигде.

Словно горб на душе,
как душа во гробу, –
значит, время уже
Твоему рабу <…>

Как я темен и сир.
Велика Твоя власть, –
дай мне, Господи, сил
ничего не клясть.

То ж не мрак, не злость,
то ж любовь и свет:

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 327

что ни дар – то гвоздь,
и спасенья нет.

Ох как высь крута!
Ох как жизнь проста.
Отвори врата,
отпусти с креста.

Словно горб на душе,
как душа во гробу –
значит, время уже
Твоему рабу*.

Его отчаянье было всепоглощающим и самозабвенным, но столь же всепоглощающа и самозабвенна была его любовь к Богу и потребность в постоянном общении с Ним:

Благодарю, люблю и славлю
Тебя, Господь!
Перед Тобой ни в грош не ставлю
земную плоть.

Покрывший жизнь мою, как Китеж,
Твоей водой,
Ты видишь, Господи, Ты видишь,
что весь я Твой.

Молясь в растленье и в ненастье
Твоей красе,
благодарю Тебя за счастье
не быть как все.

Пошли нам путь в ненастный сумрак
в мирской степи
и вразуми нас, неразумных,
и укрепи.

Вбирая свет по капле каплю,
до смерти вплоть,
благодарю, люблю и славлю
Тебя, Господь**.

* Фрагмент из неопубликованного стихотворения Бориса Чичибабина 1980 года.
** Фрагмент из неопубликованного стихотворения Бориса Чичибабина 1977 года.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 328

Его душа не замирала ни на минуту. Она жила в стихах, поступках, словах, в отношении к людям. Жила перед нами, у нас на глазах, и ее неутомимая, не останавливающаяся работа казалась нам поразительной. Может быть, поэтому его слова будили совесть, будили разум, будили желание не позволять и своей душе засыпать или отвлекаться на пустяки.

Все счастье в том, что мы перерастаем
судьбу и жизнь: весь мир в себя вобрав,
ты вновь дитя, ты знаешь прелесть таин,
твой каждый час – предчувствие добра.

Восторг души пред заревом восхода,
покой дерев, скаканье воробьев –
и всё в тебе сливается во что-то
единое, как Божия любовь…*

«Настоящая религиозная жизнь – это неистощимая любовь к миру и мужественное противостояние ему одновременно. И это было сплетено в Борисе нерасторжимо», – пишет о Чичибабине Зинаида Миркина[3]. Будучи глубоко религиозным человеком, он жил жизнью мира, жизнью своей страны, ее историей, ее бедами, победами и поражениями, тем, что восхищало его, и тем, что приводило в негодование.

На протяжении шестнадцати лет я делилась с ним своими сомнениями и размышлениями, своими радостями и болями. И он никогда не оставлял их без ответа – в письмах или в стихах. Однажды я написала ему о своем путешествии по России. Там была такая фраза: «…А еще было уж и вовсе не открытие о Руси, о человечестве, о кровавых ценах каждого крохотного шага вперед». Борис Алексеевич отозвался стихотворением:

КРОВЬ И ДУХ

А храмы русские, – ты помнишь Покрова,
что на Нерли? – не на крови воздвиглись,
хоть их прогресс таки заметно выгрыз,
царем Петром шагавший по кровям.

И «Троица» не кровию писалась, –
а в царстве книг ужо не прогадать
живой душе, влюбленной в благодать
да в свет мечты, да в доброту и жалость.

* Фрагмент из неопубликованного стихотворения Бориса Чичибабина 1986 года.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 329

Лишь Дух велик, и сколь ни сникло лир,
а Пушкин сроду крови не пролил, –
своя не в счет, и вспомни об Одессе:

чтоб ей прозреть, пришелец Ришелье
гнал сто потов с народа при жаре –
но не кровей же! – к слову о прогрессе*.

«Перед каждым человеком стоит выбор. Рано или поздно он должен его сделать и делает на всю жизнь», – сказал когда-то Борис Алексеевич Чичибабин.

Поэт сделал свой выбор. И не отступил от него ни разу.

Нью-Йорк, 2022

1. *Юрий Милославский*. О харьковской литературной студии Бориса Алексеевича Чичибабина. URL: http://aej.org.ua/history/855
2. *Джером Сэлинджер*. Фрэнни и Зуи. 1961.
3. Зинаида Миркина (1926–2018) – русская поэтесса, переводчица, литературовед, эссеист. Жена философа Григория Померанца.

* Неопубликованное стихотворение Бориса Чичибабина 1984 года.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 330

Борис Чичибабин

Из писем к Полине Брейтер

Письма 1976–1991 годов

Рассказывать о себе мне очень трудно, я это буду делать понемножку. Это невероятно трудно, по крайней мере, по трем причинам. Во-первых, жизнь моя бедна событиями, в ней почти не было ничего, о чем было бы легко и просто рассказывать и интересно слушать, я и ездить по городам стал только с Лилей*, какой-нибудь десяток лет, а то все время, за исключением военных лет (я не воевал, но был в эвакуации, служил в армии в Закавказье) да пяти лагерных (в Кировской области, «Вятлаг»), безвылазно просидел в Харькове или поблизости – до войны – в Чугуеве, на родине Репина, где кончил десятилетку).

Во-вторых, и то немногое, что было в моей жизни, о чем большинство людей с охотой рассказывало бы – военное время, лагерь, – на мне, вернее, во мне, внутри меня (я уже как-то говорил Вам об этом, и, по-моему, это было очень важное «о себе») не оставило особенного следа, и поэтому я не знаю, что же об этом рассказывать.

Вы помните, как я обрадовался как родному и так понятному, когда Вы сказали о себе, что живете в «иных измерениях», чем остальные люди. Насколько я могу вспомнить себя, я чуть ли не всю жизнь, с самого еще совсем младенческого возраста, живу в этих «иных измерениях», в своем вымышленном мире книг, мыслей, мечты (я хотел бы добавить: религии, потому что с детства молился Богу, причем никто меня этому не учил, отчим и мать были совсем неверующие, но это была бы неправда), и поэтому для меня рассказывать о себе значит не о том, как я работал в батайских авиамастерских с утра одних суток до утра других и во время тревоги вместе с другими выбегал в поле под немецкие бомбы, или как меня водили на допросы на Лубянке и в Лефортово, и чем отличались эти «милые» места одно от другого, а о прочитанных книгах, содержания которых я не помню и поэтому тоже не могу рассказать, а помню что-то совсем другое, о чем рассказать невозможно, о немногих, двух-трех, ну, может быть, пяти запомнившихся людях, а главное, обо всем, что происходило внутри меня, о том, что я думал в одиночке в Лефортово или на нарах в Кае, обо всех открытиях, восторгах, разочарованиях,

* Л. С. Карась-Чичибабина – поэтесса, жена Б. Чичибабина.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 331

влюбленностях, отказах, какие пережила душа. Рассказать же об этом – и это уже в-третьих – мне всегда представлялось где-то на грани невозможного, ведь всё это главное, оставившее след, всё, чем я жил внутри себя, не закреплено ни событиями, ни датами, ни телесной, ни чувственной памятью и – сплошь и рядом – связано даже не с мыслями, не с чувствами, а с состояниями, которым я и сам не знаю ни названия, ни объяснения.

Я ведь еще и просто не умею рассказывать, не умею говорить, это иногда бывает с людьми, пишущими стихи. Я вот и о своем самом страшном кризисе, о том, что было со мной 10 лет назад, рассказал косноязычно, и Вы это плохо представили. В действительности я совсем не «умер» и не «родился заново»: такого, по-моему, просто не бывает на свете. Не может ни в каком человеке, ни в какой душе всё совершенно начисто, без остатка, без следа умереть и совсем заново родиться совершенно новое, так не бывает, так не может быть. Я не был религиозным, но нравственное начало во мне всегда было, и это было определяющим, решающим во мне (по сути дела, на каком-то этапе, для какого-то круга, на каком-то уровне «нравственное» и есть «религиозное» или где-то близко). Я не хочу, чтобы Вы читали мои старые книжки, но, если у Вас когда-нибудь окажется избыток свободного времени, Вы перелистайте их, Вы это увидите. Будучи верен ложному, злому, неправедному, я ведь верен был именно потому, что считал это истинным, справедливым, служащим добру и ведущим к добру. Больше того, я считал это единственным путем к добру, к счастью – не моему личному, а большинства людей на земле. И прозрение мое наступило очень неинтересно, очень прозаично, как это и бывает почти всегда, из-за совсем незначительного и случайного повода. Я тогда переживал еще и творческий кризис, мне вдруг стало не о чем писать (теперь я понимаю, что это было от Бога, Вы это тоже сможете увидеть по книжкам; я еще сам не понимал, что я лгу, но душа уже не хотела лгать, и я писал всё хуже и хуже, совсем плохо, последнюю мою книжку – она называлась «Плывет ‘Аврора’» – я просто постыдился Вам послать), и друзья мои, которые все были умнее меня и все были прозревшие, да только им это ничего не стоило, перестали любить мои стихи.

Тогда, назло всем, я решил написать книгу об одном человеке, которого считал великим[1], я не знал, что это будет – стихи или проза, но понемногу стал заниматься этим человеком, стал читать его работы, выступления, письма и воспоминания о нем.

И вот, когда я начал всё это читать и над всем этим думать, я очень скоро увидел, что человек этот совсем не великий, не добрый, не мудрый, что почти ни с чем, что он говорил и делал, совесть моя согласиться и помириться не может, да и не только совесть, а и ум согласиться и помириться не может. Обращаясь к историческим

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 332

событиям, я увидел их в совсем новом свете, и там, где я – со всеми и безоговорочно – до этого видел мудрость или благородную дерзость, мне открылись авантюризм, жестокость, ограниченность. Когда я стал понемногу и очень осторожно (потому что сам еще не разобрался как следует) говорить вслух о своих открытиях и сомнениях, те самые умные друзья, которым перестали нравиться мои стихи за их лживость, испугались крайности моих выводов и принять их не захотели. Так я остался совсем один, и мне уже ничего не оставалось, как додумывать до конца. Видите, как всё просто.

* * *

Вы много спрашиваете меня о маленьком мальчике, которого я совсем не помню. Я не помню, как ласкала меня мама и как я ласкался к ней. Я знаю, что она, как могла, как было ей дано, любила меня, значит, должна была ласкать, обнимать, целовать. Но сколько бы я ни напрягался, я не могу вспомнить физиологического, чувственного ощущения сладости этой ласки.

Вот помню, как она шьет на машинке, крутит ручку старой, дореволюционной машинки «Зингер» и поет такие же старые, дореволюционные песни: «Помню, я еще молодушкой была», «Хаз-Булат», «Калитку», про царицу Тамару Лермонтова и его же – с тех пор очень любимое – «Спи, младенец мой прекрасный», а я сижу рядом на стульчике и слушаю, и люблю ее голос, и то, что она поет, и как стучит машинка в ритм песен. «Спи младенец» она пела и когда укачивала меня на руках или в моей маленькой кроватке с высокими, в каких-то перекрещивающихся лентах, голубых и красных (так почему-то помнится, но, вероятно, это уже напридумано позже), стенками, чтоб не выпасть.

Помню, как ее руки одевают меня маленького. Не знаю, как теперь, а тогда маленькие мальчики тоже носили что-то вроде лифчика, называлось «талийка», и к этому пришивались резинки, к которым пристегивались чулочки.

Помню, как поит меня с ложечки лекарствами – и чем-то очень вкусным, чего я после детства так и не пробовал, только в песне Окуджавы встретил, а в продаже давным-давно нет – «капли датского короля», и мало сказать, противными – смертельно ненавистными касторкой и рыбьим жиром, после которых давалось на закуску что-нибудь сладкое, душистое и вкусное.

Помню ее торты – «наполеоны» и «сметанные пироги», выложенные цукатами. А на мои дни рождения в них вставлялись свечи – четыре, пять, шесть. Помню, как уговаривала меня есть – а в детстве почему-то никогда не хочется есть (кроме сладкого) – «ложку за маму», «ложку за дедушку», «за бабушку».

Лучше и больше мамы из того шестилетнего детства помню

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 333

бабушку. Бабушка и дедушка – это Кременчуг, Ново-Ивановка, деревенский «свой» дом, усадьба, сад. Это с детства и по гроб любимая мной Украина, украинские сказки с лисичкой-сестричкой и волчиком-братиком, украинские песни, украинские колыбельные «люли-люли-люли, прилетели гули», «Кобзарь» в сундуке с Библией, а запахи – Господи, какие запахи! – и от самой комнатки, где я спал, с глиняным полом, посыпанным травой или сеном, и от сада с деревьями, с цветами, с малинником, и от скотного двора, где и сено, и навоз, и коровка, и куры, все ж это по-своему пахнет, и чудесно, земно, а чисто, земно, а свято.

Дедушку взяли в 37-м, и с тех пор он пропал, и мы перестали на лето ездить в Кременчуг, а бабушка вскоре после этого приехала к нам умирать. Умирала она долго и умерла в 40-м, перед самой войной. Ее похоронили в Чугуеве, и за время войны место на кладбище забылось. После войны мы пытались «вспомнить» и условно «подновили» какую-то могилку; пока мама была жива, мы изредка туда ездили, сейчас я не найду и той условной могилки.

Детство мое было изолированным, одиноким, «усадебным», почти деревенским, «дачным», как сказали бы сейчас (тогда не было этого понятия, не было – ни у кого – никаких дач), и меня это не тяготило, не мучило, я любил эту мою жизнь в *моей стране* больше, чем городскую с отцом и мамой.

Друзей или тех, кого я любил особенной любовью, кроме родных и близких, в том раннем детстве у меня не было. Очень смутно помню «детский сад» или «пансион» (тогда ведь не было государственных детских садов, а только частные: их содержали несчастные немолодые – в то время они мне казались очень немолодыми – женщины, случайно уцелевшие после революции, вероятно, не обладавшие особенными талантами воспитательниц, а просто придумавшие для себя такой способ поддерживать жизнь), их, наверное, было даже несколько, так мне вспоминается, но всё это было ненадолго, наверное, я просто не успевал привыкнуть и привязаться, поэтому и об этих «пансионах» помню не детей, а опять-таки книги, большие старинные книги в дорогих переплетах с большими цветными картинками – рыцари, принцессы, феи, злые духи – и музыку: «Турецкий марш» Моцарта, «Музыкальный момент» Шуберта, песни.

Наверное, мама ходила со мной в гости, где были дети; наверное, и к нам приходили гости с детьми, и на елку приходили дети, это я помню, но не помню ни имен, ни лиц. Сестричку я любил, кого же мне еще было любить в том дошестилетнем детстве, но она ведь была младше на три года, в детстве это много; пока она подчинялась моим фантазиям, я брал ее в свою сказку, в свою страну, но это тоже было недолго и, наверное, уже в более поздние годы, после шести.

Игрушек в те времена было мало (еще, может быть, поэтому

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 334

такое место в моем детстве заняли книги): дарили детям что-то уцелевшее от «старой жизни» или случайно купленное на рынке, сами делали игрушки из картона и цветной бумаги. Помню оловянных солдатиков. Помню какого-то черта в бутылке, внутри бутылки, а что это было и зачем, не помню, не знаю.

Самые яркие и прекрасные – не воспоминания, а тоже какие-то отдельные просветы, «высветы», мгновенные картины – связаны с елкой. Это была еще не новогодняя, а рождественская елка (их потом перестали устраивать, но в раннем детстве еще были рождественские елки и праздники Рождества: я очень ждал этого праздника, в ночь под Рождество на спинку моей кровати вешали чулочек, а наутро в этом чулочке я находил подарки от ангелов): к ней готовились долго и торжественно, вырезали и клеили бумажные игрушки, доставали старые, из «той жизни», украшения – рождественскую звезду, картонных красивых ангелов в облачках из ваты, разноцветные шары и свечи, еще настоящие свечи, горящие и пахнущие. Я очень ждал этого праздника еще и из-за детей – значит, я кого-то любил и по кому-то тосковал, «хотел» кого-то: их приходило много, мы бегали и прыгали вокруг елки, играли, делились подарками и игрушками, но ничего подробного вспомнить не могу.

Из «игрушек» еще очень ярко и чувственно помню – это Вы своими вопросами научили вспомнить – металлические, блестящие, полые внутри шары и шишки с маминой огромной кровати, я их отвинчивал и играл с ними, они для меня тоже были чем-то живым.

Еще помню сундук – большой, из какого-то прочного дерева и обитый металлом, так что в детстве он и казался мне железным. Когда его крышка открывалась и запиралась огромным ключом, в сундуке играла музыка. В детстве я любил ее слушать, это тоже была «игрушка». Очень я любил еще сидеть возле печки и смотреть в открытую дверцу на горевшие дрова: придумывал себе целый огненный мир с государствами и населением, может быть, и *моя страна* придумалась во время такого сидения у огня, там рушились замки, происходили сражения, что-то двигалось, шумело и жило.

Крестили меня в церкви (я, конечно, этого не помню, но знаю точно), и младенческой памятью помню еще иконы в нашем доме (мама была не очень верующая, но это была память ее детства, ее семьи, и вообще так тогда еще полагалось). Потом, когда мне было три или четыре года, отец вынес их во двор и порубил топором, а порубленные дрова сжег, это тоже так тогда полагалось, – он был «красным командиром» и не мог допустить присутствия «вражеского Бога» в своем доме. Помню, как он их рубил и как они горели.

О Боге мне рассказывала бабушка, о добром, любящем и всезнающем Боженьке – и водила в Кременчуге в церковь. С самого раннего детства я запомнил и полюбил церковные красоту и аромат. И с

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 335

детства же, с дошестилетнего, – от той же бабушки да, наверное, и от мамы, – с русскими сказками и со сказками Андерсена я помню и знаю «истории» из священного Писания: про Адама и Еву в раю, про Каина и Авеля, про Моисея, про Иосифа – и, конечно, про Иисуса Христа. Это всё входило в сказку моего детства, всё как-то размещалось в *моей стране*.

Выучился читать в пять лет, первые настоящие большие книги, которые сам прочел, – «Том Сойер» и «Робинзон Крузо», до сих пор их помню чувственно, вещно: переплет, бумагу, картинки, издательство «Одесполиграф».

Из-за принадлежности отца к военной касте рос я очень замкнуто, до школы никого из сверстников, кроме сестры, не знал, а и в школе: из Кировограда уехали, когда я был не то в первом, не то во втором классе, а потом были военные городки, значит, товарищи, сверстники всё тоже избранные, дети военных. Это тоже отметьте. По-настоящему я себя помню, когда было уже что вспомнить, когда появилась настоящая школа с друзьями, с седьмого класса, с Чугуева.

Да, забыл сказать очень важное, про сказку: вот там-то, у дедушки и бабушки, в их огромном саду, я и начал придумывать свою сказку и жить в ней. Повторяю, друзей – никого, я и сестра, на три года младше, значит, тоже не товарищ; книги, я и сад-джунгли с живыми животными, я себе придумал страну, населил ее и очень славно и хорошо жил в *своей стране*, жил по-книжному, хорошо, правильно, чисто.

Эта страна, которую я придумал для себя, была страной детской справедливости, детской местью взрослым за обиды, за подавленные желания, за все «нельзя» и за все «нет». Это была страна без взрослых, страна выросших детей, больших, сильных детей, которым всё было можно, всё было «да», но которые так и не стали взрослыми.

Очень грустно, что я ничего не помню об этой стране – впрочем, может быть, это потому, что я и сейчас по-настоящему, «не плохой» моей жизнью остаюсь в ней.

Мне рано дали книги, и я рано и, как сейчас понимаю, неестественно-исключительно полюбил их.

Я уже говорил Вам об этом, но Вы не представляете, что это значит. Я не просто любил книги больше всего. Я любил только книги. Мои сверстники, с которыми я время от времени соприкасался в коротких детских садах, позже в школе, на несколько месяцев, потому что переезжали в очередной городок, на новое место службы отца, все занимались какими-то нормальными детскими занятиями: тогда, я помню, был в моде авиамоделизм, фотография, ну, конечно, спорт, какие-то игры, приучающие к труду, – «конструкторы» и проч. И я – а как же иначе – тоже пытался всё это делать, но, как теперь понимаю

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 336

и как хорошо об этом рассказано у Джойса, по-настоящему жил только в *своей стране*, с книжками, с мечтами, с тем, что не жизнь.

С седьмого класса, с четырнадцати лет, уже точно помню, я замкнулся в себе и стал чужим в семье, а чтоб легче было, прикинулся не собой настоящим, а кем-то ненастоящим, сам придумал такого полудурачка-полушута.

Я забыл про эту свою выдумку, это Вы мне напомнили, и я так живо, так отчетливо всё это вспомнил. Я и сам себя тогда сравнивал мысленно наполовину с Тилем Уленшпигелем, наполовину с Гамлетом, – значит, что-то среднее между шутом и безумцем, такую маску я на себя надел.

Маска «как все» у меня тоже потом появилась, в армии, в лагере, но это уже другой рассказ и другое дело. Это бессознательная маска, это просто желание быть как все, как остальные, даже не желание, а думание, уверенность, что ты, конечно, такой, как все, как же иначе, и это хорошо и нужно. Я это знаю.

Видите, как всё сложно получалось у меня в детстве: и желание быть как все (это же естественно – стыдно же, страшно же в 14-15 лет быть не как все), и маска полудурачка-полушута перед родными, перед самыми близкими «взрослыми».

Все остальное, другие годы – первые в лагере, когда я лежал на нарах и слушал и видел жизнь страшную, откровенно-человеческую, то есть откровенно «взрослую», откровенно звериную жизнь людей, всех людей, сотен, тысяч, кроме даже не десяти, кроме одного-двух, и с тоской, горечью, смертной тоской и смертной горечью думал о том, что если бы обезьяну или собаку научили говорить, они говорили бы разумнее, достойнее и вели бы себя разумнее, любовнее, достойнее; и что между мной и этими людьми разница неизмеримее, чем между ними и обезьяной или собакой, и последние [годы] в лагере и все лет пятнадцать-двадцать после лагеря, когда я, наоборот, всей душой хотел быть «как все» и поверил в мое родство и одинаковость с людьми, с «простым народом», – всё это я расскажу как-нибудь потом. <...>

После школы я проучился один год в университете, и началась война. Отца еще раньше перевели из Чугуева в Батайск, под Ростов; в Харькове я оставался один, и как только началась война, родные забрали меня к себе (мама зачем-то приезжала в Харьков и сразу же, в первый день войны, увезла в Батайск, через несколько дней это уже было бы невозможно).

Ну, дальше война. Вы спрашивали как-то, где я был, что я делал в день Вашего рождения 5 августа 1942 г. Я не помню точно, но я уже был призван, служил на Закавказском фронте; наверное, в этот день я был уже в Степанакерте, в пехотном училище, в минометном батальоне. А может быть, как раз в этот день, потому что это точно

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 337

было летом, в Авчалах, под Тбилиси, я видел, как расстреливают дезертиров, убивают беззащитных, осужденных, привязанных к столбу живых людей. А может быть, в этот день я ходил в Гори по базару с карманным вором Лешкой Смирновым, и он на моих глазах «обчищал» денежных «фраеров», а потом мы сидели с ним в винном погребке, и я любил его как лучшего друга. А может быть, в этот день, 5-го августа, я стоял в ночном карауле в горном ущелье, где в кизиловых кустах и тутовых деревьях шумела речушка и человеческим голосом кричала птица.

Теперь это невозможно восстановить, мои документы все пропали во время ареста в 46-м году, и я никогда не узнаю, что я делал в этот день.

Но это все лирика. А суть в том, что после армии, после лагеря, в 51-м году, «взрослым» 28-летним мужчиной я вернулся домой и сел на шею родным – без специальности, без образования, без умения что-то, хоть чуть-чуть что-то делать в жизни; вернулся к человеку, о котором уже знал, что он не отец мне, к совсем чужому человеку, который не скрывал уже своего недовольства тем, что у всех дети как дети, уже офицеры, инженеры, врачи, кто-то, а я никто, ничего не умею, и кроме книг, стихов, мыслей ничего не знаю, не люблю и не хочу[2].

Учиться мне было нельзя, это были 51-й, 52-й, 53-й, еще Сталин был жив, друзей никого, все боялись, я ведь «оттуда», а Сталин еще жив, а до Двадцатого съезда еще ой-ой сколько.

Во время войны, перед моим призывом в армию, я работал в авиаремонтных мастерских токарем, я мог бы пойти на завод, но меня не брали. Меня никуда не брали. Наконец я устроился рабочим сцены в Харьковскую русскую драму, а потом – на бухгалтерские курсы. <...>

Теперь вот, когда я всё это написал, я вижу, что всё было не так темно и безнадежно. Свет всегда был. Было хорошо в армии делиться с товарищами посылками, которые я иногда получал из дому. В тюрьме, в камере мы праздновали дни рождения каждого из нас и религиозные праздники, праздновали без вина, но как полагается праздновать: любили друг друга, рассказывали что-нибудь светлое и доброе, читали стихи, даже пели потихоньку.

Вот Вы меня просите вспомнить, рассказать про тюрьму, про лагерь, а как я расскажу? Вы спрашиваете, на чем спали – на кроватях, на нарах? Это я помню: на нарах, деревянных, двухэтажных, я спал на втором этаже, это я помню; а вот было ли что-нибудь на этих нарах и что – матрацы, солома, подстилки, и чем укрывались, была ли какая-нибудь рогожа или так спали, одетые, в бушлатах, – не помню, не знаю и не вспомню никогда в жизни. Понимаете, для меня это неважно, неинтересно, ненужно.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 338

А потом, где-то с 61-го, с 62-го года я вообще «очень хорошо» жил. <...> Я обо всем этом обязательно, непременно расскажу. Как в нашей малюсенькой комнатке – 10 кв. метров – под самой крышей, выше крыши, на крышу выходило окно, это был старый двух- или трехэтажный дом, – как в этой комнатке не было ни одного вечера, чтоб не собирались люди, «мальчики» и «девочки», много людей. После моего первого, когда разрешили, выступления было человек пятьдесят, а то и больше, я не считал, в комнатке не помещались, сидели на лестнице.

И – самое главное – я всегда был счастливым: всегда, на нарах в лагере, на общих работах, в кабинете орущего на меня начальника. Я всегда знал, что быть несчастливым позорно, срамно, т.е. я не умом это знал, не декларативно, а чувствовал так, жил так. Я был счастлив со своими мечтами, мыслями, книгами, я был счастлив, потому что знал, что есть Бог, Душа, Вечность. Я не всегда знал это вот такими словами, как сейчас написал, но был счастлив именно поэтому. <...> Я праздновал всё самое лучшее, самое доброе, прекрасное, милое, святое, что было в моей жизни, – все светлые открытия детства, все рождественские елки, все весны, лета, осени, зимы, все леса, поля, реки, монастыри той далекой и давней поры с бабушкиными сказками и маминими песенками, все самые любимые и главные книги моей юности, все влюбленности и дружбы, всю мою тюремную религиозность (которая уже в лагере ушла и сменилась отчаяньем и тоской), впервые – после лагеря, после многих лет послелагерной нужды и униженности – увиденный Крым, кажущуюся Вам банальной и пошлой, а мне тогда явившуюся белым чудом у синего моря, всю в солнце и благоухании Ялту, гриновский Севастополь, неожиданные и ненужные успех и известность моих стихов, зимнюю Москву, где я жил больше месяца, работая над первой книжкой, у Юлика Даниэля и Лары Богораз[3] где-то в районе Университета и откуда вместе с ними ездил в подмосковную деревню к Андрею Синявскому[4], который жил в деревянной избе с женой, с недавно умершим где-то там, в «заграницах», Колей Кишиловым, реставратором икон в Московском Кремле, и его подругой – француженкой из Сорбонны, – всё это в русской, праздничной, снежной зиме с лесным морозцем, с ночными разговорами в избушечном печном тепле за водкой, со спорами и стихами, и потом, много позже, после многолетнего темного провала, после страшного, смертного одиночества – не без людей одиночества – это не одиночество, это пустыня и скит, а без себя одиночества, без Духа, без Бога одиночества – Лилю, знакомство с Померанцами, Шаровыми, Пинскими; и Таллин, вот точно такой, как в моих стихах, и оставшийся нерассказанным Вильнюс, окутанный духовностью, верой, тайной; латвийские Саулкрасты, где сразу и море, и сосны, и река, впадающая тут же на глазах в это же

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 339

море; опять Крым, тот самый, который и Вы увидели и полюбили, – Феодосию, Коктебель, Судак; Ясную Поляну, Кирилловскую церковь в Киеве, Коломенское, Святогорский монастырь с широкими и ясными пушкинскими просторами – луговыми, лесными, озерными, деревенскими, и самого Пушкина – стихи, облик, дух, и все самые лучшие на свете стихи Лермонтова, Фета, Тютчева, Мандельштама, Пастернака, Бунина, Марину, Ахматову, Заболоцкого; и Баха, Моцарта, Бетховена, и вновь обретенных Христа и Будду, и Индию Померанцев, Индию Рамакришны и Кришнамурти… Я – может быть единственный во Вселенной воистину самый счастливый человек.

* * *

Человеку не дано жить на «Земле Обетованной», никому не дано, ни Христу, ни Будде (пока они были людьми). Вы помните, как – в Евангелии – Иисус накануне того, как его схватили, ушел молиться и просил любимых учеников пободрствовать с ним, а они всё равно заснули. Эта сцена недаром в Евангелии. Вы скажете, что Вы бы не заснули. Я б тоже не заснул. Но это ведь символ, вместо сна можно придумать более трудное испытание. Не в этом же дело. Евангелие хочет сказать, что и самые прекрасные из людей, почти такие же прекрасные, как сам Иисус, – ведь любимейшие же ученики, – что и они не могут перейти человеческие пределы. И сам Христос молил «да минует меня чаша сия», и ему было страшно мук и казни. На земле не дано не страшиться мук и казни. На земле не дано не спать апостолам. На земле не дано любить «без терний и темнот», без ревности, без усталости, без разочарований, без вымышленных сомнений и обманов, без раздражения друг на друга из-за быта, суеты, ложного, мнимого, ненужного.

Бердяев считает, что большинство людей ошибается, когда думает, что люди любят себя: они эгоистичны, эгоцентричны, но себя они не любят, и нелюбовь к себе вымещают на окружающих. Я думаю, что Бердяев неправ, впрочем, и тут дело, наверное, в словах. По-моему, люди любят себя, но «плохой», недостойной любовью, не той любовью, о которой сказано: «Любите ближнего, как самих себя».

Вы когда-то хорошо придумали про Нарцисса, что он оттого погиб, что увидел свою внутреннюю, сокровенную, божественную красоту и влюбился в нее, влюбился в Бога в себе и не мог вынести этого «увидения», этой любви.

* * *

Божий или не-Божий наш мир – это ведь тоже тот же самый вопрос о людях. Это мы о человеческом, людском мире спрашиваем, потому что мир, в котором живут тополя и платаны, птицы и пчелы,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 340

волны и камни, облака и травы, – это, конечно, прекрасный Божий мир. Не-Божий, страшный, проклятый мир – это мир людей, оставивших Бога, предавших Бога, распявших Бога.

Люди мало чем отличаются от животных, и во многом, в очень-очень многом эти законы едины, общи для нас и для животных. Но все-таки мы – люди. Мы уже рождаемся существами, отличными от остального животного мира. Есть очень умные животные – собаки, лошади, слоны, если верить «модному увлечению», дельфины, – но ум самого умного животного отличается от человеческого разума. Это не очень утешительное, не очень радостное отличие.

Человек создан по образу и подобию Божию, и как было бы легко, просто, радостно любить эти образ и подобие. Но ведь люди отступились от Бога, ушли от Него, не то что исказили в себе эти облик и подобие, а начисто искоренили, уничтожили, так, что он вовсе не виден.

Я не Божьего мира не принимаю, как Вам это показалось, я не принимаю мира небожьего, мира «человеческого», страшного, угарного, «паучьего», пошлого мира «взрослых» людей.

Я никогда не буду без Бога. Приближение к Богу, путь к Нему – вот смысл. Слияние с Богом. Это бесконечное. Искать смысл можно только в бесконечном. Через материальное, через воспринимаемое нами можем мы познавать и постигать Бога, в котором мы растворяемся, освобождаемся от всего ненужного, от всего, что не мы, что не Бог.

Я не живу во лжи, то есть я живу в ней, поскольку мы, на земле, во времени, все, в том числе и Вы, живем в ней, но не больше, чем все и Вы. Я ведь тоже слышу голос Божий, только моя «Земля Обетованная», по крайней мере пока еще, – действительно Пустыня, действительно Монастырь, не «в Миру Монастырь», как у Вас, а «в Пустыне Монастырь», и только там, в Пустыне, мне хорошо, радостно и гармонично.

Я помню, что Саша* удивился, когда я сказал, что верую в Бога: он это не почувствовал по моим стихам, по моему поведению. Я стеснялся говорить о Боге, стеснялся называть себя вслух верующим, рассуждать на религиозные темы. Я просто жил и верил, жил и молился.

Как мы смеем говорить о Боге, когда Он сам говорит нам, в нас, с нами? Мы вслушиваемся, вбираем, а не говорим. Мы ждем от Бога помощи, вразумления.

Бог дал человеку свободу выбора между Христом и Иудой, Марией-блудницей и Марией после обращения, между добром и злом. Те вопросы, которые Вы мне задавали, на самом деле перед теми людьми, о которых Вы сказали тогда, что «они все плохие, как же я смею быть хорошей», стоят по-другому: «Хочешь ты быть богатым

* Александр Кантор – в те годы друг П. Брейтер; в настоящее время живет в Израиле.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 341

или счастливым?», «Хочешь ты быть сытым или хорошим?», «Хочешь ты быть сильным, здоровым, благополучным, властным или хорошим?» Это не одно и то же, это разное. А у Вас получилось, что это одно, привилегия, дар. На самом деле это не дар, а выбор. Перед каждым человеком стоит выбор. Рано или поздно он должен его сделать и делает на всю жизнь.

И нельзя же думать, что всё от Бога. Человек не так слаб и беспомощен. Бог не таким его создал и не таким его хочет.

Всем, кто хочет настоящего, оно будет дано. Непременно. Обязательно. Разве Вы этого не знаете? Разве Вы не знали этого до меня? Вспомните, подумайте. Иначе же и быть не может. Разве Вы не этому учите – и словами, и жизнью? Это те 9/10 или 999/1000, которые *не настоящего* хотят, не о настоящем пекутся, ничего не получат. А кто захочет *истинного*, обязательно получит. «Бог сделал всё ненужное человеку тягостным, трудным и горьким, а всё нужное ему – легким, радостным и сладким». Разве Вы забыли?

Вы подумайте хорошо – и Вы согласитесь. Во-первых, как я уже сказал, это совсем естественно. Я абсолютно убежден, религиозно убежден («*поэтически*» я мог бы сказать, что в этом и есть *моя религия*), что <...> люди не получают даров от Бога, потому что сами оставили Его, сами не захотели Его даров, сами их отвергли. Это ведь не дары. Это естественное проявление Бога. Вы это по себе знаете. Бог не может не делиться с теми, кто вернулся к Нему (или пришел к Нему, или обрел Его), тем, что у Него есть, тем, что мы – может быть, не совсем точно и правильно – называем Дарами. Тут и «дары», и «делиться» – неточные слова, неподходящие, не те. Ну если к Вам придет кто-то, припадет, прильнет, обнимет – как же Вы сможете *не дать*? Бог не может не дать припавшему к Нему, прильнувшему, пришедшему к Нему с раскаяньем или любовью. У Бога есть всё – всё, что надо для того, чтобы быть счастливым, всё, что надо для жизни, для счастья, для любви, – и пришедший к Нему не может не получить своей части от этого *всего*, то есть тоже *всё*.

Душа должна перерастать телесную оболочку, мне ли Вам это говорить? Нужно помогать Богу, а Бог не хочет зла, лжи, греха, отчаянья, неверия. Это другое дело, что всё это тоже необходимо, но нельзя подчиняться, нельзя быть щепкой в потоке. И смотрите еще, что получается в Вашей путанице. Вы начинаете с полного уничижения человека: всё от Бога, душа, духовное, то, что я хорошая, – это от Бога, человек – ничто. А кончаете сатанинской гордыней: мир устроен неправильно, и раз все плохие, мне стыдно быть хорошей, – так один Бог может сказать.

Мир устроен неправильно, но это мир, это то, что всегда противопоставлялось Божьему: «мирское» и Божье. Это мы его так устроили, мы, люди. Бог здесь ни при чем, а если при чем, это особый разговор.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 342

* * *

Я давно хотел Вам сказать – только не знаю, как это сделать, – что Вы и правы, и не правы, но больше не правы, когда относите смерть, болезнь, страшное – к Богу, к Его воле.

Это огромная тема, это огромный вопрос, и вопрос *правильный*, то есть на который *ответа заведомо* быть *не может*. Мы еще поговорим об этом, но пока я могу повторить только то, что мне когда-то написала Зина: «Я не знаю, зачем зло, не знаю, как совместить зло и Бога, но знаю, что Бог не может быть злом». Это не цитата, хоть и в кавычках, я не помню дословно, но смысл такой.

Бог не может так испытывать. Бог – не то и не там, откуда исходит страшное, а *Бог с тобой,* боящимся и вопрошающим. Бог с теми, кому больно, кому плохо, кому страшно, кому тяжело. Потому Он и есть Отец и Сын – и един в трех лицах. Он с теми, кого распинают, Он умирает с каждым умирающим.

Повторяя Зинины слова об Иове, выбирающем между Богом и Сатаной, Вы преувеличиваете возможность этого выбора. Вам так страшно, что не хочется, невозможно подумать о том, что очень часто мы лишены этого выбора, что Кто-то или Что-то уже выбрал за нас до нашего рождения, что та глина, из которой мы слеплены, то, что есть в наших генах, клетках, нервах, – это уже и есть выбор.

И глина, из которой мы слеплены, очень хрупка, мягка, податлива перед соблазном зла и греха. Мы ведь все знаем, когда поступаем нехорошо, но вот – поступаем же?

Вы радуетесь, что Вы выбрали «любить любовь», но разве Вы выбирали? Вы родились с этим. Поэтому и бывает стыдно за свой свет, за свою «хорошесть» перед теми, кто во тьме, во зле, в грехе.

Когда Вы хотите и не можете полюбить «всех людей», это Вы хотите и не можете увидеть в них Бога и влюбиться в Него – потому что почти всегда это трудно, потому что Он в глубине, а на поверхности – бессмысленная, бесчувственная, злая и темная плоть, и добраться сквозь нее до Бога нет никакой возможности.

* * *

Бог и Природа не заодно. Но и Бог, и Природа – *одно.*

Я не верю, что можно любить Бога, не любя Его в себе. Ведь наш Бог и начинается с «лучших нас», с глубиннейших, подлиннейших нас, он же не «над», он – «в». И я думаю, что Бог, когда открывается человеку, то не в грозе, величии и силе, а тоже непременно вот так, как что-то хотя и безмерно высшее, но и бесконечно родное, милое, любимое, твое.

И, наверное, Бог тоже умеет баловаться, и любит, и радуется, когда балуются, и любуется, когда люди или звери балуются. Потому что, когда балуются, уж точно не думают о зле, не живут во зле. И в суете, в ложных делах взрослых людей не живут.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 343

Наверное, смертному человеку не дано всегда, в любую минуту воспринимать Божье Чудо во всей его полноте – это, наверное, просто и невозможно для человека, просто не под силу ему, и поэтому мы тревожимся, что мы «привыкаем к Чуду»; это мы напрасно тревожимся, это мы не «привыкаем» к Чуду, а нам оно непосильно во всей его ослепляющей, оглушающей небесной полноте, и в какие-то моменты какие-то стороны его «закрываются» для нас, иначе мы просто не вынесли бы.

Человеку, по-моему, и не дано всегда, в любую минуту своей жизни чувствовать свою любовную, Божью связь с тополем, с цветком, с морем, с Бахом в своей кирхе, с Толстым в Ясной Поляне. Если бы мы всегда ее чувствовали, нам бы уже некуда было расти, мы бы уже и были – Бог.

Я запутался. И опять в том, что для меня было всегда самым страшным на свете и в жизни, – перед «пропастью» между вечным и конечным, между Божьим законом и законом природы, между голосом Бога, который слышит душа, и голосом природы, который так слушает тело, физиология, психика.

* * *

Да, мы знаем, что слова обманывают, искажают, упрощают главное, что ими «ничего нельзя сказать», и это всё правда. И мы узнали, что самые лучшие, самые полные, самые прекрасные и святые мгновения в человеческой жизни – это те, когда слова не нужны, совсем не нужны.

Но, во-первых, это вот именно мгновения, а человеку – смертному человеку на этой земле – не дано продлить их на какое-то продолжительное время, не дано испытывать эти блаженные состояния, когда слова воистину не нужны, часто, долго, повседневно.

А во-вторых, и это самое главное: ведь и тогда, и в те небесные мгновения, когда слова не нужны, *они живут в нас. В Начале было Слово. И Слово есть Бог. Как раз тогда, только тогда мы и разговариваем друг с другом по-настоящему.* Потому нам и не нужны тогда слова, что мы лучше всего *тогда* разговариваем друг с другом. <...>

Слово, которое было в Начале, которое есть Бог, это совсем не те слова, которые мы говорим и пишем, даже не те, которые говорили и писали Данте, Шекспир и Пушкин. Даже не те (хотя и ближе всего), которые мы слышим, но не можем словесно повторить, в музыке Баха и Моцарта, в образах Рублева и Дионисия, в линиях и формах храмов.

Но если правда, что человек сотворен по образу и подобию Бога, то и все наши слова, всё, что мы думаем, чувствуем, говорим, пытаемся выразить словами на бумаге, – всё это тоже подобие *того Слова,*

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 344

которое было в Начале, которое есть Бог. Жалкое, искаженное, косноязычное, *неуклюжее – но подобие.*

Получается парадокс. То *Слово – Тишина, Молчание, Святая Тишина*. Но – за исключением тех мгновений, когда нам не нужны слова, а это ведь всего только мгновения, минуты, и всегда они будут только мгновениями и минутами, – мы, смертные и говорливые люди, эту Святую Тишину можем передать только словами, приблизиться к ней можем только через слова. <...> Эта попытка заранее обречена на неудачу, это жалкая, корявая, суетная, кощунственная попытка, но без нее нельзя.

* * *

Хотите, я расскажу Вам про лягушку в лесу? Это было печальное и страшное, но оно растворилось в свете и радости и стало светом и радостью. Только так и должно было быть в том лесу.

А лягушка была мертвая или умирающая.

Когда я ее заметил, она лежала на спине белым брюшком кверху, поэтому я сразу и не понял, что это лягушка. Я перевернул ее, она была неподвижная, только одна лапочка была поднята и прижата к головке, видимо от боли, от непереносимого ужаса боли, от которой умирают.

В лесу и до нас ходило много людей, и я был не один, и, наверное, я почувствовал бы, если бы наступил на нее, – и все-таки я сразу взял вину на себя, что это я ее раздавил, убил. Если и не я, какая разница, всё равно я (не сейчас, так когда-нибудь, не лягушку, так муравья, да и не в этом дело, Вы же понимаете: если и не я – всё равно я). Я сейчас плохо, приблизительно про это рассказываю не потому, что уже время прошло. Я этого никогда не забуду, а просто, Вы же понимаете, – невозможно рассказать об этом. Только Вы не подумайте, в этом не было любования собой – вот, мол, какой я хороший, как я красиво и благородно каюсь.

Было мучительное чувство вины и мучительная сладкая жажда возмездия или искупления. И обет Богу и этой мертвой лягушке. И всё это – жалость к раздавленному маленькому существу (а может быть, она вовсе и не была раздавленная, – она не выглядела раздавленной, просто мертвая лягушка, перевернутая на спину с прижатой к головке лапкой, – а ее перевернула своей лапой собака, и она умерла от страха перед этим громадным, шумным и грубым чудовищем, от разрыва сердца, такая маленькая, а лапку подняла для защиты, или протеста, или отчаяния), и моя вина, и – не стыд, а непростимый ужас этой вины, и раскаяние, и искупление – искупление жалостью, сочувствием, разделенностью чужой, «лягушачьей» и всемирной боли, взятием этой боли в себя, – всё это омылось светом осеннего леса,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 345

тишины, любви и само превратилось в свет и стало светом. Не могу я этого рассказать. И не думая, то есть без мыслей, не мыслями думая, а всем собой, своей виноватой сутью, я вспомнил и узнал всех раздавленных мной лягушек, все обиды, и грехи, и преступления перед живым и мучающимся.

* * *

О смерти, о которой Вы в последнее время много думали, говорили и писали, я буду с Вами говорить, соглашаясь и споря, отдельно. Как Вы понимаете, это очень большая и серьезная тема, и говорить о ней кое-как, непродуманно и наспех, недостойно и нельзя. <…>

Надо жить – как будто тебе сегодня умирать. Но так надо жить не только перед смертью, а всегда.

В этом смысле, как видите, я согласен с Вашими мыслями о «подготовке к смерти» и согласен с тем, что эти мысли светлы и религиозны.

Но дело в том, что в смерти, как, наверное, во всем, что *есть*, есть две стороны, два смысла.

Есть в смерти смысл философский, таинственный, религиозный, божественный, и это, наверное, и есть то, о чем Вы думаете и говорите, и за этот смысл я понимаю, как можно *полюбить смерть,* и готов к этому, и *люблю*.

Есть испытание человека смертью, Божье испытание человеческой души перед лицом смерти. Ну как я по-дурацки, по-детски спрашивал на поминках: «Будешь ли ты думать о коврах и машинах, если будешь знать, что сегодня ночью умрешь? Будешь ли обижаться и завидовать, злиться и хитрить?» Это – один смысл.

Но есть же и земной, бессмысленный смысл. Есть то, что Вы видели в больнице, – разрушение, гниение, разложение. Есть физическое уничтожение материи, плоти. Можно ли это принять, это возлюбить, к этому готовиться?

Ведь когда Вы говорите о «подготовке», Вы имеете в виду не к смерти подготовку, не к физическому уничтожению, а к *переходу* из какого-то привычного состояния души в новое, непривычное.

Собственно говоря, Вы хоть и не говорите этих слов, но так получается, говорите не о подготовке к смерти, а о подготовке к бессмертию, к Вечности, как раньше сказали бы, о готовности предстать пред Божьим ликом.

Вы правильно поняли в те дни в больнице *серьезность, подлинность* смерти. Я еще вернусь к этому. <…> Но оказывается, что эта невыносимая подлинность смерти слишком подлинна для того, чтобы быть подлинной. Слишком подлинна, слишком гола для того, чтобы человек, чтобы Дух могли ее принять, с ней согласиться.

Вы только подумайте. Получается так, что перед подлинностью смерти ложь и неправда – всё, что мы называем жизнью. Не только

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 346

то, что «взрослые», суетные, слепые называют жизнью, но и то, что мы с Вами называем жизнью, Главным в жизни. Перед подлинностью смерти неправда и ложь, относительно, случайно, временно, преходяще *всё* – наши мысли, чувства, прозрения, стихи, храмы, мечты. И человек защищается от смерти – Богом.

Я очень конспективно написал о моем отношении к смерти. Мы еще поразговариваем об этом.

Я не в первый раз ловлю себя на том, что у меня в моих рассуждениях получается, что Бог враждебен Природе, а Природа противна Богу. Но это потому, что «мысль изреченная есть ложь». На самом деле я если и думаю так, то иногда и на самом низком и начальном уровне «думания».

Даже и в последнем рассуждении я не забыл о божественном смысле смерти. Этот божественный смысл есть во всем, должен быть во всем. Нужно уметь его увидеть, почувствовать.

Только не надо «перегибать палку» в другую сторону: не нужно представлять себе гармонию между Природой и Богом. Гармонии нет. Там какие-то гораздо более сложные, перепутанные и таинственные отношения. По-моему, конечно. А то получается, что я где-то там был и всё знаю. Ничего я не знаю.

* * *

В той великой книге, которую я недавно читал, Бердяев интересно объясняет зло. Как известно, существование зла всегда было «камнем преткновения» для верующих и самым сильным оружием в руках атеистов. В самом деле, если есть зло, Бог и не всесилен, и не мудр, и не благ. Объяснение Бердяева, может быть, фантастично, но гениально. Бог сотворил мир, космос. Но ведь и до сотворения что-то было, должно было быть что-то, из чего Он сотворил мир. Даже если *из ничего*, было же это *ничто. Было ничто, небытие, добытие,* изначальная свобода, *хаос.* И в этом *небытии* уже было *зло.* Оно было до сотворения. Ведь небытие – это зло. Нет страшнее для человеческого сознания зла, чем убийство, смерть, небытие. И всё это было в изначальной, доначальной тьме и свободе, и из этого был сотворен мир, человек, бытие. Бог сотворил бытие, над небытием Он не властен, не «хозяин». И в мире, и в бытии, и в человеке есть эта изначальная свобода, из которой всё сотворено, есть тьма, зло, небытие. Поэтому и смерть, и грех. Ведь всё было впереди: грехопадение, уход из Рая, первое убийство, искупление на Голгофе, воскресение, весь путь человечества к Царству Божию, к преображению, «гармонизации» сотворенного мира, к победе Света над Тьмой, бытия над небытием.

Помните мои недавние «рассуждения» о смерти и тупик, в который они зашли. Потому что так и есть. Потому что, хотя, конечно,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 347

даже с человеческой, «научной», видимой каждой весной точки зрения, жизнь сильнее смерти, но в каком-то смысле, ну, скажем, исходя из «предельного», «конечного», личного опыта каждого отдельного человека, смерть «сильнее» жизни, «могущественнее», или, как мы раньше говорили, «взаправдашнее». В каком-то смысле – и Вы это *сами «открыли»* в больнице, возле умирающего – *смерть «сильнее» Бога.* Она древнее Бога. <...> *Я не хочу, чтоб так было, я не могу с этим примириться, я готов сию минуту отдать жизнь, чтоб так не было, – но это так. Смерть «сильнее» жизни.*

Мы с Вами *верим в Бога,* и поэтому мы не можем верить ни в какие «земные» системы или идеи. Но мы с Вами верим в то, что любой грех может быть искуплен покаянием, очищением и *преображением,* что то, что мы считаем *злом и тьмой*, не может быть преодолено или уничтожено внешними силами, борьбой с ним с пеной на губах, враждой и ненавистью, то есть *злом же* (одна моя знакомая иногда даже говорила, что *бороться* вообще *не нужно, нельзя,* что порой раздражало меня), но может и должно быть убавлено, смягчено, просветлено или даже *преображено в добро и свет* в результате внутренних процессов осознания, раскаяния, исправления, совершенствования.

Нам с Вами нравится это слово «*преображение*», оно больше устраивает наше религиозное сознание, чем слова «*победа*» или «*уничтожение».*

Я не думаю, что зло «в системе», «от системы». Я думаю, что зло всегда от людей, от человеческого несовершенства, от «отпадения», «ухода» человека от Бога.

Вся история человеческого рода – это история о том, как люди ради маленьких и сомнительных или даже мнимых благ отказывались от великого и несомненного счастья. И как мы каждый день, каждый час распинаем Христа или присутствуем при том, как Его распинают, так же каждый день, каждый час все новые и новые Адам и Ева – вдвоем, или порознь, и с детишками и родней – оставляют Бога и уходят из рая за манящим соблазном полезности, выгоды, удобства, приятности. Ведь не только не понятным для человека злом, а наоборот, несомненным, явным, ощутимым благом было то, что люди с лошадок пересели в автомобили и самолеты, ушли от земли, от деревьев, от рек, цветов, свежего воздуха в душные и тесные города, где зато не надо заготавливать дрова, топить печи, бегать за нуждой в дощатые уборные и т.д., придумали тысячи занятий и служб, кроме одного и одной – единственных, главных, назначенных Богом; поставили над собой кучу начальников, чтобы снять с себя лишнюю ответственность и самую способность думать, отвечать, принимать решения; завели армии, чтобы защищаться от врагов, тюрьмы, чтобы сажать туда опасных и вредных воров, разбойников и

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 348

просто непохожих, просто не таких, как все, ну и все прочее, от чего мы задыхаемся и пропадаем.

Всё это было благом, всё это было удобно, выгодно, хорошо, приятно, и всё это обернулось злом, ужасом и беспросветной скукой.

Смертному человеку, каким бы разумником, мудрецом или даже гением он ни был, *без Божьего участия* не дано изменить человеческую природу, освободить человечество от бремени и скверны первородного греха отпадения от Бога, богооставленничества, – и, значит, не дано основательно, радикально, глубоко изменить в лучшую сторону картину мира, движение человечества.

Я, кажется, уже говорил Вам о том, что в своей нобелевской речи Иосиф Бродский сказал, что мир спасти уже нельзя, но еще можно спасти отдельного человека.

Скорее всего, это так и есть. Искусство служит Богу, Вечности, может быть, больше, чем религия, во всяком случае, не меньше. Но ни Данте, ни Шекспир, ни Бетховен не спасли мир от фашизма, войны, концентрационных лагерей, геноцида, всеобщего оболванивания. <…> На земле все меньше остается свежего воздуха, чистой воды, животных в лесах, рыб в морях и реках.

* * *

Человек может вернуться к Богу, может спастись – так я сегодня думаю – только Вечностью, только вечным. Любовью, а любовь – как море, как небо, как солнце, и не надо, и нельзя ей опускаться в суету и ложь, в невечное, а значит, мнимое, искажающее, умертвляющее.

Да, в мире есть зло – оно ведь всегда есть и всегда было, и может быть, и даже наверное, сейчас его больше, чем когда бы то ни было, есть зло, есть смерть, льется кровь, уничтожается природа, жизнь, земля, вода, воздух – но есть же добро, есть же любовь, есть свет, есть Христос и его заповеди, есть Шекспир и Моцарт, Пушкин и Толстой, философы, мудрецы, влюбленные, любящие.

Последнее, что продиктовал Толстой за 6 дней до смерти: «...Существует только Бог. Чем больше проявление Бога в человеке (жизнь) соединяется с проявлением (жизнями) других, тем больше он существует. Соединение своей жизни с жизнями других существ совершается любовью...»

Одно, один, одна всегда больше, чем два или много. Перед Богом больше. Бог нас один на один хочет видеть перед Собой, а не сборище, а не стадо. Вы скажете: «Почему же стадо? Есть община, есть братство: к Богу нельзя прийти стадом, но разве нельзя прийти общиной, братством?» Наверное, можно. Но ведь община и братство – это другое (как Толстой любил говорить: «это – другое»). Община и брат-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 349

ство – это тоже *не много, а одно.* Это не простая общность, не просто дружба, это *такой уровень* человеческих отношений, которого *без Бога* никакой дружбой, никакой общностью мыслей и интересов, хотя бы и за одним столом, и в одной постели, *достичь нельзя.*

Когда-то Григорий и Зина открыли мне самую великую вещь. Что Вечность – это не то, что будет после смерти, где-то там; не то, куда, как в океан, вливаются годы, столетия, тысячелетия, а она – всегда. Что можно сейчас, сию минуту, всегда жить в 70-х годах двадцатого века (как живут все «взрослые») и в Вечности (как Иисус, Рамакришна, Кришнамурти, Моцарт, Толстой, Эйнштейн). И я понял, что я так и жил, так и живу. Не каждое мгновение, но большую часть дней. И я вдруг понял, что и Рай и Ад – как Вечность – не поэтические образы, не символы, не в Библии, не на «том свете», а тоже могут быть здесь. Если люди утратили Рай, они могут и вернуть его, и обрести его... И если Бог меня спросит «Кто ты?», я скажу – а ведь перед Ним нельзя лгать, нельзя придумывать, даже если хоть капля сомнения есть, нельзя сказать – «Я самый счастливый человек во всей Вселенной, во всей Вечности, и нет, и не может быть никого счастливее меня».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Борис Алексеевич находился под гласным надзором КГБ и старался избегать в письмах «неудобных» высказываний. В данном случае речь идет о В. И. Ленине.
2. Борис Алексеевич рассказывал, что пока он был в лагере, отец однажды послал его стихи в редакцию журнала «Огонек» – или в какую-то другую, точно не помню. Ему ответили отказом и советом не писать стихи, а заняться какой-либо иной деятельностью, ибо есть много интересных и важных работ, кроме писательства.
3. Юлий Даниэль (1925–1988), прозаик и поэт, переводчик, диссидент. Лариса Богораз (1929–2004), лингвист, правозащитница, публицист. 25 августа 1968 года, после ввода советских войск в Чехословакию, Лариса Богораз вышла на Красную площадь («демонстрация восьмерых»). В 1989-1996 гг. – председатель Московской Хельсинкской группы.
4. Андрей Синявский (1925–1987), писатель, литературовед и критик, диссидент. В 1965-66 гг. состоялся известный процесс против Синявского и Даниэля. Писателей обвинили в написании и передаче для напечатания за границей произведений, «порочащих советский государственный и общественный строй». Даниэль был осужден на пять лет лагерей, а Синявский приговорен к семи годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима за «антисоветскую агитацию и пропаганду».

Публикация – Полина Брейтер

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 350

ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА. ЛИТЕРАТУРА

Людмила Улицкая: «Культура, которую можно запретить, ничего не стоит»

Интервью «Новому Журналу»

М.Адамович: *– Людмила Евгеньевна, как это ни странно, но готовясь к интервью, я вдруг вспомнила документальный фильм, сделанный моим давним другом, режиссером-документалистом Еленой Якович, – «Соло для Людмилы Улицкой», 2013 год. В фильме есть одна фраза, которая в общем течении разговора и движении поезда не выделена, но мое сознание зафиксировало именно ее. Звучит фраза примерно так: «Существование человека – в пути, всегда наготове, как в дороге: меняется фон за окном, люди заходят в купе и уходят... я же ловлю это ощущение 'ветра в спину'». «Ветер в спину» унес Вас весной 2022-го в Берлин. Большинство моих российских друзей тогда же, с началом войны в Украине, уехали из России. Для Вас отъезд был решением или эмоциональным протестным порывом? Это – навсегда?*

Людмила Улицкая: – Вы очень удачно вспомнили о фильме Елены Якович – она собирается приехать в Берлин в ближайшее время, чтобы снова побеседовать со мной перед камерой. Вы правы – ветер, толкающий в спину, вынес меня из России. Не могу сказать, что это было продуманное решение – приехал мой старший сын, сказал: «Собирайтесь, билеты уже куплены». И мы собрались очень быстро. Это был март 2022 года. Навсегда ли? Не знаю. Пока что меня не оставляет надежда, что сможем вернуться домой. Вопрос в том, что скорее кончится – время нашей жизни или война.

М.А.: *– Философ Федор Степун (один из пассажиров «Философского парохода») классифицировал массовую российскую иммиграцию (в русской традиции – Эмиграцию с оборотным Э, – с акцентом на страну выезда, с которой не потеряна связь) по трем категориям: эмигрант (в изгнании живущий с целью борьбы за освобождение России), беженец-идеалист (в изгнании сконцентрировавшийся на трагедии потери родины и страдающий от ностальгии) и, говоря современным языком, – мигрант (беженец-рационалист, по Франку), деловито выстраивающий себя в новых странах и территориях. К какому типу Вы отнесли бы себя? А сообщество, что образовалось из российских уехавших интеллигентов, – как бы Вы определили*

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 351

его? Кого в нем больше? В соответствии с этим, каковы их перспективы, планы, действия?

Л.У.: – Скорее, отношу себя к третьему типу – пытаюсь освоить новое жизненное пространство. Ностальгию отодвинем в сторону, это контрпродуктивное переживание. Сообщество российских интеллигентов в Берлине существует, но я только начала с ним знакомиться. У меня есть друг, который живет уже тридцать лет в Берлине, и он мне очень помогает сориентироваться в пространстве. Есть несколько знакомых художников, коллег моего мужа. Да и многие мои друзья проезжают через Берлин, так что удается повидать кое-кого. Ну и кроме того, у меня есть и немецкие друзья – моя переводчица Ганна и редактор Кристина, мои давние подруги, очень близкие мне люди.

Как планируют свою жизнь уехавшие из России люди? По-разному. Все стараются найти для себя площадку, где можно реализоваться. Но я не много знаю таких русских, кто бы прекрасно прижился в берлинском мире. Круг общения пока очень ограниченный.

М.А.: – *Об оставшихся. О России и ее т.н. «маленьком человеке». Одним из аргументов «агрессивности» русских (в английском языке нет различия между «русский» как нация и «русский» как гражданин РФ, россиянин) стала фантастическая цифра в 80% поддержавших правительство РФ в войне против независимой Украины. «Фантастическая» для меня во всех смыслах – а почему не 90%? Не 125%? Статистика авторитарного государства – это, по определению, – нонсенс, просто не надо считать там, где считать невозможно. Однако российское общество – как масса тех самых «маленьких человеков», обывателей (в безоценочном смысле этого слова), – действительно молчит. Чем Вы это объясняете? Страхом, оставшимся от советского строя, усвоенным на уровне условного рефлекса? Недооформировавшимся активным средним классом – как основы любой демократии? Общим безразличием, энтропией духа у современного человека во всем мире, в принципе уже не восприимчивого к классической трагедии, к сопереживанию чужой реальной боли? (Помню признание одной интеллигентной американки по поводу войны в Сербии в 1990-х: для меня это виртуальная война...)*

Л.У.: – И то, и другое, и третье. Вы вполне точно определили причины пассивности общества. Но при этом я считаю, что главная причина – страх. Страх, въевшийся в кожу, в кости, в сознание людей, которые с раннего детства знают, что лучше молчать, чем говорить. В России каждое свободное слово, устное или письменное, может дорого стоить. Самый свежий пример – дело журналиста Ивана Сафонова. Московский городской суд приговорил его к 22 годам лишения свободы в колонии строгого режима по обвинению в госизмене. Основание для этого – журнальная статья, в которой опублико-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 352

ваны данные, уже фигурирующие в открытой печати. Это же чудовищно!

М.А.: – *Связанный с предыдущим вопрос: почему либеральные российские 1990-е привели к возникновению авторитарного государства в Российской Федерации?*

Л.У.: – Потому что никакие прекраснодушные либералы не могут соревноваться с мощной организацией секретной службы.

М.А.: – *В одном из недавних своих интервью Вы заметили, что «в человеческой популяции то, что называется 'прогрессом', движется за счет очень малого процента населения», и только через образование массы, проводимое этим «малым процентом», возможно добиться прогресса – в том числе и повышения градуса гуманизма и гражданской ответственности в обществе. Мне же кажется, элита («малый процент») – в том числе и интеллектуальная, культурная – нацелена не на образование и развитие «массы», а на управление ею и тотальное подчинение себе и своим идеологемам, в конечном итоге. Разложение классической, высокой (не побоимся этого слова) культуры достигло предельных масштабов, цели просветительные были заменены цеховыми интересами. Просветитель сегодня вообще больше похож на идеолога, мне так видится, а политическая элита – на хороший пионерский лагерь, только с реальным ядерным чемоданчиком в руках... Вы верите в идеи просвещения – сегодня?*

Л.У.: – Здесь нет никакого «третьего пути». Либо мир пойдет по дороге просвещения, как бы ни называли этот путь, либо настанет большой кризис, из которого мало кто выберется живым.

М.А.: – *Какую роль вообще играет сегодня интеллигенция – и современные западные интеллектуалы (на мой взгляд, различия между ними стерлись в 21-м веке) – в общецивилизационном процессе? Дополнительный вопрос: какова роль российской интеллигенции в России и вне ее – в мире, с учетом ее нынешнего положения?*

Л.У.: – Можете как угодно называть образованных людей – интеллигенцией, интеллектуалами, элитой, – но как их ни называть, мир без этой группы людей сегодня существовать не может. Само слово «интеллигенция» в ее российском употреблении устарело настолько, что его уже можно занести в словарь выходящих из употребления слов. Мы вообще живем в эпоху еще не вполне осознанного кризиса «больших понятий», которые требуют пересмотра. Уверена, что этот «понятийный пересмотр» скоро начнется.

М.А.:– *В Европе и США идет сильная антирусская волна, которая отрицает, в том числе, и русскую культуру. «Бесовский, агрессивный, разрушительный характер русской культуры изначально в нее заложен» – так звучат мнения, если их суммировать; мне, по роду моей деятельности, подобные выпады приходится слышать посто-*

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 353

янно на самых разных уровнях – от обывателей и до университетской среды. Примерно так всё звучит и с отдельных государственных трибун. Академическое объяснение таких призывов «сбросить Пушкина с корабля современности» со стороны интеллектуала, склонного к «гиперинтерпретации» текста культуры и литературы, хотя не лишено смысла, но не объясняет всего. А что объясняет? – Повторюсь: речь не о политически ангажированных выпадах со стороны правящей элиты, и не мужичка «от сохи», которого раздражают любые книги, – обвинения русской культуре идут из среды западной интеллигенции. Чем Вы объясняете это?

Л.У.: – Вот тут я честно могу сказать – я не в материале! Мнение о бесовском и разрушительном характере русской культуры кажется мне абсурдным. А куда мы денем «Капитанскую дочку» Пушкина? Что будем делать с Чайковским и Рахманиновым? Со всем русским авангардом? С Достоевским и Толстым? Нет, извините!

М.А.: – *Выдвигается и довод о «коллективной ответственности». Вы верите в коллективную ответственность? Ведь отвечать требуют за деятельность правительства, против которого, скажем, мои российские друзья выступали все предыдущие десятилетия. Вы не думаете, что этот принцип «коллективной ответственности» порочен в своей основе?*

Л.У.: – Лично я отказываюсь разделять ответственность за события последних месяцев (а также предшествующих 70 лет) с руководителями страны, которые не спрашивали меня, куда рулить.

М.А.: – *Вы в последнее время активно участвуете в движениях (не могу подобрать более точного слова) видных представителей русской – и мировой (для меня русская – как ее часть) – культуры, которые выступают против призывов «запретить русскую культуру» – скажем, «Настоящая Россия» Барышникова/Акунина или «СловоНово» Марата Гельмана. С кем они говорят вне своего круга общения? Это – работает? Как бы Вы оценили их деятельность? Или они в принципе не рассчитаны на диалог с внешним миром и стоят на позиции элитарности (и маргинальности) подлинной культуры?*

Л.У.: – Те деятели культуры, которых вы перечислили, и есть современная русская культура. К этому короткому списку можно добавить еще десяток славных имен. Русские художники во множестве покидают Россию. Такой же процесс шел в двадцатые годы прошлого века, сто лет назад, и благодаря этому в русской культуре остались имена Бунина, Набокова, Ходасевича и многих других, которые в России вряд ли выжили бы… Культура, которую можно запретить, ничего не стоит. А подлинная культура прорастает через весь тот мусор, который выстилает власть на ее пути.

М.А.: – *Вы теперь живете в Германии. При этом Вы всегда много ездили по миру и встречались с многонациональной русскоязычной*

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 354

диаспорой. Ваша оценка ее сегодняшнего наполнения и потенциала?

Л.У.: – В Германии я всего несколько месяцев, круг общения здесь у меня минимальный. Чтобы ответить на этот вопрос, надо здесь подольше пожить.

М.А.: – *Было бы странно, если бы я не задала свой главный вопрос писателю: пишется? Если – да, что пишется? Мы привыкли считать, что в экстремальных ситуациях творческому человеку особенно работается, что тогда и создаются лучшие тексты. Что Вы скажете теперь, когда с одной стороны – война, с другой – автократия, и нигде никакого просвета? Работаете ли Вы над прежними своими задумками, возникли ли новые сюжеты? Для Вас сегодняшней на первое место выдвигается текст или все-таки социум?*

Л.У.: – Работаю понемногу. С трудом, как это всегда бывает в начале большой работы. Пока не знаю, покатит ли эта конструкция. Но когда работаешь, жить совсем не скучно. Текст, конечно, на первом месте. Но не знаю, на каком месте я у него. Здесь любви без взаимности не бывает.

Нью-Йорк – Берлин, октябрь 2022

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 355

СловоНово
Русскоязычные медиа – иммиграция 2022-го

Проект форума свободной культуры «СловоНово» был задуман и начат галеристом и арт-менеджером Маратом Гельманом в 2018 году. Четвертый год Форум проходит в черногорской Будве. За это время «СловоНово» стало ярчайшим культурным событием, уникальным по числу собирающихся вместе известных представителей современной русской культуры, среди которых прозаики Борис Акунин, Михаил Шишкин, Владимир Сорокин, Людмила Улицкая, поэты Лев Рубинштейн, Тимур Кибиров, Бахыт Кенжеев, Алексей Цветков, Александр Кабанов, музыканты Борис Гребенщиков, Андрей Макаревич, шахматист Гарри Каспаров, журналисты Сева Новгородцев, Артемий Троицкий, художники Виталий Комар, Дмитрий Врубель, кинорежиссер Виталий Манский, театральный режиссер Дмитрий Крымов, и другие. Участники Форума размышляли об интеграции русской культуры в мировую, о культуре «русских» Лондона, Берлина, Риги, Праги, Таллинна, Парижа, Венеции, Нью-Йорка, Тель-Авива... Были организованы круглые столы на тему русскоязычных медиа в Европе, русских культурных центров, книжных магазинов, а также выставки, встречи с писателями, поэтические чтения, музыкальные концерты. Первый выездной Форум «СловоНово» прошел в Тель-Авиве в мае 2022 года. Попечительский совет Форума представляют Олег Репс, Игорь Цуканов, Марат Гельман и Валентин Завадников, арт-директор – Марат Гельман, референт – Елена Воскобойникова, программный директор – Евгения Шишкина. Основными спонсорами проекта являются Dukley Gardens и September Hotels.

24 февраля 2022 года стало не только днем интервенции РФ в Украину, но и стартом стремительных изменений в российском обществе. Репрессии, в первую очередь коснувшиеся оппозиционных независимых российских медиа, распространились на книгоиздание, театр, музеи. Форум «СловоНово», собравшийся в конце сентября этого года, подтвердил свою роль центра притяжения представителей свободной русской культуры.

Среди участников сентябрьских заседаний были телеканал «Дождь», «Настоящее время», «Зима», Deutsche Welle, «Новая Газета. Европа», «Утро Февраля», «Эхо Москвы» и др., представленные журналистами, публицистами, кино- и литературными критиками и политологами, художниками и писателями, среди которых Михаил Шишкин, Иван Вырыпаев, Антон Долин, Анна Монгайт, Кирилл Мартынов, Борис Банчевский, Александр Морозов и другие. За семь дней Форума, с 24 по 30 сентября, были проведены круглые столы на темы «Русскоязычные медиа за рубежом», «Послевоенные университеты: как спасти академические свободы, студентов и преподавателей», «Германия после нацизма. Опыт преодоления», «Пути переосмысления. Колониализм и имперскость русской культуры?», «Параллельная Россия – метавселенная и экосистема», «Паблик-ток. ПолитПросвет на СловоНово», «Новая жизнь в Черногории», «Школа во время войны»; «Децентрализованное,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 356

виртуальное & цифровое»; дискуссия «К 100-летию Философского парохода: некоторые уроки первой эмиграции». В программу были включены презентации прозаиков и поэтов В. Ерофеева «Россия без будущего. Будущее без России», И. Вырыпаева и К. Грушка «Единственные самые высокие деревья на земле», В. Павловой «Стихи военного времени», Б. Кенжеева и К. Капович «Хроники этой войны», Ю. Гуголева «Орковы поля», Томаса Венсловы и др. В великолепной музыкальной программе выступили Михаил Шишкин и Полина Осетинская с композицией «Рахманинов. Сперва смерть, потом жизнь». И конечно же, были организованы выставки современных художников – украинская коллекция Марата Гельмана, выставка резиденции Dukley Art Community «Запрещено на территории РФ», А.Меламида «Другие 10 евреев XX века» и др. АртДокФест представил программу короткометражных фильмов.

Нынешний Форум обнажил основные болевые точки сегодняшнего существования русской культуры в период войны в Украине и репрессий в РФ; вскрыл он и те серьезные проблемы, которые сформировались еще до событий 2022 года и которые обнажились лишь в новой кризисной ситуации в России и в положении новой волны иммиграции. Мы предлагаем читателям НЖ запись круглого стола «Русскоязычные медиа за рубежом», любезно предоставленную нам организаторами форума. Особая благодарность за сотрудничество и четкую связь инициатору и арт-директору форума М. Гельману и программному директору Е. Шишкиной.

«Русскоязычные медиа за рубежом»

Сентябрь, 2022

В Круглом столе приняли участие: Александр Морозов, политолог, модератор заседания (Чехия), Кирилл Мартынов, журналист, «Новая газета» / «Новая газета. Европа» (Латвия), Анна Монгайт, тележурналист, креативный продюсер телеканала «Дождь» (Латвия), Борис Банчевский, тележурналист Deutsche Welle (Германия), Марат Гельман, арт-директор Форума «СловоНово», а также в свободной дискуссии – Ольга Бычкова, радиожурналист «Эхо Москвы», Армен Захарян, ведущий литературного канала «Армен и Федор» на YouTube, и Ксения Лученко, журналист, экс-декан факультета медиакоммуникаций «Шанинки».

Александр Морозов, модератор: Это первая панель Форума этого года, и я хочу подчеркнуть: до того, как он состоялся, мы видели, что были колебания, – в том числе и у Марата Гельмана, – надо ли в этом году в особых исторических условиях, о которых вы все знаете, проводить Форум... Я сам являюсь полным сторонником проведения Форума – и вот почему: мы все живем в мире идей, производим идеи, концепты, и для нас чрезвычайно важна возможность быстро обсуждать новые возникающие идеи и подходы – в том числе и в критической ситуации, в которой мы находимся. И это прекрасно, что панель посвящена состоянию независимых русских медиа за пределами России. Кирилл Мартынов – журналист, философ по образованию, быстро воссоздавший бренд «Новой газеты» за пределами РФ; Анна Монгайт, телеканал «Дождь» – который тоже релоцировался и начал

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 357

работу в Латвии. Борис Банчевский из немецкой медиа-корпорации Deutsche Welle, – он возглавляет отдел, работающий с русскоговорящими странами. Борис довольно много делает в последнее время, чтобы поддерживать российские культурные инициативы в Европе. В частности, он оказал поддержку фестивалю русской культуры в Праге. И, наконец, Марат Гельман. У нас час времени. В конце мы напишем «public paper» – что мы здесь обсуждали, чтобы все знали, какие проблемы есть у российских медиа за пределами РФ.

Я задам один-единственный вопрос нашим участникам: какова перспектива русскоязычных медиа в нынешних условиях, в которых оказались российские журналисты, в большом количестве уехавшие из страны? Что происходит с их аудиторией? – С аудиториями – даже можно сказать. Можно ли удержать их – и если да, то что данные медиа хотят делать с этими аудиториями? Требуется ли какая-то финансовая, адиминистративная и политическая поддержка – в чем она могла бы заключаться? И, наконец, очень важный вопрос: а как эти российские медиа – будучи разными по происхождению – находят общий язык между собой и составляют ли они общее медиа-поле? Одни являются нишевыми, другие принадлежат крупным корпорациям и государствам – как, например, Радио Свобода; маленькие экспертные медиа... – всё это одно поле или это разные проекты, которые расползаются в стороны, и никакого единства русскоязычных медиа не будет?..

Кирилл Мартынов: Вы утверждали, что это один простой вопрос... я в некотором замешательстве. Я уверен, что у русскоязычных медиа будет всё лучше, чем у российских, к сожалению. Потому что на фоне тех процессов, которые уже начались и которые будут продолжаться, по всей видимости, особенно после начала мобилизации в России, есть огромный спрос на источники информации, которые не боятся рисковать, давая правдивую информацию о том, что происходит на фронте и внутри РФ. У «Новой газеты» была очень странная история – какая-то короткая; все знают события, связанные с нашей работой десять лет назад, но даже последний год был очень странным. У нас была химическая атака на офис, – мы так и не знаем, кто это был, – скорее всего, те же люди, что вербуют зеков в колониях (для отправки на войну); потом Муратов получил Нобелевскую премию – и все очень веселились, пили шампанское – потому что предполагалось, что это даст нам немножко больше времени... Потом началась война – и мы сразу поняли, что времени никакого нету. Я довольно рано уехал – чтобы готовить план для всех наших журналистов, как мы будем работать вне РФ, когда нас закроют. У газеты на сегодняйшний день отозвана лицензия на сайт и на бумажную версию внутри России. На самом деле, нас было очень тяжело задушить в России, потому что у нас нет собственника, у нас нельзя отобрать оборудование – хотя можно закрыть типографию. Короче, мы готовы были сопротивляться. Но после марта

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 358

стало понятно, что дальше будут просто уголовные дела. Даже не против редактора – это можно было пережить, а по «белорусскому сценарию»: против случайных людей, бухгалтеров, например. И тут был уже этический выбор – надо как-то прекращать всё это. Мы помолчали примерно неделю и с 7 апреля начали делать газету в Европе. Не имея, в общем-то, для этого ничего, кроме нашего доброго имени. Доброго имени оказалось достаточно, и мы сейчас – довольно большое издание, у нас больше 50-ти журналистов в штате.

Давайте я про цифры скажу. В марте, в начале войны, в России, у нас было примерно 3 миллиона пользователей на сайте – ежедневно. В сетях было еще больше. Из чего мы сделали вывод: есть огромный интересен к тому, чтобы знать правду о том, что присходит. Сейчас, на фоне мобилизации, происходят такие же вещи. Аудитория у нас сильно меньше, чем была в России, естественно. Потому что мы начали всё заново – мы заблокированы в РФ. Тем не менее, это всё равно сотни тысяч человек по всем сетям – и очевиден всплекст после 21 сентября. Поэтому пока будут люди, готовые читать и смотреть на русском языке, у российских медиа всё будет неплохо.

А.Морозов: Я перебью и быстро задам вопрос: дело в том, что латвийская газета «Спектр», на русском языке, вместе с Левада-Центром специально, чтобы сделать нам «неприятно», провели и опубликовали исследование. В котором написано, что такие медиа в совокупности, как «Новая газета», сам «Спектр» и все остальные, что являются маркированными либеральными изданиями, пользуются поддержкой примерно 1% аудитории – по сравнению, например, с Арестовичем* или Фейгиным**, которые имеют дело с аудиториями в десять раз больше.

К. Мартынов: Я не вижу проблемы. Газета «Аргументы и факты» и «Из рук в руки» – тоже очень популярные площадки. Это нормально. Чем мы можем отличаться от такого рода площадок? – Тем, что мы больше отвечаем за содержание нашей информации – собственно, на этом строится любая репутация. Случается, медиа делают ошибки – значит, они публикуют опровержение. Медиа не стараются рассказать приятные вещи – это история о том, что происходит, а не как мы победим. В ненышней ситуации очень тяжело не заняться контрпропагандой, но у нас такой задачи нет. Поэтому всплеск интереса к отдельным публичным фигурам – это замечательно, он означает, что люди интересуются подобными вещами. Этот всплеск пройдет, когда будет что-то еще. Мне кажется важным, что делает, скажем, команда Навального, – у них есть два варианта: они либо будут заниматься пропагандой, либо изобретут медиа и станут нашими коллегами. Мне кажется, они сделали несколько шагов в сторону второго сценария. И сделали это, в принципе, неплохо. Словом,

* А. Арестович – внештатный советник Офиса президента Украины.
**М.Фейгин – юрист, занимался защитой представителей оппозиционного движения в РФ (в 2018 лишен статуса адвоката), ведет на YouTube «Фейгин-Live».

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 359

медиа рассказывают о том, как жизнь устроена, а не о том, кто здесь молодец. Не знаю, чем мне резюмировать... Давайте я про задачи скажу, потому что, мне кажется, мы будет это тоже обсуждать. Первая наша задача – это дать возможность людям в России меньше сходить с ума. Потому что ядро наших читателей чувствуют себя сейчас изолированными, понятно, – полностью разочарованными, напуганными... И с этими людьми надо просто разговаривать. Просто, чтобы люди меньше сходили с ума. Такая вот психотерапевтическая задача есть сейчас у медиа.

Вторая задача – это информировать и россиян, и тех, кто находится заграницей, что, черт побери, в России происходит. Потому что официальные российские медиа на территории страны больше с этой задачей не справляются и справляться не будут. Нет источников информации, находящихся внутри России.

Третья задача – собственно, почему мы назвались «Новая газета. Европа» – мы подумали: поскольку русскоязычных людей за пределами России в мире довольно много и, видимо, будет еще больше, нам надо понимать, *что* в таком контексте, как ЕС, в частности, должно быть... Не только НГ будет этим заниматься – будут появляться люди, которые от своего лица, на русском, заговорят о том, что происходит в ЕС, как развивается европейская политика и т.д. До последнего момента было ощущение, что русский язык – это язык немного экзотический, и он хорошо подходит тем, кто находится по ту сторону занавеса. Мне кажется, сейчас нужно строить институты, которые будут развивать русский язык как язык европейский. Это старая тема – и для Украины, и вообще для всех тех, кто считает, что этот язык не принадлежит российскому диктатору. Вот примерно такие у нас цели.

Анна Монгайт: У нас такая ситуация. Дождь – это особенная медиаформа, для нас чем хуже – тем «Дождю» лучше, к сожалению. Чем ужаснее события, тем больше у нас охват аудитории. Когда всё более-менее стабильно (мы уже, конечно, не помним, но бывают такие моменты), к «Дождю» дико просаживается интерес, люди не идут на «Дождь», они идут на какие-то другие ресурсы. Но так как в последнее время эти проблески благополучия не происходят, у нас всё – «супер», в смысле запроса на нашу информацию. Осознание этого очень неприятно, только за последнюю неделю [в сентябре] цифры «Дождя» выросли в три раза, – это отражает только одно: запрос на русскоязычное информационное видео-медиа огромен. Иллюзия, что, уехав за границу, мы потеряем свою аудиторию, потеряем с ней связь, – она не оправдалась. Связь сохраняется. Люди, которых разметало по всему миру и которые в другие волны эмиграции стремились бы к ассимиляции и к отторжению всего, что было связано с родиной, – сейчас вообще не такая ситуация, все ищут информацию

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 360

про Россию; это объединяет весь русскоязычный мир, и он довольно, в этом смысле, монолитен, как ни странно.

У нас есть некоторые проблемы как у медиа, которое релоцировалось, будучи систематизированным в России. Наша главная проблема в том, что нам не дают визы в Украину – и насколько я знаю, ни один человек с российским гражданством такие визы не получил, – соответственно, не имея визы, ты не можешь получить аккредитацию как журналист. <…> а для современного медиа – это, вообще, самое важное: рассказывать, что происходит в Украине, это главная новостная информационная точка, в ней всё сходится, – и увидеть своими глазами , а не только глазами украинских или западных ресурсов, – это ужасно важно. Это наша главная боль; мы всё время, пока работаем, бьемся над этим, с нами коммуницирует украинские аппарат президента и политики, но они боятся, видимо, давать нам визы, а может быть, это какое-то странное негодование [с их стороны]... не знаю, какой-то блок, который, в принципе, против всего русского и всего русскоязычного. Вот это наша главная проблема.

И вторая. Мы не можем дать безопасность, поддержку журналистам, которые работают с нами в России. То есть, с одной стороны, нас не пускают работать в Украину, а в России мы не можем поддержать людей, готовых на нас работать. Их довольно много, но мы ничего не можем им гарантировать. Получается, мы замкнуты в очень сложной ситуации, когда не можем своими профессиональными голосами работать в двух самых важных для нас точках. Думаю, что и «Новая газета» с этим сталкивается. И чем больше ухудшается политическая ситуация в России, тем важнее там иметь журналистов. Нам это не удается сделать.

А.Морозов: Я задам Вам два тяжелых, грубых и нелицеприятных вопроса. В нашей, в широком смысле, среде, обсуждается два вопроса. Первый. Вот «Дождь» – он уехал из России, а по взглядам вы – имперцы, как и были. И это в дискурсе чувствуется. Говорите свысока по отношению к другим народам. А вторая претензия – я часто ее слышу: вот они уехали – и что привезли с собой? То Мовчан*, то Пастухов**, то Мовчан, то Пастухов... Всё те же самые «говорящие головы». Рушится мир, – и мы не против, конечно же, и Мовчуна и Пастухова – это достойные люди, интересные интерпретации... А ведь мы сидим в ситуации исторической катастрофы!

А.Монгайт: Мы Вас давно не выводили в эфир?..

А.Морозов: Я не про себя , в данном случае, я вот – про молодых – будущее, которым принадлежит! Так вот, что с этим империализмом и с этими «говорящими головами»?

А.Монгайт: Про империализм нас уже спрашивал известный латыш-

* Андрей Мовчан – финансист, эксперт Московского Центра Карнеги.

** Владимир Пастухов – политолог, публицист. С 2008 года живет в Лондоне.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 361

ский режиссер...* Мы вообще пытаемся давать слово всем «малым народам». (*Говорит с иронией; смех в зале.*) У нас еще очень широко представлены евреи... (*Смех в зале.*) Да... Вообще, оказалось, что мы не готовы к такого рода претензиям. Нам казалось, мы приехали работать, мы не мешаем... стараемся всё, что делаем, делать максимально профессионально... стараемся задействовать всевозможные информационные каналы, чтобы быть максимально репрезентативными... Потом кто-то приходит и говорит: так вы же – имперцы!.. И мы тут пассуем, потому что к этому дискурсу мы вообще оказались не готовы. Потому что мы вообще не ощущаем себя имперцами. Да, Пастухова много, я принимаю. На самом деле, «головы», которые ходят из одного эфира в другой, – это востребованные эксперты. Но это огромная проблема всех медиа – с чего я и начала: нам очень трудно расширить круг людей, потому что для многих «Дождь» сигментизирован в России, мы почти перестали показывать другую точку зрения – показывать то, что называется «имперской», «провластной» <…>. Потому что пока мы были иноагентами, было несколько провластных политиков, депутатов, представителей департаментов [участвовавших в программах «Дождя»], потом им запретили разговаривать с «Дождем». Сейчас этих людей почти нет, – и мы чувствуем их нехватку, потому что мы перестаем давать им слово и понимать, что у них в головах, как они вербализуют это в нашем эфире. Они перестали отвечать на «неудобные вопросы» вообще – и это, скорее, для нас проблема. Найти депутата, который согласится к нам выйти после голосования по мобилизации, нам не удалось. Раньше всегда была пара человек, которые могли это сделать. И в этом главная сложность: мы замыкаемся в своей точке зрения. Не знаю, как решают этот вопрос коллеги, чувствуют ли эту огромную проблему.

Что мы обнаружили... Вначале у нас была концепция, придуманная Наташей Синдеевой, когда мы перезапускались, – чем отличается новый «Дождь» от старого: тем, что мы будем <…> такие Global Russians для всех русскоязычных в мире; мы будет площадкой, отражающей сложности и проблемы каждого региона и диаспоры. Там у нас будут офисы, там будут бюро – и они будут рассказывать об этом мире. Так вот обнаружилось – это специфика русскоязычной аудитории: ей вообще неинтересно, чем живут другие русскоязычные. Людям, живущим в Германии, не интересно происходящее в Израиле; латышским русскоязычным не интересно, что происходит в Эстонии... Их интересует реально только Россия. И только Украина. На этом они сходятся. Как-то расширить эту площадку, собрать-пересобрать это русскоязычное пространство не удается. Оно всё равно замкнуто на своей

* Речь идет о латышском театральном режиссере А. Херманисе, обвинившем телеканал «Дождь» в пропаганде имперского менталитета. Алвис Херманис (1965–), худрук Нового Рижского театра; обладатель «Золотой маски» (2010, РФ) и «Хрустальной Турандот» – за спектакль «Горбачев» (2021, РФ).

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 362

бывшей родине. Так было и пять лет назад: когда в заголовке была фамилия Путин – сразу реакция росла. Сейчас происходит то же самое. <...>
А.Морозов: Борис Банчевский – он в более сильном положении находится, поскольку медиа, к которому он имеет отношение, работает, как немецкий сельсхозяйственный комбайн, в течение многих деятилетий.
Борис Банчевский: 60 лет работает. Отвечая на вопрос, который Александр с самого начала задал нам троим, я должен сказать, что 20 лет назад, когда я уезжал в Германию, у русскоязычных медиа за рубежом было значительно меньше перспектив, чем сейчас. Спасибо за это российским властям и лично Путину. Другое дело, что та масса людей, которая приехала за последние месяцы и годы и в Германию, и в другие страны из России и других стран бывшего СССР, в большой своей массе – не эквивалентны по своим интересам, своим привычкам и, вообще, по медийному потреблению тем русским , которые живут уже очень давно за границей. Собственно говоря, фактор стажа жизни за рубежом – он важный, но он не определяющий, конечно. Определяющий – это ответ на вопрос, который человек задает сам себе: я уехал или я не уехал? Люди, которые понимают и честно говорят, что – «да, я уехал, я теперь – немец, француз, поляк с русскими корнями», – или «нет, наверное, я тут все-таки временно, перекантуюсь – потом, может быть, вернусь, но, в любом случае, я – русский, дети мои – русские, они должны учить русский язык и все мы читаем Пушкина и Достоевского». И это простое разделение в значительной степени, на самом деле, определяет и медийное потребление, и ожидания от русских СМИ, которые эти два сегмента аудитории, с моей точки зрения, имеют. Действительно, Deutsche Welle вещает на русском языке уже 60 лет, были разные периоды. Сначала это была «Немецкая волна» в диапазоне коротких волн, ее глушение и пр.; сегодня это, в основном, интернет, – глушение уже в иной среде... У нас нет своего русскоязычного канала, но мы сотрудничаем с коллегами, в частности, с телеканалом «Дождь», и это сотрудничество собираемся расширять. Я буду очень рад, если найдем какие-то точки соприкосновения с НГ; фактически мы работаем на разные сегменты, но у нас есть очень много общего.

Вот тут звучали имена новых «властителей дум» – которых у нас профессионально называют «инфлюэнсеры» – они, что называется, приходят и уходят; очень часто это вещи конъюнктурные, они зависят от конкретного момента и ряда случайных обстоятельств, а вот «Дождь», НГ и Deutsche Welle – они остаются. Мы все представляем собой несколько разные, но, в целом, фундаментально одинаковые традиции приличных профессиональных СМИ, потребность в которых у людей есть всегда. А за границей, мне кажется, сегодня – в особенности.

Что касается вопроса Александра о некоей монолитности... являемся ли мы неким единым процессом... Я думаю, что если и да, то только в части потребления. Потому что у нас совершенно разные

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 363

бизнес-модели. Мы являемся общественно-правовой компанией, «Дождь» и НГ – это частные предприятия. У нас разные возможности, мы все-таки – немецкое СМИ, которое вещает на русском языке, а «Дождь» сегодня является... формально латвийским СМИ?
А.Монгайт: Юридически – да.
Б.Банчевский: Фактически – это по-прежнему российский телеканал.
А.Монгайт: Сейчас очень изменилось определение, что такое «российский». Мы официально – *нероссийский* канал.
Б.Банчевский: У нас у всех, вероятно, теперь нероссийские юридические лица. Для коллег это новая ситуация. Но привыкнуть теперь, что [мы –] литовские, латвийские, немецкие, израильские, американские СМИ, которые работают на русском языке, – это, видимо, неизбежная вещь. Всё это очень сложные интересные процессы, которые ждут своего исследования. Мы находимся просто в их центре, можно сказать – в этом кипятке, в этом бульоне...

Я вижу здесь представителей СМИ, с которыми мы еще не сотрудничаем, – я считаю, что это надо исправлять. И мы очень рады сотрудничеству со всеми, в том числе и с отдельно стоящими инфлюэнсерами – пожалуйста, приходите к нам. Мы вам рады, поможем, чем можем. У нас есть такие возможности и, собственно, в этом состоит наша задача: траслировать независимую точку зрения на то, что происходит в России, вокруг России. И то, как это выглядит глазами немцев и европейской политики. Это есть наша некая сильная сторона. Потому что мы ближе к этому информационному источнику.
А.Морозов: Мы поняли, что через тебя мы можем передать наш крик о помощи каким-нибудь влиятельным немецким и даже европейским целым структурам. Прежде чем передать микрофон Марату Гельману, обращаю Ваше внимание, что все проекты Гельмана имели определенный аспект, связанный с Украиной, – и поддержка украинских художников, и контакты с украинскими литераторами. И я хочу напомнить, что сейчас Марат является одним из тех людей, который делает вместе с коллегами в Киеве новый медиа-проект под названием «Утро февраля». Я там тоже присутствую в разделе «Блоги». Для нас это очень важно, потому что «Утро февраля», находясь в Киеве, публикует российских экспертов на своих страницах... (*Называет несколько фамилий.*)
М. Гельман: Да, «Утро февраля» – это как раз такой пропагандистский информационный ресурс, такой анти-Первый российский канал. Изначально мы не делали вид, что мы – объективное средство массовой информации, мы – такое оружие в этой информационной войне, и наша задача – донести правду – украинскую правду – до публики в России. Проект родился из дискуссии о том, что мы можем сделать, как мы можем участвовать в войне на стороне Украины. То есть проект делают люди, которые считают, что поражение российской армии – это необходимое условие для того, чтобы в России произошло что-то хорошее.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 364

Наши сложности – другого плана, потому что мы находимся в Киеве, соответственно, мы больше всех, наверное, соприкасаемся с новым нарративом «не бывает хороших русских». При том, что очевидно находимся на стороне Украины, мы не можем сказать, что мы полностью поддерживаемся украинским обществом. И даже Илья Пономарев, на деньги которого это делается, – единственный депутат, который голосовал против аннексии Крыма, – всё равно эта сложность есть. Мы при этом работаем. Наша специфика в том, что мы можем дать другим русскоязычным СМИ, – у нас есть возможность работать в Киеве, в Украине, у нас есть и корреспонденты, и эксперты из Украины; мы стали одним из инициаторов канала Freedom – это официальный русскоязычный канал Украины, выходящий в Киеве. Я формулирую это так, что мы будем счастливы, когда наш канал закроется, – а он закроется, когда Украина победит. Хотел еще прокомментировать Анину боль по поводу региональных [интересов у аудитории]... Дело в том, что «СловоНово» с этим столкнулось. Мы начали работать первоначально с Русской Прагой, Русским Берлином, Русским Лондоном, Русской Венецией... По-моему, выход есть. В каждом из этих регионов иметь свой продакшин, свои полчаса. Тогда это поднимет и общую аудиторию «Дождя», и станет интересно этим регионам.

А.Монгайт: Дело в том, я говорила, что всем интересна только Россия. Им принципиально не интересно, что происходит в других регионах. Эта особенность российской аудитории была, кстати, замечена, когда мы еще никуда не уехали. Рейтинги того, что связано с внутренними новостями, и того, что связано с миром, разнились раза в два, минимум. Вот, кстати, я получила наши цифры: за август, до мобилизации, у нас 13 млн – это очень много. <…>

А.Морозов: То, как Марат формулирует проблему, она ставится в пропагандистском плане: концепция работы с носителями русского языка в разных странах. Он не призывает «Дождь» следовать этой концепции, он говорит, что с этим надо работать. И всё же я хочу дать каждому возможность ответить на вопрос: если бы внезапно высадились инопланетяне на большой космической тарелке и сказали бы: ну вот, что вам надо в вашем положении? Чего вы хотите? Финансовой поддержки, чтобы открылись какие-то бездонные немецкие фонды, которые финансировали бы ваши медиа? Или вам нужна какая-то политическая поддержка по части релокации журналистов? Чтобы по каким-то неизвестным причинам именно вас, российских журналистов, вносили на руках прямо и сразу в МИДы разных стран – прямо с черного хода? Или вам не хватает доступа к аудитории?

К. Мартынов: Очевидно, что если бы высадились инопланетяне, хорошо подготовленные и обладающие достаточным потенциалом, то наша коллективная просьба, кажется, была бы примерно общей. – Довольно короткий список предложений. На самом деле, проблем очень много,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 365

мне не очень хочется про них рассказывать, потому что мне кажется, что в целом как раз для медиа всё идет более-менее неплохо. Потому что мы уехали, большая часть наших коллег находится в безопасности. Некоторые, по разным причинам, остались в России – и похвастаться этим не могут, но если они захотят уехать, мы им поможем.

Очень большая дискуссия про эмиграцию. Я вообще ничего про эмиграцию не понял – не только потому, что в Риге довольно сложная культурная ситуация, такой остро чувствующийся фронтир между двумя мирами, но и потому, что я как сидел в феврале в Москве с ноутбуком, так и продолжаю сидеть в разных городах с тем же ноутбуком и заниматься тем же самым. Если бы я потерял работу – как меня, например, уволили из университета, вот это было бы очень обидно. Это действительно была бы тяжелая плохая эмиграция. У меня такого опыта нету. Мы сами себе работу нашли.

То, о чем стоит говорить и в чем нам с профессиональной точки зрения европейцы могли бы что-то посоветовать, – это, наверное, все-таки вопрос о том, что делать с людьми, которые репортят из России. Это очень тяжелая проблема. Нам нужны профессиональные журналисты, работающие в России; мы не можем никого туда отправлять, давать командировку в Россию – это как в Северную Корею, никто не в безопасности. Но есть волонтеры, грубо говоря. Эти волонтеры мало того, что они никак юридически не защищены – не только от физического насилия, или от тюремных сроков, – у них нет никакого статуса. Нет аккредитации, они не могут писать запросы, которые мы раньше так любили показывать, – чем мы отличаемся, собственно, от блогеров, – [показывать] мнение упырей, полученное через запрос, – или не полученное. Мы сталкиваемся вот с какой вещью: мы этим людям не можем даже нормально платить. Потому что санкции против России – это, среди прочего, прекращение всех легальных финансовых контактов с РФ. <…> Даже деньгами мы часто не можем компенсировать людям их риски. Даже если хотим. Тут есть какие-то решения – мы пытаемся стать такими... криптовалютными «баронами»...

Б.Банчевский: Вопрос Александра меня, как представителя германской общественно-правовой компании, ставит в тупик. Мы не ожидаем высадки инопланетян, рассчитываем только на себя, но если бы такое чудо случилось, я бы спросил у этих потрясающих существ, как нам преодолеть ярлыки, которые висят на некоторых СМИ, например, на нашем. Для какой-то части аудитории – по-прежнему очень большой – мы «вражий голос», и сам факт того, что мы вещаем из Германии, уже затыкает уши, закрывает глаза и все остальные органы чувств по отношению к нам... Вот как преодолеть барьеры? Вот главный вопрос, который меня занимает последнее время очень сильно.

А.Морозов: <…> DW на наших глазах гораздо раньше российских медиа попала под те санкции и под те ограничения в продвижении

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 366

своего контента, чем попало «Эхо Москвы», или «Дождь», или «Медуза». Когда эти издания еще работали на полном ходу, от DW уже отказывались в российских регионах, разрывали контракты. И тем самым перед руководством канала стояла проблема: как продвигать контент? В этом смысле, у них есть какой-то важный опыт, как я думаю.

М.Гельман: Я хочу сказать, что есть одна проблема – она была и до войны, и сейчас. И она как бы существует всегда. И она очень важна и, очевидно, инопланетяне – это как раз тот адресат, который, может быть, ее решит. Это – культурное издание. Культурное – желательно, бумажное. Это касается изобразительного искусства. И если раньше я думал об этом, как о какой-то проблеме для инопланетян, то сейчас, когда за пределами России огромное количество людей искусства и когда нам всем нужен какой-то в культурном смысле объединяющий нарратив, то может быть пришло время для создания большого русскоязычного культурного издания, в котором мы могли бы друг о друге узнавать, публиковаться, в котором те, кто русские, – а кто уже и не русские, а просто русскоязычные, – мне кажется, что такой журнал <...> в ближайшее время будет востребован, и это будет тот проект, в котором мы хотели бы принять участие.

А.Монгайт: Я хочу принять участие в нашей дискуссии об инопланетянах. Хотя хотела бы, чтобы они не прилетали – нам только инопланетян сейчас не хватает... У меня другая проблема – не знаю, к кому с ней обратиться. Мне продолжают накидывать цифры просмотров. За последнюю неделю, без сегодняшнего дня, – 20 млн просмотров. Это говорит о том, что во время мобилизации людям страшно, страшно нужна какая-то опора и информация. Главная наша боль в том, что рассказывая о том, что происходит, и трубя во все колокола, можно обращаться только к инопланетянам. Огромная сложность ситуации в том, что мы никому физически и реально не можем помочь. И тут я, конечно, восхищаюсь Красильщиком*, который придумал, наконец, медиа, в котором есть утилитарная помощь. И у них вот просто обрушение цифр. Люди обращаются туда не только за конкретными инструкциями, что делать, они обращаются туда за сервисной помощью. И сейчас стало понятно, что, как правильно сказал Кирилл, у нас очень большая терапевтическая задача, и просто утилитарная задача помощи. Мы можем не только рассказать, куда уехать, и помочь юридической информацией, – по цифрам можно судить, насколько эта опора нужна и какому количеству людей, – нам страшно не хватает какого-то ресурса, какого-то плюща, который дальше может людям протягивать эту руку. Ясно, что за последние полгода медиа страшно выросли в смысле своей транспарентности и своей многофункциональности, и понятно, что маленькие медиа частных людей могут работать равноправно с

* Илья Красильщик – медиаменеджер, бывший издатель «Медузы», бывший менеджер международных проектов «Яндекса» и «Яндекс.Лавка» (до апреля 2022); уехал из РФ.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 367

большими профессиональными медиа. Мы попробовали и тоже считаем, что это было полезно, – и нет уже этой жесткой конкуренции, как было в федеральном эфире и на больших каналах, где меряются цифрами, – вот сейчас этого всего нет. Наоборот, все стали проникаться друг другом, обмениваться информацией, делать совместные проекты, очень много появилось коллаборации. И мне кажется, что наш следующий ход – хотя я не вижу, как это сделать – сделать что-то, что даст возможность людям не только быть информированными, но и дальше помочь выживать в этой просто непредставимо жуткой ситуации, которую мы наблюдаем прямо в эту минуту.

А.Морозов: Во-первых, я хочу дать слово нескольким людям в зале. Я хочу попросить сформулировать свой «виш-лист», как я это называю, Олю Бычкову, «Эхо Москвы».

О. Бычкова: «Эхо» не пропало. Оно непонятно как разместилось в You-Tube в качестве канала «Живой гвоздь», может, кто-то об этом и знает. И это как раз иллюстрация того, что можно создавать СМИ [не только] в изгнании, как это сделали наши коллеги. Я с большим уважением отношусь к их именно профессиональной смелости. Потому что эта задача, о которой говорили Кирилл и Аня, – как сохранить информационную связь с Россией, которой от нас ждут наши слушатели, наша аудитория, как находить информацию, находить журналистов, не подвергая их при этом смертельной опасности, как это сделать практически и концептуально, профессионально, – я тоже этого совершенно не понимаю. Если бы я, например, работала в таком издании, как «Дождь» или НГ, я не знаю, как бы я это делала. Но «Эхо» пошло по другому пути. «Эхо» решило в качестве отдельного СМИ не возобновляться, мы просто делаем YouTube канал. Это, в каком-то смысле, – проще, в каком-то – сложнее, но речь сейчас совершенно не об этом. Я бы обратила внимание вот на что. Дело в том, что такие вот российские уехавшие, релоцировавшиеся, СМИ – они, конечно, полностью идут за своей аудиторией. Потому что аудитория, как это произошло с «Эхом», – хочет разговоров. Она хочет психотерапии, она хочет обсуждать и переживать вместе то, что происходит. И мы не можем игнорировать это пожелание людей, которые были с нами все предыдущие годы, десятилетия. У «Эха» без каких-то специальных усилий создания СМИ, без делания чего-то дополнительно особенного, сразу появилось несколько сотен тысяч подписчиков на канале. Что – не миллионы «Дождя», но тоже, на самом деле, совсем немало. И поэтому, я думаю, что судьба российских СМИ за рубежом полностью зависит от того, что будет происходить дальше с их аудиторией и вообще с Россией. Если вся эта наша *иммиграция* – скажем грубо и примитивно – затянется на долгие годы, то и российские СМИ будут находиться в том состоянии, в каком они находятся сейчас, развиваясь, может быть, как-то вширь и вглубь. Если что-то произойдет – прилетят инопланетяне –

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 368

и ситуация радикально изменится завтра или послезаврта, то и СМИ наверное, тоже вернутся туда, где они были, – неважно, в каком новом качестве. Они пойдут туда, куда пойдут их слушатели и зрители. Но что касается слушателей и зрителей – и, соответственно, СМИ – то мне кажется, здесь мы наблюдаем удивительную уникальную ситуацию, которой не было в предыдущих исходах, в предыдущих эмиграциях в 20 веке. Потому что сразу одновременно огромное количество людей – многие тысячи – оказались за пределами России. И это люди, которые имеют не только образовательный, общественный, человеческий и т. д. потенциал, капитал, который они везут с собой в своих чемоданах за границу, но это люди, которые за предыдущие пару десятилетий отработали привычку коммуницировать. Они научились общаться между собой, создавать разные организации, системы, сети, благотворительность, помощь, и всё, что угодно, <…> – это опыт, которого никогда не было раньше у русской эмиграции. И это опыт, который люди везут с собой. Мне кажется, что сейчас всё это может дать какое-то новое качество взаимоотношений внутри эмиграции. Моя надежда на то, что эта эмиграция может создать какое-то совершенно новое качество социальных отношений, политической платформы, культурных явлений и чего-то такого, чего не было раньше. <…>

А.Морозов: <…> Армен Захарян делает YouTube канал литературоведческий. Мы хотим, чтобы наша аудитория продвинулась в культурном, моральном и экзистенциальном осмыслении своего собственного положения, – так вот это в значительной степени возможно через литературу. Каким образом литературоведческий образовательный канал в состоянии выполнять какую-то миссию теперь уже в эмиграции?

А. Захарян: <…> Мне кажется, что – да, литература способна наводить мосты. В моем случае это работает через общение с подписчиками. Мне известно через статистику YouTube, что еще до начала полномасштабной войны 24 февраля, каждый восьмой зритель нашего канала территориально находился в Украине. И огромное количество комментариев мы всегда получали с названиями украинских городов. Связь отчасти прервалась, но какие-то люди остались. Это тысячи людей в Украине. Некоторых из них я просто встречаю на улицах в Варшаве, которые говорят: мы перестали смотреть весь русскоязычный контент, но смотрим вас. <...> Для них очень важно, чтобы их голос был услышан. И чтобы была услышана их боль, их позиция. И мне представляется, что для них сейчас – что касается не СМИ, а искусства, – очень важно, чтобы художник – любой – занимал позицию. То, что я слышал практически от всех наших зрителей из Украины: они не хотят, чтобы всё искусство переходило на агитационные рельсы и занималось пропагандой и агитацией; у них совершенно нет этого запроса, но они очень четко начали отделять искусство от художника. И если, с их точки зрения – а я ее совершенно разделяю, – искусство может оста-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 369

ваться неполитическим, так или иначе затрагивая какие-то актуальные вопросы, но не будучи элементом пропаганды, – то люди, которые это искусство создают, – очень важно, чтобы они заявляли свою позицию. Чтобы они каким-то образом солидаризировались с трагедией, которую переживает сегодня весь мир и прежде всего – Украина.

А.Морозов: Хотя все, и Ксения Лученко, будут выступать еще на своих панелях, поскольку она – медиа, – как она мыслит журналистский виш-лист. Что нам надо?

К.Лученко: Мне кажется, это уже третье обсуждение «Как жить эмигрантским медиа?» за последние полгода, на которых я была, – последнее буквально на днях в Тбилиси. Там была совершенно другая публика в смысле наших русскоязычных медиа, было очень много молодых, активных – которые проходят на грани медиа-активизма. Как грибы выросли эти small-медиа, которые, как мне кажется, поджимают снизу всех этих гигантов, я уже перестала их различать. <...> И если начинать виш-лист, мне бы очень хотелось, чтобы у них получилось друг от друга отличиться. Мне кажется, [вопрос], чем отличается медиа, с одной стороны, от блогов, а с другой – от пропаганды, теперь встал в новом виде: очень легко и очень всем хочется стать активистами и смешивать журналистскую работу и активизм, <...> просто дать две точки зрения – уже выглядит каким-то идиотизмом. Кроме того, я знаю, что у больших медиа есть серьезные проблемы с подачей, так сказать, «второй» стороны (даже не знаю, как этично это сформулировать...), но если совсем грубо, то ни одного плохого слова про Украину, даже слова, которое может показаться кому-то критическим, невозможно пропустить даже через редакторов очень профессиональных, очень крупных СМИ. Совершенно понятно почему. И с этим очень трудно что-то сделать. Вопрос встал: как нам при этом оставаться журналистами? И, одновременно, не занять циничную позицию «над схваткой»?.. И если не говорить о деньгах и о визах, то я бы попросила инопланетян, чтобы классическую журналистику переосмыслить в этой новой ситуации.

А.Монгайт: Это, кстати, ужасно важный вопрос: что делать с освещением Украины? Потому что ты не можешь усомниться в правильности вообще всего, что происходит там. Что бы там ни происходило, усомнившись, ты – во-первых, как носитель русского языка, – тут же превращаешься в «оккупанта», тут же в восприятии аудитории оказываешься на «той» стороне... Но та же самая проблема возникает со странами, которые нас приютили. Не знаю, как решает эту проблему НГ, мы – просто в тупике. Мы, с одной стороны, действительно им очень благодарны за то, что они дали нам возможность работать, помогли с лицензией, действительно – это не образ – *приютили*. Мы там работаем большой командой. С другой стороны, что бы мы ни сказали, это воспринимается как грубость в доме, в котором ты в гостях, – и вдруг начинаешь критиковать хозяина. И тут действительно непонятно, как

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 370

быть. Совсем про них не говорить – это тоже странно: вы у нас живете и совсем про нас не говорите... А когда начинаешь говорить – появляется тень огромного Херманиса, которая нависает над всем, что мы делаем. <...> И с Украиной очень тяжело. (*Короткая полемика.*)

К.Мартынов: ...Я просто услышал знакомое слово: «философский вопрос», поэтому не мог не прореагировать. Проблема такая есть, она мне не кажется избыточно сложной. Потому что есть как бы более серьезные проблемы. Мы для себя ее так решаем: если завтра у нас появится информация, что правительство Латвии ест младенцев, – мы ее опубликуем. Вне зависимости от последствий. Если у нас появится информация, что ВСУ совершает военные преступления против пленных или гражданских, мы тоже ее опубликуем. Вне зависимости от того, что будут говорить про «хороших» русских. Вопрос общественной ценности той информации, которую вы публикуете, по-прежнему является ключевым в этой этической дискуссии. А вот, например, драму с памятником Освободителей в Латвии я очень плохо понимаю. Я не понимаю, почему за 30 лет люди не придумали для себя какой-то другой идентичности, кроме памятника Советской Армии, которая для остальных является символом оккупации.

А.Морозов: По поводу постановки вопроса Ксенией Лученко. Поскольку ни «Дождь», ни НГ, ни старые здесь находящиеся медиа не проделали, да и не могут проделать той работы по «преодолению языка», который привел нас к войне, а до этого они, конечно же, не могут ничего писать про правительство Чехии, <...> мы сидим двумя ногами в своем старом дискурсе, считающими себя, в той или иной степени, имеющими право на суждение. А наше право на суждение сейчас под очень большим вопросом.

(*Далее – широкая дискуссия с участием зала*)

Комментарий редактора

Я с особым интересом вчитывалась и вслушивалась в материалы Форума, присланные мне его организаторами. Это было поучительное и крайне важное занятие. Надеюсь, таковым оно станет и для читателя НЖ, с которым хочу поделиться своими наблюдениями и мыслями. Будем считать это вкладом новожурнальцев в дело «СловоНово».

В выступлениях многие участники проводили параллель между своей «релокацией» и предыдущими потоками русской эмиграции – и это важный для НЖ и для диаспоры контент. (Сразу оговорюсь, чтобы далее не возвращаться: «русская эмиграция» – устоявшийся термин, описывающий феномен многонациональной русскоязычной иммиграции XX века.) В год 100-летия «Философского парохода» (см. Конференцию НЖ, посвященную этой дате, на сайте журнала www.newreviewinc.com) иммигранты 2022-го стали говорить о «философском самолете», описывая массовый исход российской оппозиционной интеллигенции и мужского населения призывного возраста из РФ после начала Украинской войны. Но есть ли у нас действительные основания проводить параллель между теми пароходами и поездами, на кото-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 371

рых отправились изгнанники в 1922-м, и нынешними самолетами? – Полагаю, что нет. Исторический «философский пароход» увозил в неизвестность свет академической науки Российской Империи, ее интеллектуальную элиту. Они не признали власть большевиков, совершивших переворот в октябре 1917-го, а их авторитетный голос – отражающий различные политические взгляды, но неизменно *антикоммунистический,* – в России представлял угрозу власти своим влиянием на умы (известная цитата Троцкого: убить оппозицию было не за что, а оставлять – опасно). В изгнании же этот всепризнанный европейскими и американскими интеллектуальными, академическими и политическими кругами общий авторитет был использован для организации и поддержки антибольшевистской борьбы эмиграции (скажем, деятельность П. Сорокина, Н. Бердяева, А. Кизеветтера, Н. Котляревского, Н. Лосского, С.Прокоповича, Е. Кусковой, а также Б. Бахметева, А. Керенского...). Согласитесь, что нынешняя иммиграция заметно отличается от пассажиров «Философского парохода» – представленная левой антипутинской оппозицией писателей и журналистов – людей, уважаемых в стране, но пользующихся ли необходимым авторитетом для создания лобби? – Кажется, что нет.

Уникальность нынешней иммиграции и не в том вовсе, о чем говорит О.Бычкова из «Эхо Москвы»: «...мы наблюдаем удивительную уникальную ситуацию, которой не было в предыдущих исходах, в предыдущих эмиграциях в 20 веке. Потому что сразу одновременно огромное количество людей – многие тысячи – оказались за пределами России». Три миллиона (а некоторые считают, что и пять) российских беженцев после 1917-го, полмиллиона послевоенных дипийцев – только в США, еврейская массовая иммиграция 1970-х (и еврейская первая волна – в 1910-х...) – даже странно не знать этих цифр... Ну, хорошо, пусть не цифр – но факта существования океанских волн прежних исходов... Не «работает» и предположение А. Монгайт о тех, «которых разметало по всему миру и которые в другие волны эмиграции стремились бы к ассимиляции и к отторжению всего, что было связано с родиной» – ему противоречат и более искушенные в исторических делах участники форума. Правда, они обвиняют уже не за «стремление к ассимиляции», а за нежелание эмиграции адаптироваться в социуме страны-реципиента. Вот как об этом, в частности, говорит Р. Либеров, участник круглого стола «К 100-летию Философского парохода: некоторые уроки первой эмиграции»: «Психологическая проблема, которая распространялась на весь быт, заключалась еще и в невозможности ассимилироваться. <…> Они вывезли Россию и называли себя не просто ‘русским рассеянием’, а альтернативной Россией, Россией в изгнании», «никакой новой идеи не появилось. И, к сожалению, это привело ко всем урокам и ко всей трагедии, что основная идея русской эмиграции была – возвращение». «Зацикленность на себе», «нежелание встроиться», «Русская эмиграция была озадачена спасением самоё себя. И эта миссия по спасению самоё себя, в общем, провалилась»... Тут и до пресловутого «эмигрантского чемодана» рукой подать. И он, конечно же, появляется в дискуссии: «...замыкание в собственной среде. И желание как бы жить на чемоданах, и желание вернуться – оно привело ко многим трагедиям...» (Е. Деменок). Образ «чемодана» всегда широко эксплуатировался в советских исследованиях по истории русской эмиграции – на что же еще посадить несчастного, бездомного неудачника, который пропадает без счастливой родины, без обетованной страны?.. Эмиграция и не подозревала, что безобидный их саквояж, верный спутник

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 372

странствий, окажется столь опасным пропагандистским оружием в руках коммунистов. Подобных советских штампов об эмиграции за предыдущие сотню лет запущено множество: цыганские песни Алеши Димитриевича и Юла Бриннера в русском Китае и в Париже сворачивались в образ эмигранта в ресторанном – нет, лучше, в *кабацком* дыму; творческие диспуты в кафейнях Монмартра – в наркотическую пелену, а борьба РОВС – в идею-фикс о реванше у обезумевших белогвардейцев... Могу лишь предложить байку от рода Голицыных о том, как старик Голицын держал в Нью-Йорке под кроватью маленький чемоданчик: на случай, ежели красные постучат в дверь, – и тогда он – прыг в окно с сим саквояжиком, и ищи ветра в поле... Бесплодная ностальгия в этой истории не просматривается, признаем. Впрочем, ностальгия была. Да у какого же нормального иммигранта – русского, поляка, ирландца, итальянца, еврея, украинца и иже с ними – нет ностальгии? Это вполне естественное чувство, сопряженное с глубинами психологии человека, лишенного привычной среды обитания. Не вижу в том ничего специфически «русского» и, тем паче, порочного. В литературе эта тоска породила подлинные шедевры. Понятно мне и неосознанное желание новых иммигрантов дистанцироваться от прежней «истории»: мол, мы – иные, мы – преодолеем...

Гораздо более серьезные возражения вызывает упрек в том, что «унесли с собой Россию» (Лимберов) – и тем самым обрекли себя на «недееспособность» и сектантство. Трилогия Романа Гуля «Я унес с собой Россию», к которой, собственно, обращают нас, имеет подзаголовок: «Апология эмиграции». И это важно: интерпретация эмиграции как *материализации имманентного права человека на свободу* – вот о чем пишет Гуль в своем трехтомнике воспоминаний. Дилемма формулируется Гулем так: выбирать ли Россию без свободы или свободу без России? – и решается им она однозначно: родина без свободы ему не нужна, он выбирает свободу, уносит с собой *свободную* Россию и воссоздает ее там, куда забрасывает рок. Так поступали и до него: Курбский – в Польше, Герцен – в Англии да Швейцарии, постреволюционная Белая эмиграция – в Берлине, Париже, Нью-Йорке, Шанхае, Праге, Софии.... «Россия в изгнании», о которой упоминают участники круглого стола, – это именно та – спасенная, унесенная, свободная и *подлинная* Россия (не случайно и «Э» оборотное в слове *эмиграция* – вопреки грамматике: важно было *откуда* уехали и какие задачи поставили перед собой. Об этом много писалось.). «Российский текст» они воспроизвели в полном объеме в странах, где оказались. Один из первых академических исследователей эмиграции Марк Раев, профессор Колумбийского университета, писал о «России в миниатюре»: была выстроена вся социальная и культурная структура России – от детских садов до университетов, от литературных кружков – до типографий; свои театры, киномануфактуры, церкви и военные соединения... Странно в таком контексте говорить о провале миссии, да даже и о бездеятельности эмиграции. Разве для эмигранта задача освобождения России от диктатуры не является определяющей?.. – почитайте известную статью Федора Степуна о типах эмигрантов «Родина, отечество и чужбина» (НЖ, № 43, 1955): эмигрантом имеет право называться лишь тот, кто не оставил идею освобождения родины (остальных точнее было бы назвать беженцами). Говорить о том, что «никакой новой идеи» не появилось, что «миссия по спасению самоё себя провалилась» по меньшей мере странно. Но – не впервой. Вспоминается давняя дискуссия 1950-х, когда дипиец, полный амбиций свежеиспеченный послевоенный

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 373

иммигрант Николай Ульянов, будучи еще в Марокко, тоже обвинил старую эмиграцию в бездеятельности и замшелости. Ему ответил тогдашний главный редактор НЖ Михаил Карпович, профессор Гарварда, – о миссии, о вкладе старой эмиграции в свою и в мировую культуру и о задаче продолжать борьбу: ибо эмигрант – это именно политический активист, всеми средствами приближающий освобождение своей родины. (Кстати, Ульянов стал позднее одним из заметнейших интеллектуалов-активистов диаспоры.) Хотя можно ассимилироваться и стать свежеиспеченным латвийцем, американцем... Вам выбирать...

Важно: сохраненная и развитая в европейском контексте русская культура была в разных формах и в чистом от коммунистической накипи виде принесена в Россию 1990-х (а до этого – переносилась тайком, на протяжении века теми самыми белогвардейцами и их детьми – РОВС, НТС и пр.) – иначе откуда бы молодым-то участникам нынешних дискуссий знать о Набокове, Поплавском, Мандельштаме, Бунине, и даже Шаламове, впервые опубликованном на страницах НЖ; о борьбе белых офицеров и даже о Магеровских (мой старший коллега Е. Л. Магеровский, офицер Армии США, был истинным рыцарем «белой идеи», ее отважным нелепым Дон Кихотом – а не бежал от «красных», как то трактует Лимберов. Его отец, белый офицер, – один из создателей РЗИА и Бахметевского архива). Советская интеллигенция вырастала на самиздате, формировала свою оппозиционность на неподцензурной литературе, – а это на 90% состояло из сформулированного, написанного и напечатанного в эмиграции. В противном случае так бы и жили с фадеевыми и гениальными ильфами-петровыми да с Лениным в качестве национального героя и главного любителя детей... Всё богатство истинной независимой русской культуры и государственности хранилось, развивалось и переносилось через железный занавес именно русскоязычной диаспорой. Ею и воспитывались новые и новые ряды российской оппозиции. Из этого, собственно, возникли и российские 1990-е – а откуда бы им взяться после 70 лет диктатуры, террора и страха?! Признаем этот факт.

Говорить же об изолированности, сектантстве и прочих фобиях эмиграции просто не приходится. Безусловно, любое многонациональное сообщество в попытках сохранить тексты родных микрокультур, «держит осаду» – создает национальные школы, кучится вокруг Церкви, зачинает свои национальные медиа – так поступали и евреи в начале прошлого столетия с «Forward» и «Новым русским словом», и поляки, ирландцы, итальянцы – примеры известны. Ничем в этом ряду от них не отличалась и российская диаспора (русская этническая эмиграция порождала Дом Свободной России, украинская – две Академии (Восточной Украины и Западной); еврейские культурные центры, общества казахов-эмигрантов и татарские ассоциации и т.д.). Не заметить вклада русской эмиграции в мировую науку, промышленность и культуру – просто невозможно: белоэмигрант В. Зворыкин с Д. Сарновым, российским эмигрантом сионистской волны нач. 20 века, создали телевидение – *американскую* корпорацию; всё летающее-стреляющее принадлежит в США гению И.Сикорского; европейский балет – весь из труппы Дягилева, американский – от Баланчина; химик Ипатьев, социологи Сорокин и Тимашев, историк Карпович... Гарвард, Стэнфорд, Йельский, Колумбийский, Нью-Йоркский университеты – перефразируя известную французскую поговорку, скажем: «копни» американские университеты – и обнаружишь русского ученого-эмигранта... О каком еще соединении и адаптации может идти речь?.. Когда

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 374

работаешь – адаптируешься и «встраиваешься» по воле и помимо воли. Нужно просто встряхнуть свое знание об эмиграции – и советские стереотипы отлетят шелухой!

Печально, но именно из советской интерпретации текста «Эмиграция» возникает и мнение, что ей было присуще «имперское мышление... и мнение о том, что как бы Россия, Российская империя – это великая страна», а «какие-то вообще непонятные прибалтийские страны – ну что это за убожество...» – вслед за сим участниками дискуссии делается вывод: «Во многом и это зацикливало и закукливало российскую эмиграцию в собственной среде, потому что они не воспринимали страны, в которые они попали, как равноценные и равнозначные» (Е. Деменок). Руками бы развести этот туман. Была ли Российская Империя великой страной? – Да, это исторический факт. Именно из-за проблем с переделом зон влияния и выявления нового мирового лидера, в коем сюжете Российская Империя играла первые роли, и началась Великая война 1914-го (на всякий случай, «Великая» – это официальное название Первой мировой): три империи поспорили меж собой, а выиграли США – и стали новым мировым лидером. Good for them... Говорить об имперском сознании выходца из империи – легко! Ну какое же еще сознание должно быть у человека, воспитанного... на Киплинге, скажем?.. Однако любой исследователь эмиграции, опираясь не на расхожие стереотипы, а на факты и документы – отражение менталитета эмигранта, – развеет и эту сказку. Кто-то был и с имперским, кто-то – с либеральным и даже с революционным... Кто-то мечтал о возрождении «единой и неделимой», а кто-то – о демократической и буржуазной... Кому не нравилась Прибалтика – уехал в Париж (а Юрий Иваск до оккупации Красной армией Прибалтики так и жил там), кого раздражал «левый» Париж – переплыл в тогда консервативные Штаты... Видеть «имперскость» в желании свободы для захваченной бандитами родины – странно.

Видеть имперскость в превозношении своей нации над другими? – Обычно это называют иным словом: *национализм*. Был и он, но не он определял жизнь диаспоры. Человек всегда обитает в конкретном историческом контексте, сформированном рядом прошлых обстоятельств и идеями о будущем. Я вспоминаю спор, возникший совсем недавно, о котором вскользь упоминает Анна Монгайт в публикуемом материале, – о заявленном Т. Дзядко, телеканал «Дождь», праве на открытое выражение своего мнения русским каналом, находящимся теперь на территории Латвии, – и об отпоре, который телеканал получил от латышского режиссера А. Херманиса: мол, если вы на нашей земле, придерживайтесь нашей точки зрения. (В результате, на сегодня в прибалтийских государствах прекращено вещание телеканала «Дождь»... Такую вот «услугу» оказали прибалты российской автократии...) А ведь Латвия никогда не была империей... Можно – нужно и правильно – говорить об оккупации латвийской земли Красной армией, но надо бы вспомнить, что коммунисты были интернационалистами; единственной признаваемой ими «нацией» был международный пролетариат, интернационал; хорошо бы вспомнить и о своих, «родных красных», о латышских коммунистах – сразу приходит в голову несколько кровавых имен: чекисты Лацис и Петерс – соратники Дзержинского; Вацетис, первый главнокомандующий Вооруженными силами РСФСР, латышские стрелки... С ними особенно интересно: Херманис в одном из интервью восхищается стрелками как национальными героями Латвии и сетует – мол, жаль, его дед не был в их рядах... А сдается мне, в том,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 375

что не был, – главная заслуга деда: не держал штык, на котором большевики утвердили свою власть, – включая и Латвию (молчу уже о том, что первоначально латышские стрелки были военным подразделением Российской Императорской армии в Великой войне – вполне «имперцы»). Так не пора ли выбросить навязшие *советские стереотипы*, отказаться от штампов?..

Был брошен эмиграции и еще один упрек – в разрозненности; в том, что она не сплотилась в едином порыве и потому, якобы, оказалась бессильна в выполнении своих задач: «...один из негативных уроков, и, кажется, мы сейчас попали в ту же самую ловушку, – это невозможность внутри русской эмиграции объединиться» – замечает Б. Лимберов, и признают все участники форума. Надо сказать, что в этом – в разрозненности – упрекали себя и старые эмигранты. И попытки объединиться они делали – не стану приводить примеры, ибо пишу все-таки комментарий, а не научный труд (но советую почитать НЖ за 80 лет – многое откроется). Здесь приведу лишь один аргумент в защиту диаспоры: в любых своих политических пристрастиях и направлениях борьбы она всегда была и оставалась антикоммунистической, антисоветской, анти-ленинской, анти-сталинской, анти-прочая-прочая... Поэтому, создавая многочисленные политические и социальные организации «по образу и подобию своему», она давала воздух для общеэмигрантской солидарности (что проявлялось и в антибольшевистких демонстрациях, протестах и петициях в межвоенный период, в 1950-80-е, в нынешние времена). Да не нужно объединяться монархисту с либералом, не нужно усреднять свои идеи и задачи – это ложное целеположение. Мир идей, как и мир поступков, силен своим разнообразием. Любые попытки сформулировать «общую национальную идею» приводят к автократии, тоталитаризму и диктатуре, к идеократиям – антисистемным образованиям. Живая реальность старой и нынешней диаспоры, по счастию, всегда была избавлена от этого.

Да, нынешним новым иммигрантам легко объединиться – все они представляют либеральную оппозицию. Но вне диаспоры они не смогут сделать ничего, тем паче – собрать лобби. И придется признать, принять и есть из ее, диаспоры, «идейного котла». Жизнь всегда нас опрощает, лишает амбиций, – в сторону мудрости. А если реальность отрицать – ждет фиаско. Хочется процитировать Дмитрия Петрова, участника форума: «В чем сходство этих людей [эмигрантов] и в чем их урок? Это были люди, которые не сдавались, а сражались всю свою жизнь. Они не сдавались ни обстоятельствам, ни конкретно врагу, ни большевикам, ни жизненным проблемам. Они встраивались, они боролись, они добивались. Это, видимо, то, что сейчас очень многим, и тем, кто сейчас стоит на границе, придется делать».

И уж как пора увидеть, что в своем рассеянии русская эмиграция выстояла, выстроила себя и диалог с культурами, в контексте которых она живет и работает. Она функционирует в общем гипертексте мировой цивилизации как ее неотъемлемая часть. Пора признать, что это самостоятельный мир, а не провинция Российской Федерации. Что перед новыми иммигрантами стоит *главная задача*: наладить отношения с диаспорой, как бы она ни была на них непохожа. Точнее – они на нее не похожи. Менталитетом, стилем жизни, стереотипами, амбициями. Но работать и жить нам вместе еще не одно десятилетие.

В публикуемой записи круглого стола К. Мартынов признается, что у него возникло «ощущение, будто до появления новой февральской иммиграции в мире не существовало ничего на русском». Ну что тут сказать?..

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 376

Оторвитесь от компьютера, выйдите на свежий воздух, оглянитесь. Во всех странах рассеяния вот уже сто+ лет работает русскоязычная пресса. Да, она разная по уровню и по охвату аудитории, – так всегда бывает с естественно сложившейся, а не идеологически выстроенной, системой СМИ, в любой стране. Стоит ли это объяснять профессионалу? Здесь важно другое: русскоязычные СМИ – даже и самые влиятельные – входят в структуру *этнических* средств массовой информации – в силу языка, на котором работают. Они обслуживают свои диаспоры, даже плотно сотрудничая с иноязычной интеллектуальной аудиторией, как в случае с НЖ. Надо понять и то, что все релоцированные в Европу российские СМИ – это тоже теперь *часть этнической инфраструктуры*, часть «русского текста» в мировой культуре. Не более и не менее. Причем – в состоянии *становления*, без надлежащего пока опыта работы с новой аудиторией. И если этнический статус не подходит вашим амбициям и планам на жизнь и работу в Европе – забудьте русский язык, переходите на язык той страны, где вы оказались (вообще, правильнее было бы его выучить, чтобы понять хотя бы – за что и как вас не любят). И это будет не менее долгий тяжелый путь адаптации, чем освоение этнического «текста». Современная диаспора представлена аудиторией свыше 30 млн человек с более чем вековой историей в разных культурных гипертекстах. Соглашусь с давним эмигрантом Б.Банчевским: новые иммигранты из РФ «не эквивалентны по своим интересам, своим привычкам и, вообще, по медийному потреблению, тем русским, которые живут уже очень давно за границей». В современном старом и устоявшемся мире вообще странно играть роль Нового Адама на новой земле.

К.Мартынов формулирует и главную задачу перед оказавшимися в иммиграции российскими оппозиционными СМИ: работать с российской аудиторией. Надежда работать из-за границы на российскую аудиторию прекрасна – как любая надежда спасти человека и родину. Но в любом альтруизме много прекраснодушия и мало реализма. Прежде всего, существуют и успешны еще со времен Холодной войны государственные СМИ, работающие из-за границы на РФ. И как войти в эту структуру позиционирующим себя *российскими* СМИ?.. Но есть и иные проблемы. Свои трудности в нынешней работе для российской аудитории участники форума описали достаточно полно. Важно лишь добавить: ситуация, сложившаяся в России, не сегодня создана. Она лепилась все предыдущие двадцать лет; это удачно разработанная стратегия и реализовавшаяся тактика построения автократической государственной системы. В которой есть одно (но важное!) «слабое звено»: искусственно возвращая страну в советский формат и пытаясь задним числом построить «в одной, единственно взятой» стране государственный капитализм китайского образца, зодчие этой идеи вступили в спор с самой историей, пытаясь повернуть ее вспять. Из Октябрьского переворота они не вынесли его главного урока: Октябрь обречен был с самого первого дня. Однако – что важно для нашего разговора: эта антисистема выдержит, кажется, пусть и не семьдесят, но лет эдак двадцать. Целое поколение пойдет на удобрение ее посевов. История ведь сколь справедлива, столь и жестока. Поэтому вряд ли участникам Форума-2022 удастся вернуться в обозримом будущем; скорее, придется свыкнуться с их положением иммигранта. Или – эмигранта? Но в этом случае нужно будет все-таки прийти к диаспоре и заговорить с нею. Она – мудра, не амбициозна и – априори свободна.

Нью-Йорк

Лесли Чемберлен

Удивительная история советского Спинозы

или Опасные танцы с большевиками

Когда после 1991 года советские архивы открылись на короткое время, среди бумаг ЦА Министерства безопасности была обнаружена удивительная предсмертная записка. Один из ведущих государственных философов под давлением Сталина в 1931 году планировал покончить жизнь самоубийством; причиной же его отчаяния был тот факт, что своим учителем он считал не Ленина, а... Спинозу. Имя этого философа – Абрам Моисеевич Деборин. И если бы история повернула иначе, Спиноза мог бы в Советском Союзе стать основным негласным мыслителем. Возможно, это не изменило бы политическую реальность, но философия сама по себе спаслась бы как нечто большее, чем изложение марксистско-ленинских фантазий.

СПИНОЗА В РОССИИ

Деборин оставил о себе весьма интересную историю, мало известную на Западе. Он родился в 1881 году, окончил Университет в Берне, Швейцария. В середине 1920-х он казался Ленину лучшим философом в Советской России.

По правде говоря, мало кто мог сравниться с Дебориным после высылки Лениным из страны на «Философском пароходе» ведущих академиков – философов, социологов и экономистов. С семьями, вместе с выдающимися религиозными философами, эти нежелательные педагоги и академики заполнили два парохода, отплывшие с двумя сотнями изгнанников на борту.

Без них Ленин попал в весьма затруднительное положение в поисках штата для только что основанного Института красной профессуры в Москве. Деборин, казалось, обладал уникальными возможностями преподавать на необходимом уровне, но ему не полностью доверяли. Проблема была в том, что он начинал как меньшевик, а меньшевизм был направлением, которое Ленин уже отбросил в прошлое. Когда-то Ленин боготворил лидера меньшевиков Георгия Плеханова, однако затем меньшевизм показался слишком близок к

© LESLEY CHAMBERLAIN. 2022. Лесли Чемберлен – английский исследователь истории русской религиозной философии и истории русской эмиграции; автор книги *The Philosopher Steamer: Lenin and the Exile of the Intelligentsia* (2006).

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 378

немецкой социал-демократии, не хватало ему и революционного потенциала. Словом, сказал Ленин, – за Дебориным надо понаблюдать.

То был решающий момент и для Спинозы – так как Плеханов восхищался им. Был ли Спиноза, столь почитаемый меньшевиками, приемлем для советского общества? – И если да, то в какой степени? Дебаты на эту тему длились десятки лет, в течение которых Деборин вместе с коллегой и единственным реальным его соперником в Институте – Любовью Аксельрод – были попеременно превозносимы и поносимы.

Деборин и Аксельрод были марксистами, преподававшими историю западной философии. Аксельрод верила в аксиому Спинозы о логической необходимости законов Вселенной, тогда как Деборин полагал, что оптимизм Спинозы, чувство коллективного разума и этическая озадаченность, как жить «правильной» жизнью, и составляли тип философии, пригодной для Советской России. Они оба утверждали, что – подобно правоверному марксисту – Спиноза был материалистом и атеистом, и в этом качестве философия Спинозы становилась уникально удобной, потому что она давала систематическое обоснование, почему именно идеи марксизма и атеизма – правдивы и необходимы обществу. Троцкий соглашался с Дебориным и Аксельрод. Он признал, что проблема для революционеров, когда они дают идеологическое обоснование новому государству, заключается в том, что Маркса и Энгельса, хотя и мастеров полемики, трудно назвать систематическими философами. К несчастью, Троцкий весьма скоро перестал быть самым подходящим политическим союзником. Но он оставался честным приверженцем Спинозы.

Деборин был согласен с Троцким, что Советскому Союзу нужна философия в качестве основной дисциплины. Роль философии, по Деборину, состояла в том, чтобы помочь прояснить ценности нового государства и получить руководство к действию. Но в реальности было не так легко защищать заявление, что Барух Спиноза был материалистом и атеистом.

Рожденный в 1632 году в Амстердаме, Спиноза являлся членом городской диаспоры португальских евреев – сефардов; он регулярно посещал синагогу (пока не был отлучен); он часто сочинял «доказательства бытия Бога». Тем не менее, его материализм можно было признать. Спиноза учил, что мир – это единая субстанция, или организация, «Бог или Природа». Однако его критики говорили, что его философия все-таки метафизична, если не религиозна, в определенном смысле. Другая проблема состояла в том, что Спиноза не прошел школы Гегеля, как Маркс. Так, в отличие от Гегеля и Маркса, его объективная Вселенная была статична, он не связывал ее с историческим развитием. Тогда как страна, которая к 1924 году стала Советским Союзом, нуждалась в динамичной философии исторического прогресса.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 379

Ранние советские приверженцы Спинозы пытались ответить на национальные запросы, при этом дистанцируясь от западного прочтения наследия философа. Спиноза для Запада был великим рационалистом и гуманистом, определенным образом ассоциировавшимся с Французской революцией. В Советской России 1789 революционный год считался не то чтобы плохим, но знаменовал собой триумф буржуазии, а не нового эмансипированного советского и мирового пролетариата.

В 1927-м, в год 250-летия смерти Спинозы, Деборин отправился на конференцию в Гаагу, нацеливая себя на скрытые идеологические дебаты о мыслителе в интепретациях его наследия Востоком и Западом. Он услышал оратора от Лиги Наций, восхвалявшего Спинозу как сторонника мира, чья философия была сравнима с христианством. Деборин был взбешен. Сидя в зале, он шептал: «Наглый лжец... Единственный наследник Спинозы – это современный пролетариат!» («Spinoza in Soviet Philosophy», George L. Kline, ed, 1955). Идея Деборина была в том, чтобы Советский Союз предъявил уникальное право на Спинозу как на свой направляющий философский свет.

Русская философия только что испытала свою собственную Октябрьскую революцию, отмеченную фактом высылки пассажиров «Философского парохода» пятью годами ранее. Утверждая курс на новую цивилизацию, из философии должен был быть исключен метафизический идеализм и, конечно же, любые проявления метафизики, включая религиозные верования. Здесь очевидны параллели с логическим позитивизмом в Вене или Бертраном Расселом в Кэмбридже в то же самое время. Подобно тому как на Западе в первой половине 20-го века возросло искушение определить метафизику как «нонсенс» и рассматривать ее в контексте общих идей Просвещения, так русская философия, от имени самой Советской России, разрабатывала тот же самый сюжет. Но в России это было не только предметом академического спора. Ставкой стали всё жизнетворчество и сама жизнь.

СПИНОЗА – МАТЕРИАЛИСТ И АТЕИСТ

Анализ обсуждений в Советской России наследия Спинозы в 1920-х показывает нам сегодня, от положения к положению, как оптимистический социальный коллективизм и вера в научный прогресс становились краеугольным камнем советского менталитета. Спиноза был желанным в качестве архетипа современного мыслителя, который, в противоположность Декарту, закрыл зазор между разумом и миром и в процессе этого прикрыл любую возможность для релятивизма и скептицизма. Деборину импонировала сила, вложенная Спинозой в человеческие возможности, тогда как для Аксельрод Вселенная Спинозы с ее непреложными законами, охватывающими как человеческое, так и вселенское, было главным, что делало философию Спинозы научной.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 380

Они полагали, что защититься от «метафизистов» легко. Людвиг Фейербах (1804–1872) называл Спинозу «рациональным монистом», и я уверена, что так оно и есть. Раскрывая смысл этого определения, заметим, что Спиноза указывал, что «Бог или Природа» – два имени безусловной реальности, подразумевая два аспекта одной материальности. В этом не было ничего, что касалось бы таинственной высшей силы.

Обращение к Фейербаху было умным ходом части советских приверженцев Спинозы, потому как это высвечивало момент, в котором Маркс, отвергавший Фейербаха, оставил философию позади. Эти советские мыслители новой формации, на самом деле знающие историю философии, вернулись к исходному моменту, когда Бог еще присутствует в картине мира, – что, в понимании Фейербаха, было отражением человеческой потребности в лучшем мире. Таким образом, они выбрали от имени Советской России монизм Спинозы как дорогу вперед: единый мир, в котором мы мыслим и действуем согласно необходимым законам. Они отвергли марксистскую материалистическую диалектику, модифицировав материальные условия, меняющие человеческий разум, как одновременно развивающийся и предопределенный путь. Возможно, они не верили в это как в философию, но такая концепция содержала многое из желаемого мышления, чтобы Россия заимствовала ее.

Деборин и Аксельрод были достаточно оригинальными мыслителями, чтобы понимать: любая будущая философия должна иметь возможность вобрать в себя Дарвина и Эйнштейна. Они чувствовали, что их Спиноза мог бы приспособиться к изменению. Для Спинозы мир порождал сам себя согласно своим собственным законам. Следовательно, если мир меняется, то задача – понять, как и почему. Это был их ответ диалектическому материализму, который Советский Союз в результате принял как свою единственную идеологию. Пока только диалектический материализм мог апеллировать к необходимому историческому изменению в пользу пролетариата. Таким образом, конфликт между философией и идеологией оформился.

Два российских приверженца Спинозы помогли определить ценности антииндивидуализма и социального коллективизма коммунистического государства. Они оба приветствовали отрицание Спинозой свободной воли и субъективизма. Они оба верили, что картезианский взгляд изолированного мыслительного эго был фундаментально ошибочен. Можно утверждать, что этика Спинозы не оставляла пространства для индивидуальной критики системы и сопротивления требуемому направлению мысли и что она отлично подходила будущему обществу.

Однако затем обнаружились расхождения между двумя лагерями. В 1924 году Аксельрод заявила, что естественная наука распознает природное право, а не априорно логична. Она восхищалась рацио-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 381

нализмом и универсализмом Спинозы, ей нравился его еврейский образ жизни – который, казалось, поддерживал его философию. Но она не могла принять его антиэмпиризма. Ее честная, но неудобная позиция была быстро помечена как «механицизм». Это связывало ее философию с экспериментальной наукой французских материалистов 18-го века – таких как просветители Жюльен де Ламетри и Этьен де Кондиллак – и уводило от Гегеля и Маркса. Деборин, в свою очередь, не соглашался, что наука делала логику Спинозы излишней. Этика Спинозы, хотя и не предмет эмпирической науки, могла быть доказана логически и использована в гуманистических целях достижения счастливой жизни – реального и правильного (советского) толка.

Я полагаю, это был один из самых блистательных моментов в истории советской философии. Все иные ее периоды определял поиск превосходства науки над философией и извлечение из этого руководства для будущего. Но Деборин занимался историей дисциплины ради ее теории и практического руководства по достижению счастья для всех людей и для новой цивилизации. Аксельрод отстаивала правдивость научного метода, Деборин видел философию как мудрость человеческого поведения.

Главным вопросом, тем не менее, была надвигающаяся проблема диалектики. Суть состояла в том, какие философские аргументы, правильно выстроенные, давали бы советскому государству его философский двигатель. Пока Аксельрод слыла «механицистом», Деборин мог ассоциироваться с «диалектиками», но это была слабая связь.

Для Гегеля (действительно вдохновленного Спинозой) диалектический идеализм описывал, как человеческий мозг действует на (высший) природный мир, и как тот, в свою очередь, воздействует на мозг, и так далее. Советский диалектический материализм был результатом утверждения Маркса, что идеалист Гегель представляет правильное движение вверх, таким образом достигалось материалистическое объяснение постоянно развивающейся истории. Перед Дебориным стояла задача каким-то образом найти такие же механизмы изменения в философии Спинозы. Так, он утверждал, что и эта философия содержит своего рода диалектику. За четыре года – с 1926-го до кризиса поздних 1930-х – его точка зрения превалировала. Уже в 1922 году он становится редактором авторитетного журнала «Под знаменем марксизма»; он был избран директором Института Маркса и Энгельса. И к февралю 1929-го, когда он избирается членом Академии наук СССР, он уже был признанным авторитетом.

Однако затем, в 1929 году, в его судьбу вмешался Сталин. Этому грузинскому тирану гангстерского типа не понравились эрудированные философы вокруг Деборина, с их обширным знанием западной философии. Они могли обмануть вождя. Их знание Запада было опасно само по себе. К тому же самой большой проблемой из всех

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 382

стало то, что Деборин посмел сделать философию независимой от воли государства и его лидера.

Для великого теоретика Сталина пришло его время – решать, какой быть советской философии.

СПИНОЗА ПРОТИВ СТАЛИНА

Когда в 1981 году Иегошуа Яхот (Овший Яхот, 1919–2003), много лет преподававший философию в Советском Союзе, покинул страну, он написал выдающуюся книгу «Подавление философии в СССР (20-30-е гг.)», в которой исследовал все детали той борьбы за власть.

Мало чем отличаясь от раскола в христианской Церкви, на новаторской Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений ее организаторы провозгласили победу «диалектиков» над «механистами»*. Это был конец карьеры Аксельрод. Однако туман сгустился и над Дебориным – в течение всех 1930-х годов Деборин и его последователи были активно атакованы в прессе. Таким образом, март 1930-го был не победой Деборина, а трюком лагеря Сталина, подкрепленного хитрыми манипуляционными заявлениями ставки. Так как философия была присоединена к официальной пропаганде государства, то и «механизм» (а с ним – авторитет естественной науки) и диалектика (как путь определения места человека в природе) были лишены своего основного смысла. Сталин провозгласил, что диалектика как принцип материального изменения (уступка Деборину) должна рассматриваться как научно обоснованная (уступка Аксельрод), – однако это был Советский Союз! – и, таким образом, рассматриваться только под жестко контролируемым идеологическим надзором.

Этот диалектический материализм стал фактом ловкой комбинации гелелевского метафизического прогресса и метафизической причинности у Спинозы. Теория развития шла от Гегеля, через Маркса, с учетом научной необходимости от Спинозы. Как я понимаю, марксизм-ленинизм был прикрытием, чтобы нарисовать из истории философии некую программу (или, как минимум, набор оснований) для советского будущего. Руководствуясь этой программой, советская «Вселенная Спинозы» – вдохновленный взгляд универсального материального состояния человечества – должна была стать (в ряд с гегелевским взглядом на причинность) даже более понятной для большего количества людей и, таким образом, предоставить пролетарским массам осмысленную жизнь. Гегелевская логика, более того, всегда могла объяснить, как отрицательное может провозглашать приход положительного.

С 8 по 13 апреля 1929 г. в Коммунистической Академии была созвана Вторая Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научных учреждений, итогом которой стала победа над «механистами» (Яхот), а в марте 1930 г. состоялось общее собрание Общества историков-марксистов, где была принята резолюция о том, что «каждого антимарксиста приходится рассматривать как потенциального вредителя». (*Ред.*)

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 383

После публичного осуждения в 1930-м Аксельрод была исключена из советской философии. По счастью, она осталась в живых. В преддверии Большого террора в СССР ее ученики были отлучены от участия в научной работе. Деборин, между тем, праздновал успех – однако только следующие 18 месяцев. После того, как Сталин объявил его «меньшевиствующим идеалистом», он почувствовал себя обреченным. Никто прежде не слышал такого определения, но что бы оно ни значило – это было плохо. Деборин провел ночь на 23 декабря 1930 года в тюрьме, затем – ночь за ночью – в одном из московских парков, не желая, чтобы власти схватили его в квартире, где жила его семья. Нападки партийной газеты «Правда», требующей, чтобы он публично извинился за обесценивание Ленина как философа, ошеломили его. Перед Новым, 1931-м, годом семья запомнила его отчаявшимся.

Я обесславлен, растоптан, уничтожен. Жизнь для меня потеряла всякий смысл. Добровольный уход – лучший выход из создавшегося положения. Подписать документ о моем антимарксизме и меньшевиствующем идеализме я не в силах. С меньшевизмом я, в сущности, порвал еще в октябре 1917 г. Предстоящее позорное исключение из партии – перенести это я не в состоянии. (Записка от 20 января 1931 года / ЦА Министерства безопасности РФ. Р.37181. Т.6. Л. 151)

Публично – подобно отречению Галилея перед Инквизицией – он капитулировал. Он заявил, что теперь увидел, как плехановское понимание Спинозы вводит в заблуждение. Постыдным был и факт, что Деборин «забыл», как он вдохновил своих последователей на нападки на троцкизм. Ленин был величайшим философом Советского Союза... Впрочем, нет, – теперь им был Сталин.

Подобно Галилею, отречение Деборина наступило позднее. Но, как множество раз описано в русской литературе, его моральный дух был сломлен. Его первым поступком человека, более не находящегося по угрозой смерти, стало осуждение коллеги. Он напал на самого выдающегося ученого страны – Владимира Вернадского, – проверить, не сможет ли он навлечь на него смертельное бесчестье и, таким образом, с удвоенным рвением продемонстрировать свою благонамеренность. Вернадский защищал свободу науки. Деборин же сознательно подверг его угрозе быть уничтоженным. Однако авторитет Вернадского оказался настолько велик, что ученый выжил. Он даже получил Сталинскую премию в 1943 году и, в конце концов, умер в своей постели.

Мы знаем, какой была Сталинская Россия. Но известно ли нам, что «чистки» начались раньше – уже во времена почти уничтожения Деборина – в 1930-31 годах? И что в результате Террора осталась лишь горстка спасшихся счастливчиков? Яхот писал: «‘под горячую руку’ палача попали сотни, тысячи ученых», включая более дюжины последователей Деборина и Аксельрод. Однако среди них не было ни одного из ведущих «спинозистов». Деборин выжил, став позднее академиком-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 384

секретарем Отделения общественных наук (1937) и Отделения истории и философии АН СССР (1940-41). Его малоизвестные произведения были даже опубликованы, и он умер своей смертью в 1963 году.

СПИНОЗА ПОСЛЕ ГЛАСНОСТИ

Даже если бы советские лидеры продолжали терпеть конкурирующие интерпретации Спинозы, я сомневаюсь, что политическая реальность сильно бы отличалась от той, что была. Подлинная критика системы всегда оставалась невозможной. Что, тем не менее, просматривается, – так это огромнейшие возможности философии Спинозы вдохновлять современное видение «хорошей жизни» поверх идеологической границы.

Во время Холодной войны западные философы, особенно британские и американские, были очень хорошо осведомлены о ранних советских связях с философией Спинозы. Консервативный философ Роджер Скрутон (Roger Scruton), в одном из самых блестящих предисловий к работам Спинозы, когда-либо опубликованных (2007), с горечью призывал читателей приглядеться к Спинозе.

Французские «левые» в 1960-х – я говорю о радикальном марксисте Луи Альтуссере и постмодернисте Жиле Делёзе – легко передвигались между Марксом и Спинозой. Они видели в таком сочетании обещание бóльшей надежды для разума и прогресса, чем в отвратительной комбинации капитализма с западным индивидуализмом.

Спиноза не принадлежал к фаворитам англо-американских философов в те дни; однако после 1990-го, года окончания Холодной войны, его популярность на Западе неожиданно взлетела – тогда, когда советской угрозы больше не существовало. Это случилось, когда Джонатан Израэль реклассифицировал идеи Просвещения – с вечной надеждой на секулярный демократический неметафизический взгляд на мир – в «радикальных» и «модернизированных» формах. Одним из «модернизированных» был Джон Локк, вдохновитель отцов-основателей Соединенных Штатов. Спиноза оказался радикальнее, он вдохновлял для чего-то еще. Безусловно, то была модернизация Локка, обращавшего к идеям гуманизма и даже Бога, которые конгресс в Амстердаме 1928 года решил связать со Спинозой. Ключевым обвинением Деборина было то, что Запад предпринял наглое идеологическое «умыкание» радикального атеиста. Главной задачей Дж. Израэля в его книге «Спиноза» (1998) было возвращение философа как отца радикального Просвещения.

С тех пор прошло двадцать лет. Мы возвращаемся в те дни с религиозным Спинозой – факт, который должен заставить нас слегка опасаться: не теряем ли мы независимости нашей собственной философской практики в свободном мире? Мы тоже, похоже, вовлечены в непрекращающуюся идеологическую битву, нравится нам это или нет.

Перевод с английского – М. Адамович

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 385

К 80-ЛЕТИЮ «НОВОГО ЖУРНАЛА»

Ренэ Герра

Памятные встречи, или мой отчет перед прошлым

К 80-летию «Нового Журнала»

Издание «толстого» русскоязычного литературного журнала, продолжающееся на протяжении восьмидесяти лет, на самом деле – явление уникальное. К тому же журнал издается не где-нибудь в провинции, а в Нью-Йорке. Первый его номер вышел из печати в 1942 году, во время Второй мировой войны, и словно продолжил знаменитые парижские «Современные записки» (1920–1940). Уместно напомнить, что в первых выпусках журнала сорок экземпляров были пронумерованы и напечатаны на особой бумаге, специально для библиофилов. Кроме того, эти журнальные номера сопровождались автографами основателей издания: прозаика Марка Алданова и поэта Михаила Цетлина. Сегодня «Новый Журнал» – самый старый и авторитетный из всех русскоязычных литературных журналов, издаваемых за пределами России.

А. Н. Прегель, художник книги, живописец и график, сделавшая обложку для НЖ (кн. I – кн. XXVII, 1942–1952), также является автором обложек литературно-художественного журнала «Новоселье» (Нью-Йорк, 1942–1950, №1–№42/44) и литературного журнала «Опыты» (Нью-Йорк, 1955–1958, кн. IV-IX). С 1952 года (кн. XXVIII) и по сей день НЖ выходит с обложкой работы одного из моих самых любимых художников, знаменитого мирискусника, графика, живописца, художника театра и кино, художника книги, художественного критика и мемуариста М. В. Добужинского.

В моем четырехтомнике «Художники Зарубежной России в искусстве книги»[1] Александре Прегель и Мстиславу Добужинскому посвящены десятки страниц. Долгие годы я дружил с Ростиславом Добужинским, старшим сыном Мстислава, известным графиком, художником театра и кино, который мне подарил много картин своего отца. Р. Добужинский также представлен в моей книге.

Впервые я увидел «Новый Журнал» в 1959 году в доме моей учительницы русского языка, поэтессы Екатерины Леонидовны Таубер-Старовой[2], жившей в Мужене. Этот городок расположен между Каннами и Грассом. В пятнадцатом номере журнала за 1947 год рядом с прозой Бориса Зайцева и Романа Гуля, стихами

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 386

Владимира Набокова, Георгия Раевского[3], Дмитрия Кленовского[4] были впервые напечатаны «Провансальские стихи» Екатерины Леонидовны. Это было только начало ее сотрудничества с «Новым Журналом». В течение сорока лет в двадцати выпусках публикации Е. Л. Таубер появлялись в пяти разделах журнала: проза, поэзия, воспоминания, литературоведение, библиография, что свидетельствует о ее многостороннем даровании.

В сентябре 1967-го, будучи студентом Сорбонны, я вновь увидел экземпляры НЖ на полках книжного шкафа, на этот раз в доме Бориса Зайцева, который также постоянно печатался в этом журнале (кн. 11-99). Решив написать магистерскую диссертацию о последнем русском классике Борисе Зайцеве, я стал часто бывать у него и таким образом смог познакомиться со многими видными авторами НЖ: Ириной Одоевцевой, Георгием Адамовичем, Владимиром Вейдле, Леонидом Зуровым, Антониной Горской.[5]

Новая незабываемая встреча состоялась в Нью-Йорке в июле 1975-го с писателем Романом Гулем, главным редактором НЖ (1959–1986). Я тогда уже прочитал его шедевр «Ледяной поход»[6], который хранится в моей библиотеке с авторской трогательной дарственной надписью: «Рене Юлиановичу Герра очень, очень дружески. Роман Гуль, 1975». У нас, конечно, оказалось много общих друзей среди писателей-эмигрантов. Незабвенный Гуль почти сразу предложил мне печататься в «Новом Журнале». Я был очень тронут его предложением написать статью о недавно скончавшемся художнике и писателе Сергее Ивановиче Шаршуне[7], с которым я дружил многие годы. Моя статья «Профиль Шаршуна» была напечатана в кн. 122 (март 1976), там же были напечатаны хрестоматийные стихи Екатерины Таубер «Стою под старою оливой, / Быть может, помнящей Христа». Кроме того, в этой же книге волею судьбы я оказался рядом с моими друзьями Дмитрием Кленовским, Юрием Мамлеевым[8], Игорем Чинновым, Валерием Перелешиным[9], Анатолием Величковским[10], Николаем Моршеном[11], Юрием Иваском, Алексисом Раннитом[12], Владимиром Варшавским, Владимиром Рудинским[13]. Для меня это была большая честь, ведь в НЖ печатались: Иван Бунин, Борис Зайцев, Алексей Ремизов, Владимир Набоков, Марк Алданов, Гайто Газданов, Нина Берберова, Галина Кузнецова, Георгий Иванов, Ирина Одоевцева, Георгий Адамович, Владимир Вейдле. Не могу не процитировать то, что написал мой верный друг и единомышленник Сергей Голлербах в своей статье «Вспоминая Р. Б. Гуля» (кн. 300, 2020): «Наступила середина семидесятых годов и произошли события, связанные как с Гулем, так и со мной. Летом 1975 года мне позвонил молодой человек, прекрасно говоривший по-русски, но оказавшийся чистокровным французом. Его звали Ренэ Герра, и он прилетел из Парижа в Нью-Йорк познакомиться с Романом Борисовичем

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 387

и со мной. Сейчас Ренэ Герра известен как крупнейший французский славист и коллекционер русского искусства Серебряного века, не имеющий себе равных в западном мире. С Ренэ Юлиановичем меня связывает уже сорокапятилетняя дружба, и по его предложению я в свое время сделал портретный набросок с Романа Борисовича, который теперь находится в коллекции Герра».

После первой встречи с Романом Гулем мы еще не раз общались в Нью-Йорке и переписывались долгие годы. Он мне посылал свои новые книги с теплыми надписями. Позже я познакомился и подружился с Юрием Кашкаровым[14], занимавшим пост главного редактора НЖ с 1990 по 1994 гг., а также со многими постоянными авторами выпусков, представителями первой волны эмиграции – безусловно, наиболее значительной, у которой нет аналогов в мировой истории.

Лучшее оправдание этой волны – ее культурное наследие, и я имел честь и счастье встречаться, общаться и дружить со многими из этих выдающихся писателей и художников: Борисом Зайцевым, Георгием Адамовичем, Ириной Одоевцевой, Владимиром Вейдле, Ниной Берберовой, Зинаидой Шаховской, Странником (архиеп. Иоанн Шаховской), Владимиром Ильиным, Николаем Туроверовым, Николаем Евсеевым, Гайто Газдановым, Лидией Червинской, Софией Прегель, Галиной Кузнецовой, Аллой Головиной, Еленой Рубисовой, Натальей Кодрянской, Натальей Резниковой, Нонной Белавиной, Антониной Горской, Ольгой Можайской, Темирой Пахмусс, Валерием Перелешиным, Норой Крук, Михаилом Волиным, Лидией Алексеевой, Ираидой Легкой, Юрием Терапиано, Яковом Горбовым, Юрием Иваском, Игорем Чинновым, Всеволодом Сечкаревым, Аркадием Небольсиным, Борисом Заковичем, Алексисом Раннитом, Борисом Нарциссовым, Василием Яновским, Леонидом Зуровым, Александром Бахрахом, Андреем Седых, Анатолием Величковским, Тамарой Величковской, Аглаидой Шиманской, Николаем Татищевым, Кириллом Померанцевым, Евгенией Каннак, Сергеем Рафальским, Николаем Терлецким, Сергеем Пушкаревым, Николаем Арсеньевым, Владимиром Варшавским, Львом Закутиным, Юрием Анненковым, Сергеем Шаршуном, Михаилом Андреенко, Олегом Цингером.

Из второй волны, нахлынувшей из СССР, уже послевоенной, я встречался и дружил с Дмитрием Кленовским, Глебом Глинкой, Юрием Трубецким, Виктором Свеном, Сергеем Голлербахом, Николаем Ульяновым, Леонидом Ржевским, Аглаей Шишковой, Иваном Елагиным, Николаем Моршеном, Татьяной Фесенко, Ольгой Анстей, Ириной Бушман, Валентиной Синкевич, Марком Раевым, Вячеславом Завалишиным, Владимиром Марковым, Борисом Филипповым, Олегом Ильинским, Эллой Бобровой, Ниной Ровской, Владимиром Рудинским.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 388

Из третьей волны эмиграции я был знаком и не раз встречался с Юрием Мамлеевым, Владимиром Максимовым, Василием Бетаки, Виолеттой Иверни, Юзом Алешковским, Дмитрием Бобышевым, Евгением Терновским, Бахытом Кенжеевым, Иосифом Бродским, Борисом Хазановым, Валерием Блиновым, Владимиром Батшевым, Мариной Темкиной, Кирой Сапгир, Юрием Дружниковым, Николаем Сарафанниковым, Николаем Боковым, Алексеем Хвостенко, Михаилом Юппом.

Шесть поэтов посвятили мне свои стихи, опубликованные в НЖ: Анатолий Величковский («О Лермонтове», № 127, 1977), Ирина Одоевцева («Важная, сановная старуха», № 144, 1981), Екатерина Таубер («Трещат дрова декабрьским утром в печке», № 155, 1984), («И закаты, и ночь, и прибой», № 157, 1984), Борис Закович («Увы, не испытали вы», № 158, 1985), Тамара Величковская («Жар-птица», № 160, 1985), Валентина Синкевич («Все согласно календарю», № 208, 1997). Для «Нового Журнала» Татьяна Фесенко (№ 150, 1983) и Валерий Перелешин (№ 158, 1985) написали рецензии на мою книгу «Борис Зайцев»[15]. Татьяна Фесенко – автор рецензии на сборник стихов Б. Заковича «Дождь идет над Сеной» с моим предисловием[16]. Я. Горьковатый (Москва) – автор рецензии на ту же книгу Б. Заковича (№ 160, 1985). Сергей Голлербах – автор статьи «Россия на юге Франции» (№ 189, 1992), рецензии на книгу Алена Герра «Прогулки по русской Ницце»[17] (№ 198-199, 1996), статьи «Русская весна в Париже» – о каталоге двух моих выставок «Образы Пушкина в творчестве русских художников-эмигрантов во Франции» и «Портреты изгнания», приуроченных к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина (№ 216, 1999), а также воспоминаний «На юге Франции» (№ 243, 2006). Николай Сарафанников[18] опубликовал большую рецензию на мой перевод романа Б. Зайцева «Голубая звезда» (№ 222, 2001). Евгений Голлербах[19] – автор рецензии на мою книгу «Они унесли с собой Россию… Русские эмигранты – писатели и художники во Франции 1920–1970»[20] (№ 239, 2005). Александр Сенкевич опубликовал две статьи на книги: «Ренэ Герра. Младшее поколение писателей русского зарубежья»[21] (№ 261, 2010) и «Л. Звонарева. Серебряный век Ренэ Герра»[22] (№ 270, 2013. См. также Наталья Кривинская. № 272, 2013). Борис Хазанов написал рецензию на книгу Р. Герра и А. Ваксберга «Семь дней в марте: беседы об эмиграции»[23] (№ 262, 2011). Алексей Арсеньев – автор рецензии на книгу «Ю. Терапиано. Литературная жизнь русского Парижа за полвека: 1924–1974»[24] (№ 278, 2015), а Василий Молодяков – на книгу «О русских – по-русски»[25] (№ 281, 2015).

В 1970 году я поселился в Медоне – пригороде Парижа, в котором до войны проживало много русских эмигрантов, в том числе Марина Цветаева, Юрий Терапиано и Виктор Мамченко. И там, в Медоне, с 1972 года я начал устраивать в своем доме литературные

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 389

вечера, примерно пять или шесть раз в год. Идея встреч принадлежала Юрию Терапиано и Ирине Одоевцевой, мечтавшим объединить писателей и художников, с которыми они несколько раз в год встречались на литературных вечерах в Русской консерватории имени Сергея Рахманинова в Париже. Устроителем парижских довоенных вечеров был Союз русских эмигрантских писателей и журналистов под бессменным председательством Б. К. Зайцева. «Медонские вечера» стали продолжением традиций подобных литературных встреч, когда-то заложенных еще «Зеленой лампой» Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского (1927–1939). Председателем избрали Юрия Терапиано, душой общества оставалась Ирина Одоевцева, одной из центральных фигур – художник и писатель Сергей Шаршун. Такие дружеские литературно-художественные встречи проходили в течение трех лет.

Ирина Одоевцева в мемуарах «На берегах Сены» вспоминает: «Эти ‘Медонские вечера’ по своему высокому культурно-художественному уровню могли бы даже конкурировать со знаменитыми ‘Воскресеньями’ Мережковских. У них для будущего, к тому же, одно несомненное преимущество – всё, что говорилось на них, записывалось Ренэ Герра на магнитофоне, тогда как, к сожалению, о том, что говорилось на ‘Воскресеньях’, записано лишь в памяти немногих, еще оставшихся в живых, участников их. На этих собраниях бывали С. Р. Эрнст, Я. Н. Горбов, В.С. Варшавский, А. Е. Величковский, Т. А. Величковская, И. П. Шувалов, Г. Е. Озерецковский, А. С. Шиманская, А.В. Ровская, Е. Ф. Рубисова, С.Ю. Прегель, Е. Л. Таубер и другие. Из художников – Ю. П. Анненков, Д. Д. Бушен, М. Ф. Андреенко, Н.И. Исаев и С. И. Шаршун» (НЖ, № 124, 1976). Здесь было принято беседовать о литературе, читать свои произведения, обсуждать их. После литературного диспута гостей ожидал ужин в русском духе.

Несколько лет спустя я переехал в соседний пригород Иссиле-Мулино, где в моем доме гостили Лидия Алексеева[26], Ольга Анстей, Валентина Синкевич, Юрий Иваск, Игорь Чиннов, Михаил Волин[27], Валерий Перелешин, Юрий Кашкаров, Алексис Раннит, Сергей Голлербах. Все эти талантливые люди рассказывали мне много интересного о своей жизни и творчестве.

Я также горжусь тем, что в своем издательстве «Альбатрос» издал сорок книг писателей-эмигрантов первой и второй волны, из них – двадцать книг авторов НЖ: проза Сергея Шаршуна «Без себя» (1972); стихи Екатерины Таубер «Нездешний дом» (1973) и «Верность» (1984); две книги стихов Дмитрия Кленовского (1977; 1980); рассказы Михаила Андреенко «Перекресток» (1979); стихи Владимира Вейдле «На память о себе» (1979); стихи Анатолия Величковского «Нерукотворный свет» (1981); «Русский альманах» (1981); стихи Сергея Рафальского «За чертой» (1983); прозу «Николин двор» (1984) и статьи «Их памяти» (1987); стихи Бориса Заковича «Дождь идет над

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 390

Сеной» (1984); очерки Юрия Терапиано «Литературная жизнь Русского Парижа за полвека: 1924-1974» (1987); стихи Валерия Перелешина «Три родины» (1987); стихи Татьяны Фесенко «Двойное зрение» (1987) и воспоминания «Сорок шесть лет дружбы с Иваном Елагиным» (1991); роман Николая Ульянова «Атосса» (1988); три книги Сергея Голлербаха: «Жаркие тени города» (1990), «Пляж» (1992) и «Мой дом» (1994); воспоминания Олега Цингера «Где в гостях, а где дома» (1994).

Марку издательства, а также обложки для большинства книг сделал мой друг Сергей Львович Голлербах – живописец, график, художественный критик и писатель, ушедший из жизни год назад. Его работы по оформлению книг широко представлены в четырехтомнике «Художники Зарубежной России в искусстве книги»[28].

В 1980 году Зинаида Алексеевна Шаховская (главный редактор парижской газеты «Русская мысль» с 1968 по 1978 гг.) предложила мне быть соредактором «Русского альманаха». Целый год я работал над этим изданием, пригласил многих авторов НЖ. В нем я опубликовал прозу Екатерины Таубер, Николая Ульянова, Николая Терлецкого; стихи Ирины Одоевцевой, Лидии Алексеевой, Ольги Анстей, Дмитрия Бобышева, Анатолия Величковского, Тамары Величковской, Юрия Иваска, Николая Моршена, Бориса Нарциссова, Валерия Перелешина, Странника, Екатерины Таубер, Игоря Чиннова; статьи Юрия Иваска, Бориса Филиппова, Зинаиды Шаховской, Арх. Иоанна (Шаховского), Сергея Левицкого, Марка Раева; мемуары Николая Андреева, Евгении Каннак, Лидии Алексеевой, Глеба Струве, Михаила Андреенко, Владимира Вейдле, Ирины Одоевцевой. И опять Сергей Голлербах любезно и по-дружески сделал прекрасную обложку для «Альманаха» (Париж, 1981. 494 с.). Рецензию на «Русский альманах» написал Борис Нарциссов, один из постоянных авторов «Нового Журнала» (НЖ № 145, 1981).

Уже тогда, когда все эти замечательные авторы были запрещены в СССР, я понял мощь таланта и значение их творчества для современной русской литературы. Сегодня читатель вправе задать себе вопрос: почему французский славист был единственным, кто не побоялся печататься в эмигрантском литературном журнале, к тому же издававшемся в Нью-Йорке? Ведь тогда публиковаться в НЖ было так же опасно и чревато последствиями для карьеры, как и защитить в Сорбонне магистерскую диссертацию о Борисе Зайцеве (1968), что я успешно сделал под руководством уважаемого мною профессора Анри Гранжара[29]. Моим вторым научным руководителем был профессор Франсуа де Лабриоль[30], который смог собрать членов жюри, антикоммунистов, для защиты моей кандидатской диссертации о Б.К. Зайцеве, совпавшей со 100-летием со дня его рождения (1981). Позже, благодаря профессору Франсуа Корнийо[31], я защитил докторскую диссертацию о русской литературе в изгнании. Впоследствии

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 391

просоветские коллеги, добиваясь через суд увольнения Корнийо, привели его к преждевременной смерти.

Я не только совершал эти рискованные для карьеры шаги, но и в дальнейшем последовательно продолжал писать и читать лекции о великих представителях первой волны русской эмиграции И. Бунине, Б. Зайцеве, А. Ремизове, И. Шмелеве. На сегодняшний день я – автор, соавтор или составитель более сорока книг о писателях и художниках-эмигрантах и более четырехсот научных и публицистических статей по культуре (литературе и искусству) русской эмиграции, а также участник бесед и интервью. Я делал это потому, что был глубоко убежден в величии творческого наследия этих талантливых русских авторов, волею судеб покинувших родину, и считал для себя честью говорить и писать о них, несмотря на пагубные последствия такого выбора.

Шли годы, но французские коллеги, слависты-коммунисты, никогда не забывали о моей профессиональной направленности и продолжали мне мстить, посылая доносы в Министерство высшего образования, и даже требовали моего увольнения из университета без права на пенсию. Однако история расставила всё по своим местам, и их попытки запятнать мое имя окончились неудачей. Триумфальное возвращение в постсоветскую Россию произведений изгнанников всех трех волн русской эмиграции доказало, что уже пятьдесят лет тому назад я сделал правильный выбор. Что ни говорите, а настоящие чудеса в мире иногда происходят! Десятилетиями я был на стороне побежденных, но благодаря распаду Советского Союза я оказался на стороне победителей, наперекор предсказаниям моих гонителей – «здравомыслящих» коллег. Вот уж воистину «горе побежденным»!

Этот триумф здравого смысла предвидел в 1937 году Владимир Васильевич Вейдле, критик, историк искусства, публицист. Вот о каких опасностях он пророчески предупреждал в статье «Три России», опубликованной в 1938 году в 65-м номере знаменитого парижского литературного журнала русской эмиграции «Современные записки»: «Вертикальная культура русского образованного общества уничтожена, но уничтожается и горизонтальная культура народа в её религиозной и бытовой основе. Всеобщая грамотность, как известно, вполне совместима с всеобщим варварством и чтение Пушкина – с непониманием азбуки его искусства. Когда культурная преемственность так порвана, как в России, таким повальным истреблением или изгнанием ее носителей, – ее восстановление будет во всяком случае очень трудным. Оно станет невозможным при дальнейшем воспитании молодежи в духе партийной дисциплины, технического идолопоклонства. Одно из двух – или что-то такое случится с Россией, что ее воссоединение с прошлым в последнюю минуту все-таки произойдет, или и в самом деле она перестанет быть Россией. У современной Греции не много общего с Грецией Платона, у будущей России может

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 392

оказаться еще меньше общего с Россией Пушкина. Имя останется, быть может, и официально будет ей возвращено – но по праву оно принадлежит чему-то иному, не территории, не стольким-то миллионам людей, а всему тому, что было создано, всему, чем она жила. Что бы ни ждало впереди – мы знаем, что это было». Я думаю, что сейчас наступил момент, когда я могу назвать имена тех славистов, которые в прошлые годы хотели бы видеть меня низверженным и опозоренным: К.Фриу, Л. Робель, Ж. Нива, Ж. Абенсур, Ж.-П. Бенуа, А. Аллен, Ж. Леписье, П. Гард, А. Монье, Ж. Бонамур, Ж. Дюрен, М. Вейнштейн, Ж. Радвани, И. Аман, А.-В. Шаррен, Л. Спиндлер, С. Ролэ, Р. Гейро, В. Бене, Ж. Брейяр, М. Никё, К. Ошар... Возвращаясь к моей личной причастности к НЖ, хотел бы отметить, что наше сотрудничество длится уже почти полвека! На сегодняшний день я автор двадцати четырех публикаций: «Самоубийство И. В. Морозова» (№133, 1978); «С. Шаршун: Из листовок. Сост. Р. Герра» (№ 163, 1986); «О. Цингер: Где в гостях, а где дома. Вступ. ст. Р. Герра» (№ 184-185, 1991); «Н. Оболенский: С нежностью и грустью. Вступ. ст. Р. Герра» (№ 186, 1992); «Приветствие из Парижа» (№ 200, 1996), «Интервью с академиком Дмитрием Лихачевым по случаю 200-летия со дня рождения А. Пушкина» (№215, 1999); «‘Новому Журналу’ – шестьдесят лет!» (№ 226, 2002); «Русские старческие дома в культурном наследии Белой эмиграции» (№253, 2008); «Письма Б. К. Зайцева» (№ 253, 2008); «Несостоявшийся диалог: русская эмигрантская культура и французская интеллигенция 1920–1970» (№ 257, 2009); «Дичок для заморских стран Е. Таубер» (№ 259, 2010); «Письма Ивана и Веры Буниных к Екатерине Таубер» (№ 259, 2010); «Н. И. Исцеленнов – архитектор, художник и книжный график» (№ 266, 2012); «Мои встречи с выдающимися представителями второй волны русской эмиграции» (№ 278, 2015); «Моя ‘Ремизовиана’» (№ 280, 2015); «Я вырос в бунинских местах…» (№ 281, 2015); «Юрий Анненков – между кистью и пером» (№ 282, 2016); «Апокалипсис Гражданской войны: ‘Солнце мертвых’ Ивана Шмелева – ‘Окаянные дни’ Ивана Бунина» (№297, 2019); «Памяти Екатерины Таубер» (№ 300, 2020); «К столетию Великого исхода» (№ 302, 2021); «К 150-летию со дня рождения И. А. Бунина» (№302, 2021); «Скитания русской души: к 140-летию со дня рождения Бориса Зайцева» (№ 302, 2021); «Галина Кузнецова – последняя любовь Ивана Бунина» (№305, 2021). Я рад, что в прошлом году стал членом редакционной коллегии «Нового Журнала».

У русской эмиграции своя история – сопротивление, отступление, бегство, хождение по мукам, встреча с чужбиной, осмысление прошлого и осознание миссии: *быть не в изгнании – а в послании*. Феномен этот уникален, не имеет аналогов в мировой истории. Нельзя забывать: всё то, что создали в трудных материальных и психологических условиях русские эмигранты – поэты, писатели, философы, богословы,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 393

художники, композиторы, – в Советском Союзе семьдесят лет находилось под запретом. Об их творчестве либо умалчивали, либо чернили авторов и произведения, созданные ими. Тема белой эмиграции в советских энциклопедиях была, по известным причинам, десятилетиями наглухо закрыта, а если имена белоэмигрантов косвенно упоминались, то с чувством отторжения и ненависти. Книги писателей-эмигрантов находились в СССР под семью замками в спецхранах. Сколько было разоблачителей и хулителей русского рассеяния, которое по праву можно назвать Зарубежной Россией, ибо она сумела сберечь и приумножить достояние дореволюционной культуры! Униженные, изгнанные из большевистской России, объявленные ее врагами, русские эмигранты сохранили до конца любовь к родине и веру в ее возрождение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Герра, Ренэ.* Художники Зарубежной России в искусстве книги. В 4-х т. / Алматы: Дән, 2021. 2620 с.
2. Таубер-Старова Екатерина Леонидовна (1903, Харьков – 1987, Мужен), поэт, прозаик, критик. В эмиграции с 1920-го в КСХС. Окончила французское отделение философского ф-та Белградского университета. Печаталась с 1927 года, первый сборник поэзии – в 1935 году. В 1936 г. вышла замуж за Константина Старова. Преподавала русский язык в Каннах. Входила в литературный круг И. Бунина и Б. Зайцева. Автор пяти поэтических сборников, многочисленных статей и прозы.
3. Раевский Георгий Авдеевич (Оцуп) (1897, Царское Село – 1963, Штутгарт), поэт. Эмигрировал во Францию, жил в Париже. Один из создателей группы «Перекресток» – вместе с Ю. Терапиано, В. Смоленским, Д. Кнутом, Ю. Мандельштамом (1926). С 1949-го – член редколлегии издательства «Рифма».
4. Кленовский Дмитрий Иосифович (Крачковский) (1893, С.-Петербург – 1976, Траунштайн), поэт. Первый сборник «Палитра» вышел в 1916/17 году. С 1942 года в Крыму, эмигрировал в Австрию, затем в Германию. Автор 11 поэтических сборников (последний издан посмертно в 1977 г. радениями вдовы поэта М. Д. Крачковской и Р. Ю. Герра).
5. Горская Антонина [Гривцова Антонина Алексеевна, урожд. Подерни] (1893, Казань – 1972, Париж), поэтесса, литературовед, литературный критик, мемуаристка. С августа 1917 года проживала в Персии (Иран) как жена русского консула. В 1922 году поселилась в Париже. С 1938 года состояла в Объединении Поэтов. С 1955 г. – член Правления Союза писателей и журналистов во Франции, под председательством Б.К. Зайцева. Автор сборников «Раздумья», «Тревога» и «Ограда».
6. *Гуль, Роман*. Ледяной поход / Берлин: Изд. С. Ефрон. 1921.
7. Шаршун Сергей Иванович (1888, Бугуруслан – 1975, Париж), художник, писатель. Участник группы дадаистов. В 1912 г. уехал в Париж, большую часть жизни провел во Франции.
8. Мамлеев Юрий Витальевич (1931, Москва – 2015, Москва), писатель, драматург, философ. Печатался в самиздате. Эмигрировал в США в 1974 году, в 1983-м переехал в Париж. В 1990-х вернулся в Россию. Член ПЭН-Клуба США, Франции и России. Основатель течения метафизического реализма.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 394

9. Перелешин Валерий Францевич [Салатко-Петрище] (1913, Иркутск – 1992, Рио-де-Жанейро), поэт, переводчик. В 1920-м эмигрировал в Харбин. Жил в Шанхае, Пекине. С 1945-го работал переводчиком. В 1953 году переехал в Бразилию. Один из ведущих поэтов русской эмиграции в Китае.
10. Величковский Анатолий Евгеньевич (1901, Варшава – 1981, Париж), поэт, прозаик. Участник Белого движения. Эмигрировал через Польшу во Францию. Публиковался с 1947 года; автор трех прижизненных и одного посмертного сборника стихов: «Лицом к лицу», «С бору по сосенке», «О постороннем», «Нерукотворный свет», и одной прозаической книги «Богатый».
11. Моршен Николай Николаевич [Марченко] (1917, Херсонская губерния – 2001, Монтерей), поэт, педагог. Сын писателя Н. Нарокова. Окончил Киевский ГУ, в 1943-м бежал из Киева от наступающей Красной Армии. После войны находился в Ди-Пи лагере в британской зоне. В 1950-м уехал в США. Там же преподавал в Военном институте иностранных языков. Один из ведущих поэтов второй волны эмиграции.
11. Раннит Алексис [Алексей Константинович Долгошев] (1914, Эстония – 1985, Нью-Хейвен), поэт, литературовед. Был усыновлен эстонской семьей Раннитов. Окончил Тартуский университет. Жил в Эстонии, затем в Литве. В 1944-м бежал от Красной Армии в Германию. В 1953-м эмигрировал в США, работал в Центральной Публичной библиотеке, Нью-Йорк. Защитил диссертацию в Колумбийском университете, работал в Йельском университете. Автор семи поэтических сборников. Входил в русскую творческую диаспору США.
13. Рудинский Владимир [Даниил Федорович Петров, он же Аркадий Рахманов] (1918, Царское Село – 2012, Париж), писатель, публицист. Сидел в ГУЛАге. Во время войны служил переводчиком в частях вермахта, затем – в испанской Голубой дивизии. В 1945 году избежал насильственной репатриации и уехал в Париж. Окончил Парижскую Школу восточных языков. Будучи монархистом по убеждениям, сотрудничал в аргентинской эмигрантской газете «Наша страна» с момента ее основания в течение 63 лет.
14. Кашкаров Юрий Данилович [псев. Д. Скалон] (1940, Владикавказ – 1994, Нью-Йорк), прозаик, гл. редактор «Нового Журнала» (1990–94).
15. *Герра, Ренэ*. Борис Зайцев / Париж: Институт славяноведения. 1982.
16. *Фесенко, Т. Б.* [*Закович*. Дождь идет над Сеной / Пред., посл. Р. Герра / Новый Журнал, № 158]. 1985.
17. *Герра, Ален*. Прогулки по русской Ницце / Перевод Р. Герра / Париж: Альбатрос. 1995.
18. Сарафанников Николай Иванович, писатель, редактор, специалист по скандинавским языкам. Работал в издательстве «Советский писатель». Эмигрировал во Францию в 1983 году. Вернулся в Россию после перестройки. Был представителем «Нового Журнала» в России в нач. 2000-х.
19. Голлербах Евгений Александрович, кандидат филологических наук, историк литературы, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).
20. *Герра, Ренэ*. «Они унесли с собой Россию…» Русские эмигранты – писатели и художники во Франции 1920–1970 / СПб.: Блиц. 2004.
21. Сенкевич, А. Н. [*Ренэ Герра*. Младшее поколение писателей русского зарубежья. СПбГУ]. 2009.
22. Сенкевич, А.Н. [*Л. Звонарева.* Серебряный век Ренэ Герра. СПб.: Росток, 672 с.]. 2012.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 395

23. *Герра, Р., Ваксберг, А.* Семь дней в марте: беседы об эмиграции / СПб.: Международная ассоциация «Русская культура». 2010.
24. *Герра, Ренэ* (сост., вступ. ст.) Ю. Терапиано. Литературная жизнь русского Парижа за полвека: 1924-1974 / СПб.: Росток. 2014.
25. *Герра, Ренэ.* О русских – по-русски / СПб.: Международная ассоциация «Русская культура». 2015.
26. Алексеева Лидия Алексеевна [Девель] (1909, Двинск – 1989, Нью-Йорк), поэт, переводчик. В 1920-м эмигрировала через Турцию в Болгарию, затем в Югославию. В 1944 году бежала от Красной Армии в Австрию, в статусе ДиПи переехала в США в 1949 году. Работала в Центральной Публичной библиотеке Нью-Йорка. Автор пяти поэтических сборников.
27. Волин Михаил Николаевич [Володченко] (1914, Китай – 1997, Австралия), поэт, прозаик, журналист. Первые стихи опубликовал в 16 лет, печатался в дальневосточном эмигрантском журнале «Рубеж». Член литературного кружка «Молодая Чураевка». Работал корреспондентом в газете «Заря». В 1949 году эмигрировал из коммунистического Китая в Австралию. Жил в Сиднее. В 1969–1981 гг. жил в США, затем вернулся в Австралию. Издал несколько книг по индийской философии и йоге.
28. *Герра, Ренэ.* Художники Зарубежной России в искусстве книги / Указ. издание.
29. Гранжар, Анри [Granjard, Henri] (1900-1979), литературовед-славист. Профессор русской литературы Парижского университета. Автор монографии «Иван Тургенев и общественно-политические течения его времени». Издание Института славяноведения Парижского университета, 1954, 506 с.
30. Лабриоль, Франсуа, де [Labriolle, François, de] (1926-2019), профессор русского языка и литературы Парижского университета (INALCO). Автор докторской диссертации о И. Крылове.
31. Корнийо, Франсуа [Cornillot, François] (1938-2011), профессор русской литературы Парижского университета (INALCO). Автор докторской диссертации «Ф. Тютчев: поэт-философ». В 1995 г. его книга о Тютчеве с авторскими переводами стихов поэта была удостоена премии Французской Академии. (См. о нем: *Герра, Ренэ*. Франсуа Корнийо – знаковая фигура французской славистики / Nartamongae, журнал Алано-Осетинских исследований. Владикавказский научный центр РАН. Vol. XII, № 1, 2 (с. 7-16) / Париж – Владикавказ, 2017.)

Ницца, 2022

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 396

БИБЛИОГРАФИЯ

Ю. В. Мандельштам. Эссе. Литературная критика. Письма. 1932–1941 / Составление, подготовка текста, вступительная статья и примечания Е. М. Дубровиной / М.: Русский путь, 2022. – 520 с.

«Новый Журнал» не раз обращался к наследию и трагической судьбе Юрия Владимировича Мандельштама (1908–1943). И всегда писала о нем и готовила материалы к публикации неутомимая подвижница литературы Русского Зарубежья Елена Дубровина. И вот в московском издательстве «Русский путь» появился подготовленный ею сборник Юрия Мандельштама «Эссе. Литературная критика. Письма. 1932–1941».

Юрий Владимирович являлся автором очень многих рецензий и литературно-критических статей. После смерти Ходасевича он стал одним из главных «метров» русского Парижа, чьи оценки необычайно важны. Но, в отличие от многих своих собратьев по изгнанию, писал не только о русских книгах, выходивших как в СССР, так и в эмиграции. Под его «прицелом», благодаря блестящему знанию языков, находились и многие европейские издания. За свою короткую жизнь он опубликовал более 500 статей и издал три сборника стихов. И книга, о которой идет речь, конечно, не может представить всё его наследие. Но и вошедшие в нее статьи открывают критика огромного масштаба.

Он откликался на всё, что казалось ему интересным. Александр Радищев и Иван Бунин, Франсуа Мориак и Николай Туроверов, Эрих Мария Ремарк и Вячеслав Иванов, Роже Мартен дю Гар и Борис Пастернак... Всех перечислить сложно; Мандельштам словно представляет дневник появления русских и европейских книг в 1920–30-е годы.

Его взгляд необычайно интересен, он, можно сказать, открыл новую главу в литературоведении. Потому что Юрий Владимирович считал, что любое критическое исследование прежде всего должно быть актом созидания. «Оценка, таким образом, перестает быть единственной целью критики, критическое переживание само становится творческим», – писал он. Мандельштам был уверен, что рецензии должны приобрести «...Собственную ценность, вне зависимости от значительности критикуемой книги». И именно в этом и было такое очарование его заметок и статей. Потому что и в критике он оставался прежде всего поэтом, хотя порой его анализ был достаточно беспощадным и жестким. «Искусство – не игра, не выдумка; оно не ‘описывает’, не воссоздает рабски наш существующий мир и не строит прекрасных, не существующих ‘миров иных’ – для развлечения, для наслаждения или хотя бы для удовлетворения совершенством. Оно реально преображает этот мир в иное царство – по образу и подобию заложенного в душе художника представления, вернее, предчувствия этого просветленного, но все же конкретного мира.» И Юрий Мандельштам оставался верен этому своему постулату.

И еще он очень много внимания уделял вере, метафизическому содержанию литературного произведения. В своих статьях и эссе Мандельштам часто подчеркивал необходимость приближения писателя к духовному идеалу.

Юрий Владимирович никогда не скрывал своих эмоций. «Первое чувство, рождающееся при чтении новой книги Бунина – неподдельное восхи-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 397

щение. Какое истинное наслаждение доставляет этот сухой и четкий блеск, этот подлинный строй бунинского письма, даже страшноватого своей знойной и отчетливой ясностью… Именно такой летний полдень напоминает сама творческая манера, вернее, даже творческая стихия Бунина: всё предельно ясно договорено, до конца показано – казалось бы, за словами и образами писателя ни для чего и места не остается, и, вместе с тем, чем точнее, чем завершеннее фактическое содержание, тем глубже и таинственнее бунинский фон.» Даже в этом коротком отрывке виден весь блеск сочетания тонкого литературного анализа и бьющих за край чувств. Именно это и сделало Юрия Мандельштама таким огромным явлением в нашей культуре, весь масштаб которого открывается только сегодня.

Юрий Мандельштам был зятем великого мастера музыки Игоря Стравинского. Елена Дубровина приводит в книге письма Юрия Владимировича к своей невесте и к самому Игорю Федоровичу. Это –серьезный, уникальный источник для исследователей жизни и наследия гениального композитора. Словом, можно только поздравить читателей с тем, что в русскую литературу возвратился критик огромного масштаба.

Виктор Леонидов

Наталья Червинская. Маргиналы и маргиналии / Москва, 2020, 304 с.

За последнее столетие Россия пережила несколько волн эмиграции, каждая из которых была обусловлена своими политическими и социально-экономическими причинами, имела свою шкалу ценностей, свои отношения с отечеством. Каждая оставляла свой след в литературе.

Наталья Червинская, в прошлом режиссер-мультипликатор и сценарист, а сегодня – художник-миниатюрист и прозаик, относится к числу тех, кто реализует себя вне зависимости от страны проживания. Вышедший некоторое время назад сборник рассказов и воспоминаний «Маргиналы и маргиналии» – ее вторая книга. За плечами у автора – публикации в толстых журналах и престижные литературные премии. Работая на стыке малых жанровых форм – рассказа, мини-новеллы и фельетона, Наталья Червинская создает произведения, с одной стороны, вобравшие в себя лучшие традиции классической литературы, с другой – несущие все элементы индивидуального стиля автора: замечательное чувство юмора, острый ум, здоровый цинизм, предельную честность в представлении действующих лиц.

Для настоящего сборника было отобрано десять рассказов, в них автор затрагивает как традиционно эмигрантские темы, так и темы, существующие вне времени и пространства – порядочность и верность собственным идеалам, подлость и предательство, ханжество, мещанство, зависть. Другой берег выступает лишь лакмусовой бумажкой, проявляющий характер наиболее ясно и отчетливо, обнажая суть явлений, сильные и слабые стороны героев. Яркость образов, почти осязаемая достоверность деталей быта, правильно подобранная интонация – в рассказы Натальи Червинской смотришься как в зеркало, узнавая себя и свои поступки. Отражение в нем не всегда лестно, но без его принятия работа над ошибками невозможна.

В фокусе антропографии автора – образ советского и постсоветского интеллигента. Не вдаваясь в длинный дискурс о месте и роли интеллигенции в общественных процессах, хотелось бы всё же отметить следующее:

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 398

склонная к самобичеванию и рефлексии, критикуемая во все времена от Чехова до Солженицына, русская, потом советская интеллигенция представляла собой явление специфическое и, по сути, прямо противоположное своей изначальной идее – по крайней мере, в том ее виде, в котором она зародилась в странах Западной Европы, а именно: формирование политических и нравственных ориентиров нации. Годы репрессий и вынужденный компромисс с властью привели к усиленной склонности к рефлексии. Это была своего рода защитная реакция, вызванная невозможностью влиять на вектор развития государства. Для Натальи Червинской, принадлежащей ранее к диссидентской части советского общества, размышления об интеллигенции и интеллигентности – не только и не столько дань полуторавековой традиции в литературе, сколько способ анализа эмигрантского опыта, потерь и приобретений.

Сборник открывается рассказом «Трус», пожалуй, наиболее драматичным в контексте осмысления маргинальности и ее роли в опыте эмиграции. Повествование ведется от лица рассказчика, задающего пространственно-временной контекст, и главного героя – Андрея, внутренний диалог которого усиливает эмоциональную вовлеченность читателя. «В тот вечер ему было без двух недель девятнадцать лет, был он способный мальчик, немного ссутулившийся под тяжестью всех навешанных на него семейных надежд. Этакий паинька» – безупречно выверенный начальный аккорд вводит читателя в культурный и социальный бэкграунд героя. Перекадровка, сорок лет спустя: не оправдавший родительских ожиданий «паинька» останавливается в третьесортном мотеле небольшого американского городка, куда приехал на конференцию по диссидентскому движению. Раскручивая колесо воспоминаний, Андрей размышляет о целесообразности и правильности совершенных когда-то действий: «Для него бесспорным результатом их (диссидентской) деятельности осталось только одно: он почувствовал себя человеком. И никогда потом этого чувства у него отнять не могли… Его могли сделать несчастным человеком, голодным человеком, человеком, потерявшим семью и дом, но все же человеком он оставался». Первый рассказ определяет лейтмотив всей книги: быть человеком – значит не изменять себе. Одновременно с этим, в нем отражена и основная трагедия советского интеллигента: оценочные размышления о природе собственных поступков не приводят героя к сколь-нибудь конструктивным выводам; при абсолютной ясности ответа на вопрос «кто виноват?», вопрос «что делать?» даже не стоит на повестке дня, потому и закрытие гештальта ничего не меняет в судьбе героя.

Понимая под маргиналом человека, не вписывающегося в поведенческие нормы, свойственные той или иной культуре, автор обращается к теме взаимоотношений человека и общества, человека и системы. В социумах, где блага – будь то материальные или духовные – распределяются по принципу лояльности к власти, зависимость от принятых норм оказывается высокой. Но в какой мере свобода от общества возможна в принципе? В чем она заключается? Нужна ли она? С одной стороны, быть в стае, делать, как все – означает придерживаться проверенной стратегии поведения, ведущей к успеху. «Не примыкать, не торопиться, не толпиться в очередях с номерками» – значит полагаться на свои силы. Выбор не всегда очевиден, но всегда индивидуален, он определяется поставленной целью и глубиной конфликта между индивидуумом и обществом. В любом случае, платить по счетам придется. Так, герой рассказа «В маленьком городе N» понимает, что в поисках

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 399

свободы творческой и личностной он потерял не менее значимое – связь с единственным ребенком, а бывший филолог из рассказа «Стилист» проходит долгий, болезненный путь к освобождению от навязанных обществом установок и осознанию своих истинных талантов и индивидуальных предпочтений.

Перемещение в иную культурную среду неизбежно сопряжено с сопоставлением укладов жизни и ментальных установок героев и их прототипов. И здесь в оптический прицел Натальи Червинской попадает такая социокультурная характеристика бывших соотечественников, как привычка к жалобам. Пунктиром в рассказах, подробнее – в «Записках читателя». Вспоминая родственников со стороны матери, автор, со свойственной ей иронией, пишет: «Они [родственники] наводили друг на друга минометы своих непревзойденных несчастий. Выстреливший первым получал тактическое преимущество: я тебе рассказал про свою чудовищную мигрень, а ты вместо сочувствия лезешь со своим ерундовым артритом в коленке». Рутина будничных жалоб являлась сублимацией одного большого чувства раздражения и недовольства своей жизнью как таковой, чувства вины за собственные слабости, импотенцию в принятии решений. Кроме того, сетования на тяжелую жизнь являлись своего рода превентивной мерой, «защитой от зависти», ибо в обществе, где индивидуальный успех не поощрялся, зависть де-факто означала сомнение в справедливости социального устройства. Но как вписать эти представления в нормы другой страны, где принято говорить «что ты сделал со своей жизнью, а не что жизнь сделала с тобой»? Рассматривая собственную психологическую эволюцию в этом вопросе, Наталья Червинская делится своими воспоминаниями в «Маргиналиях»: «…я тогда еще не отучилась произносить жалобные русские монологи с подробным перечислением всех своих проблем. Мне казалось, что мои проблемы глубже и важнее… Позже я поняла, что […] причитания, пусть даже и приправленные горькой иронией, вызывают недоумение». Эту мысль она доводит до афористичной яркости в вышеупомянутом рассказе «В маленьком городе N»: «[она] никогда не понимала, что неприлично ходить на людях в эмоциональной затрапезе: душа в шлепанцах, маразм навыпуск».

К слову сказать, афористичность текстов Натальи Червинской, придающая им особую выразительность, заслуживает отдельного упоминания, а их точное попадание в повестку дня лишь добавляет очков. Приведу всего несколько примеров: «События обрастают тенденциозными смыслами на месте. В интернете всё будет выглядеть внушительно». «Они занимаются бессмысленной критикой покинутого ими ада, от которого не могут отвести глаз». «Лялька, она либерал. Готова принимать все различия между людьми, но только эти различия должны сводиться к сходству».

Говоря о стилистических особенностях прозы Натальи Червинской, хотелось бы упомянуть наличие своего рода заявочного плана – начального предложения или абзаца, определяющего канву всего повествования (здесь, кроме канонических литературных традиций, возможно, играет роль и кинематографическое прошлое писательницы). Одним из наиболее ярких примеров является начало рассказа «Кира и Маргарита»: «Ценность современного искусства определяется только одним – непререкаемым авторитетом специалистов». В данном случае, легко считываемая заявка на фельетон (как тут не вспомнить Аверченко с его «Ихневмонами») служит фоном, на который накладывается многослойная перспектива сложных

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 400

социально-экономических взаимодействий в современном мире. В рассказе «Стилист» вводная установка «квартира как персональная характеристика» определяет изначально ложный подход героя к пониманию самооценки, трансформации которой посвящен рассказ: «Почти у всякого человека есть какое-нибудь одно основное качество – характера, или внешности, или устройства ума, или поведения… оно, как музыкальный ключ, определяет репутацию и судьбу. У Ларисы таким основополагающим качеством всегда было наличие прекрасной жилплощади». Следующая заявочная цитата из рассказа «Семейство О.» характеризует определенный архетип сознания, передающий из поколения в поколение страдание как форму существования: «Семья О. производила на неподготовленного человека эффект насморка. <…> Когда из носа все равно текут сопли, а из глаз слезы, то уж, чтоб зря не пропадало, даешь волю эмоциям и впадаешь в тоску».

Исследуя траектории человеческих судеб, иронизируя, порой довольно жестко, Наталья Червинская всё же заботливо приглядывает за своими героями: этот справляется сам, другой запутался и нуждается в подсказке, а бывает и так, что автор не видит рациональных решений и приходится звать на помощь Его величество случай. Из множества частных историй она создает портретную галерею бывших соотечественников, с разной степенью успешности прижившихся на чужой земле. Одни, бережно упаковывая в багаж набор стереотипов и суждений, тщательно просушивают его по прибытии, расставляют на прежние полочки, да так и живут, отмеряя годы и сверяя нажитое с прежними стандартами. Иные, напротив, открывают объятья навстречу открывшимся возможностям.

И вот что примечательно: истории эти легкие, лучистые, заряжают оптимизмом, в них нет тоски и безысходности эмигрантской прозы прежних поколений. Наталья Червинская как будто предлагает читателю свой рецепт аккомодации, рецепт человека, способного принять вызовы судьбы, достоинство выжившего и благословенный оптимизм сильного духом. Этот рецепт довольно прост и эффективен: быть свободным. Свободным от предрассудков, обид, мести, зависти, прошлого, высматривания соринки в чужом глазу. Стоит лишь перевернуть страницу и открыть для себя новый мир. Взять в него только то, что по-настоящему дорого.

А дороги автору книги, сквозь них она тянет нить своих воспоминаний о детстве, учебе в художественной школе, первом замужестве, эмиграции. В «Маргиналиях», второй части сборника, Наталья Червинская делится своими первыми впечатлениями от прочитанных книг и сегодняшними о них размышлениями: долгий читательский путь от витиеватых прибауток «Радуги-дуги» до горькой иронии Хаксли, от «скуки фальшивого имперского фольклора» к «принудительному счастью» в Америке. Дорога эта – длинною в жизнь, где в перетекании времен встречаются кудрявые иллюстрации Якобсон и гравюры Доре, а лживо-слащавые олеографии мадам Веже Лебрен из «Пиковой дамы» оживают в бабушкиной спальне.

Развалившиеся от нью-йоркской влажности корешки юбилейного собрания сочинений Пушкина, имена составителей и редакторов, титульный лист, обложка, вензеля начальных букв – в эпоху победившего практицизма бестелесных электронных изданий, книга-объект обладает легким сентиментально-ностальгическим флером, который, впрочем, не мешает автору оценивать главное – содержание. Эти оценки могут подвергаться

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 401

ревизии от прочтения к прочтению: Ивлин Во – со временем и в ином географическом контексте – звучит понятнее и наивнее; стереоскопические описания Толстого обретают эффект виртуальной реальности, а Рогожин самим фактом настойчивого и активного движения к цели оказывается ближе Мышкина с его философией смирения. Неизменным остается лишь принцип критического осмысления прочитанного.

Вспоминая почти безальтернативную реальность подцензурной эпохи, Наталья Червинская пишет о бесплодности интеллектуальной жизни того времени: «Жили мы и ждали, как в той стране все всегда ждут. И в ожидании всё прядут и ткут свои теории, концепции и философские системы. Ткут и распускают, ткут и распускают, слова распускают, слюни распускают, сопли распускают… Ждут Годо, Одиссея или, на худой конец, Ревизора. <…> Традиция эта <…> в своих поисках вечной истины не просто безрезультатная, а гордо безрезультатная. Ведь пока распускаешь и распускаешься, не надо выбирать». Оказавшись в желанной, но шокирующе непривычной ситуации экзистенциальной необходимости множественных выборов, автор, как и герои ее произведений, вынуждена решать практические вопросы выживания. В этот момент чтение обретает для нее новые смыслы: бульварные романы знакомят с усредненным мировоззрением данной культуры, а биографии великих людей мотивируют к развитию и самосовершенствованию.

В коей мере литературные произведения ответственны за формирование мировоззрения – вопрос, звучащий сегодня как нельзя более актуально и болезненно, занимает и мысли Натальи Червинской. Что мы, граждане «самой читающей страны в мире», смогли или не смогли вынести из литературного наследия? Почему написанная два столетия назад и разобранная на цитаты пьеса «Горе от ума» остается по-прежнему злободневной? Отчего мы в который раз, с болью и горечью, восклицаем вслед за Лермонтовым: «Прощай, немытая Россия!»?

Выражая и отражая эпохи и персоналии, книги прежде всего являются документальным свидетельством интеллектуальной жизни писателя, проводником в вечный (в смысле запечатленного момента времени или мысли), не прожитый или, напротив, очень похожий на твой мир, прикосновение к которому открывает новые горизонты познания. В результате, не книги, а их выбор и осмысление определяет менталитето-образующий эффект, производимый текстами. Вся проза Натальи Червинской именно об этом – о выборе и личной ответственности за его принятие.

Юлия Баландина

А. Кан. Главные песни XX века. От Дикселенда до хип-хопа / М: Издательство АСТ, 2021. 400 с.

В русской литературе подобной книги еще не было, и если поставить ее на некую условную тематическую книжную полку, то по соседству окажутся лишь собрание эссе «Песни нашего века» (1999), посвященных авторской/бардовской песне, да сборник пьес Людмилы Петрушевской «Песни XX века» (1988). Они созвучны названию книги Александра Кана, но на этом родство, естественно, и заканчивается.

Что касается англоязычных книг, то внешнее соответствие таких классических сборников, как *Books That Every Music Lover Should Read*, *The Popular*

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 402

Song Reader, *The Best Songs Ever* не вызывает сомнений. При одном «но»: книга, о которой дальше пойдет речь, написана не только известным джазовым критиком, журналистом, уже больше 25 лет постоянным обозревателем по вопросам культуры Би-Би-Си, но и культурологом, и знатоком литературы. Как характеризует его Борис Барабанов, музыкальный обозреватель российской газеты «Коммерсантъ», «Александр Кан – легенда русскоязычной музыкальной журналистики. Борис Гребенщиков называл его «Оби-Ван Кеноби Петербурга», знающим «код жизни». Популяризатор джаза и авангарда, соратник Сергея Курёхина и Джоанны Стингрей, после переезда в Англию в 1996 году Кан продолжал создавать радиопрограммы и книги, которые помогали русскоязычному меломану ориентироваться в актуальной музыке»[1].

В аннотации к «Главным песням XX века» сказано, что в ней «культурный, исторический и политический портрет века показан через историю популярной песни, каждой из которых посвящена отдельная глава». Прочитав все главы, я хотел бы добавить к портретным характеристикам определение «поэтический». В книге приведены тексты великих песен прошлого века, а поскольку выстроены они в хронологическом порядке, то в ней отражены и некие этапы в развитии англо-американской поэзии – от ритуального классического спиричуэла «Когда святые маршируют» («Там, наверху, я увижу Спасителя, / кто избавит душу мою от греха / и распростертыми объятьями встретит меня, / когда святые взойдут туда») до поэтических шедевров Джима Моррисона, Дэвида Боуи, Эминема, Пола Саймона, Леонарда Коэна, Лу Рида, лауреата Нобелевской премии по литературе Боба Дилана...

…Люди склоняются и молятся
Сотворенному ими неоновому богу.
И вдруг высвечивается знак,
И в знаке том слова, и они говорят:
«Слова пророков написаны в подземных переходах
И на стенах наших жалких жилищ,
И шепот их слышен среди звуков тишины»
Пол Саймон, The Sound of Silence[2]

В недавней статье о полифонии поэтики и джаза, Кан отмечает: «...невиданная в поэзии XIX века свобода стиха поэтов ‘джазового века’ Эзры Паунда, Т.С. Эллиота, Эдварда Каммингса, Карла Сэндберга – результат столкновения многих факторов, и джаз в их числе занимал не последнее место»[3]. Безусловно, джазовая ритмика, синтез стилей, неизменные импровизации внутри «джазового квадрата», перенос ударения в музыкальной фразе на слабую долю, что стало общей практикой еще со времен рэгтайма, не говоря об атональных и аритмичных фри-джазовых композициях, начиная с 1950-х, не могли не произвести впечатления на англоязычных поэтов.

В свою очередь, поэзия битников, калифорнийской L=A=N=G-U=A=G=E School или американских поэтов-объективистов возвращалась в рок-музыку и рэп (этимологически, одно из определений RAP – Real American Poetry) в виде песенных текстов, с непростой лингвистикой, уникальной фразеологией, рваной ритмикой и усложненной строфикой, центонностью, неологизмами и скрупулезным учетом годами отрабатываемых постмодернистских поэтических практик.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 403

Отбрось все свои мысли, отдайся пустоте
Это сияние
Любовь – это всё и любовь – это все
Это знание
Слушай цвет
своих снов
Это не жизнь
Играй в игру «Существование» до конца
С начала

Джон Леннон, Tomorrow Never Knows

К слову, о современных поэтах американской L=A=N=G-U=A=G=E School в Советском Союзе стало, курьезным образом, известно благодаря музыке. В 1983 году в Ленинград по приглашению Александра Кана, который в те годы был председателем ленинградского авангардного Клуба Современной музыки при ДК им. Ленсовета, приезжает фри-джазовая группа из Сан-Франциско *Rova Saxophone Quartet*. Гастроли снимали на кинокамеру, а по возвращении джаз-бэнда в США, о поездке был показан фильм на телеканале PBS. Согласитесь: редкая (если не единственная) американская группа в середине 1980-х могла долететь до СССР[4].

Одного из музыкантов звали Ларри Окс (Larry Ochs), он оказался мужем поэтессы из L=A=N=G-U=A=G=E School Лин Хеджинян (Lyn Hejinian), о творчестве которой и узнает поэт Аркадий Драгомощенко, познакомившись в Ленинграде с Ларри. Так завязались многолетние поэтические связи между поэтами калифорнийской «Языковой школы» и несколькими ленинградскими поэтами из литературного «Клуба 81». А Хиджанян в дальнейшем выпустила в Америке двухтомник текстов Драгомощенко в ее переводах на английский.

Отмечу, что эта авангардная поэтическая школа, которой близка русская футуристическая традиция, оказала наименьшее, на мой взгляд, влияние на тексты американских и английских песен – в силу специфической фонетики, образности, идущей нередко в ущерб формальной логике повествования, неприятии норм поэтизации с лирическим героем во главе, традиционного словообразования и лексической сочетаемости. В приведенных же в книге Кана песенных текстах особо обращает на себя внимание то, что мы имеем дело с традиционно-поэтическим. Расхожее мнение, что песенное либретто – не поэзия, а лишь нечто более-менее сюжетное, прилагаемое к музыкальной фразе, противоречит текстовым подборкам в «Главных песнях XX века». Кроме музыкальных заслуг, вероятно, они потому и главные, что литературная составляющая в большинстве своем не уступает музыкальным достоинствам.

Очевидно, влияние современной поэзии на известные песенные тексты можно рассматривать в двух парадигмах: поэзия битников и американский поэтический объективизм. Первое не нуждается, практически, в пояснениях – рок-поэзия не могла пройти мимо борьбы за сексуальную свободу и либеральные права, политического активизма, «антиядерного движения», да и самих пророков контркультуры, занявших нишу в американской литературе между эпическим Уолтом Уитменом и Марком Стрендом с Чарльзом Симиком, «поэтами безмолвия», по определению И. Бродского.

После – поэтически вызывающих и политически взывающих текстов Керуака, Корсо, «энвайроменталиста» Генри Снайдера и Роберта Крили,

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 404

принадлежавшего еще и к поэтической школе *Black Mountain poets*; Лероя Джонса (Иману Амири Барака), который был, к тому же, музкритиком; Майкла Макклура, близкого друга Джима Моррисона из культовой рок-группы *Doors*, и Боба Кауфмана по кличке «Черный би-боп», поскольку его творчество вдохновлялось джазом. Вероятно, за примерами не надо бы далеко ходить, а достаточно одного – современник/сверстник всех перечисленных Боб Дилан, чьи песенные тексты являются примером литературы высокой пробы, и кто, в свою очередь, не только был связан с бит-движением, но и оказывал влияние на самых легендарных ныне его поэтов.

Нас бесконечно пытаются принизить
Просто потому, что мы есть.
Всё, что они делают, – мертво и безжизненно.
Надеюсь, я сдохну, прежде чем состарюсь.

Мое поколение,
Да, это мое поколение…
Пит Таунсенд, My Generation

Скорей всего, наибольшее влияние на американскую песню в XX веке оказал объективизм. «Традиционный объективизм заключается в том, чтобы относиться к стихотворению как к объекту – без какой бы то ни было рефлексии, с минимальным использованием тропов и способностью поэта ясно смотреть на окружающий, да и на внутренний мир. Рациональное, вдумчивое письмо, в котором эмоции высказаны, скорее, средствами монтажа, нежели метафорами, междометиями, свойственными романтизму лирическими описаниями или символистскими аллегориями»[5]. В прямом смысле, по жанру здесь больше вербатима (правдивости, диалогичности, репортажности), чем художественности/изобразительности. Поэты-объективисты У. Карлос Уильямс, Эзра Паунд, Луи Зукофски, Чарльз Резникофф были в чем-то близки битникам, поднимая в текстах проблемы социума и экономики, выказывая интерес к политике и, не теряя эстетической целостности, были не чужды гражданского высказывания. В то же время, особая поэтическая оптика (вроде: «как много /значит / красная тачка / покрытая глазурью / дождя / среди этих белых / цыплят»[6]), кажущаяся простота повествования, которая подчеркивает обыденность происходящего, явленную при минимальной затрате поэтических средств («Крупная молодая простоволосая женщина / в переднике / С гладко зачесанными волосами / стоит на улице / Кончик одной ноги в чулке / касается тротуара / Туфлю она держит в руке. И смотрит / внимательно внутрь / Вытаскивает бумажную стельку / хочет нащупать гвоздь / Который давно мешает ей»[7]) родственна ряду песенных сюжетных текстов, всегда отчетливых на фоне песенной музыкальной гармонии. В чем-то в духе традиции имажизма с его внезапной, в то же время бытовой образностью.

А вот пожарный с песочными часами.
В кармане у него – портрет королевы.
Он все время драит свою пожарную машину.
Она всегда должна быть наготове.
А за приютом, прямо на перекрестке
Симпатичная медсестра продает маки для петлиц.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 405

Ей кажется, что она в пьесе,
А ведь и вправду…
Пол Маккартни, Penny Lane

Объективисты сосредотачивались не на внутреннем мире, а на вполне обыденных предметах мира внешнего, с точно расставленными при этом экзистенциальными акцентами, но без лишних эмоций и личных оценок. Доступным языком. В духе подачи информации, как в теленовостях: дикторская подводка, картинка на экране с текстом за кадром, возможен «журналист на выезде», поясняющий с места события, что же произошло – и переход к другой новости. Без драматизации. Несколько отстраненно, с соблюдением хронометража и поставленной дикцией, о какой бы при этом трагедии ни шла речь («Один старый человек вез дрова, / найденные на месте дома, который снесли. / Это не запрещалось. И было холодно. / Командир эсэсовцев увидел его / и спросил, откуда дрова. / И старик ответил: из того дома, который снесли. / Начальник достал пистолет, / приставил дуло старику к горлу / и выстрелил»[8].). И уже на другом материале, в иной исторической эпохе, но владея схожим поэтическим инструментарием, рэппер Эминем выстраивает композицию – на скрытом нерве и шокирующую своим внутренним напряжением. Либо описательно-безучастный поначалу текст, фрейдистскую основу которого Александр Кан подробно разбирает в своей книге.

Кроме огромного объема информации, имен, цитат, сносок, исторических и культурных параллелей, авторских размышлений в «Главных песнях XX века», да еще и возможности отлично, развлекательно провести время (я находил песню в интернете, прослушивая ее многократно, пока не останавливался глазами на последней строчке в соответствующей главе), читатель получает ряд поэтических подборок, к которым эпитет «песенных» мало что добавляет по сути. Передвигаясь от одной главы к другой, мы приобретаем необычный опыт. И в то же время приходим к пониманию, что оказались внутри некоей пестрой панорамы, ландшафт которой состоит из застывших в разных временах, как насекомые в янтаре, поэтик, при этом место их обитания – не поэтические сборники и антологии, а «синглы» и LP, «винил» и нынешние цифровые звуконосители. Вы открываете страницу в книге, словно находите порядковый номер песни в альбоме, и слышите:

Быть может, над нами и есть Бог,
Но все, чему научила меня любовь:
Обидь того, кто обидел тебя.
И крик, который ты слышишь в ночи, –
Не крик того, кто увидел свет.
Это холодная, изломанная Аллилуйя.
Леонард Коэн, Hallelujah

Таким образом, книга Кана – это не только песенный, но и литературный травелог, нередко связанный, кроме непосредственно песенных текстов, с типичными историями влияния литературы на сочинение песенного текста. Как в случае с Мик Джаггером и шедевром Михаила Булгакова: «…вдохновленный булгаковским ‘Мастером и Маргаритой’, – пишет Кан, – Мик Джаггер создал манифест дьявольщины и песню-предупреждение».

В перечне «Содержания», даны краткие аннотации к каждой из 67 глав

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 406

(в большинстве своем, одна глава посвящена одной песне), даже поверхностный взгляд на которые позволяет определить, с каким книжным форматом в духе энциклопедии читатель имеет дело: «Как интимный разговор Леонарда Коэна с Богом постепенно терял религиозное содержание и превратился в универсальный общечеловеческий гимн»; «Как Джимми Пейдж и Роберт Плант создавали ‘Stairway to Heaven’, что стоит за ее смыслом, как они отбивались от обвинений в плагиате и почему так по-разному относятся к самой популярной песне своей группы»; «Как космическая тема вывела молодого Дэвида Боуи на орбиту мировой славы, посеяла зерно всего движения ‘новых романтиков’, прошла с ним через всю жизнь, и как его ‘космическая’ песня в конце концов улетела в космос», и так далее. В стиле мини-введения к каждому из песенных шедевров XX века. Любопытно, что в книгу, по волевому решению автора, не вошла ни одна песня, написанная по-русски и исполненная русской группой. Как объясняет Александр Кан: «Русская песня – огромное и невероятно значимое для русской культуры явление, достойное отдельной книги, в которой будет рассказано о лучших или, пользуясь принятой здесь терминологией, ‘главных’ ее образцах». Если такая книга будет написана, чего очень бы хотелось, не сомневаюсь, что аналогии между современной поэзией и песенными текстами в русской не только рок-, но и в лучших образцах поп-культуры, можно будет провести без труда. И здесь, надеюсь, предстоит еще отметить влияние не только поэтов Серебряного века, но и обэриутов, и метареалистов, и уже совсем не песенных, казалось бы, поэтов-лианозовцев и концептуалистов.

Но всё это – впереди. Пока же у русского читателя появилась уникальная возможность узнать об англоязычной песне в контексте мировой культуры массу исторического, интересного, интеллектуально насыщенного, интертекстуального, ибо сравнительный анализ и взаимовлияние внутри и вовне песенного творчества – неустанная авторская забота на всем протяжении книги. И с тем, что «Главные песни» сегодня заняли особое место не только в музыковедении, но и в литературоведении – с этим нас, читателей и меломанов, хочется от всей души поздравить!

Геннадий Кацов

---

1. *Б. Барабанов*. Столетняя волна. Нетрафаретная история поп-музыки в «Главных песнях XX века» Александра Кана. Газета «Коммерсантъ», стр. 4. №184 от 09.10.2021 https://www.kommersant.ru/doc/5027752
2. Здесь и далее приведены песенные тексты из книги «Главные песни XX века» в переводе с английского Александра Кана.
3. *А. Кан*. «Джаз и поэзия: опыт изучения» / Poetry magazine «PM 2» / London: Heritage Art Foundation, 2021. С. 38.
4. Эта история подробно рассказана в книге: *А. Кан*. Пока не начался jazz / СПб.: из-во «Амфора», 2008 год.
5. *Г. Кацов*. Д.К.: О Доме Культуры, который построил Дмитрий Кузьмин / Бельгия. Журнал «Эмигрантская лира», 2021. № 36.
6. *Уильям Карлос Уильямс*. Красная тачка. Пер. В. Британишского / Поэзия США / М.: «Художественная литература», 1982. С. 422.
7. *Уильям Карлос Уильямс*. Пролетарский портрет. Пер. В. Британишского / Американская поэзия в русских переводах XIX-XX века / М.: «Радуга». 1983. С. 245.
8. *Чарлз Резникофф*. Холокост. Цитата из поэмы «Гетто». Перевод с английского Андрея Сен-Сенькова / СПб: Порядок слов, 2016.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 407

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Ростислав Владимирович Полчанинов 1919–2022

В субботу, 8 октября 2022, после всенощной, в день памяти преподобного Сергия Радонежского, представился ко Господу раб Божий Ростислав. Через несколько часов, в русском Пантелеимоновом монастыре на Афоне, перед воскресной литургией, о. Серафим Ган, настоятель Св. Серафимовского храма в Си Клиффе (США), где Ростислав Владимирович был прихожанином, совершил первое его поминовение как усопшего на проскомидии.

Грустная весть многих застала врасплох. Несмотря на 103-летний возраст, до самого конца Ростислав продолжал быть активным; за пару дней до своей кончины он давал интервью. Сразу поступили сотни откликов, соболезнования, – из разных стран и организаций.

Родился Ростислав в Новочеркасске, 27 (14) января 1919 года, во время Гражданской войны, и в то время в Добровольческой армии пели Марш Алексеевского полка, слова которого можно назвать кредом его жизни: «В нас кровь отцов – богатырей, и дело наше право, сумеем честь мы отстоять, иль умереть со славой... Для блага Родины своей забудем всё на свете... Господь за нас, мы победим! Да здравствует Россия!»

Среди предков Ростислава Владимировича немало героев, Георгиевских кавалеров; род столбовых дворян Полчаниновых верно служил России пятьсот лет. Отец, Владимир Павлович, молодым офицером просился на фронт в Русско-японскую войну, но его назначили укреплять Кронштадтскую крепость, где он отличился, за что получил дар от Государя, который потом его пригласил к себе в Штаб Верховного главнокомандующего. После большевистского переворота 1917-го Владимир Павлович вступил в Добровольческую армию, где служил у ген. Деникина, а потом и у ген. Врангеля в Штабе Верховного главнокомандующего. Во время отступления из Московского похода ген. Деникина, зимой 1919-го, маленький Слава сильно заболел и был отправлен вместе с ранеными бойцами, с матерью и бабушкой, на лечение в Египет.

На последний бой Врангель позвал всех. Владимир Павлович просил семью вернуться в Крым, куда сам поехал из Новороссийска. Несмотря на предупреждения русского консула, что пока они доедут, в Крыму уже могут быть красные, семья вернулась. В последних боях за Перекоп был убит юный дядя Ростислава, Михаил Новгородский, который в 1917-м вступил в скаутскую дружину в Могилеве, а потом в Добровольческую белую армию. Ему полагался отпуск накануне боя, но он отказался.

В Белой армии сражались все народы Российской Империи, и с ней вместе они были в Великом Исходе. Семья Полчаниновых стала примером такого единства. Отец Ростислава был наполовину грузин, он говорил по-грузински, дружил с «Дикой дивизией» кавказцев; его жена была из известного грузинского рода Асатиани. Со стороны матери у Ростислава также итальянская кровь Бравура-Манини, рода, происходящего от римских патрициев Манлии. Родовой город Полчаниновых – Полоцк (ныне Беларусь).

На пороге Первой мировой войны, в 1913 году, двоюродный дядя

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 408

Ростислава, Николай Бравура-Манини, руководящий в Вене успешной разведывательной сетью в пользу России из славянских офицеров Австро-Венгерской армии, был арестован и расстрелян австрийцами. А Лавиния Бравура-Манини, одна из бабушек Ростислава, стала героиней романа Булата Окуджавы «Путешествие дилетантов». Дядя со стороны отца был поляк, генерал Российской Императорской армии Карницкий, русофил, кавалер многих орденов, впоследствии посланник Пилсудского у Деникина и Врангеля, в штабе которых встречался с отцом Ростислава. Узнав о предательстве Пилсудского, договорившегося с Лениным против Врангеля, он подал в отставку. То, что Ростислав был из такой семьи и вырос в такой среде, сильно повлияло на его мировоззрение и работу.

Покидая Крым, белые не «бежали», как внушала всем советская пропаганда, а отступали с оружием в руках – чтобы продолжить борьбу. «Борьба за Россию еще не окончена, она приняла лишь другие формы...» – потом заявил ген. Врангель. И этой борьбе Ростислав Владимирович посвятил всю свою жизнь.16 ноября 1920 года из Севастополя через Константинополь Полчаниновы уехали в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 года – Королевство Югославия), и в 1922 году поселились в Сараеве, где Слава вырос, ходил в русский детский сад, начальную школу и гимназию. Когда ген. Врангель посетил Сараевский кадетский корпус 22 сентября 1922 года, Славу, как самого младшего в детском саду, выбрали приветствовать Главнокомандующего с букетом цветов, он должен был сказать: «Вот Тебе, дядя, от русских детей». Высоченный генерал взял малыша на руки и поднял высоко над головой, и Славе показалось, что он летит... Это было первое публичное выступление Ростислава, а их в его жизни было множество. Он всегда выступал экспромтом, «без бумажки».

С самых ранних лет, слушая рассказы друзей отца, Слава мечтал стать кадетом. Но когда пришло его время, Сараевский кадетский корпус закрыли, и Славе пришлось идти в местную югославскую гимназию, а высшее образование он получил на юридическом факультете Белградского университета. Свое «место в строю» Ростислав нашел в скаут-разведческом движении. Представители российского движения выехали на кораблях Великого Исхода, потом был сформирован Национальный Союз Нового Поколения – из детей белых офицеров, членов Русского Обще-Воинского Союза (РОВС). Ростислав и его друзья – Борис Мартино и Святослав Пелипец – в феврале 1931 года сначала записались в Югославские скауты, так как в Сараево русских скаутов не было, но узнав из журнала «Нови скаут» о русской организации, стали «одиночными» русскими скаутами, и в апреле того же года вступили в Национальную организацию русских скаутов – НОРС, под руководством Олега Ивановича Пантюхова, основателя российского скаут-разведчества в 1909 году. Они быстро развили деятельность в Сараево. К ним примкнул босниец-мусульманин Малик Мулич, который так хорошо научился говорить по-русски, что все думали, что он русский татарин. Этих знаменитых «сараевцев», ставших ядром скаут-разведчества в Русском Зарубежье, о которых Ростислав Владимирович написал книгу «Мы – Сараевские скаут-разведчики, дети Белого движения», стали называть «Полчано» (Полчанинов и Мартино) и «Мулипец» (Мулич и Пелипец). В Сараево Ростислав также познакомился с украинцами, чьи предки-униаты были переселены австрийцами из Галиции в Боснию в

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 409

конце XIX века. С этими детьми Ростислав стал заниматься скаутской работой, одновременно изучая украинский язык, который дети забывали, пел с ними украинские песни, и они с Борисом начали издавать журнал «Розвідчик». Юные разведчики также стали членами общества «Русский сокол», частью панславянского движения, и на общесокольском слёте в Сараево в 1934 году устроили русским соколам блестящую встречу с цветами и приветствиями «Живела Русия!» (Да здравствует Россия!), которое подхватили все присутствующие. Сараевцы в разных концах Югославии устраивали летние скаут-разведческие лагеря, слеты, выставки, принимали участие в образовательных курсах. Ростислав и Борис Мартино издавали рукописные журналы, сочиняли песни и разрабатывали методику подготовки скаутских вожаков и руководителей. Ростислав написал листовку «Что такое разведчество» – она сыграла значительную роль в успехе работы в Югославии. Олег Иванович Пантюхов произвел Полчанинова в руководители, за работу его наградили орденом «Белого медведя», высшей скаут-разведческой наградой. Ростислав был самым молодым кавалером этого ордена; вторично он был награжден этим орденом в 1982 году Орденской думой ОРЮР.

В ряды Национального Союза Нового Поколения (НСНП, впоследствии – НТС) Ростислав вступил, когда ему было 17 лет. В газете НСНП «За Россию», которую Пантюхов советовал выписывать старшим членам НОРС-Р, он и его братья-разведчики нашли ответы на то, почему победили красные, а они, белые, оказались на чужбине, и как продолжать борьбу за освобождение России. Ростислав рассказывал, как он смотрел на звездное небо и думал, что эти же звезды светят над его любимой родиной, которую он даже не помнил, но куда страстно стремился всеми силами.

В сентябре 1937-го Полчанинов окончил гимназию и поступил в Белградский университет на юридический факультет. Учился он заочно, как и многие – до закрытия университета немцами в апреле 1941-го; одновременно он стажировался в канцелярии фирмы «Юго-челик» (Югославская сталь). Став вместо Бориса начальником Сараевского отряда, Ростислав стал преподавать предмет «родиноведение» в Воскресной церковной школе и вскоре развернул там отряд в дружину. В следующем году Сараево посетил Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви митрополит Анастасий с чудотворной иконой Курской Коренной Богоматери, иконой Белой эмиграции. Владыка прибывал вечером из Белграда, и настоятель Сараевской русской церкви поручил 19-летнему Ростиславу, как начальнику дружины скаутов-разведчиков, собрать вечером на вокзале детей и молодежь для встречи. Слава быстро организовал несколько десятков ребят, которые в форме стояли вдоль всей дороги – от железнодорожной станции до гостиницы «Европа». Митрополит Анастасий ехал в гостиницу в машине и из окна благословлял ребят. Это им запомнилось на всю жизнь.

Православная вера всегда была важной частью жизни Ростислава Владимировича. В детстве он и Борис Мартино прислуживали в храме. Ростислав особенно любил Пасхальную службу, и даже когда ему было далеко за 80, в Страстную неделю простаивал все 12 Евангелий на коленях. Все тяжелые испытания он переносил с большим смирением, часто повторяя и в радости, и в горе: «На всё воля Божья!» – и благодарил Господа даже за мелочи. Когда на праздновании своего 100-летнего юбилея его спраши-

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 410

вали, что он мог бы посоветовать для того, чтобы дожить до такого возраста и остаться в активном состоянии, он отвечал: «Надо Богу молиться!». Уже на смертном одре, страдая, когда ему должны были на ночь дать успокаивающее от кашля лекарство, он сказал: «Сначала молиться!» – и это были его последние слова…

Во время Великого поста, 6 апреля 1941 года, немецкие войска и их союзники напали на Королевство Югославия, в эти предпасхальные дни православный народ Сербии понес свои первые потери во Второй мировой войне. Начался подпольный период деятельности, так как нацисты запретили все скаутские организации. НТС, выбрав путь «третьей силы», призывая бороться одновременно как против нацистов, так и против большевистского режима, рекомендовал своим членам не участвовать в гражданской войне, которая началась в оккупированной Югославии, а ехать в Германию – якобы на работу, оттуда бежать и пробираться в Россию через Варшаву, чтобы в тяжелое время быть вместе с русском народом. Несколько сараевцев отправились в этот опасный путь после Рождества 1942-го, продолжая подпольную скаут-разведческую работу. Ростиславу удалось договорится с начальством Национальной Организации Русской Молодежи (НОРМ) и скаутов-«витязей» Русского студенческого христианского движения (РСХД), согласившихся дать прикрытие подпольной скаут-разведческой организации, об их присоединении. Ростислав обещал «витязям», что старшая ветвь его организации будет называться «витязями», с их символикой – что и было исполнено.

Ростиславу удалось нелегально перейти границы и попасть в Россию, в оккупированный Псков. В Псковской Миссии большинство священников было из Прибалтики, с советскими паспортами (Прибалтика была оккупирована СССР в 1939-м). Белых эмигрантов на оккупированную территорию немцы не пускали, и при выходе из поезда Ростислава сразу арестовали из-за отсутствия советского паспорта; первую ночь на родине Ростислав провел в тюрьме. Неизвестно, что могло с ним случиться, но его отпустили на следующий день, так как у него было направление к миссионеру – священнику Георгию Бенигсену. Миссионеры не только духовно окормляли народ, но создавали приюты и старались помогать военнопленным; некоторым даже удавалось помогать партизанам. В Миссии Ростислав стал преподавать Закон Божий и вести подпольную скаутскую работу с детьми. «Преподавание Закона Божьего в Пскове и работа с ребятами – это была моя борьба против большевизма, борьба за Россию. Ведь Псковская Миссия, по сути дела, заставила Сталина прекратить гонение на Церковь, открыть храмы, разрешить выборы Патриарха.» О Псковской Миссии при содействии Ростислава Владимировича позднее было издано много материалов, а в 2008 году в России выпущен художественных фильм «Поп».

В 1944 году в Пскове Ростислав женился на Валентине Петровне Наумовой, из репрессированной семьи; она тайно была связана с партизанами. С наступлением Красной армии пришлось эвакуироваться в Ригу, где Ростислав стал администратором в Русском комитете, продолжал вести подпольную скаут-разведческую работу с детьми; за ним следили и немцы, и латыши. Он опять попал в тюрьму на Страстной неделе за то, что заступился за русских, не знавших латышский язык. Его обвиняли в хулиганстве и агитации. В Светлую Субботу его отпустили – спас хорватский паспорт и юридическое образование; Пасха встречалась семьей с особой радостью.

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 411

Под конец войны, в 1945-м, семья переехала из Риги в Вену, оттуда в Тюрингию, где Ростислав провел последний подпольный курс для скаут-вожаков. Когда село Нидерзахсверфен, где жили русские Ди-Пи, было взято американцами, скаут-разведчики вышли из подполья. В селе с помощью Ростислава работа быстро развивалась, была основана первая разведческая дружина, устроена русская школа, выпускался журнал. В День Св. Георгия, который совпал с Пасхой, был устроен парад, куда пригласили американских офицеров. В строю стояли старые шелковые знамена Сараевского и 2-го Белградского отрядов, скрываемые всю войну от немцев. Американцы, которые почти все были скаутами у себя на родине, глазам не верили! Они прошли всю Францию и пол-Германии и нигде не встречались со скаутами, к тому же русскими.

Так как по договору Тюрингия должна была войти в советскую зону оккупации Германии, весь лагерь 9 июня 1945 двинулся на запад, в Американскую зону. Но американский комендант сообщил советскому офицеру о прибытии туда русских, и утром прибыли советские грузовики забирать всех «советских». К счастью, у друга Ростислава, бывшего кадета Болдырева, и нескольких других, было оружие – то был единственный случай вооруженного отпора проводимой советским правительством насильственной репатриации.

До отбытия в США в 1951 году Полчанинов с семьей жил в Германии в Ди-Пи лагерях Менхенгофе, около Касселя, и Шляйсхайме, около Мюнхена, где он работал в лагерной администрации, потом в администрации YMCA-YWCA. И в Германии, и в США Ростислав Владимирович по-прежнему занимался скаут-разведческой работой, основывал отряды, проводил курсы и лагеря, организовал Комитет скаутских организаций Кассельского района, устраивал выставки, издавал журналы и бюллетени, включая «У костра», «Опыт», «В помощь руководителю», «Страницы истории», «Разведчик», «Справочник по истории ОРЮР Организации российских юных разведчиков»; организовал разведческую почту, поддерживал скаутов народов России, уехавших с Белой эмиграцией (например, калмыков), некоторое время возглавлял Союз югославских скаутов; многие годы успешно устраивал и расширял сотрудничество с иностранными скаутами как средство борьбы с русофобией. В течение своей долгой службы в рядах скаутов Полчанинов находился на ведущих должностях организации, переименованной в 1945 году на съезде 4-6 ноября в Мюнхене в Организацию Российских Юных Разведчиков (ОРЮР). Он был начальником Западно-Германского отдела, начальником Главной Квартиры, председателем Главного суда чести, начальником Северо-Американского Отдела ОРЮР в США, главой Сектора истории. С1959 года Ростислав Владимирович по заданию НТС вел переписку с коллекционерами в СССР и, одновременно, посылал специальную литературу НТС и Православного дела. Ему удавалось привлечь к этому даже своих американских сослуживцев-рабочих, когда он в начале новой жизни в США работал на фабрике, как и большинство приехавшей из Европы русской интеллигенции. Но Ростислав и в это время писал статьи в эмигрантских газетах, а с 1967-го работал на Радио Свобода.

В 1988-м, в год тысячелетия Крещения Руси, стали проявляться некоторые обнадеживающие перемены в Советском Союзе; Полчанинов стал посылать в СССР, а после 1990-х – в Россию, литературу ОРЮР и

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 412

«Русского Сокола». В Черноголовке, недалеко от Москвы, была основана дружина ОРЮР, общество «Русский Сокол» – в Москве, которые приняли участие в первом после падения коммунизма сокольском слете в Праге в 1994 году. В мае 1990-го Ростислав Владимирович организовал в Москве выставку о Русском Зарубежье, содержащую около 1000 экспонатов. Устроитель Первого Всесоюзного съезда по скаутингу пригласил Ростислава Владимировича участвовать в ноябре того же года в этом знаменательном мероприятии, где был создан АВОРС – Ассоциация возрождения российского скаутизма. Так как Ростислав еще числился «врагом народа», и о нем продолжали писать пасквили в советской прессе, его представителем поехала дочь Людмила вместе с Олегом Олеговичем Пантюховым, сыном основателя российского скаут-разведчества. Наконец, в 1992 году Полчанинов смог приехать на родину, где участвовал во Всероссийских Курсах начальников отрядов ОРЮР в Гатчине.

В тяжелые для России 90-е годы, несмотря на лишения и потрясения, шло возрождение веры, возвращение ценностей исторической России, и Ростислав помогал всем, чем мог. Мечта «сараевцев» сбылась, и последний «сараевец», Слава Полчанинов, до последних дней своей жизни советами, материалами и периодическими изданиями оказывал помощь дружинам и отрядам ОРЮР в России и других странах, поддерживал братские организации, посылал книги и другой материал в библиотеки, архивы и музеи. Его многолетняя педагогическая деятельность в церковно-приходских школах в Европе и США включала преподавание, составление пособий, учебников, в их числе – уникальная «История Русской Америки». Сотрудничая со многими авторами научных работ, Ростислав предоставлял им свои материалы, а также писал многочисленные рецензии, в их числе – на Гарвардскую этническую энциклопедию; был одним из главных сотрудников Славянского отдела Нью-Йоркской библиотеки. Благодаря интересу с раннего детства к коллекционированию и истории он стал знатоком в филателии, нумизматике, открытках. Он был специалистом по «русской теме», о чем писал в своих изданиях «По русским улицам Парижа, памятные места и путеводители», «Русские названия городов Америки» и т.д. В свое время Полчанинов вел «Уголок коллекционера» в газете «Новое русское слово» и передачу с тем же названием – на радио «Свобода»; там же вел программу «Духовная музыка» и заведовал музыкальной библиотекой. Был автором более двух тысяч статей на самые разные темы в известных газетах и журналах в США, Южной Америке, Европе, Австралии и России, был автором книг «Заметки коллекционера» (1988), «Молодежь Русского Зарубежья. Воспоминания 1941–1951» (2009), «Мы – Сараевские скауты-разведчики, дети белого движения» (2015), и почти закончил мемуары, охватывающие период от 1951-го и до последних дней. Ростислав Владимирович никогда никому не отказывал в сотрудничестве и всем помогал бескорыстно. Помимо скаут-разведческой работы и деятельности в НСНП-НТС, соколах, общественная деятельность Ростислава Владимировича включала активную работу в Конгрессе русских американцев, одним из основателей которого он был, Русской Академической группе в США, в Пушкинском обществе, Благотворительно-просветительном обществе «Отрада», в Российском обществе русской филателии «Россика», и других. Ростислав Владимирович также был известен как один из ведущих историков Русского Зарубежья. Он активно

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 413

сотрудничал с Домом Русского Зарубежья в Москве, в 2002 году был консультантом и снимался в документальном фильме Российского Фонда Культуры «Русские без России – Русский выбор», а в 2020-м – в документальном фильме Конгресса Русских Американцев о Великом Исходе из Крыма в 1920 году. Свое последнее интервью он дал порталу Православие.ру, рассказав о всех семи Первоиерархах Русской Зарубежной Церкви за границей. За день до кончины интервью было опубликовано, Полчанинов успел его услышать. Предчувствуя близкий уход, Ростислав Владимирович сказал, что, посвятив России всю свою жизнь, несмотря на сегодняшнее тяжелое время, он свято верит в ее великое будущее.

После кончины Ростислава Владимировича семье написал его близкий друг, крупный историк Русского Зарубежья в Югославии, Алексей Борисович Арсеньев: «Завтра буду в Белграде, поставлю свечку в русском храме Св. Троицы у могилы ген. Врангеля и помолюсь за новопреставленного». Раб Божий Ростислав всегда говорил: «На всё Божья Воля!» – и не боялся смерти. Символично, что Канон отхода души прочитал о. Александр Крассовский, тоже член ОРЮР, знавший Ростислава с1979 года. Ростислав Владимирович представился, когда рядом сидели горячо любящие его дочь Людмила и внук Юрий. Отпевание прошло в Св. Серафимовском храме 16 октября, где служил вернувшийся с Афона о. Серафим (Ганн) с двумя священниками соседних храмов, а панихиду и похороны на кладбище монастыря Ново-Дивеево на следующий день возглавил новый Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей митрополит Николай (Ольховский), которому сослужили четыре священника. О. Серафим посыпал в гроб землю Новочеркасска, где Ростислав родился. Много лет тому назад ему привезли эту землю, и он просил так похоронить себя. Григорий Голицын, начальник дружины «Царское село» созвал разведчиков ОРЮР, некоторые из них приехали из Вашингтона проститься и отдать честь Славе; в форме скаутов, со знаменем, они пропели скаутскую «Прощальную». Когда гроб опускали в землю, на небе появился огромный сокол, который, сделав несколько кругов над могилой, взлетел далеко ввысь...

Соболезнования родным и близким покойного выразили организации: ОРЮР, Камчатский Скаутский Центр, Авангард-НОРД Русь, Витязи НОВ, Разведчики НОРР, Русский Обще-Воинский Союз РОВС, Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына, Конгресс Русских Американцев, Благотворительно-просветительское обществе «Отрада», Международный Союз Дворян, Белое дело, Белое движение, Русское просветительское общество им. Императора Александра III, Военно-исторический клуб «Аванпостъ», Двуглавый Орел, Православие.ру, Русский Мир, Издательство «Посев», «Новый Журнал», газеты «Русская Жизнь» и «Новый Меридиан», известные деятели культуры, искусства, политики, журналисты, блогеры; было получено множество личных соболезнований. Вечная память!

Людмила Полчанинова-Селинская

* * *

Человек столетия – этим именем чествуют выдающихся людей, прославивших век своими достижениями в культуре, политике, науке. Но никто из отмеченных славой не может сказать о себе, что он и есть – ЕГО

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 414

СТОЛЕТИЕ! Что все победы и трагедии его века, все испытания и достижения, – это и есть ЕГО ЖИЗНЬ!

Ростислав Владимирович Полчанинов... Вся его жизнь проходила на переднем плане российской истории. Он родился в 1919 году в семье белого офицера. Свои детские и юношеские годы провел в эмиграции в Югославии. Он стоял у истоков русского скаутского движения в эмиграции; с 1936 года Ростислав включился в борьбу Национально-Трудового Союза Нового Поколения (НТСНП/НТС); вместе со своими друзьями-младоэмигрантами разрабатывал стратегии и тактики борьбы с коммунизмом. В начале 1940-х годов Ростислав координировал работу организаций русских скаутов в Чехии, Германии, Польше; от НТС работал в Псковской Православной Миссии.

Судьба Ростислава Владимировича – это и судьба русского дипийца. Первые послевоенные годы он провел в лагере для перемещенных лиц «Менхегоф», где находились центр НТС и издательство «Посев». Работая в издательстве, он начал собирать книги, печатавшиеся дипийцами, собрав за свою жизнь огромную бесценную коллекцию. В 1951 году Ростислав Полчанинов переехал в США. Работал на фабрике, потом – на Радио Свобода. Всю свою жизнь Ростислав Владимирович не расставался с пером. Ему принадлежат многочисленные статьи, книги и исследования по истории русской эмиграци; на протяжении десятилетий, по последнего месяца жизни, он был автором «Нового Журнала», со страниц которого рассказывал правдивую, не выдуманную историю жизни и борьбы Русского Зарубежья в XX веке. Как сказал певец русской эмиграции, поэт Иван Савин:

Да взлетят белокрылые латы!
Да сверкнет золотое копье!
Я, немеркнущей славы глашатай,
Отдал Господу сердце свое...

Всю свою бурную жизнь Ростислав Владимирович активно занимался общественной деятельностью. Он стоял на передовом фланге, оставаясь верным заветам Белого движения.

Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.
Они в самом тебе.

(*А. С. Пушкин*)

И когда мы говорим о заслугах и достижениях Зарубежной России, мы имеем в виду и заслуги Ростислава Владимировича Полчанинова. Он достойно прошел свою дорогу свободы.

«Новый Журнал», его корпорация, редакционная коллегия и редакция, выражают соболезнования родным и близким покойного. Вечная слава! Вечная память!

«Новый Журнал»

The New Review / Novyi Zhurnal is the oldest continuously published Russian-language literary quarterly

The New Review Inc. gratefully acknowledges the support of our loyal friends:
Patrons: Association of Russian-American Scholars in the USA; Russian Nobility Association in America; The Tcherepnine Society; Prince Nikita D. Lobanov-Rostovsky;
Benefactors: Eli & Ludmila Flam Living Trust; Mrs. Larisa Vulfina & Mr. Yan Vulfin;
Sponsors: American-Russian Aid Association "Otrada".
Fellows: Mr. A. Nemirovsky; Mr. Ara Moussaian; Mr.&Mrs. S. Pinkhasov.
The complete list of Fellows & Friends see at: https://newreviewinc.com/fundraising-2022

It requires the support of loyal friends for year 2023:

Patron – $ 5,000 and up
Benefactor – $ 2,000 and up
Sponsor – $ 1,000 and up
Fellow – $ 500 and up
Friend – $ 100 and up

The Internal Revenue Service has determined that The NEW REVIEW, Inc. is a tax-exempt organization and a «public charity» pursuant to the provisions of the Internal Revenue code 501 (c) (3). Contributions to The NEW REVIEW, Inc. are tax-deductible under the provisions of section 170 of the code.

Checks must be made payable to

THE NEW REVIEW
1216 Broadway, 2nd floor
New York, NY 10001

НАШИ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Москва, Россия: Андрей Красильников – 111024 Москва, а/я 61
Санкт-Петербург, Россия: Евгений Голлербах – тел.: 7-921-940-0421
Париж, Франция: Виталий Амурский: vitaly.amoursky@ gmail.com
Израиль: Марина Кособок-Полонски: Polonskybooks@gmail.com

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ» в 2023 году можно купить в магазинах:

Librairie du Globe: 67, Bd. Beaumarchais 75003 Paris, France
Polonsky Books: Haifa, Huri Street, 2, Migdal ha Nevi'im, Israel;+972 55 968 24 16
На сайте журнала через PayPal (кнопка: Подписка)
Вы можете оформить электронную подписку на журнал. Подробности на сайте: www.newreviewinc.com (кнопка: Подписка)

#309-01-02-23_#259.qxd 1/3/2023 12:53 PM Page 416

STATEMENT OF OWNERSHIP, MANAGEMENT AND CIRCULATION 2022

1.Publication title – The New Review Inc. /The New Review
2.Publication No. – 596680
3.Filing date – [as published]
4.Issue frequency – Quarterly
5.Number of issues published annually – 4
6.Annual subscription price – $ 80.00
7.Complete mailing address of known office of publication – 1216 Broadway Floor 2, New York, NY 10001
8.Complete mailing address of headquarters or general business office of the publishers – 1216 Broadway Floor 2, New York, NY 10001
9.Names and complete address of publisher, editor, managing editor:
Publisher – The New Review Inc., 1216 Broadway Floor 2, New York, NY 10001-4482
Editor/Managing Editor: Marina Adamovitch, 1216 Broadway Fl.2, New York, NY 10001-4482
10. Owner – The New Review Inc., 1216 Broadway Floor 2, New York, NY 10001
11. Known bondholders, mortgagees, and other security holders owning or holding 1% or more of total amount of bonds, mortgages, or other securities – None
12. Tax status (For completion by nonprofit organization authorized to mail at nonprofit rates). The purpose, function, nonprofit status of this organization and the exempt status for federal income tax purposes: Has not changed during preceding 12 months
13-14. Issue date for circulation data: The New Review; September issue (09/15/2022)
15. Extent and nature of circulation

	Average # copies each issue during preceding 12 months	#Copies of Single Issue Published Nearest of Filing Date
a/ Total number of copies	**400**	**400**
b/ Paid circulation (by mail and outside)		
(1) Mailed Outside County Paid Subscriptions Stated on PS Form 3541 (incl. paid distribution above nominal rate, advertiser's proof copies, and exchange copies)	**106**	**101**
(2) Mailed In-County Paid Subscriptions Stated on PS Form 3541	**18**	**15**
(3) Paid Distribution Outside the Mails (Incl. Sales Through Dealers and Carriers, Street Vendors, Counter Sales, and Other Paid Distribution Outside USPS	**142**	**135**
(4) Paid Distribution by Other Classes of Mail Through the USPS (e.g. First-Class Mail)	**62**	**60**
c/ Total Paid Distribution (Sum of 15b (1, 2, 3, 4)	**328**	**311**
d/ Free or Nominal Rate Distribution (by mail and outside)		
(1) Free or Nominal Rate Outside County Copies included on PS Form 3541	**0**	**0**
(2) Free or Nominal Rate In-County Copies included on PS Form 3541	**0**	**0**
(3) Free or Nominal Rate Copies Mailed at Other Classes (USPS /e.g. First-Class Mail)	**25**	**23**
(4) Free or Nominal Rate Distribution Outside the Mail (Carriers or other means)	**16**	**15**
e/ Total Free or Nominal Rate Distribution (Sum of 15d (1, 2, 3, 4)	**41**	**38**
f/ Total Distribution (Sum of 15c and 15e)	**369**	**349**
g/ Copies not Distributed	**31**	**51**
h/ Total (Sum of 15f and 15g)	**400**	**400**
i/ Percent Paid ((15c / 15f) times 100)	**88.89%**	**89.11%**
16.Total circulation of electronic copies		
a/ Paid Electronic Copies	**43**	**46**
b/Total Paid Print Copies (15C+Paid Electronic)	**371**	**357**
c/ Total Print Distribution (15F+Paid Electronic)	**412**	**395**
d/ Percent Paid (Print+Electronic Copies)	**90%**	**90%**

I Certify that 50% of all distributed copies (Electronic and Print) are paid above a nominal price: **Yes.**
17. Publication of Statement of Ownership
If the publication is a general publication, publication of this statement is required. Will be printed in the 12/30/2022 issue of this publication: **Yes**.
Signature/Title of Editor, Publisher, Business Manager, Owner – Marina Adamovitch, Editor / Business manager 09/24/2022 22:34:50 PM